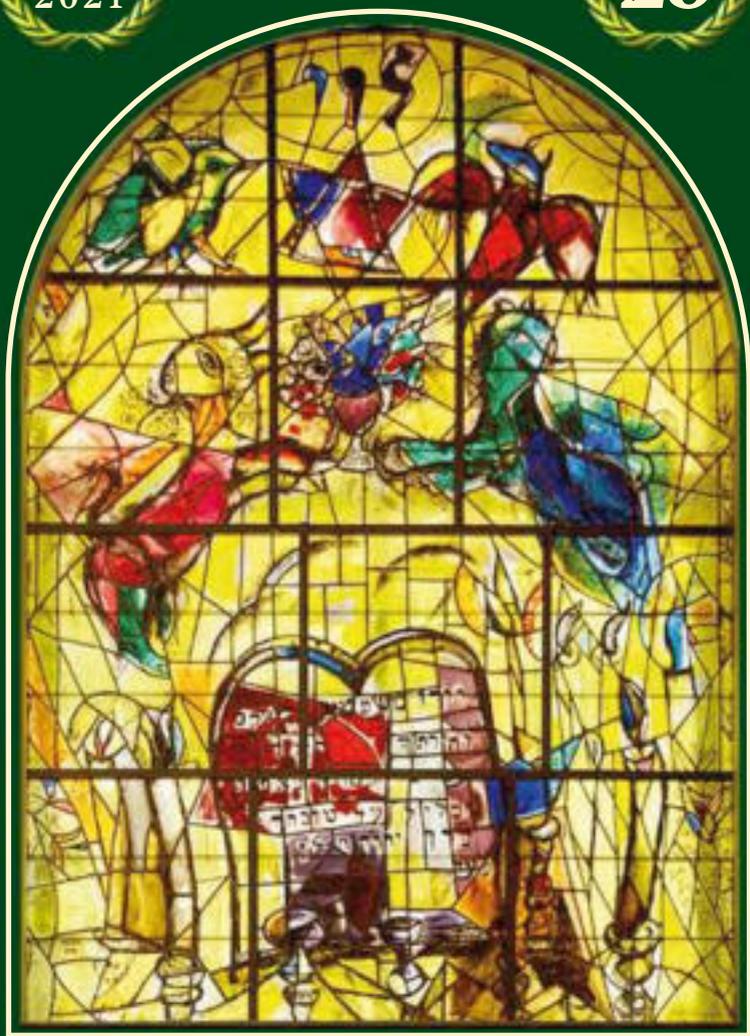

1997
2021

25

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ
ДО и ПОСЛЕ

Берлин · 2021

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ

ДО и ПОСЛЕ

Берлин • 2021

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ
ДО и ПОСЛЕ №25

Редакционная коллегия:
Леонид Бердичевский – главный редактор;
Анжелла Подольская;
Игорь Ильин;
Саади Исаков;
Генриетта Ляховицкая.

Дизайн и вёрстка:
Игорь Ильин.

На обложке и шмуцтитулах к разделам использованы
репродукции витражей синагоги
медицинского центра Хадасса в Иерусалиме
художника Марка Шагала,
созданные им в 1960 – 1962 годах.

На 1-й стр. обложки: Колено Левия.

На 2-й стр. обложки: Колено Неффалимово.

Поэзия, проза, драматургия: Колено Асирово.

Публицистика, мемуары, эссе: Колено Вениаминово.

Новые переводы: Колено Рувимово.

Статью о жизни и творчестве художника см. на стр. 263.

ISBN: 978-3-926652-81-2

*Произведения, представленные
на страницах Альманаха,
публикуются в Берлине впервые.*

*Рукописи не возвращаются
и не рецензируются.*

*© Все права на материалы Альманаха
принадлежат авторам и редакции,
их использование не допускается
без обязательной ссылки на Альманах.*

Берлин • 2021

Альманах создан Берлинским Клубом Литературы и Искусства.
Das Almanah ist vom Berliner Klub der Literatur und der Kunst
geschaffen.

Адрес сайта Клуба в Интернете под названием
«Клуб Литературы и Искусства. Альманах До и После»:
<http://www.litklubberlin-doiposle.de>

Die Adresse Webseite des Klubs im Internet unter dem Namen
«Der Klub der Literatur und der Kunst.
Der Almanach DAVOR UND NACHDEM»:
<http://www.litklubberlin-doiposle.de>

Der Klub der Literatur und Kunst
bedankt sich ganz herzlich
der Jüdischen Gemeinde zu Berlin
für die Unterstützung bei der Herausgabe
des Literarischen Almanachs «Davor und Nachdem» № 25

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ

Четверть века!

Из нумерологии можно почерпнуть, что число «25» наделяет его обладателя разнообразными дарованиями, в том числе: интеллектом, мудростью, философским взглядом на жизнь и врожденной склонностью к добру.

Это всё с огромной долей истины присутствует в литературно-художественном Альманахе «До и После», который празднует свой юбилей. За четверть века – Двадцать пять томов!

У *Альманаха* – много ипостасей. Он – живой организм, проживший большую творческую жизнь. У него сложился свой стиль, свой почерк, своя концепция, выработанная за два с половиной десятилетия.

Это, своего рода, – очаг, который собирает вокруг себя творческую, пишущую интеллигенцию. Всё это доказало его жизнеспособность и утвердило в глазах читателей. Он способствует тому, чтобы мир оставался разным – цветным, ярким и мозаичным, а не однотонным, выдуманным, виртуальным.

Альманах «До и После» – неотделим от Клуба Литературы и Искусства, создание которого в 1997 году инициировали Анжелла Подольская, Генриетта Ляховицкая и Леонид Бердичевский при Берлинском отделении Центральной Благотворительной Организации Германии (ZWST) под руководством Иосифа Варди.

На протяжении всех этих лет – радость еженедельных встреч, во время которых происходят постоянные беседы о литературе и искусстве, представление авторами своих новых произведений, коллективное их обсуждение. Это и творческие находки, и разочарования, наши улыбки, порой, – слёзы, весь спектр человеческих эмоций. Каждый готов выслушать и похвалу, и критику, что помогает овладению секретами и навыками мастерства. Многолетние встречи стали некой *добровольной школой*, в которой постоянно совершенствуются те, кто пишет уже давно, где начинающие получают первые уроки и возможность увидеть свои произведения, опубликованными в ежегодном *Альманахе «До и После»*.

Во всех выпусках *Альманаха* увидели свет произведения более, чем двухсот восьмидесяти авторов. Одни из авторов *закрепились в Альманахе* на долгие годы, другие – *растворились* во времени.

Актив Клуба подготавливает и проводит: презентации очередных, изданных, выпусков *Альманаха* и отдельных тематических сборников; организует общие и персональные литературно-музыкальные творческие вечера членов Клуба; выставки художественных работ, выполненных авторами.

Члены Клуба участвуют в выездных выступлениях перед читательской аудиторией в Берлине и других городах Германии.

За 25 лет произошло естественное обновление нашего коллектива. Нас радует каждый новый автор, которому Клуб оказывает бескорыстную творческую помощь. Клуб объединяет людей вне зависимости от происхождения, руководствуясь только уровнем их дарования.

Однако вернёмся к нашему *детищу* – *Альманаху* «До и После».

Об истоках...

Литературно-художественный *Альманах* «До и После» сыграл важную роль *своеобразного моста* в литературе «Четвёртой волны», соединяющего литературу в целом с литературой русского зарубежья и еврейской диаспоры. Это позволило *Альманаху* найти читательскую аудиторию, не только в Германии, но и выйти за её пределы. Он стал известен и читаем в России, Израиле, Америке и в некоторых странах Европы

Эмиграция... *Жизнераздел, судьбораздел*. Нас – немолодых людей, с высшим образованием, с большим творческим потенциалом (математиков, инженеров, художников, музыкантов, режиссёров и пр.), «донесла» «Четвёртая волна» эмиграции до берегов Шпрее.

Некоторые прежде были членами творческих союзов. Память о том, что было «До», и острота впечатлений «После» превращалась и превращается в строки мемуаров, прозы, поэзии...

Возможно, кто-то скажет, что *Альманах* «До и После» не является *новым словом* в литературе. Мы готовы возразить...

По своей сути, культура XXI века мало изменилась, человеческие ценности остаются прежними, хотя несколько меняются их очертания. Для подавляющего числа людей главным товаром становится информация. В наш «турбулентный» век мир вплотную приблизился к новому переосмыслению. Глобальная компьютеризация и прочие технические достижения, бесспорно, двигают человечество вперёд, создавая иллюзию суперпросвещённости и сопричастности ко всему миру.

К счастью, существуют люди, не столь подверженные техногенной эйфории, для которых Литература всё ещё играет первостепенную роль. В этих условиях многократно возрастает роль культуры, её проводников, в том числе, литературных журналов, творческих встреч, задача которых «...сохранение *Души* мира, этой тонкой субстанции, сотканной из языковых культур и внутреннего мира индивидуума».

Этой задаче служит и наш *Альманах*. Он старается формировать эстетический вкус, расширяя кругозор и мировоззрение читателя, создавая морально-нравственные ориентиры. Характерной чертой *Альманаха* «До и После» является ориентация на интеллектуального читателя.

В целом, Литература должна объединять людей, которые ещё не забыли, что такое – «**Книга**». Правда, «Книга» книге – рознь. Не у каждой складывается «роман» с Литературой. У *Альманаха* «До и После» он сложился.

В *Альманахе* публикуют прозу, поэзию, публицистику, эссе и переводы люди, прожившие большую часть своей жизни в бывшем СССР, и осмысливающие своё существование, истинность предназначения, выплёскивающие свой жизненный опыт в эмиграции. Особенное обстоятельство, связывающее многих авторов *Альманаха*, – их национальность. Большинство из них – *русские* евреи, и у них, по замечанию одного из исследователей: «... общность характера на почве общности судьбы...» Об авторах *Альманаха* можно сказать и словами Варлама Шаламова: «...Выстраданное собственной кровью выходит на бумагу, как документ души...»

То, что евреи продолжают жить в стране, которую нацизм хотел сделать «юденфрай», способствует толерантности и демократичности.

Рождение» и «взросление...

Первый том *Альманаха* издан в 1997 году, в складчину, эмигрантами «Четвёртой волны», той группой немолодых людей с высшим образованием и высоким творческим потенциалом, о которой сказано выше. После создания Клуба Литературы и Искусства издание *Альманаха* стало ежегодным (с 2012 года издание продолжилось при спонсорской поддержке Еврейской Общины Берлина). Рассказывая о современной жизни эмигрантов, об истории жизни прошлых поколений, *Альманах* сохраняет для потомков память о них.

Главный, самый большой, его раздел – «Поэзия и Проза». В нём – живая, первоначальная *литературная ткань*. С каждым годом *Альманах* становился всё солидней, увеличивалось число его авторов. Позже появились разделы: «Публицистика. Мемуары. Эссе» и «Новые Переводы».

Последний знакомит читателя с новыми именами. Так, стараниями членов Клуба по-русски «заговорили» те, кто творил на идиш, на немецком, польском, французском, испанском... Среди переведённых – произведения лауреатов Нобелевской Премии по литературе: Германа Гессе, Виславы Шимборской, Чеслава Милоша, Гюнтера Грасса, Нелли Закс, Герты Мюллер.

В разделе «Публицистика. Мемуары. Эссе» публикуются статьи, которые часто касаются *острых, злободневных* тем или повествуют о малоизвестном.

В *Альманахе* № 8, в год двухлетия со дня смерти выдающегося писателя XX века – Фридриха Горенштейна, фактически не признанного на Родине, впервые опубликовано его эссе «Тайна, покрытая лаком». Мы были его современниками, читателями, слушателями на его творческих встречах и чтениях в Берлине.

С этого же номера *Альманах* оформляется работами малоизвестных или забытых еврейских художников. На его обложках и страницах появлялись репродукции их рисунков, экслибрисов, акварелей, а в разделе «Публицистика. Мемуары. Эссе» – интереснейшие историко-искусствоведческие заметки с обзором их жизни и творчества. Это превратилось в традицию, сохраняемую во всех последующих номерах *Альманаха*, что позволило создать *галерею мастеров искусства*, творчество которых отражает жизнь еврейства. В разделе «Публицистика, мемуары, эссе» юбилейного выпуска можно познакомиться с этой *своеобразной* художественной галереей.

Но при оформлении Юбилейного, Двадцать Пятого тома *Альманаха* «До и После», мы нарушили многолетнюю традицию. Он проиллюстрирован работами одного из величайших еврейских художников XX столетия – Марка Шагала, творчество которого мы считаем *планетой* Шагала.

В некоторых томах *Альманаха* печатались материалы, посвящённые разгрому фашизма, – появлялись работы, передающие глубину трагедии русского еврейства, размышления об уникальной судьбе еврейского народа, его *прошлом, настоящем и будущем...*

С годами *Альманах* становился всё значительней. Название «До и После» постепенно обрело более ёмкое, чем первоначальное значение, связанное лишь с эмиграцией. Широчайший спектр имён и событий *прошлого и настоящего*, упоминаемых и описываемых в *Альманахе*, охватывает огромный период от средневековья до наших дней.

В течение **четверти века** небольшая избранная редакционная коллегия училась, «без отрыва» от собственного творчества, всему тому, что осуществляется обычно профессиональными редакциями издательств: отбору произведений, многократной корректуре и редактуре, художественному оформлению и т.д.

При рассмотрении предлагаемых для публикации материалов, редколлегия всегда руководствуется не личным дружеским расположением к автору, а исключительно уровнем литературного и лексического строя произведения. Целью редакционной работы являлось не увеличение объёма книжного блока за счёт *случайных* материалов, взятых у *случайных* авторов, а создание такого *Альманаха*, который отвечал бы лучшим традициям, выработанным за четверть века.

При этом *Альманах* никогда не впадал в снобизм и, по мере возможности, придерживался старого китайского принципа: «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ».

Об отдельных тематических сборниках...

За прошедшие годы параллельно с *Альманахом* Клуб издал пять отдельных тематических Сборников:

«Скрипач из гетто» (стихи поэтов, узников концлагерей и гетто.

Берлин, 2002 г.);

«Скрипач из гетто» (стихи поэтов, узников концлагерей и гетто. Второе, расширенное издание. Берлин, 2005 г.);
«Еврейские мотивы» (Берлин, 2011 г.);
«Еврейские мотивы» (с новыми, оригинальными произведениями. Берлин, 2015 г.);
«На еврейской стороне улицы» (Берлин, 2018 г.), изданный при поддержке Союза Писателей Межнационального Соглашения ФРГ.

«Скрипач из гетто» – стихи поэтов, узников концлагерей и гетто, впервые переведённые на русский язык членами Клуба – дань нашей памяти коллегам по перу, погибшим или чудом пережившим Холокост. Оба издания посвящены 60-летию восстания в Варшавском Гетто.

21 сентября 1939 года была подписана инструкция о необходимости собрать всё еврейское население в специальные гетто крупных городов, чтобы в недалёком будущем переместить всех к «конечной цели» – для уничтожения в концлагерях. В апреле 1943 года в Варшавском Гетто, в котором проживало 500 тыс. человек, вспыхнуло организованное восстание. Оно продолжалось несколько месяцев, и было жестоко подавлено. Уцелевшие были депортированы в концлагеря и уничтожены. Полноправными участниками восстания стали и поэты Варшавского Гетто. Их стихи, превращённые в песни, распевались узниками гетто, со стихами на устах многие шли на смерть.

В подборе произведений-оригиналов для перевода на русский язык Клубу оказали неоценимую помощь, как частные лица из Израиля, Варшавы, Кракова, Берлина, так и научные сотрудники архивов Исторического еврейского музея Варшавы и фондов целого ряда библиотек. Кроме того, были использованы стихи авторов из гетто, которые опубликованы в книге «Der Fiedler vom Getto» (Verlag Reclam, Leipzig, 1985).

В обоих изданиях Сборника «Скрипач их гетто» переводы осуществлены с языков идиш, польского, немецкого. Эти Сборники стали своеобразным *литературным памятником* трагедии еврейского народа в годы Второй Мировой войны, а работа, проделанная Клубом, была гражданским долгом перед памятью замечательных поэтов, перед их трагической судьбой.

В 2011 году Клубом Литературы и Искусства был издан Сборник «Еврейские мотивы в произведениях современных берлинских авторов». В нём *«говорит»* само Время – от ветхозаветного и недавнего *прошлого* до современного – *настоящего*.

Авторы Сборника, обращаясь к истории *древнего времени*, пытались сохранить для *будущего* память о близком трагическом *прошлом* и непростом *настоящем еврейского народа*.

В 2015 году Клубом был издан значительно расширенный, второй выпуск Сборника «Еврейские мотивы». Участники Сборника сами не ожидали, что

новое издание вместит такое обилие тем, такую россыпь мыслей, стилей, образов и литературных находок. Год выхода Сборника – 70-летие Победы над гитлеровским Рейхом и освобождения Освенцима.

Девизом к его созданию была мысль: «Никто и никогда больше не сумеет сделать это – мы должны успеть сохранить, запечатлеть для *будущего* нашу память о *прошлом и настоящем*».

В 2018 году Клуб Литературы и Искусства издал книгу «На еврейской стороне улицы», которая является результатом творчества авторов Клуба – литераторов «Четвёртой волны» эмиграции, живущих последние 25 лет в Германии, преимущественно – в Берлине.

Как мы, авторы, пришли к осмыслению необходимости такой книги именно здесь – в Германии? Ответ прост и одновременно сложен. Мы считали необходимым оставить потомкам свидетельства эпохи, в которой нам выпало жить. И не только нам, а также ушедшим поколениям наших предков. Это наш долг перед их памятью.

Трагическая тема книги пронизана мыслью:

«Не отрывайтесь от своих корней./Не забывайте о своих истоках.

Поверьте: с ними станет жизнь ясней./В их величавой музыке и строках».

Всё в книге: и заглавие «На еврейской стороне улицы», и титульный лист, и содержание – подчинено единой теме – еврейству, его прошлому и настоящему. Эта Книга – наше дыхание, наша боль, наше вдохновение. Она – уникальна и выдержала пять презентаций.

Первые две прошли в Берлине в мае и июне 2018 года. Первая была инициирована Союзом Писателей Межнационального Соглашения ФРГ, при поддержке которого книга была издана. Она состоялась в картинной галерее «Anphea e.V.» на Bundesallee 160 в рамках формата «West-östliche divan 2.0. Dialog statt Monolog».

Встреча проходила в виде дискуссии на русском и немецком языках. Были затронуты важные вопросы интеграции русскоязычных авторов в немецкую культуру. Прозвучали произведения авторов на русском языке, много стихов немецких поэтов на языке оригинала и их переводы на русский.

Вторая презентация прошла в библиотеке на Фазаненштрассе 78/79. Она была ориентирована на русскоязычного слушателя.

Последние три презентации (также по инициативе Союза Писателей Межнационального Соглашения ФРГ) состоялись в августе 2018 года в трёх городах Израиля: Иерусалиме, Афуле и Кирият-Бялике, собравшие большое количество гостей.

Темой встреч был «Еврейский вопрос в Европе XXI века», хотя ограничиться только новым периодом этой древнейшей темы не удалось. Презентации проходили в формате «Жизнь и политика неразделимы», а также «На еврейской стороне улицы или еврейский *туник* Европы».

После презентаций появились статьи в израильской прессе. В них говорилось о том, что книга «На Еврейской стороне улицы», в произведениях которой отражена вся глубина восприятия жизни, юмор, свойственный еврейскому народу и его абсолютный слух к истине – уникальный *литературный памятник*, создающий неповторимый портрет народа с *загадочной «еврейской стороны улицы»* Европы – Восточной и Западной, куда авторы пригласили читателя заглянуть, чтобы он смог лично познакомиться с малоизвестным ему миром, приоткрыв тайну другого бытия. На этих встречах гостей интересовала судьба «еврейской улицы» в Германии и, в целом, – Европы, чтобы «еврейская улица» не превратилась в «еврейский переулок» или даже – в «еврейский тупик».

Книга «На Еврейской стороне улицы» была торжественно передана директору Иерусалимской Государственной библиотеки.

В том же году она была представлена на Книжной Ярмарке во Франкфурте на Майне.

Востребованность Альманаха и других изданий Клуба...

Все тома литературно-художественного *Альманаха* «До и После» и отдельные тематические издания Клуба Литературы и Искусства нашли своего читателя:

- в Еврейском Музее Берлина (запрошенные у Клуба музеем по собственной инициативе);
- в еврейских общинах Германии;
- в Американской библиотеке Берлина;
- в Главной Национальной библиотеке России, в Москве;
- в Национальной библиотеке им М. Е. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге;
- в Национальной библиотеке Украины им. В. И. Вернадского, в Киеве;
- в библиотеке «Суббота у Бегемота» музея М. А. Булгакова в Киеве;
- в культурных центрах Москвы и Санкт-Петербурга, Иерусалима и Тель-Авива, Германии, Украины, Франции;
- в Институте Еврейских Исследованиях в Иерусалиме;
- в библиотеке им. Л. Н. Толстого в Мюнхене;
- в библиотеке издательства «Литературный европеец» во Франкфурте на Майне;

И, наконец:

– в Главной Государственной библиотеке Германии (Staatsbibliothek zu Berlin - Preußischer Kulturbesitz / Прусское культурное наследие, am Potsdamer Platz). Руководитель Отдела восточно-европейской литературы, Олаф Хаман, был рад возможности составить полный комплект изданий Клуба Литературы и Искусства. Стремление одной из крупнейших библиотек мира иметь в фонде

полное собрание *Альманаха* «До и После» и отдельных тематических изданий Клуба Литературы и Искусства не случайно. Оно подтверждает важность сохранения литературно-художественных свидетельств, созданных, в основном, еврейскими авторами – современниками уходящих в прошлое, часто трагических, событий истории.

О качестве *Альманаха* можно судить по письменному отзыву известного искусствоведа, автора нескольких монографий, доктора наук, в прошлом – зав. отделом в «Русском Музее» в Санкт-Петербурге – Эры Кузнецовой:

«...Дорогие члены клуба, давно ставшие своими, родными, читаемыми в разное время суток.... Вы, как всегда, соорудили огромный труд, многоплановый, разнообразный, с учётом разных вкусов и желаний.... Вам доступно всё: строгий, повествовательный рассказ и нежная лирика, открытие новых имён, ситуаций и интересные поиски... Читать Вас надо внимательно, долго, серьёзно... Это не легкомысленное чтиво, это серьёзная и глубокая литература... и анализировать её надо по законам настоящей и большой литературы... А это требует знаний, времени, глубины анализа, и дай Вам Бог такого же компетентного и вдумчивого читателя, какими Вы являетесь сами...»

Деятельность Клуба Литературы и Искусства началась в конце прошлого века и продолжается в XXI-ом. Результаты этой деятельности, материализованные в тридцати изданных книгах, неизменно востребованы читательской аудиторией и *временем...*

Альманаху «До и После» – 25 лет. Он выполнил свою миссию своеобразного моста в литературе «Четвёртой волны», соединяющего литературу в целом с литературой русского зарубежья и еврейской диаспоры.

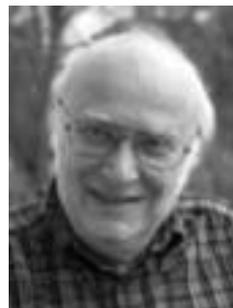
Дорогие читатели! Альманах «До и После» прощается с вами. На смену ему придёт *Новый Альманах*, с другим названием, возможно, с другим составом редколлегии. Деятельность Клуба Литературы и Искусства продолжается...

Редакционная коллегия *Альманаха* «До и После»

ПОЭЗИЯ • ПРОЗА • ДРАМАТУРГИЯ

ЛЕОНИД БЕРДИЧЕВСКИЙ

ПАН ЮЗЕФ

Юзек осиротел в четырнадцать. В одночасье ушли из жизни родители, а сестёр и братьев Господь нё дал. Остался один в мире суеты и безразличия. Сосед, пан Климчак, взял в ученики в портняжную мастерскую. Юзек добросовестно постигал мастерство и через три года самостоятельно кроил и шил верхнюю мужскую одежду. Пан Климчак был доволен и даже поручал ему работу для привилегированных клиентов.

Спустя два года часть Польши, где жил Юзек, оккупировали немецкие войска, и пан Климчак сказал ему:

– Тебе двадцать, подумай о спасении. Мне негде тебя спрятать. Соседи знают, что ты – еврей, и сдадут в гестапо.

Неизвестно как, но в начале сорокового года Юзек появился в нашем городе. Поначалу, его посадили в камеру предварительного заключения. По словам Юзека, терзали его около месяца: проверяли, допрашивали, били, требуя признания в шпионаже. Потом гражданин начальник городской милиции запер его в комнате, куда принесли швейную машинку и приказали шить костюм. За три дня, с одной примерки, костюм был готов. Гражданин начальник остался доволен. Костюм сидел, словно акушерка его приняла в нём. Ходатайство о снятии с Юзека подозрений удовлетворили, устроили на работу в театр. Он стал шить костюмы для спектаклей по эскизам художников.

Через год началась война. Театр, и с ним Юзек, были эвакуированы в Сибирь. Три года он шил костюмы к спектаклям, а иногда – для местного начальства.

В начале сорок четвёртого театр возвратился домой. Мастерство Юзека заметил военный с *крупными* звёздами, назначив его руководить большим ателье пошива индивидуальной одежды для командного состава гарнизона.

Ателье в первом этаже в большом доме. На фронтоне – вывеска: «Ателье пошива мужской одежды имени товарища Суворова». Вывеска просуществовала с полгода, пока какой-то умник не настучал городскому начальству, что Суворов – не товарищ, а граф. Вывеску заменили на новую: «Ателье имени генералиссимуса Суворова», а в прихожей повесили копию картины Сурикова: «Переход Суворова через Альпы». Народ узнал, что кроме главного генералиссимуса был ещё и какой-то другой.

Кроме Юзека, сотрудники – женщины. В тяжёлое послевоенное время женское население испытывало дефицит в мужчинах. Война отняла многих. С появлением Юзека сотрудницы приободрились: косметика, причёски и другие женские хитрости. Одна из женщин привлекла его внимание. Причин было много: стройная и элегантная Гражина была полькой, беседовала с Юзеком только по-польски. Всякий раз приносила домашнюю еду. Её сыну, Сташеку, было пять лет. Худой, белобрысый, с гла-зами цвета полированной стали, молчаливый и угрюмый. Юзеку сразу же сообщили, что отцом ребёнка был немецкий офицер, сбежавший с отступ-пающими войсками.

Спустя год в ателье пришли люди в настораживающей форме с ордером и увели Гражину.

За сотрудничество с оккупантами её приговорили к десяти годам. Сташек остался с Юзеком, которого стали называть паном Юзефом. Время летело – Сташек и Юзеф скучали по Гражине. Юзефу удалось узнать о месте её ссылки. Он съездил туда, пообщался с начальником и, воспользовавшись его советом, поехал в Москву. Через полгода Гражина заняла своё место в ателье.

Мастерство Юзефа привлекало всё больше клиентов среди весомых и обеспеченных людей. Со временем, он оплатил первый взнос за кооперативную квартиру, купил машину, дачу. Они зажили на *широкую ногу*. Гражина стала часто, подолгу исчезать из дому. Юзеф нервничал. Однажды, не выдержав, спросил:

– Куда ты всё ходишь?

– Хожу, куда хочу, – с вызовом ответила она. – Не думай, старый жид, что я должна отчитываться.

Юзеф спокойно ответил:

– Действительно, старый жид. Ты права – меня это не касается.

Спустя месяц Гражину нашли мёртвой на окраине города. Был найден убийца. Ходили слухи: «Кто-то с кем-то не поделил любовь...»

Вскоре Юзеф с усыновлённым им Сташеком репатриировались в Израиль.

ФОТОГРАФИЯ

Пятница. Короткий рабочий день. Тридцатилетие Наташи отмечали всем отделом. После шампанского съели по куску торта, выпили чай, пожелали здоровья, счастливой семейной жизни и разошлись. Домой не хотелось. Листва сменила цвет. Листопад только начался. Тишину нарушали щебет птиц да редкие автомобильные сигналы. «А что дома? Некому ждать – привыкла к одиночеству. Вот, только завтра, к родителям – традиционно отмечать день

рождения. Придёт ехидный сестрёныш с Бориском и крохой. Постоянные напоминания мамы о возрасте, о том, что пора заводить ребёнка. Без мужика – невозможно. Брат в детдоме – лотерея, мало ли какие гены? Но, что поделаться? Придётся идти».

По дороге к дому – ресторанчик. «Съесть полный обед, что ли?» Свободен угловой столик. Принесли заказ. Суп был вкусным, горячим. Подняв голову, увидела мужика, который жадно поглощал пищу. Рядом – сумка на колёсах. Мелькнуло: «Жена выгнала». Встретились взглядами.

– Тоже в командировке? – выплеснул на одном дыхании. – Или надоело готовить?

Она пожала плечами. Рассчиталась.

Из ресторана вышли вместе.

– Вам далеко, можно провожу? – спросил полусёпотом.

Кивнула. Шли молча. К дому... К лифту... В квартиру вошёл следом за ней.

– Завтра домой возвращаться... У тебя рюмки есть? – мужик перешёл на «ты». – В кофре бутылка молдавского, нашего... – За знакомство. – улыбнулся он.

Поставила рюмки... Выпили...

Утром проснулись в одной постели... Вышли на улицу... Мужик кивнул и направился к такси...

Сын родился в срок. Назвала Петей, в честь школьной любви. Отчество и фамилию дала свои.

Никто не задавал вопросов. Только Петя в шесть лет спросил:

– Где мой папа?

Ответила шаблонное – первое, что пришло в голову:

– Лётчик, погиб при испытании новой модели.

Прошло восемь лет. На работе предложили путёвку в Болгарию. Для оформления документов нужны фотографии. В фотоателье, ожидая очередь, разглядывала стенд с фотографиями. Внимание привлекло фото мужчины в лётной форме. Сняла его и бросила в сумку, не осознавая для чего. Отдыхая в Болгарии, думала об этом. В голове созрел план.

Дома, показала фотографию Пете:

– Твой отец.

– Надо купить рамку, повесить на стену, – обрадовался сын.

Так и сделали.

Незадолго до окончания восьмого класса Петя заявил:

– Хочу стать лётчиком, как папа. Я записался в кружок по подготовке к прыжкам с парашютом.

Руководил кружком Михаил Ильич – опытный лётчик, списанный в за-пас по состоянию здоровья. С месяц Петя присматривался к нему и неожиданно заявил:

– Вы – мой папа. Вы не погибли?!

Михаил Ильич, улыбнувшись, ответил:

– По возрасту ты мог бы быть моим сыном. К сожалению, у меня никогда не было детей. И не могло быть... Извини...

Спустя какое-то время Петя сказал Михаилу Ильичу:

– Мы с мамой приглашаем Вас в гости. Приходите в воскресенье, вот адрес.

В глазах мальчика было столько мольбы, что Михаил Ильич согласился. Он пришёл с традиционным шампанским и тортом. Наташа об этом ничего не знала.

Беседовали о разном... Взгляд Михаила Ильича остановился на его собственной фотографии на стене. Он молча перевёл взгляд на Наташу... Она ничего не ответила. Когда он собрался уходить, пошла проводить. На улице спросила:

– Почему вы не требуете объяснений?

И рассказала о том, как фотография попала в их дом.

Конец этой истории, возможно, банален... Спустя некоторое время, захав за Наташей, Михаил Ильич спросил:

– Наташа, Вы нравитесь мне. И к Пете я привязан. Хочу стать его отцом. Ведь он заслужил?

– Именно такого, – согласилась Наташа.

Снова – осень, и листопад на исходе...

ПОЭТ И ДОЖДЬ

Осень шла к финалу, не в её привычке, – сдаваться. Круглосуточно шёл дождь, пел «Реквием» по осени, то отряхиваясь, то издавая бравурные звуки. Он летел вниз, поблёскивая и слегка вздрагивая, заполняя вмятины асфальта, и стыки брусчатки. Опавшие листья создавали необыкновенную ковровую вязь. Помогал им в этом ветер, меняя направление дождя, его ритм, с чем дождь милостиво соглашался. Дождь смывал с земли человеческие следы, запахи, вынуждая людей укрыться под навесами.

Один человек шёл спокойно навстречу дождю и ветру...

Его плащ, словно парус, – распахнут, казалось, он ловил им ветер.

Его взгляд из-под стёкол-иллюминаторов был направлен к графике веток, к их переплетению, пропускавшему лоскуты серого неба. Затем взгляд скользил по коре деревьев, умытой от пыли и грязи. Он замечал муравьёв, ищущих пристанище в расщелинах коры.

Его величали Поэтом. И, действительно, он был им, сколько помнил себя. Любил дождь с его капризами, дождь был страстью, источником вдохновения. Таково состояние души Поэта.

Иногда он забегал в вестибюль станции метро или в подъезд, лихорадочно записывая подсказанные дождём строки. Затем направлялся домой, переносил записи в компьютер. Проснувшись среди ночи, правил вечерний текст, мысленно благодарил дождь за творческое дыхание, за подсказанные рифмы, сюжеты.

Он почитал дождь и называл его величайшим Поэтом. Утром, настойчиво стуча в оконные стёкла, дождь снова приглашал его к себе.

– Сейчас, сейчас... – шептал Поэт. – Только не прекращайся, у нас с тобой впереди ещё целая вечность...

БАЛЛАДА О ШУМАНЕ

Композитор Роберт Шуман
был чудак.
Дарование и ум он
тратил так:

Среди ночи, сняв с постели
сна обман,
заносил его он трели
в нотный стан.

Тут же, вдохновеньем взвинчен,
сбросив спесь,
шнапса выпивал графинчик
залпом весь.

Появлялась на пороге
Клара Вик
и бросала взгляд свой строгий
в тот же миг:

–Ты с ума сошёл, – кричала
среди тиши.
– Выпил с Музами я малость,
для души,

но зато, мотив для песни
сочинил.
Он тебе, мой друг прелестный,
будет мил.

–Хватит, – Клара отвечала, –
мой кумир.
Бутерброд съешь с чашкой чая,
и гарнир.

Съел до крошки Роберт Шуман
стих, как песнь...
Тихо, не икнув, он умер
в сорок шесть.

Шутку с ней сыграл такую
второпях...
Двести лет с тех пор пирует
в небесах.

БАЛЛАДА СУДЬБЫ

Воздух ветром разлохмачен, –
запах кислый, серый вид.
Им утерян след удачи,
на ветру его знобит.

За свою покорность ветру,
как за подчиненье злу,
он на каждом километре
измельчается в золу...

Так и я: судьбе покорен, –
что она творит со мной?

Резанёт под самый корень,
и скрипит: «Не падай! Стой!»

Или же, закружит лихо,
сбросив в суету сует,
словно я – блаженный вихрь,
и погасит белый свет.

Так она со мною шутит
сутками, – без выходных,
видно нрав такой у судеб,
чтобы прямо бить под дых.

Только так, а не иначе –
в зимний холод, в летний зной...
Воздух ветром разлохмачен,
я – навек своей судьбой.

ГРЁЗЫ

Ловились грёзы в сети вдохновенья, –
значителен улов, –
и принимались в виде поощренья,
взамен потока слов.

Плывя в мозгах, они искали выход, –
свой соблюдали ритм.
И медленно, иль молодецки лихо
меняя цвет и вид.

То вдруг их обволакивала ленно, –
боязнь суеты, –
и отдохнув на выдохе, мгновенно
снимали с уст мечты.

Одумавшись и рассуждая здраво,
опять пускались в путь,
глотаю неудачи, как отраву,
не мысля отдохнуть...

И так живут они во мне, иль рядом,
как радость и беда, –
воображеньем или водопадом, –
во всём, везде, всегда.

СУТЬ

«... дойти до самой сути.»

Б. Пастернак

Путь к сути долог и извилист –
он может привести в тупик.
В нём важен каждый шаг и миг,
и гнев судьбы, и Божья милость.

Он неожиданностей полон:
в нём – радость, грусть и торжество,
благополучие и голод, –
неуспокоенность его.

Путь подчеркнёт нелепый случай,
и слово, брошенное вскользь,
и принесёт урон и боль,
при этом многому обучит.

Затем он станет сутью самой,
и возвратит тебя к себе
по той извилистой тропе,
смешав комедию и драму...

БЕРЛИОЗ

Дождь прорвал завесу серого тумана
изгородью слёз.
И рыдает звуками из фортепьяно
Гектор Берлиоз.

Дождь стихает. Ветер гонит нервно тучи
с севера на юг.
Вдохновенью тему не придумать лучше,
возбуждая звук.

Небо прояснилось, стало ярким, чистым,
в нём простор для грёз.
Радо фортепьяно, – изменил регистр
Гектор Берлиоз.

Листья вылетают прочь из почек липких,
 пробудясь от сна.
 Вот и появилась с солнечной улыбкой,
 барышня-весна.

КАРУСЕЛЬ

Время кружит
 карусель циферблата.
 Мессу служит,
 приближая расплату.

Без отсрочки,
 всё, согласно лимиту.
 Вплоть до точки,
 откровенно, открыто,

коль осечку
 даст стальная пружина,
 рухнет в речку,
 как с крутого обрыва.

Визг свой еле
 Та издаст по щенячи.
 Карусели –
 конец. Что ж это значит?

К МОРФЕЮ

Прошу тебя, Морфей, я об одном:
 устрой мне отдых тихий, долгожданный,
 чтоб хитрой лестью, как небесной манной,
 не соблазнилась мысль перед сном.

А утром вновь вернусь я в суету,
 займусь опять, Бог весть, какую дрянью.
 И, вопреки, уж своему призванью,
 забуду, напрочь, про свою мечту.

Ну, а пока, прошу тебя, Морфей:
всё то, что за день накопилось всеу,
(учти, что часто я бываю буен),
как пыль над сновидением развей.

МОНОЛОГ СТАРОГО АКТЁРА

Шута играю, зрителям – забаву.
Суфлёра шёпот напрягает слух.
Ладоней грохот, хоровое «браво»,
Дыханье бьётся, как в сетях паук...

Былое нынче лишь присниться сможет,
коль память в сновиденье окуну.
А утро наградит холодной дрожью,
как будто в зное обнял я волну.

Та оглушит всего меня мгновенно,
чтоб в прошлое не возвращал я взгляд,
чтоб я не стал столбом солёной пены,
как Лотова жена, взглянув назад.

ВРЕМЯ МОЁ...

День издох на корню.
Он никчёмн был, тих и наивен.
Не оставил в душе ни зарубки,
ни даже следа.
Ночью в город свалился
с раскатом грохочущим ливень,
в лужах парков осталась
его дождевая вода.

Перепады судьбы
точно так же мне дарят сюжеты:
то улыбку, то грусть,
или мыслей рассыпанный прах.
И сознание грызут,
или льстиво подносят букеты,
иль бегут стороной,
не заметив меня, впопыхах.

Ты, о Время моё!
Помоги разобраться с собою,
чтобы смог одержать
над собой постоянный контроль.
Коль спелёнатый туго,
я жизни тяжёлой обоймой,
мог бы дальше продолжить дышать, –
ты мне это позволь!

КАК УДЕРЖАТЬ...

«Как удержать крупички дара? –
мысль озадачена. –
От суетливости нектара,
пусть – на обочине.

Вокруг не замечать ухабы,
и кучи нечисти,
потоки слёз, и слов похабных
с уст человеческих».

Надежда подсознание тешит
подсказкой версии,
как в крепкой кожуре орешка
найти отверстие.

На нём бы мысль успокоить,
с него и взыскивать...
Об этом бы подумать стоит,
чтоб только выстоять.

СЮРПРИЗ СНОВИДЕНИЯ

Ночь предназначена для сна,
и незачем мудрить лукаво.
Но вдруг любовную забаву
ко сну подбросила она.

Достала старую любовь,
чтоб ею окунуть в интригу,
как в недочитанную книгу,
и возвратить к былому вновь.

Воспоминания толчок,
и мысль фонарно засветилась.
Откуда мне такая милость,
из яркой юности глоток?

Иль сновидения урок?
При том, что всё, увы, забылось.

МЫСЛЬ И КРЕСЛО

Я часто в мысль погружён,
во мне она кружится всеу.
Но кресло к ней меня ревнует,
скрипучий издавая стон:

«К чему она тебе, скажи,
она ведь так непостоянна,
тебя бросает в суть дурмана,
свои устроив виражи.

Она повсюду и везде,
от пальцев ног и до макушки,
она прыгуча, как лягушки,
при радости, и при беде.

Прошу тебя, мой друг, уймись,
оставь к ней интерес и рвенье,
она – не символ вдохновенья,
в меня ты лучше погрузись.

Ты знаешь: я – твой верный друг,
твои я страсти успокою,
поверь, что многого я стою,
чтоб разделить с тобой досуг».

Что мысль? – Скопище интриг.
Ведь кресло, безусловно, право
(коль рассуждать логично, здраво!)
Мысль, – лишь мгновенье,
просто, – пшик.

ПОЭЗИЯ

(Сонет)

Тебя предчувствую всегда,
моя судьба, моя подруга.
И даже если ты без звука,
сквозь расстоянья, и года.

То ты, как солнце, то, как вьюга,
то тянешь явно в никуда.
Иль исчезаешь без следа,
искать тебя – сплошная мука.

То рядом ты, то еле зрима,
всегда подобна волшебству,
то, без оглядки мчишься мимо.

Тебя я тотчас призову,
и рифм цветов с тебя сорву,
хоть ты застыла в позе мима.

ДОСУЖИЕ ПРИЗНАНИЯ

Всегда есть выбор: радость иль печаль.
Зависит всё от брошенного взгляда.
Одним подай баян, другим – рояль.
С одним я – на ножах, с другим – за пани-брата.

Мне осень по нутру, другим – весна.
Одним – дожди, другим – солнцестоянье.
Одним – провалы в темень бездны сна,
день для других, – он суетой их манит...

А для меня лишь то, что по душе.
Я не гадаю на кофейной гуще,
Готовое не применю клише.
Сиеминутность мысли мне присуша.

Не ударяю пафосом слова,
И не беру в расчёт чужое мнение,
Оно мне всё равно, что трин-трава.
Я согласую жизнь с сердцебиением.

Да, выбор есть всегда, и неспроста.
Завершены досужие признанья...
Рот полон слов, не греет немота.
Благодарю судьбу я за вниманье.

БРЕД

Ни обморок души,
ни шёпот вдохновенья,
не смогут заглушить
надежды дуновенье...

Известно – это бред,
изыск воображенья.
Альтернативы нет:
надежда – призрак тени.
И мы по ней ползём
до точки невозврата,
и правда, боль и ложь
ни в чём не виноваты.

И если, наконец,
затеплится надежда,
сомненья червь-хитрец,
твой закроет вежды.
И обморок души
пройдёт, как не бывало,
сознание обяжи
начать мечтать сначала.

ЛУННАЯ ФАНТАЗИЯ

Катит по небу луна,
отмеряет километры.
Шёпоты и вздохи ветра
игнорирует она.

Цель её всегда одна, –
прокатить вокруг орбиты.
В окнах погасить обиды,
этому она верна.

Словно филин или сова,
мышь летучая без крыльев
сочетанье сказки с былью,
по закону волшебства.

В путешествии ночном,
свет не мил ей, в радость – темень,
так она проводит время.
Ночь – её просторный дом.

По ночам, вослед за ней,
звёзды мчатся вереницей,
ведь для них она – царица,
в их полёте – апогей.

Спит в объятьях туч весь день,
ей ночное небо снится,
по которому катиться
ей столетьями не лень.

ДМИТРИЙ БОБЫШЕВ

ЧИТАТЕЛЮ

Книга-то ещё и не издана
и тем более для гаданья
пальчиками не перелистаана...
А поэзия – это поющая истина.
Не навеки, так – на года.

Неужели это только с виршами
или может и другой художник
выразить произносимое свыше?
Думаю, что да, тоже.

Ежели сказал, не солгав его,
в слове будет и смысл, и цвет, и вес,
и, конечно же, вкус, а главное –
верная и о главном весть.

Вылепленное, оно – как пляска,
а в цвете – ещё и певчее, вещее...
Сдобное, это же и есть пасха
для тебя, человеке.

Люди – всего лишь миры, не более...
У любого мозг – полярный ледник.
Сердце – солнце. Океаны болями
и наслаждениями плавают в них.

Вот им оно и надобно, бесполезное,
но почему-то позарез и вдруг:
это баловство со словом – поэзия,
млекопитающая, как грудь.

Июнь 2001 г.

БУДЕТЛЯНИН

Что-то лепечет листва верховая –
это ночной Велемир, колоброд,
так выдыхает свои волхвованья...
Так, что изнанкой навыворот – рот!

Чуешь, и чувству такому не веришь,
но по вершинам идёт налегке
наш коренной председатель и дервиш.
Только стихи шевелятся в мешке.

В них разливаются чудью озёрной
мера да кривичи с весью лесной.
То неразвёрнут язык, то разорван –
странно опасный, чудной, озорной.

Вместе – не каждым листком или словом –
общей листвою древлян и древес,
ясенной мазью и маслом еловым
скулы черёмит, шалит, куролес.

Как из ручейного бучила – вычур,
свирь саранчёвую, птицын чирик –
прямо живьём, целиком закавычил
пращура в свой беловой черновик.

Но не дремуч – лишь юродив и странен;
так и велит повернуть и не ждать
бывший на нашей земле будетлянин:
– В путь – сквозь бывшее – за будущим – вспять!

Общее дело листвы – облетанье...
Страшно сказать, но земля всё родней;
всё обитаемей в ней стала тайна:
труд сокровенных и сладких корней.

Петроградская сторона, янв. 1977 г.

ПАМЯТНИК В СНЕГУ

Анна! Опять она молодая,
вполоборота, и – о печаль –
шалъ её бронзовая, ниспадая,
обнажает бронзу плеча.

Плеча ль, ключицы, всей стати, или
сам голос, наверное, бронзой стал,
и бывшие слёзы её отлились
в слова, в славу, в этот металл.

Вон там, напротив, она стояла
с передачами (сын – в Крестах),
и застывало клеєм столярным
время тягучее, течь перестав.

Но внезапно прошли века ... И –
тысячелетья! Я жив пока
и помню серое око и карий
ржавый веночек вокруг зрачка.

Как оба ока зорко смотрели!
Из того и сложилась простая весть:
Анна Ахматова – в снегах метели,
гость из будущего – это я и есть.

Шампейн, Иллинойс.

ДАВИД БРАТСЛАВЕР

РОДНЫЕ СЫНОВЬЯ

Доволен я судьбой своей:
Бог подарил мне сыновей.
И я без памяти влюблѐн
В звучанье дорогих имѐн.

Звучит нежнее, чем орган:
Амир, Аркадий и Илан.
Без них мне целый мир не мил:
Илан, Аркадий и Амир.

Прошѐл я множество дорог
И видел разные края,
Но звал меня родной порог –
Мои родные сыновья.

Они – мой клад, они – мой клан:
Амир, Аркадий и Илан.
Они – мой Бог, они – мой мир:
Илан, Аркадий и Амир.

Басни

БУРЬЯН И РОЗЫ

Бросая скопища семян
Нахально, где ему не рады,
Незванный гость – лихой Бурьян,
Сад превратил в исчадь ада!

А жизнь прелестных алых Роз,
Их дивной красоты сиянье,
Сумел поставить под вопрос,
Своим существованьем.

Он Розам, предрекая смерть,
Слал за угрозами угрозы.
И Розы начали хиреть,
Обильно проливая слёзы.

К спасению зывали Розы,
Пока безжалостный Бурьян
Не стал осуществлять угрозы,
Как вероломный хулиган!

Садовники не стали медлить,
Откликнувшись к призывам: «SOS».
Бурьян, что был столь надоедлив,
Пошёл на удобренья Роз!

Мир покоряет, неспроста, –
Ни зло, ни мрак, а Красота!

ВОРОБЬИ

В одной провинции Китая
Решили люди: без труда,
Чтоб увеличить урожай
Найти виновника вреда!

Считая, что собрали мало
Зерна с ухоженных полей,
Толпа неистово кричала:
«Враг урожая – Воробей!»

Властитель дал народу право:
«Впредь, не жалея птичью кровь
Ради спасения державы, –
Уничтожайте Воробьёв!»

Дымились на деревьях кроны:
И стар, и млад, и детвора,
В винтовку зарядив патроны,
Стреляли с возгласом: «Ура!»

Затейники смертельной драмы,
Герои по борьбе со злом –
Творили зло, не зная сами,
Что делают себе назло!

Согревшись в солнечных лучах,
В грядущий год явилась скверна:
Тля, Мошкара и Саранча,
А урожай исчез мгновенно!

Чуть слышен шёпот среди людей:
«Куда девался воробей? –
Затем сильней стал слышен зов, –
Соседи, шлите воробьёв!»

Порой встречаем у людей –
Виновен тот, кому надели
Ярлык: *вредитель* и *злодей*,
Ну, а судья рисует дело!

ЁЖ И ЗМЕЯ

Оригинальная семья:
В колючки разодетый Ёж,
От злости жёлтая Змея –
На шее золотая брошь!

Смеялся, песню напевая
Своей жене, весёлый Ёж:
«Хоть ты коварная и злая,
Но я ценю тебя за брошь!»

Шипела ласково Змея:
«Признайся мне в своей любви».
Ёж отвечал: «Люблю тебя!», –
Её щипая до крови!

Не зная страсти, Ёж недолго
Терпел объятия Змеи.
Она подумала: «Доколе? –
Изгнать Колючку из семьи!»

Ежу понятно: от обиды
Змея утратила либидо.
И грозную опасность видя,
Ретировался прочь из вида!

Кого любить и с кем шутить
Знай, чтобы душу сохранить!

КОБРА И МАНГУСТ

В лесу, возле сухого пня,
Там, где трава стелилась густо,
Шипела старая Змея
На пробежавшего Мангуста.

Ах, если б не речной поток,
Мангуст тропой, ведущей вправо,
Бежал бы, не жалея ног,
Чтобы не встретиться с лукавой!

Вспорхнули в небо стаи птиц.
Отнюдь, не с намереньем добрым,
Блеснули, как лучи зарниц,
Глаза в траве шипящей Кобры.

И на прогалине лесной,
Схлестнувшись в схватке роковой,
Мангуст с коварной Коброй злой
Затеяли смертельный бой.

Когда, рывком свернувшись в нить,
Змея запутала Мангуста,
Он изловчился применить
Приём борцовского искусства!

Змея, досель опасный враг,
Мангусту в битве уступила,
От страха заползла в овраг,
И обрела свою могилу!

Надежда только на удачу
В победе – ничего не значит!
А побеждает тот, кто сдачу
Даёт с надбавкою в придачу!

МАРТЫШКА И КНИЖКА

Весёлые картинки в книжке,
Легонько лапкой теребя,
Рыжеволосая Мартышка,
Увидела саму себя.

Она хи-хик-нула: «Откуда
Явилось, непонятно мне,
Досель невиданное чудо –
Не наяву и не во сне? –

Затем подумала, – не знаю,
Быть может, это я – такая?»
Ну, а при виде рыжих кос
Глаза залили струи слёз!

Мартышку называя милой
За толстенький с горбинкой нос,
Горилла у неё спросила:
«С тобой произошёл курьёз?

Слезами горю не поможешь,
Взгляни на капельки воды –
Они между собой похожи,
Как с чудом на картинке, – Ты!»

«Ах, мне, Мартышке, не сгодится –
Мордашка с клювом хищной птицы.
От смеха можно удавиться, –
Мечтаю в корне измениться!»

Сова не дремлет, шлёт ответ:
«Меняет талию корсет,
Физиономию – ланцет,
Но для ума – прибора нет!

А без него, – мартышкин труд.
Всем изменениям – капут!»

Так и с людьми, порой, бывает:
Всё то, что могут, изменяют.
А в результате – кутерьма
Из-за отсутствия ума!

ПЕВЧИЙ МЕДВЕДЬ

Однажды грозный царь, Медведь,
Проснувшись на лесном просторе –
Стал дирижировать и петь,
Не просто так, а в птичьем хоре!

И «до, ре, ми, фа, соль, ля, си»
Медведь, с особым прилежаньем,
Старался из последних сил
Птиц перещеголять рычаньем!

Не выдержав медвежий вздор
И возмущаясь хулиганством,
Решил мгновенно птичий хор
Перелететь в другое царство!

Не слышно боле нежной трели
В медвежьем царстве с давних пор.
Медведь рычит в своей постели:
«Куда девался птичий хор?»

Всё предсказуемо без слов:
Коли Медведь рулить готов,
Тогда нет большего коварства
Под управлением нахальства!

БОРИС БРОНШТЕЙН

БОГ ДАЛ

Е. А. Евтушенко

Дал Бог тебе слепым – не быть,
Ходить прямым, а не горбатым.
Дал Бог немного *Богом* быть,
И быть немного виноватым.

Дал Бог *«не вляпаться во власть»*,
Быть *«дипломатом»*, если надо –
Но на неё *«с прибором класть»*,
Когда ответ был предугадан.

А грозный перст секретаря
Указкой тыкал: «Курс вам задан.
Пиши про нас, про севера,
А про евреев – нам не надо!»

И стал ты *тёртым калачом*.
Вся суть – в мякине, а не в корке,
И отражал удар *мечом* –
Стихотворением в «Вечёрке»...

Тебя запомним в пиджаках,
Всех спектров радуги окраски,
Тебя, стоящим на мостках:
Слова острей, чем меч дамасский.

Ты был со станции «Зима».
Там холодами не стращали.
На земляном полу – сума,
А на стене – товарищ Сталин.

Конечно, было много ран!
Какая это была драка!
И в жизни было много стран, –
В своей решил *лежать*, однако.

Бог твою душу исцелял.
На теле и на сердце раны
Своим дыханием согревал, –
И строгим был Он, и гуманным...

Из тех – последним ты ушёл,
Кто нас свободой заряжали!
Над вами – вечный ореол,
А с нами то, что написали.

БЛОКОВСКИЙ УГОЛОК В БЕРЛИНЕ

*«Закон таков из века в век, как встарь
Прервётся связь времен, когда погас фонарь».*

Аптека – на углу, напротив – фонари,
Мне освещают ночь почти, что четверть века.
За декаблями мчатся январь –
Вращая время годового трека.

Закрученный спиралью лабиринт,
Привёл туда, где светится аптека.
На *стенах* прошлого висят календари,
Напоминая брэнность человека.

И в тусклый свет, когда вокруг – туман,
Канал рябит замёрзшею водою.
Мне греет душу Блока фолиант
И нынешней, и прошлою зимою.

Аптека – на углу, из старины – фонарь,
Он светит, без разбора, всем прохожим.
Как нужен людям этот инвентарь –
Во времена тяжёлых бездорожий.

Со смыслом, – хоть и тускло, но горит.
 Пройдёт ещё по многу раз полвека
 И как загадки древних пирамид
 Всё объяснят потомки человека.

Что значит рябь канала, тусклый свет?
 Как умереть, и всё начать сначала?
 И делать что, когда *исхода* нет?
 А корабли отходят от причала.

*Всё повторяется из века в век, как встарь:
 На улице горит фонарь...
 Осталось только умереть...
 Начать сначала и пропеть:
 «Ночь, улица, фонарь, аптека...»*

ВЕЧЕР

День прошёл и вот уж – вечер.
 Шум затих, зажгите свечи,
 Сядьте в круг и улыбнитесь,
 Локотками прикоснитесь.

Погасите эту люстру,
 В полумраке зреют чувства.
 Взгляд в глаза, бокалов звон –
 Ты за все грехи прощён.

И не важно, что остыло...
 Что-то сердце защемило.
 Так случилось – жизнь кроила,
 Шили из того, что было.

Вброд шагали, без моста.
 Ноги мокли иногда.
 Снег растаял позапрошлый.
 Подведём черту под прошлым.

СТРАНИЦЫ В ОКНЕ

Мы с тобой из разных книг страницы, –
Переворошила книги жизнь.
И, случайно прикоснувшись, наши лица
Вдруг в один сюжет переплелись.

Кто он, Автор нового романа?
Для чего на площади одной,
Будь не к ночи, чёрт тут упомянут,
Нас связав, качает головой?

Поступил, как графоман печальный,
Начал повесть и ушёл во тьму,
Посчитав, что это гениально,
Сплёл обложку и вокруг кайму.

На обложке – буквы золотые.
Силуэты: женский и мужской.
Облака над ними, – перьевые,
И земля, покрытая листвой.

А внутри – все чистые страницы,
Лишь на первой, наверху, в углу,
Наши, чуть приплюснутые, лица,
К оконному прикившие стеклу.

ДВА ВОРОБЬЯ

Блуждал по городу,
В асфальте – борозды.
В кафе, на улице, нашёл тебя.
Уже – не молоды,
Не очень голодны,
И кормим крошками мы воробья.

Их стало много вдруг:
Мальчишек и подруг.
Чуть зазевался кто, – из клюва рвут.
Все – одноцветные, голь – беспросветная...
Шумят, надеются:
«Ещё дадут...»

Они чирикают,
А кот мурлыкает,
Он изготовиться успел к прыжку.
Жизнь – многоликая,
Разноязыкая.
«Ко мне, воробышки! Я вас спасу!»

Жизнь улыбается, –
В ней всё случается:
«Поверьте, граждане, хоть воробьям».
Бывают сытыми,
Но не убитыми.
И оптимистами, – на зависть нам.

У нас – истории
Про акватории
И про аварии – то тут, то там.
Слеза сочувствия,
Чуть-чуть блеснувшая,
Надеждой катится к твоим губам.

Они – счастливые,
А мы – наивные,
От этой встречи всем хорошо,
У птиц надежда – на сытый вечер,
У нас надежда, –
Сказать грешно.

Седые волосы,
Морщины-борозды,
Бес, заблудившийся, застрял в ребре.
Остатки роскоши
С наклонной плоскости
Скатились медленно –
Блестят во мгле.

Чуть распогодилось,
Облагородилось –
Снег белой шубою покрыл поля.
Плывём над городом,
Как это здорово,
Два человечка –
Два воробья.

ВОСПОМИНАНИЕ О НЕЗНАКОМКЕ

Я помню деревянный дом,
Он стенами тепло берёт.
С тобою были мы вдвоём,
А третьим был один сверчок.

На непонятном языке
Читал он нам свои стихи.
Моя рука – в твоей руке.
Мы делим пополам грехи.

Всего три дня и ночи три,
Так мало было нам дано.
Летели клином журавли.
Морзянкой дождь стучал в окно.

А на четвёртый унесло меня в пункт «А»,
Тебя в пункт «Б»,
Давно уж голова седа,
А я всё помню о тебе.

Стихи опубликованы в авторской редакции

МИХАИЛ ВАЙМАН

Не гони меня прочь, –
я устал от нелёгкой дороги.
От недобрых друзей не вернулся к тебе
И неверных подруг. Одинок,
свои ноги набив
до крови о чужие пороги,
я приюта найти
и, тем более, счастья – не смог.

Есть немало причин
у тебя для тяжёлой обиды.
Я ушёл, не простясь,
в ночь на вспышки далёких зарниц.
К заклинаньям твоим
был я глух, словно каменный идол.
Не вернулся к тебе,
чтобы вытереть слёзы с ресниц.

И, наверное, был
я за это наказан судьбою:
спал под пологом тьмы,
и постелью мне были стога.
Не гони меня прочь,
мы любили друг друга с тобою.
Обогреться дозволю
мне теплом твоего очага.

Вначале было Слово. Но
его в злословии и блуде
давно уже забыли люди.
И потому не мудрено,

что, находясь во власти тьмы,
в отсутствии духовной пищи,
мы истину наощупь ищем
среди хаоса и кутерьмы.

И часто на своём пути
лишь слышим вой химер – не счесть их.
Вначале было Слово чести, –
теперь бесчестие в чести.

Я – невесом и нереален.
Где подсморгнуть сумел Шагал,
как я по воздуху шагал,
смещаясь по диагонали?

Как увидел он, что из лома
я сотворён, из мишуры,
из снов – на линиях излома,
на трещине земной коры.

Как он узнал, что на развилке
дороги тяжкой я увяз?
Не потому ль он на затылке
изобразил мой скорбный глаз ?

Молва людская, не злословь!
Покуда не сомкнул я вежды,
не иссякай во мне, любовь,
не оставляй меня, надежда.

Моя злосчастная судьба,
не оскверняй мои святыни...
Моя безмерная мольба –
глас вопиющего в пустыне.

НОРА ГАЙДУКОВА

УТРЕННИЙ АНГЕЛ

Я выхожу на улицу в пять утра
июньское утро даёт мне
свою прохладную руку
светит неяркое солнце
Красные белые розы
пьют на завтрак росу
птицы проснулись
их песни можно
сравнить только
с музыкой Моцарта

Впереди меня идёт человек
Высокий и крупный
босой в свободной
серой рубашке
длинные волосы полуседые
перебирает утренний ветер
он тянет пустую тележку
вдруг остановился
возле моей двери
и повернулся ко мне
на пожилом лице
глаза синие как небо
правильный нос
и взгляд тёплый
как летнее утро
он был очень красив

«Монинг», – сказал он
с берлинским акцентом
«Гутен морген», – я ответила
с русским
чуть-чуть испугавшись
я вошла в дом
и мы не сказали
больше ни слова
и только потом поняла –
это был Утренний Ангел

ПОЖЕЛТЕВШИЕ КНИГИ

Ты сказал: я должна выбросить книги
пожелтевшие старые книги
они стали совсем бесполезны
никому не нужны
только пыль собирают
и стесняют жилое пространство

Ты сказал: «Нужно делать уборку
пылесос – вот твой друг
и помощник лишь уборка
определяет отличие
гомо сапиенс
от неразумного зверя»

Я нескромно тебе возразила
хоть должна по еврейским законам
Слушать беспрекословно мужчину
Я сказала: «Не выброшу книги
ведь они мне как будто родные
мысли там – на тысячелетья
А уборка – лишь только до завтра»

ПРОЩЁННОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Попытка спасти то
что спасти невозможно
выглядит смешно
больно ранит

это плата за твою
уверенность
что мир крутится
вокруг тебя
на самом деле
другим всё равно
есть ты или тебя
уже нет
всё будет крутиться
дальше
бессмысленно
и бесполезно
сколько ни проси
прощения
уже ничего
не изменишь
но будут также
собираться на
камнях птицы
море приближаться
и удаляться
на небе среди
облаков
ты прочтёшь
что нужно делать
чтобы вопреки всему
чувствовать себя
счастливой

ПИТЕР 2019

Здесь дождь по крышам в тишине
И ветки силуэт в окне
Повсюду влажная прохлада
Чего ещё для счастья надо?

Старинных зданий стройный ряд
О прошлом шёпотом твердят
Когда была ещё столица
Какие здесь светились лица!

Наталья с Пушкиным вдвоём
Спускались к балу вечером
Цари с царицами дворяне
Кареты дрожки кони сани

Теперь же с блеском бутиков
И галерей высокомерных
Создать гламурности покров
Для этой памяти нетленной

Попытки жалки и пусты
Средь декораций и статистов
Но всё ж остатки красоты
Любовью нам ответят чистой

АПРЕЛЬ 2020

Я лежу в проходной комнате
Без дверей на коротком диване
С онемевшей ногой
В стране замечательной но чужой
В окна полуподвальной квартирки
Заглядывают ветки сирени
Волшебные запахи апреля
Люди в масках с собаками
На поводке счастливые
Что ещё живы бредут к реке

Хочется закрыть глаза
А вдруг всё это сон
Но радостные крики детей
Возвращают в мой одинокий вагон
Хочется помолиться
Но в детстве не научили
А теперь молитва не идёт всерьёз
«Когда же всё это кончится?» –
У всех на лицах один и тот же вопрос

МАСКАРАД 2020

Неужели кончается лето
сколько платьев ещё не надето
песен птичьих не слышно с рассветом
Ах как быстро кончается лето!

Что же делать – не будем об этом
в масках бродим по белому свету
в перепутанных картах ответы
потому и кончается лето

На бегу поменялись сюжеты
покосились дома и портреты
на изнанку одежды надеты
и к тому же – кончается лето

Стихи опубликованы в авторской редакции

НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

В нашей семейной коммуналке на Шпалерной улице (Воинова) в Ленинграде родилось двое маленьких детей. Сначала – я, потом на два месяца позже меня, – мой кузен Фима.

Для нас это было большим везением – было с кем играть и общаться. И для родителей – тоже выход – дети меньше надоедают. Тем более, что в три года мы оба уже умели читать, что очень облегчало жизнь взрослых.

Ни телевизоров, не говоря уже о смартфонах, в те времена в Питере не было. Поэтому взрослым приходилось изобретать способы развлечения своих чад. Чуть ли не с рождения нас учили читать, справедливо полагая, что книги отвлекают от вредных шалостей и читающие дети не орут, а сидят тихо. Фимку учили ещё и музыке, меня – танцам.

Но главное, чего добивались наши родители – знание иностранных языков. Про английский тогда ещё не знали, что он – самый главный. Нас учили немецкому.

Происходило это в большой прихожей, где стоял огромный письменный стол из карельской берёзы, покрытый зелёным сукном. Настоящий *югенд-стиль* (как я потом узнала), с орнаментом – цветами и декоративными ветками.

Нас сажали рядом за этот прекрасный стол, и начиналась пытка. Руководил занятиями мой папа. Много лет спустя Ефим сказал мне, что всегда

очень его боялся. Откуда-то из старинного книжного шкафа со львами папа вынимал толстенную старую книгу – это были сказки Братьев Grimm. Самое потрясающее заключалось в том, что сказки были написаны готическим шрифтом, который даже многие немцы с трудом понимают.

На одной из сохранившейся фотографии видно: сидим мы с Фимкой, и эта ужасная книга – перед нами. Ведь сказочки Братьев Grimm, вообще, – не для слабонервных, типа: «Родителям стало нечего есть, и они решили увести детей в лес, на съедение волкам». Довольно *милая история*, если вдуматься, – уголовно наказуемая. Но нам тогда было не до философии и размышлений о немецком характере. Нас заставляли читать этот *ужас*. Брат был ребёнком одарённым, намного способнее меня, хотя его отцу было пятьдесят, когда он родился, а моему – только двадцать пять.

Кузен закончил математический факультет университета и уехал в Америку, в Бостон, где в какой-то загадочной фирме по изучению компьютеров зарабатывает немислимое количество долларов в месяц.

Но это будет много позже, а пока мы сидим над книгой и мучаемся. Эти замысловатые значки вызывали у меня страх, даже одарённому Фимке, который в три года уже на скрипке играл, они не нравились.

Точно помню, как у меня слёзы капали на этих Братьев Grimm. Как чувствовала, к чему это приведёт. Вот теперь уже двадцать лет я живу в Германии, днями и ночами по-немецки говорить должна.

Говорят, кто чего боится, то с ним и случится. А готический шрифт я забыла. Зря папа старался, хотя, может быть, где-то в глубинах моего подсознания бродят дремучими тюрингскими лесами детки из сказок Братьев Grimm...

МАГАДАН 75

В командировку в Магадан ехать никто не хотел. Да и что там делать в начале марта, когда в Ленинграде уже немного пахнет весной, на улицах продают жёлтенькие букеты мимозы, эти мохнатые шарики, и запах её настраивает на радостное настроение: за весной и лето! На Севере в это время бушуют метели, мороз до сорока градусов, да и лететь двенадцать часов с посадками в промежуточных городах – небольшое удовольствие.

Начальнице, Валентине Георгиевне, немолодой архитекторше, по-матерински любящей свой сектор и стремившейся всем помочь, пришлось принять волевое решение, поскольку магаданское руководство за проект платило деньги, и ехать было надо. Выбрали сорокапятилетнего отца семейства, Ивана Михайловича, высокого, сутулого и тихого, с лицом Дон Кихота, с покладистым характером, и самую молодую: нового младшего научного сотрудника, прошедшую по конкурсу, двадцатипятилетнюю Любу.

Энергичная девица, мать трёхлетней дочки, пока ничего не знала и не понимала, куда её посылают. Она даже наивно радовалась перемене обстановки – возможности за государственный счёт увидеть новые места, да и командировочные деньги для неё были не лишними.

– Любочка, оденься потеплее, – предупреждала Валентина Георгиевна. – Нарядного ничего не бери, там будет не до вечеринок. Ты должна выглядеть, как *серая мышка*, – от греха подальше.

Ранним утром в понедельник Иван и Люба вылетели самолётом сибирской авиакомпании в Якутск, где должны были сделать пересадку на другой рейс до Магадана. Первая неприятность застала Любу уже в Якутске – по питерским понятиям, она оделась тепло, в зимнее пальто и меховую шапку, но не знала, что бывают такие морозы: минус пятьдесят градусов. С непривычки дышать было невозможно. К счастью, через полчаса объявили посадку на следующий самолёт, а то Люба была готова лететь обратно в родной Питер.

Иван, молчаливый и замкнутый, но добрый и отзывчивый, смотрел на Любу с сочувствием, утешая её:

– Ничего, в Магадане сейчас всего градусов тридцать пять, а может, до двадцати пяти потеплеет.

«Вряд ли это приятная поездка», – думала она, понимая, почему ей эта командировка досталась. Не Прибалтика, куда все рвались, и даже не близкий Мурманск.

В аэропорту их встретил служебный автобус Института «Комплексных Научных Исследований Северо-Востока», заказчика проекта. В гостинице было холодно, большая пустая комната показалась Любе неуютной, но в буфете было, на удивление, много еды. Утешительный сюрприз, – недорогие бутербродики с чёрной икрой, Люба съела сразу. И отправилась спать. Дама, выдавшая внизу ключи, предупредила её:

– Если к тебе в комнату будут стучать, не открывай ни за что, беды не оберёшься.

На следующее утро Ивана и Любу отвезли на том же автобусе на работу. В институте была приятная, дружеская обстановка, питерских коллег встретили, как родных. Немало образованных и талантливых людей, оказавшихся здесь, осели на долгие годы и уже не трогались с места. Люба работала с документами, погрузившись в мир цифр, а часа в четыре, когда уже начало темнеть, коллеги предложили отвезти их обратно в гостиницу.

– Как в гостиницу? А гулять, город посмотреть? – удивилась Люба.

– Не советуем Вам у нас гулять, – заметил пожилой сотрудник, доктор физмат наук, Илья Григорьевич.

Но Люба не отреагировала на его слова. Вышла на залитую солнцем гористую улицу и отправилась к морю. Пустынная местность, ни куста, ни дерева, только ледяные волны плещутся – произвела на неё унылое

впечатление. Яркое заходящее солнце совершенно не грело, а скорее – слепило глаза. На термометре как будто прилипло: минус тридцать пять.

Любе захотелось поскорее попасть в гостиницу, и она увидела неподалёку остановку автобуса. На табличке стояло название её гостиницы: «Звезда Магадана».

Подшёл автобус, Люба поднялась по ступенькам и удивлённо огляделась: автобус был полон мужчин от двадцати до сорока лет с рыболовными принадлежностями, в нём не было ни одной женщины! Она почувствовала, как множество мужских глаз уставились на неё, горя опасным огнём. Люба попробовала пробраться вперёд, поближе к кабине водителя. Вдруг почувствовала, как чья-то рука лезет к ней под пальто, стараясь проникнуть в интимные места. Сжавшись от страха, поняла, куда попала и что может произойти: на части разорвут, и никто искать не будет. На помощь пришёл Ангел Хранитель, дверь внезапно открылась, и мужчины посыпались наружу. Она рванулась и выскочила из автобуса. Бегом бежала к гостинице, спряталась в своей комнате и боялась выходить из неё. Потом пошла к Ивану и весь вечер просидела у него, но ничего ему не рассказала об ужасной автобусной поездке.

Ночью в её комнату кто-то стучал, но она, конечно, не открыла. Забившись в угол постели, с трудом дождалась утра. В этот день у неё была назначена беседа с психологом, Абрамом Моисеевичем, прожившим здесь двадцать лет и хорошо знавшим всё в этом городе. Но он позвонил и сказал, что не может прийти (жена попала в больницу), он один дома с маленькой дочкой.

– Приходите ко мне в гости, я недалеко живу, – пригласил он Любу.

Преодолевая страх, почти бегом, по гористым полутёмным улицам, Люба добралась до его квартиры в старом пятиэтажном доме. По тёмной лестнице поднялась на третий этаж и позвонила. Дверь открыл немолодой полный мужчина в очках и с бородой, закутанный в клетчатый тёплый плед. В квартире было холодно и полутемно. Кругом стояли картонные коробки, как будто кто-то собирался переезжать.

– Тихо, дочка уже уснула, – заметил он. – Не пугайтесь, мы через месяц уезжаем в Израиль, разрешение получили, – в его голосе слышались радостные ноты. – Что Вы такая неспокойная?

Люба теперь боялась всего в этом знаменитом месте ссылки – Магадане. Но пожилой еврей на неё действовал успокаивающе, как будто он был её дальним родственником.

– Чай сейчас будем пить, – сказал он и улыбнулся сквозь густую полуседую бороду. – Расскажите мне, что Вас беспокоит?

И Люба, чуть не плача, рассказала ему про жуткую поездку на автобусе.

– Знаете, – немного подумав, Абрам Моисеевич сказал, – Вам предстоит ещё много разных поездок в необычные места. Вы не должны ничего бояться.

Сейчас я проведу с Вами такой сеанс, после которого никто не посмеет Вас тронуть. Садитесь вот здесь, напротив меня, – он смотрел на Любу внимательными глазами еврейского пророка. – Запомните, никто никогда Вас не обидит, Вы – в безопасности и никогда не станете жертвой. Можете ездить и летать в любые дальние места, Вам ничего не угрожает.

– Спасибо Вам, – сказала Люба и покинула эту странную квартиру с ощущением, что с ней случилось что-то важное.

По дороге в гостиницу ей показалось, что город не так уж страшен, и даже красив, старые пятиэтажки, разбросанные по холмам, при свете полной луны имели слегка романтический вид. На улице было пусто, да и кто будет вечером в такой холод выходить из дома?

На следующий день в местном книжном магазине, она нашла несколько дефицитных книг для дочки: «Незнайку» Носова и сказки Братьев Гримм и обрадовалась, что может привезти что-то интересное. Красной рыбой и икрой их с Иваном одарили коллеги, тепло распрощавшись и надеясь повидаться в Ленинграде.

...Возможно, всё это выдумки, но в ближайшие годы, когда она летала на самолётах и вертолётах всех видов в разные уголки Севера и Сибири, больше с ней, действительно, ничего плохого не случилось. Абрам Моисеевич был добрым волшебником или просто хорошим гипнотизёром.

ФЕРАЙН¹ «СЮЗАННА»

Так, наверное, бывает... В один странный день Линда решила, что мужчины ей страшно надоели, и она будет феминисткой. Как писала Татьяна Толстая в своём замечательном эссе: «Здоровье мужчины», у мужиков в голове только одно... Линда стала читать журнал «Эмма» знаменитой немецкой феминистки Алисы Шварц и с уважением слушала речи Алисы Вайдель, феминистки и лесбиянки, – одной из руководителей оппозиционной партии «Альтернатива для Германии». Линда находила политическую даму, на редкость, умной и красивой.

У Линды была близкая подруга, Лизочка, кандидат наук по какому-то сложному направлению в современном искусстве, симпатичная и миниатюрная, известная в родном Питере и за его пределами, – убеждённая лесбиянка.

Лиза часто говорила Линде:

– Какая Вы красавица...

Но Линда твердо возражала:

– Я – не лесбиянка.

– Сегодня не лесбиянка, а завтра – лесбиянка, – не сдавалась Лиза.

Всё это привело к тому, что Линда устроилась на работу в феминисткий

ферайн «Сюзанна», занимавший небольшое здание на одной из красивых центральных улиц Берлина.

Ферайн возглавляли две симпатичные и очень активные дамы: рослая, мужеподобная немка Мартина и стройная, темнокожая колумбийка Сильвина, обеим – за пятьдесят. Когда-то Мартина была замужем за кубинцем, родила на Кубе двух замечательных, теперь уже взрослых, детей. Но муж ей изменял. К тому же, изменял ей с мужчинами. Как говорил один из героев знаменитого фильма с участием Мэрилин Монро «В джазе только девушки» («Некоторые любят погорячее»): «У всех – свои недостатки». Мартина, забрав детей, уехала на родину в Германию и стала настоящей мужененавистницей, возможно, – лесбиянкой или, как теперь говорят, – «асексуаль». Сильвина была лесбиянкой от рождения, очень любила белых девушек, почему и прижилась в Германии.

Линде понравилось в ферайне, ей выделили письменный стол в углу большой комнаты, где она должна была принимать клиенток.

Однако уже на следующий день начались неприятности: все сотрудницы, кроме Линды, были отчаянными курильщицами. Причём, курили на большой общей кухне с начала и до конца рабочего дня. Линда – аллергик, ей нечем было дышать, она попыталась незаметно уйти. Мартина, заметив её манёвры, довольно громко стала призывать Линду к порядку:

– Халло, Линда! У нас – супервизия², пожалуйста, оставайтесь на месте!

Работа ферайна заключалась в поддержке и консультировании женщин с проблемами в семье. Тот год был объявлен «Годом Фриды Калло» (вот уж кто не был лесбиянкой), и везде были развешаны её портреты.

Практически ежевечерне в ферайне проводились разные мероприятия: фильмы и чтения о женщинах, и для женщин. Сотрудницы также посещали центры помощи лесбиянкам, которых в Берлине довольно много. Оказалось, существуют даже офисы для женщин-предпринимательниц, куда мужчин допускают только по специальным пропускам и на входе стоит рослая дама, образец *боди-билдинга*, успешно работающая *вышибалой*.

Линда помогала женщинам-иностранкам, вышедшим замуж за немцев, как правило, на десятки лет старше, превративших девушек в сексуальных и домашних рабынь. Если женщина могла продержаться в такой семье три года, родить ребенка, тогда при разводе все права были на её стороне. Если нет – вынуждена возвращаться в Таиланд или Камбоджу, продавать себя там, иногда, за кусок мыла.

Посещение лесбийских центров оставляло у Линды тяжёлые впечатления: там была своя иерархия, как в тюрьме, девушки ревновали и ненавидели друг друга, дрались, часто вызывая полицию. Случаев с убийствами, которые происходят в подобных случаях с мужчинами, не было. Женский адреналин, к счастью, не так зашкаливает, как мужской.

По вечерам сотрудницы ферайна, по очереди дежурили, подготавливая зал для зрителей, угощение, необходимую технику. В один из дней была очередь Линды, показывали фильм о женщинах – работницах ткацких фабрик в Советской России.

Линда, хотя и была начинающей феминисткой, лесбиянкой не стала.

У неё был друг – Манфред, рослый и полный мужчина её возраста, добродушный и спокойный. У него была собака – огромная немецкая овчарка Меки, которую он воспитывал для полиции. Но воспитание это не ладилось – Меки была такая же добродушная и спокойная, как её хозяин: отказывалась бросаться на преступников и рвать их на части.

Почти каждый день Манфред встречал Линду после работы на своем стареньком опеле, и они ехали куда-нибудь ужинать, причём, как ни удивительно, платил всегда Манфред.

В день Линдиного дежурства было много приглашённых, как немок, так и русских. К вечеру Линда устала и попросила Манфреда помочь расставить стулья, повесить экран...

Фильм был на русском языке с субтитрами, Линда некоторые детали переводила на немецкий. Манфред и Меки тихо сидели в углу.

Скандал разразился на следующий день. С утра Линду вызвали начальницы в свой кабинет:

– Ты что себе позволяешь, – злобно начала Мартина. – Почему таскаешь своих любовников в наше защищённое женское пространство?

– Ты читала наш устав? – вежливо, но непреклонно заметила Сильвина.

– Но он же ничего не делал, только мне помог! – пыталась возражать Линда. Она почувствовала, что сейчас заплачет.

– На первый раз тебе серьёзный выговор с предупреждением, – сказала Мартина. – Если это повторится, мы тебя уволим.

От обиды Линда ничего не могла сказать, она выбежала из кабинета, закрылась в туалете и расплакалась. Феминизм стал стремительно испаряться из её головы. Все эти курящие агрессивные тётки за несколько месяцев опротивели ей до тошноты.

– Конечно, уходи оттуда, – посоветовал Манфред, услышав эту историю. – За такие гроши ты найдёшь другую работу.

«Наверное, глупо людей по полу делить», – подумала Линда и уволилась из ферайна.

1 *Объединение.*

2 *Происходит от латинского и означает «смотреть сверху». Supervision означает вести себя более адекватно в сложных профессиональных ситуациях. Направлено на расширение возможностей для манёвра за счёт более глубокого понимания профессиональных навыков.*

ЕЛЕНА ЗЕЛЬГЕР

НАЯВУ ИЛИ ВО СНЕ

Время лета – истекло.
И стеклянны стали звуки
И хрустальны стали муки.
Время лета – истекло.

Порастрачен солнца жар,
Журавли курлычут громко,
Шёлк прозрачных платьев скомкан –
Время... Лето – истекло.

Мне дыханьем не согреть
Душу бабочки осенней...
Но сегодня воскресенье –
Оживи, хотя б на треть.

Хоть на четверть, хоть на миг!
Я тебя возьму в ладони.
Вторят, всхлипнув, колокольни –
Вре-мя-ле-та-ис-тек-ло.

Обнажённые сады,
Отчуждённые аллеи.
Ветер силы не жалеет.
Время. Лето. И стекло.

Наяву или во сне,
Или по велению сердца
Мотылёк мой отогрелся
И порхает в вышине.

ЖЕНЕВСКИЙ КАПРИЗ

1.
Из мозаики птичьей на глади воды,
Из стремления «ввысь» и «вниз»,
Из волнения гор и озёр бирюзы
Вышивает Женева каприз.

Напевает «Саргиссо» на французский манер,
«Сильвупле» и «плезир» раздаёт,
От туристов ступени протёрлись до дыр,
Ну а «гость» всё идёт, и идёт.

2.
Искринками мелкими, икринками жемчуга,
Женевского озера радужной пылью,
Лобзанье тишайшее, довольство безбрежное,
Явью, сном, былью.

3.
Утешься дыханием горным и распрямись
Дикой клубники розовый выпит сок.
С синью сливается шпиль устремлённый ввысь.
Выстрел Фонтана в Неба целит висок.

4.
Иль преклони колена – пади ниц.
Гладью, смотри, ставшая высота.
Воды Женевские – пенная снежность птиц
И неуёмная красота.

ЗНАКОМЫЙ ДРАКОН

Шутка

Вы видали улыбку Дракона,
Что живет вне драконьих законов?
Мой знакомый милашка-дракон
Здесь живёт из веков испокон.

Он спокоен, улыбчив, отважен.
И ему день недели неважен.
Непогода ему – нипочём.
Не был он никогда силачом,

Не был жадным, свирепым и сильным,
 Был бы дождик весною обильным.
 И тогда он в достатке живёт,
 И растёт его круглый живот.

У него недраконистый нрав.
 По-драконьему пусть он неправ.
 Мой знакомый Дракон – он добряк
 И не справиться с этим никак!

У него очень много друзей
 Всех укроет он в кроне своей:
 И синиц, и сверчка, и бельчат –
 Пусть поют, веселятся, сверчат.

Глаз зелёный сверкнёт, но не зло.
 Эх, драконьим гостям повезло.
 Он раскидист, тенист, не опасен –
 Мой знакомый дракон – просто Ясень!

ПЫЛАЮЩИЙ КЛЁН

Романс

Сегодня мне плачется сладко,
 Сегодня я буду рыдать.
 Пусть слёзы уйдут без остатка.
 Воды успокоится гладь.

Пронзительно острая долька
 Луны и пылающий клён.
 Но Клёну не больно нисколько,
 Поскольку он в Осень влюблён.

В объятьях её пламенея,
 Сгорит, не жалея о злате.
 Неспешно бреду по аллее.
 Я их наслаждаюсь объятьем.

Мне кажется – Осень навеки!
 Мне кажется – будто навечно:
 Небесные бледные веки
 И реки, текущие млечно.

То холод подребрёный рыбы серебряной –
 Луны бледноокой в ночи фиолетовой.
 Баю, баюшки-баю, усни, моя девочка,
 Ноябрьская капля, снежиночка белая.

Дитя, посмотри – в небе рыбка купается!
 Луна молодая опять нарождается!
 Баю, мой девчонок, усни моя лапушка,
 Не плачь, моё солнце, с тобою я рядышком.

Застелено утро белейшею пряжею!
 Ноябрь – всё-то новое! Светлое! Княжие!
 Росинка пригожая, робкая, нежная –
 Дитя появилось погодою снежною.

ВИТРИНА НЕБА

Цвет голубиный у неба витрины, у глаз.
 Голубь воркует – здесь, для меня и сейчас.
 Серо-серебрян и голос чуть го-лу-бо-ват.
 Голубь воркует, меня отправляя назад.

Время черёмух и фиолетовых грёз.
 Голубь воркует. Чудо Волшебника Оз:
 Царство сирени, весенний безоблачный флёр.
 Немногословный, очень искусный тапёр

Голубь (голубка)? В перьях вибрирует свет.
 Ах, воркованье – лучше мелодии нет!
 Голубь воркует чуть свет – будто горный ручей.
 Время ворует – гордый, свободный, ничей.

Нет, он не вор и лишён вороватых примет.
 Зобик дрожит, и зрачок отражает рассвет.
 Неба витрина, глаз голубиных топаз.
 Голубь воркует – здесь, для меня и сейчас.

БЕССОВЕСТНИЦА-БЕССОННИЦА

« Любимая – спи... »

Евгений Евтушенко

Любимый, не спится мне, не засыпается.
Там море бушует, там тени качаются.
Уснуть мне мешает бисень в груди.
Глубины зелёные, волны солёные,
Закатное солнце и пёс на цепи.

Тревожно. Не спится мне – синюю птицею
Ночь ускользает, и мне не до сна.
Но как же сказать тебе, что не до платьев мне,
Что не закатом я обожжена.

Не сплю я, любимый. Не сплю я отчаянно!
Беззвучно твои повторяю стихи.
Случайное слово тебе – не прощаемо –
«Серёжкой ольховой» исчезну с руки...

И сердце всё топчется, мается, ропщется.
Твой шёпот настойчив – «любимая – спи...»
Но звуки, как конница и шёпот – что звонница –
Люби меня очень... Любовь на цепи...

Солёное Солнце до моря дотронется –
Стираются грани воды и огня.
Ах, эта бессовестница-бессонница.
Слова... семена... имена... и меня....

Бессонное множество преумножается,
А ночью особо. «Любимая – спи...»
И я засыпаю. Обида прощается.
Я – сплю, укрываясь объятьем твоим.

«А» И «Е»

Поэма

Действующие лица:

А – Он;

Е – Она;

1-Й и 2-Ой ангелы;

Змей.

А и Е – вместе; за ними присматривают 1-Й и 2-Ой ангелы.

Е: – Милый, грустно...

Милый, скучно...

А: – Все у нас благополучно.

Е: – Милый, тошно...

Милый, зябко...

А: – Всё идёт своим порядком.

Е: – Есть у каждой твари дети.

А: – Дети – знаю эти сети.

Е: – Милый, мне детей охота...

А (*ворчливо*):

– Мне б скорее на охоту...

Е: – Нельзя, милый, убивати –

так нам повелел Создатель,

Ни букашку, ни оленя...

Не забудь Его веленья...

А: (*отворачивается и делает вид, что не слышит её*).

1-Й и 2-Ой ангелы поют:

2-Ой: – Живи вольно, живи дружно,

не в заботе, не натужно.

1-ый: – Вечно сыты! Вечно здоровы!

2-ой: – Погляди-ка, там лукавый –
луком слёзным, чёрной редькой!

1-ый: – Полетели, что ли? Петь нам
при лукавом не дозволено.

Но остаются...

Е: – Милый, милый!
Мне же больно!

А: – Боль? Такого я не знаю.
Жено, я не понимаю!

Е: – Укололась – вот и боль!
Оступилась – вот и боль!
Обижаюсь – вот и боль!

А (*не особо слушая*):
– На – охоту! Не неволь!

Он уходит, а Она плачет и не замечает, что осталась одна.

1-ый и 2-ой ангелы поют:

1-ый: – Живи складно, живи важно.

Е: – Что там вьётся?
Милый, страшно!

2-ой: – Живи сладко, живи сыто.

Е: – Будто тело в кольца свито,
сердце бьётся колокольцем!
Там – Змея свернулась в кольца!

Ангелы: – Будь спокойна, будь послушна!

Е: – Милый, страшно! Милый, душно!
Я – одна? Как быть, не знаю...

Слышу... Что – не разбираю...
 Ветер листьями играет?...
 Голос нежный призывает?...

Змей: – Д-Ева! Д-Ева! Д-Ева! Д-Ева!
 (Закрывает уши Дева?)
 Не змея я – друг любезный,
 в сём краю небезызвестный.

Е: – Ах! Змея меня пугает,
 но, как чешуя играет!

Змей (про себя):
 – Капля – камень побеждает,
 влага – пламя остужает.
 Д-Ева, Д-Ева! (уж победа!)
 Тех плодов златых отведай.

Е: – Сладкой патокой
 ты не потакай.
 Шаг мой шаткий.

Змей: – Ты к нему шагай!

Е: – Тень, нет солнца
 под его листвой.

Змей: – Ярче солнца
 Яблок золотой!
 Сладше Рая!
 Только надкуси...

Е: – Откусила...
 Господи, прости!
 (Как в бреду).

– Милый, милый, милый, милый!
 Что-то было... я забыла...
 С кем-то я вела беседу...
 Что-то ела я к обеду?

А (*возвращается и говорит возбуждённо*):

– Я – за ним, а он, пугливый, –
убежал олень!

Е: – Что милый?

А: – Не угнался за победой.
Да ещё – я не обедал!

Е: – Вот – попробуй! Сладко очень,
лучше дня и лучше ночи,
светит солнцем, жаром пышет.
Милый, милый, милый, слышишь?

Ангелы: – Ты жену свою не слушай,
ты заветный плод не кушай,
Бога ты не искушай,
а не то – покинешь Рай!

А: – Не ходи, нельзя, не тронь!
Но в груди моей огонь!
Раз жена поела плод,
то и мне полезет в рот!

Е: – Милый, милый,
кушай смело!

А (*съедает жадно всё*):

– Эта грудь и это тело?!
Эта поза, эти очи!
Как же так – ни дня, ни ночи
не могу теперь без Д-Евы?
Что там райские напевы!
Был слепым, а стал я зрячим!
Сладок плод, но Ева слаще!

Конец

МЕНЕЛАВНА

Был ли, не был ли увлечён тридцатилетний мужчина четырнадцатилетней девчонкой? Скорее – «да», чем – «нет». С чего бы он её тогда Менелаевой величал? С одной стороны, расстояние держал, дистанцию соблюдал, как со взрослой разговаривал, в глаза внимательно – так партнёры по танцу смотрят – классически-серьёзно, общение – на вытянутую руку. Но – Менелаевна – с другой.

Она, девчонка, думала, вернее ничего такого не думала, но про себя отметила, что диковатый, странный какой-то этот папин новый знакомый. Предложил ей – на «ты». Она пробовала, но не смогла, ведь со взрослыми надо – на «Вы». Не получалось и всё:

«Давай-те, пойдём-те, слушай-те». Поэтому Саша был переименован в Сашу-те, а она – в Менелаевну.

Невдомёк ей, всё мимо ушек розовых, что Менелай – муж спартанской царевны, что из-за дочери Зевса и Леды не раз разгорались войны, так как по красоте своей подобна богиням была и звалась распрекраснейшая – Еленой. Ну, уж это точно не к ней.

Она – кто угодно: Чадо, Кошкин, Кинд, Сынуля, но не Елена.

В классе и без неё шесть Лен. Менелавна так Менелавна – годится! Историю про Елену Прекрасную выслушала с интересом и тут же забыла. Каникулы, море, горы – вот что интересно. Отпуск с папой, да ещё на юге – что же может быть лучше! Но каникулы закончились. Беззаботная компания распрощалась – разъехалась. И повёз папа своё чадо в славный град Петра, в школу – учиться. С опозданием – всегда одна и та же история – билетов нет.

Ей нравится «трястись» в поезде. Ехать бесконечно долго, вот так сидеть напротив папы и Саши-те. Отец откинулся на спинку сидения и читает книгу, будто нет его – тактичный. Саша-те развлекает Менелаевну: они играют в «слова». Рисуют виселицы – не угадал, можешь быть «повешенным» – детская игра. Она угадывает сразу.

Надоело в слова – записывают его – Саши-те стихи:

Стихотворение Димы Ручейкова про индейцев*

Индейцы в плен попали, и нет спасенья им,
 Когда на них напали у форта Джимми Джимм.
 Командовал отрядом один полковник – Джон
 С орлиным вечно взглядом, был беспощаден он.
 Ну, тут один индеец, как бросит тамагавк,
 Который в это время он прятал под рукав.

Но не попал он метко, а промахнулся он.
 Перерубилась ветка и цел полковник Джон.
 Три дня они скакали по прерии глухой.
 И гривами махали их лошади порой.
 А на шестые сутки осталось трое их.
 Ведь съели всех койоты, наверно, остальных.
 Совсем они пропали, и нет спасенья им.
 Напрасно их искали у форта Джимми Джимм.

Тетрадь в клетку, школьная. Девочка пишет под диктовку, почерк неровный, буквам «хвостики» недописывает. Не разберёшь, где «а», где «о»: «слова» или «слава» или «слово»? Ей и в школе за это оценки снижают. Автор же – чётко, убористо. А как же, он – учёный, биолог, йогой занимается, «кродила» на одной руке – па-жал-ста! Забавный такой! И стихи свои посвящает не женщинам, а мышам!

Лабораторным мышам

(в манере А. Вознесенского)

*В научных лабораториях мышей, прежде чем
 умертвить, красят в разные цвета
 (из беседы с биологом).*

На столе среди крошек корма,
 В газетке, как пельмени – уроды,
 Ещё тёплые, сырые от хлороформа,
 Бывшие дети природы.

И не слышат они, и не дышат,
 Отрешённые, как богомолки –
 Синие, жёлтые, красные мыши –
 Раскрашенные – хоть сейчас на ёлку.

Меховые, как эскимосы,
 Тёмны капли потухших глаз.
 Майтимаусы-альбиносы
 Проигравшие в первый раз.

Лаборанточки белоснежные
 Протыкали иглой аршинной
 Брюхо нежное мышинное
 Безошибочно, как машины.

Ну, а вам бы – шкуры из кафеля
И змеиные жала вам бы –
Ну-ка, кто там из соискателей,
Пожалте – на Чёрных Мамбах!

Но не вас берут под охрану,
Как ондатру или волков,
Не про вас мурлычет с экрана
Симпатия Василий Песков.

А когда все болезни пустят
Дефицитными, как ветчину –
Вам наставят мраморных бюстов
В натуральную величину!

И девушка жалеет «бедных мышек». А Саша-те тоже грустнеет. И тут же, нервно строчит другое стихотворение ещё более пронзительное и уже совсем серьёзное:

Перевод Александра Рыбошлыкова
из Николауса Ленау
«Winternacht» 1840 г.

От стужи воздух твердью стал.
Вперёд, смелей тропую белой!
И каждый слышится кристалл
В моей браде оледенелой.

Здесь, в величавой тишине
Под лунным льдом седые ели
Коснуться тянутся во сне
Своих корней в тоске смертельной.

Эй, стужа, в грудь мою войди!
Туда, где трепетные струны,
Сомкнись! Чтоб вечный впереди
Покой, как здесь в долинах лунных.

И отдаёт ей тетрадь, почти не глядя, словно не будучи с ними в одном купе... Девушка видит внезапную перемену и машинально прижимает тетрадь к груди, словно утешая кого-то. Так они и едут в молчаливом согласии и

необъяснимом одиночестве. Но отец нарушает всеобщее молчание: «А не испить ли нам чаю?» И чай – заказан, и пьётся с удовольствием, и печаль ушла. Тут пошли рассказы о подстреленных в этот отпуск «гигантских» рыбах, о так и не найденных амфорах, о чудных, оставшихся лежать в морском царстве, рапанах – это те ракушки, что хранят в себе зов моря.

Папа у Менелавны эрудит, что ни спроси – ответ готов! Мужчины болтают часами. Она в это время в себе разбирается – в «бабочку» превращается – настороженно и удивлённо: «Этим летом к ней обращены взляды мальчишек и мужчин. Этим летом она в центре внимания, она – Менелавна и, возможно, что она – Елена, а может и Прекрасная. Менелавна, ну и имечко. В прошлые южные каникулы, четыре года назад, её принимали за мальчика, за «сынулю». Теперь... беспокойные сны. Перед ней – голубая тетрадка. Перечитывает – нравится. Стихов девушка не любит, но почему эти хороши?

Вопросы, вопросы, перестук колёс, мелькание ёлок, посёлков, речек, лугов, коров с телятами, любопытных детей на станциях – перечёт-отсчёт чего-то важного, что уже началось. «Слыши-те, знае-те, види-те, буде-те...» Это к ней, на – «ВЫ».

Та тетрадь в клеточку, не затерялась, а хранилась бережно. Саша-те – Александр Рыбошлыков пропал из вида. Стихи же его заучились наизусть сами собой, лейтмотивом прекрасного времени.

Как рисовать Август

В королевстве сосен Август, славный месяц,
От дождя и солнца тёплый и сырой.
Тяжко паутинкам ничего не весить –
Ветер их уносит, шелестя корой.

Запасало Лето тишины нагретой
В лейденские банки годовых колец.
Вот где короедам-недругам отпетым
В золотом бальзаме приходил конец.

Их ходов секретных разгадавши ребус,
Дятел выверяет точный камертон.
Канифоли крепость и еловый эпос
Зябликов и белок цедит как планктон.

Можжевательник сочен, неказист и прочен,
А с его вершины видно муравью,

Как растёт опёнок – жёлт и непорочен,
 Погружён по очи в мёртвую хвою.

Кем это со вкусом белый гриб надкусан?
 Кто его отведал: белка или дрозд?
 Лучше загляни-ка в вереск и бруснику –
 Чей там через хворост чешутся хвост?

И сухой, как порох, шевельнулся шорох
 И под корневищем канул без следа.
 Но плывут, смотрите, коршуны в зените,
 Просеки в опорах, в небе провода.

А из самой чащи на слепней хрустящих,
 На узлы, подагрой скученных корней,
 Льются дефициты пран и фитонцидов,
 И ещё чего-то тоньше и важней.

Нарисуем Август в записную книжку,
 По рисунку мастером сделанный витраж.
 Водрузим на кухню, чтобы было грустно,
 Маринадом вкусным среди круп и каш.

Ежели к чаю подавался лимон, то в голове крутилось «кислое стихотворение»:

Лимон

Зачем незрел и зелен так лимон?
 Искрится ломтик тонкий, как нейлон,
 И нержавеющей фруктовый нож
 Всем никелем испытывает дрожь,
 Когда по лезвию, как свист с хлыста,
 Полезная стекает кислота.

Всех самых ржавых тормозов похлеще
 Фарфор разъеденных зубов скрежещет.
 И не умерить кислоты песком,
 И рафинада не унять куском.

Порезов бритвенных глаза красней,
 И, кажется, уже нельзя кислей!

Но клюкво-кислый разъедень сочит
И капли кислые свои точит.

И даже выстрелить в висок нельзя!
И брызжет, брызжет, брызжет сок в глаза!
Скорей в колодец головой – бросок,
Но, Боже мой, и там лимонный сок!

Зачем незрел и зелен так поэт
В своих лимонных тридцать с чем-то лет?

Не познакомься они в то лето, не окажись у неё простой тетради в клеточку, не полюби она его стихи (его/стихи) – и завертелось бы всё по-другому. Не знает она как – хорошо, плохо ли, но совсем, совсем не так...

** Цитируемые в рассказе стихи принадлежат перу Александра Рыбошлыкова, были им записаны в тетрадь автора и подарены на память. Оригинал имеется в наличии. Публикуются с единственной целью – донести до читателя творчество талантливого человека и незаурядного поэта.*

СЕРСÒ

1.

Если бы ей сказали: «Брось все дела – и давай завтра же, нет, прямо сегодня, сейчас, – туда, в страну детства, в свой наивный простенький рай, в ту весёлую карусельную жизнь!» Что бы она ответила? А вы? Ну вот – не знаете. Но, признайтесь, воспоминания уже закружили вас. Там было яркое и жаркое житьё.

Календари всего мира провозгласили лето, и оно, не заставив себя долго ждать, ворвалось в города и сёла, нарушило обычаи, сорвало с голов шапки, загнало на крыши котов, закинуло в небеса радуги. Ох уж это Лето! Хулигански наступило на подола школьных платьев, укоротив их до сверхмини! И девочки-школьницы *выпорхнули* из классов *первыми бабочками*.

Лето разморило торопливых горожан, пообещав быть тёплым. Запыхалось, подсаживая детей в поезда, автобусы, самолёты. И девчоночку нашу подхватило Лето, да и перенесло в деревню.

А здесь – благодать! Поляны благоухают пригретой на солнце земляничкой. Наклонись, загляни под свод плотно прижатых друг к другу листов – там чудо-ягоды, тёплые, спелые, сладкие. Их – да в молоко! Молоко парное, душистое – от пёстрой коровы – её «Дочкой» зовут. Живёт в деревенском доме разноцветная кошка – «Катька». Кошку кормит бабушка – тоже Катя. Бабушка кошку кормит, но недолюбливает. Потому что сама –

Катя? *Мурлыка* тоже: на колени к бабушке не садится, а только рыбу свежую попрошайничает. Рыбу ловит дедушка Коля. Имя – какое колючее, будто уколет сейчас, но он больше – Николай-Угодник. Скорее даже – Чародей.

2.

Дети собираются со всех окрестных домов. Здесь и деревенские ребяташки, и приезжие дачники, и девчонка наша – тоже из «городских».

Игра в «Чародея» ей очень нравится. Сначала толпой – за ивой на речку. Срезав сразу пять-шесть штук длинных веток, – шумный поход к дому.

Дед немного ворчлив, голубоглаз и благообразен за счёт избыточного веса. Он задорно поглядывает из-под густящих бровей и неторопливо усаживается. «Вот так, вот так», – напевает он и начинает освобождать самую стройную ивовую ветку от листвы. Проворные рыбки-листья вертятся вокруг своей оси и весело спускаются на землю. Затем дед делит лозу на равные, небольшие части. Берёт одну из палочек, вырезает посередине кусочек, похожий на половину луны. А потом колдует и через некоторое время с восторгом и громким «Оп!» выдаёт долгожданную свистульку самому нетерпеливому!

Через полчаса у каждого есть музыкальный инструмент. Ну и шуму, ну и визгу, свисту – на все голоса. Но остаются ещё ветки. «Зачем они?» – спрашивает дед. «Наверное, для удочек?» «Нет, не угадали – для игры. Старинной французской игры – „Серсò“ называется». И Дедколя, Николай – Угодник – Чародей, делает две длинные красивые узорчатые тросточки, а из гибкой части лозы свивает довольно большое кольцо. Крепко завязывает его бечёвкой. Все замолкают, когда видят, как он, просунув палочку немного наискосок, а другой рукой придерживая, вдруг бросает ивовый обруч. И колечко летит, летит, и детвора летит наперегонки его ловить и несёт обратно к деду: «Брось!» Но он объясняет, что должно взять другую тросточку и на неё ловить. Только отойти надо подальше – шагов на десять.

Игра начинается – никому не хочется свистеть – все желают играть в «Серсò» (одно название завораживает). Между тем, дед делает ещё пару тросточек и колечек. Отдаёт и уходит в дом.

3.

Та девочка наизусть знает každолетнюю игру в «Чародея» и обожает всех её участников: дедушку, бабушку, сестрёнку, брата, походы на речку и за грибами, ворованную в собственном саду малину, катания на телеге, телят с их мамами-коровами, всех соседских собак, тягучий и невероятно сладкий мёд прямо из сот, золотистые пироги из печи, неглубокую речку, колокольчики, ромашки и васильки, зелёные плоские стручки гороха, дождливые и солнечные дни, деревню и весь мир заодно!

Лето-лето! Пролетает над ними, а над летом пролетают лета, ныряя и бесследно исчезая в Лёте, но дети об этом не догадываются. И хорошо.

Тсс... Не мешайте ей – пусть помечтает о прошлом.

СААДИ ИСАКОВ

ДУРАЧКИ

Наблюдая за ним более тридцати лет, я думал, что жизнь моего коллеги складывается сложно и путано, отчего рука прямо-таки тянулась к перу, чтобы положив его судьбу на бумагу, отредактировать, упростить и хоть как-то разобраться, что к чему, а то и поправить, или переписать наново.

В случае с нашим героем корректуру следовало начинать ещё до его рождения, потому что был он каллиграфически выведен в метрике как Абрам Адольфович Ярусский, скажем так, не очень благоприятно на глаз и благозвучно на слух для нашей Средне-Русской равнины. К слову сказать, есть и у других народов весьма двусмысленные фамилии, например, Евреинов и Жидовцев – у русских или Москаль – у украинцев, с которыми тоже не очень понятно, как жить.

Отца его назвали Адольфом в сомнительный период братской советско-фашистской дружбы, когда это имя было популярно даже среди евреев, как одно время Иосиф, Владлен или пресловутый Лев. Тогда оно не имело ни малейшего оскорбительного, предосудительного или преступного подтекста. Отчество, тем паче, следовало поменять, поскольку папаша Адольф сбежал ещё до рождения Абраши, и мальчика можно было записать латентным Аркадьевичем или, вообще, взять фамилию матери – Ротшильд. Хотя тоже – не выход. Фамилия её, опять-таки, будто в насмешку.

Ребёнок знал об отце со слов матери две вещи: что тот – негодяй и, одновременно, ответственный партийный работник. В понятиях мамы, начиная с 1956 года, это никак не противоречило одно другому.

Тем не менее, Абраша, не зная отца живьём, был уверен, что создан по его образу и подобию. Внимательно рассматривая себя в зеркале, угадывал коренные отцовские черты за вычетом хорошо знакомых маминых. С годами у него сложилась устойчивая картина, и в целом он имел представление о том, как выглядел отец, хотя ни разу не видел его фото.

Однако алименты на сына приходили исправно. Абраша понимал это как взносы в судьбу откуда-то свыше. На то и жили. Чтобы не *тужили*, мать подрабатывала вязальщицей красных, грубых шерстяных шарфов, неистово колющих лицо и шею. Деревянный станок, выделенный подпольным

цеховиком, стоял посреди их комнаты в коммуналке. Мать работала до обеда, пока Абраша был в школе, чтобы не мешать сыну делать уроки, и вообще ходила в это время по дому на цыпочках. Еврейский мальчик обязан был стать учёным.

Но даже если опустить отчество, а оставить только имя и фамилию, то как-то так получалось, что Абрам, или Авраам, бесцеремонно примазывался не к своему собственному целеустремлённому, жестоковыйному и беспокойному на ниве нравственных, научных, экономических и политических достижений народу, а предательски склонялся к другому, славянскому, созерцательному, бесшабашному, с ориентацией на *авось* и перманентным пребыванием подшофе. Причём происхождение фамилии Ярусский, как ни странно, к русским не имеет никакого отношения, а происходит от города Яруга под Винницей, откуда были родом Абрашины деды по отцу.

В итоге вышло так, что Абраша, унаследовал и те, и другие посконные национальные черты, даром что его предки, близкие и дальние родственники, двести лет ходили под бдительным присмотром Российской Империи во всех её переменчивых политических и государственных формах, служили кантонистами, работали ломовыми извозчиками, управляющими поместий, шинкарями, комиссарами, ответственными работниками среднего и высшего звена, дознавателями уголовки и ЧК, деятелями культуры, и нередко крепко дружили с православными или атеистически настроенными хохлами и русаками. Из него получился авральный трудоголик и одновременно философ, лежебока, говорун, любитель выпить и закусить.

Не исключено, что характерные славянские черты перешли Абраше по наследству ещё и в благодарность за то, что Яруга – единственный в мире населённый пункт, которому присвоено звание «Праведник мира». Во время войны жители села спасли от нацистов всё еврейское население, проживавшее в местечке, и несколько семей евреев и цыган, депортированных из Бессарабии и Румынии.

В случае с Абрашей Ярусским, как говорится, чем только Б-г не пошутил – тот ещё юморист.

Известно, что с детства всякому еврею приходится овладевать виртуозным искусством существования. Даже если он – записан, как Прохор Степанович Перепёлкин, православный выкрест или атеистический пролетарий. Что тогда говорить об Абраше, которого товарищи с первого класса ласково называли Адольфовичем, а если неласково – прямо-таки фашистом или просто Нерусским, отчего мальчику было решительно не по себе и хотелось в отчаянии где-нибудь на задворках, на школьном чердаке, сидя под потолком, утыканном крючками сгоревших спичек, или в кабинке вонючего туалета конспиративно всплакнуть.

На свою будущую беду Абраша с юности почуял тягу к гуманитарной науке и художественной писанине. И нет, чтобы вопреки этой блажи пойти в строители, нефтяники-газовики, врачи или по коммерческой пищевой надобности, как было в еврейском народе заведено, он не без помощи невидимой папиной руки поступил в университет сначала на исторический факультет, а затем перевёлся на журналистику. Сходу преодолеть для сына процентную норму на журфак даже номенклатурному папе было не под силу.

Правда, не подкачал собственный замечательный ассортимент природных ресурсов, благо ещё и память у него была феноменальная – он помнил не только даты, но и малоизвестные подробности – прочтённая однажды книга оставалась закреплённой в голове навечно, будто прибита гвоздями. Абраша был для товарищей доступным запасником всяческих исторических справок, цитат, чтобы не рыться в книгах и не тратить времени зря, а больше уделять внимания пьянке, модной в те времена, и без чего не обходился ни один финал студенческого или рабочего дня, приблизительно часов с трёх пополудни. Тогда это называлось «культурно отдохнуть».

Нередко во время попойки кто-то мог плеснуть, как из ушата, патетической мыслью, приписав её Бисмарку или Сократу, типа:

– Никто не любит своё отечество за то, что оно большое, а за то, что оно своё, – разве не правильно сказано?

На что Абраша угрюмо поправит:

– Это не Бисмарк.

– А кто?

– Римский фольклор, – и дополнит цитатой уже в оригинале: «*Nemo patriam, quia magna est, amat, sed quia sus*».

Понятное дело, память была основной его заботой и тревогой. Он не просто боялся её потерять, свое несметное богатство, – это стало главной его манией. Он с маниакальной тревогой замечал, что после товарищеских гулянок что-то странное происходило в его голове. Мозги вдруг посещала лёгкая судорога, как рябь на реке или незначительное землетрясение, будто одни клетки серого вещества в слабых конвульсиях массово уходили в мир иной, оставляя другие потеть за себя.

В такой момент его посещала знакомая с 9-го класса мысль: «Не дай мне Б-г сойти с ума...», и Абраша в этот момент искренне верил, вторя поэту: «Нет, легче посох и сума; Нет, легче труд и глад».

Будто в отместку за свое происхождение, Абраша всегда слыл самым лучшим учеником, потом самым ответственным работником среди коллег, самым прилежным и отзывчивым на командировки журналистом. Судьба при папиной поддержке занесла его на работу сначала в газету

«Коммунистическая правда», благодаря чему он не без отвращения дважды побывал на Колыме, трижды – на Сахалине и однажды сплавлялся на плотках по реке Лена. В это время его сокурсники, сослуживцы и ровесники неприметного происхождения успешно осваивали международные просторы, куда, по главной и понятной тогда причине *собирательного* Абрашу не пускали. Разве что в Израиль, и то не всех и не каждого.

Подводим итог: ему с детства приходилось отдуваться за четверых. За Абрашу, за сиротство и отца-заочника, за Адольфа, за Ярусского, и дополнительно ко всему за ношение очков – очевидный признак принадлежности к «вшивой интеллигенции». Карьера журналиста-международника, даже при поддержке папы, *светила* ему, мелкому очкарику-коротышке, как служба в швейцарской гвардии при Ватикане. К тому времени невидимый папаша ушёл на пенсию, и его связи постепенно стали подмерзать и стремительно сходить на нет, как лёд по весне. Вскоре он, как говорят про значительных людей в некрологе, *ушёл из жизни*, будто приходиться уходить было в их партийно-чиновничьей воле. Абраша, прочтя о смерти отца в газете, собрался было сходить на похороны, но мать не пустила.

– Нёчего, – сказала она коротко с ударением на первый слог. Сын расслабился, успокоился и не пошёл.

Когда мать умерла, после похорон на Востряковском кладбище он тайком сходил на могилу отца, впервые увидел фотографию и удивился сходству. И тоже – в очках.

Итак, Абраша старался жить изо всех сил. Он ставил перед собой цели и достигал их. Конечно, он мог бы сменить фамилию, имя и отчество, но был, что называется, не из тех. В этом вопросе он был бескомпромиссным. И даже в графе не переделал национальность на русский, на что намекала паспортистка, косясь на фамилию и искренне желая юноше добра.

Сколько Абраша себя помнил, он и с руководством всякого рода был не особо в ладах, с любой властью, верховной и на местах. Причиной тому, если разобраться, был его свободолюбивый дух и нетерпение насилия над собой. Но только в вопросах, касавшихся его лично и его народа. Он не мог отказаться от корней, от призрачного местечка Яруга, где не был никогда. Тут он был непреклонен, упрям, но в других вопросах он был на удивление податлив.

В прочих вопросах он был таким же конформистом и оппортунистом, как и большинство его «полживых» коллег. Абраша часто из фрондёрства употреблял в своей речи, как он сам называл, «младологизмы» Солженицына. В остальном он был, как все. Ему говорили: надо приспособливаться. И он приспособливался. Ему говорили: надо постичь конъюнктуру бытия, иначе партия и гонорары от тебя отвернутся, и праздновать будут другие, но не ты. И он постигал.

Псевдоним он себе выбрал – Аркадий Глаголов. Абраша теперь *жжг*, *выжигал* недостатки, «отжигая» в популярном сатирическом журнале «Гладиатор». Объектами нападок были руководители низшего и среднего звена, вороватые директора магазинов, заведующие овощными базами и прочие проходимцы, а также безнадежно отстающие от пятилетнего плана председатели колхозов. Абраша уже тогда не сомневался, что выбор жертв был совершенно случаен, что существовала внутренняя партийно-хозяйственная лотерея, в результате которой кому-то доставался несчастный билет. Злые фельетоны партии были *очень нужны*. Они давали народу чувство справедливости на земле, веру в социалистическую демократию на местах и в неминуемый приход коммунизма ещё при жизни трудящегося, а точнее к 1980 году.

В провинции Абрама Ярусского обыкновенно встречали на уровне зама секретаря обкома по идеологии с почестями героя-папанинца, вернувшегося со льдины, селили в центральной гостинице напротив обкома партии в прекрасном номере с казённой, отлакированной, местами ободранной социализмом мебелью, и уже в первый вечер застоля указывали на местного оболтуса, которого следовало *разорвать* фельетоном в пух и прах, с рекомендуемой обкомом финальной сценой, где негативный персонаж «торопливо пересчитывает рубли, десятки и четвертаки в отдельные пачки, заворачивает их в газету, садится в такси, обязательно на заднее сидение, как *твой барин*». И тут его берут с поличным борцы с хищением госсобственности в особо крупном размере.

С другой, «неполживой» стороны, Абраше приписывают такие крылатые фразы, как:

«Осиновый кол – начало начал,/Он в жизни моей – надёжный причал», – это были его рассуждения об истории Государства Российского вообще и одноимённом труде Карамзина.

Или, к примеру: «В борьбе *задело* Коммунистическую партию Советского Союза. Будьте готовы!» «Коммунизм победим!» – это тоже его.

Когда Горбачёв сказал своё знаменитое «Кто опаздывает, того наказывает жизнь», Абраша усомнился в универсальности этой мысли, имея в виду, что иногда и поощряет, что лучше опоздать на самолёт, чем разбиться вместе со всеми, и парировал: «Всегда прав тот, у кого в запасе время, – подумал и добавил, – а вообще-то лучше переспать, чем недоесть».

– Ты понял, что сказал? – спросил коллега Миша Фёдоров, будущий международник.

– А он что сказал? Ты понял?

Как правило, Абрашу по заданию редакции отправляли с ближайшим коллегой в командировку. Через пару дней его товарищ исчезал и

возвращался, в лучшем случае, через месяц, выйдя из запоя. Абраша, как представитель средиземноморского народа, в генах имел особый, выработанный тысячелетиями опыта винокурения и потребления вина, фермент, расщепляющий алкоголь, в то время как другие, представители более северных народов, ничем подобным похвастаться не могли. Этим, собственно, и определялась Абрашина алко-выносливость, а также умение работать, будучи крепко подшофе, в то время как коллегам начисто отказывал мозг и организм.

Когда началась горбачёвская перестройка и бесцензурная «свобода трёпа», Абраша, устав от командировок, перешёл на работу в «Медицинский вестник», стал писать хвалебные статьи о никем и никогда не проверенных лекарствах и панегирики новым универсальным методам лечения от всех болезней, преимущественно, из США. Ярусский начал зарабатывать на этом хорошие деньги, купил трёхкомнатную квартиру и возмнил, что по жизни ему неплохо везёт и вожжи судьбы исключительно в его авторских руках.

Тут-то как раз пришло время жениться на Марии, бойкой бабёнке *галантерейно-продуктового* происхождения. Свадьбу сыграли в знаменитом роскошью ресторане «Прага» на Арбате, как тогда было принято в его и её кругах. Они оба могли себе это позволить.

В то время он как-то позабыл тревожную цитату классика. И как бывает в таких случаях, судьба напомнила, что жизнь-таки многообразна, что есть и то, и другое, и третье. Потому что умнее, мудрее и хитрее Всевышнего всё равно никому стать не получается, даже если ты его наследник по прямой еврейской линии, а все неудачи в прошлом ведут к достижениям и успехам в будущем. Впрочем, как и точно наоборот. А если всё стабильно хорошо, жизнь похожа на рай, либо скоростижно помрешь или вот-вот убьют, либо уже – в гробу.

В 1988 году у них с Марией родилась дочь. Назвали красиво – Дарья. Но дар оказался с Б-ей ухмылкой. То, чего так боялся Абраша, с некоторой коррекцией осуществилось в его потомстве, причём сразу, с самого рождения, в его новой, как говорится, плоти и крови. Природа дала неожиданный генетический сбой, и то, что было плюсом за товарищеским столом и в командировках, могло сказаться жирным минусом при порочном зачатии. Даша была желанным ребенком, и почему это произошло, можно только гадать. Природа, как он тогда посчитал, поглумилась над Авраамом, принесла его потомство в жертву.

Девочка родилась с признаками слабоумия. Предвидя, что у Дарьи в СССР нет никакого будущего, Абраша стал подумывать о том, как бы по-хитрому и побыстрее оказаться за рубежом, чтобы не потерять время и хоть как-то

изменить ход развития девочки. В чудодейственные исцеления, о которых сочинял сам, он, естественно, не верил.

Он выпросил у дальних друзей приглашение в ГДР, взял годовалую дочь и полетел с ней в Берлин. Жена, по конспиративной задумке, должна была прилететь неделей позже, чтобы не возникло подозрений на границе, когда семья в полном составе летит за рубеж.

Нажитое сложили в серебряную кружку, залили драгоценности густой сметаной, чтобы не звенело, неясно, зачем слегка подкрасили контрабанду свекольным соком.

– Что это у вас там, в сумке? – спросил таможенник в аэропорту.

– Суп для ребенка.

Дарья завертелась на руках, надрываясь выпасть из объятий, скулила. Таможенник увидел, что с ребенком что-то не так, не дожидаясь нудных хлопот и возни, пропустил их от себя подальше.

В памперсах у Даши были свёрнутые в трубочку доллары.

Сперва жили в скромной гостинице «Мезон» недалеко от Александерплац. Ждали Машу. Вышло, что зря ждали. Надо было без неё идти *сдаваться* в еврейскую общину. Когда явились все вместе, в общине на востоке Берлина их не приняли, подкачала как раз Мария, ничем не подтвердившая еврейское происхождение. Им предложили попробовать сдать в Ганновере, где община либеральнее по части приёма в европейское еврейство.

Потом им подсказали, *сколько надо было дать*, чтобы оставили в Берлине. Но помешала гордыня, всё та же, что не дала ему сменить имя и отчество в юности: «Унижаться перед какой-то *всемогущей* Ларисой, – да никогда!»

Попасть в Ганновер с советским паспортом было тогда нереально. Эту бредовую идею подсказала как раз всё та же Лариса.

Решили остаться в Берлине, мыкались по знакомым и гостиницам. Сокурсник Миша Фёдоров, теперь уже корреспондент в Берлине, из бдительности на порог не пустил. Было досадно.

Как оказалось, не приняли за *своего* ни евреи, ни русские. Деньги заканчивались. Заложили в ломбарде привезённое с собой серебро и золото. Переехали в общежитие по восемь коек в комнате. Трое младенцев в комнате орала без умолку, подстрекая друг дружку.

Оставалось перебираться в Западный Берлин, но для этого надо было пересечь границу.

В те дни в ГДР было беспокойно. Проходили стотысячные демонстрации и забастовки. Абраша тоже сходил разок на митинг на Александрплац и слышал, как освистали Эгона Кренца, сторонника улыбочивого социализма. Ярусский, как и все, отчетливо понимал: до падения стены остались даже

не дни, а считанные часы, и скоро настанут большие перемены. Не хватало только толчка, который запустит весь этот механизм *разрушения стены* и направит историю в нужное русло.

9 ноября 1989 года Абраша, сидя на табурете в обшарпанной общаге, смотрел в прямом эфире выступление члена гдээровского Политбюро Гюнтера Шабовски, с трудом понимая, что происходит. Трансляция шла уже битый час, и когда Абраша понемногу начал клевать носом, Шабовски вдруг взял бумажку и прочёл следующее: «Согласно данному решению, вступает в действие положение, в соответствии с которым каждый гражданин ГДР имеет возможность выезжать из страны во всех местах пересечения границы, без предъявления оснований для поездки».

Журналисты поскакали со своих мест и с криками: «Когда, где?», осадили трибуну. Шабовски растерялся, запутался в своих бумагах, где было чёрным по белому написано, что решение должно вступить в силу 10 ноября, и чуть подумав, промолвил: «Насколько я понимаю, это положение вступает в силу прямо с этого момента. Безотлагательно».

Абраша мало что понял, но прочувствовал общий порыв и скомандовал:

- Срочно собираемся.
- Куда? – спросила перепуганная Маша.
- Куда все.

Они двинулись на КПП вместе с тысячько немцев. Толпа смеялась, плакала, кричала, веселилась, будто в приступе безумия. Пограничники пытались уговорить берлинцев, но люди всё прибывали и прибывали. Настроена толпа была довольно миролюбиво, на солдат не кричали, камнями в них не кидали, а наоборот, вежливо и даже ласково просили пропустить. Красивые девушки совали обескураженным и пристыженным погранцам цветочки и бутылки с шампанским. Офицеры, растерявшиеся куда больше солдат, оставив безрезультатные попытки связаться с начальством, заперлись в будках и решали сложную дилемму: «Пускать или нет?» Противоположную сторону границы вообще никогда всерьез не охраняли.

Последней каплей стал листок с текстом нового закона, который передали начальнику КПП из толпы. Тот, уже вконец обалдевший, махнул рукой и отдал приказ: «Открыть шлагбаумы». На самом большом КПП на Борнхольмер Штрассе прорвало весь этот людской поток. Двадцать тысяч человек ринулись на Запад. Навстречу вышли брататься толпы западных берлинцев. Начали плясать, петь, распивать спиртные напитки и откалывать от стены кусочки на память. В этой суматохе Абраша с Дашей на руках потерял Машу. Она металась навстречу толпе, бессмысленно звала Дашу. Абрашино имя она всегда произносила неохотно, будто стеснялась.

Наверное, где-то рядом с Абрашей среди толпы, отбивая кувалдой кусочки стены, были химик-теоретик др. Ангела Меркель, Герхард Шрёдер и посол СССР. Да мало ли кого туда понесло. Но жены-то как раз не было.

Абраша совсем растерялся. Обессиленный, с ребенком на руках, он оказался на лавочке в лесу, и от усталости заснул. Проснувшись, обнаружил Дашу на земле. Она ползала по кругу и от голода скулила, ела землю и одновременно громко делала в памперсы. Абраша запаниковал. Денег не было. Они остались у Марии. Был только паспорт и две расплавленные конфеты «Марс», которые он скормил Даше, перемазав ей лицо.

Случайный прохожий, которому Абраша на английском поведал свою историю, вызвал полицейских. Те, в свою очередь, направили «русских» сперва в госпиталь, оттуда – в приют для бездомных с детьми.

Через пару дней Ярусский *сдался в азию* на том основании, что на родине написал в одном общественно-политическом журнале «неполживую» статью «Еврейское сознание и христианство», смысл которой сводился к тому, что евреи обыкновенно читают Тору и из любопытства – Новый Завет, чего нельзя сказать о христианах, знакомых со Святым писанием, преимущественно, в пересказе и интерпретации попов. А потому еврей, знакомый с Библией напрямую, знает Святое Писание лучше, чем иные адепты православия, а многие христианские ценности у евреев чуть ли не в крови. В результате он получил несколько звонков с угрозами лёгкой, средней и несовместимой с жизнью тяжести антисемитского содержания. Статья была случайно с собой. Как она попала в карман куртки вместе с двумя конфетами для Даши – загадка. Похоже, что кто-то там незримый решил за Абрашу, что так для него все же будет лучше.

Этого было достаточно, чтобы семью взяли на довольствие как политических беженцев. Денег стало хватать. Бутылка водки стоила 5 марок, сигареты 1,20, жильё в Западном Берлине, прифронтовом городе, с 1948 года можно было снять за относительные копейки.

Поиски Маши затянулись, – в течение месяца после падения стены в Германии встало всё, начался затяжной праздник, дискотека, карнавал. Оказалось, потеряв Абрашу и Дашу, она вернулась назад, надеясь, что они тоже благоразумно вернуться в общагу.

Наконец-то, полиция нашла Машу. Так что через два месяца она оказалась на всём готовеньком. Ярусские, наверное, впервые, что называется, зажили, сравнялись по благополучию с 1988 годом и даже выкупили назад кое-что драгоценного из ломбарда.

По счастью Абраша устроился преподавать русскую словесность в университет на русском языке – его порекомендовала знакомая, ушедшая в декрет. На кафедре вместо своих прежних советских прозвищ он получил новое – «Kremlschele», напоминающее «мойшел» – жидёнок, зато, что пытался поведать немцам о русской культуре, был скромнее ростом и раздражительного происхождения. Однако, как он ни старался передать смысл «Братьев

Карамазовых» или «Трёх сестер», в итоге в головах басурманских студентов всё равно получалось: «Матрёшка, борщ и казачок».

Кроме того Абраша, веря в демократические свободы и ценности, консервативно ратовал в либеральном университете за традиционную сексуальную ориентацию и половую гигиену, ополчился на однополую семью и марихуану, активно сопротивлялся называть негров на русском *загорелыми* или как там теперь принято, то есть по всем параметрам выходил «агентом Кремля».

Однажды коллега предупредил: «К нам придёт профессор из Америки, будь с ним поосторожнее в выражениях. Он наполовину – чёрный».

«По пояс?» – вырвалось у Абраши.

Из университета с такими взглядами, в конце концов, пришлось уйти. Толерантность и политкорректность дали крен и окончательно победили демократию. Не того он ожидал от народа великих поэтов и философов, уже имевшего опыт сползания в крайность. Это был удар по принципам, что называется, ниже пояса. Одновременно жена Маша решила полностью посвятить себя Даше. Это были её схи́ма и послух. От некогда бойкой бабёнки вдруг повеяло ладаном.

Дарью сдали в спец-интернат. Маша устроилась там санитаркой, днями и ночами пропадала рядом, и нашла таки покой. На Абрашу не оставалось времени. Он же – умный, учёный и здоровый не взял на себя схи́му на послух, вообще чуждую еврейской натуре как природное недоразумение, и пошёл по женским рукам, пока не остановился на одной коллеге по изданию «Русско-немецкое обозрение», где теперь работал выпускающим редактором. Она же, потратившая все свои душевные и физические силы на то, чтобы женить его на себе и довести до бракосочетания в Посольстве РФ, коварно заболела ревматоидным артритом сразу в запущенной форме и предательски слегла.

Молодожён, мечтавший о сытой, спокойной и счастливой жизни на пути к неминуемой старости в сопровождении любезной сердцу барышни и вислоухим британским котом, окончательно упал духом. Милейшая кошачья тварь внезапно превратился в требовательного, эгоистичного негодяя. Никак не ожидая такого разворота, очередной насмешки сверху, Абраша расстроился не на шутку, затаился и совсем физически сник.

Спустя месяц-другой, будто предчувствуя неладное, он по собственной инициативе, слегка пошатываясь, отправился в больницу, где его на месте хватил удар, по-новому – инсульт. Сколько он пролежал без сознания на полу в туалете приёмного покоя, пока его не обнаружил немецкий цыган Йохан с перебинтованной головой, зашедший по малой нужде, никто не знает. Не понимая, что делать и что сказать, цыган с криком выбежал в коридор. Собрав вокруг себя людей, он показал на дверь туалета. Так, по случаю, Абраша попал в руки вменяемых врачей, и его спасли.

Слегка придя в себя, он совершенно запаниковал. У него отнялась правая сторона тела и перекосило лицо. Ему чудилось, что он никогда больше не вернётся к нормальной жизни оборотистого человека. Время в его голове резко поделилось на две эпохи. На «когда у меня ещё не болела голова» и «после того, как со мной случилось несчастье».

Когда через месяц с довеском он вернулся из больницы домой, к нему вышла незнакомая, радостная, хроменькая женщина с крюками, бросила на пол обе палочки и стала целовать в лицо и губы.

– Ты что, больная? – кое-как произнёс Абраша, еле двигая языком, увернувшись от поцелуев.

– Да, у меня больные ножки. Ты забыл, милый?

– Забыл. Ты кто?

– Я – Люся. Жена твоя.

– Жена? – у него понятие «жена» прочно совместилось с именем Мария, матерью Дарьи.

– Ты меня не узнал? Я твоя жена Люся, – повторила она и заплакала.

– Не знал. Давно? – спросил Абраша. – Барышня, а мы разве с тобой не развелись? – он и тут всё напутал.

– Нет.

– А почему ты не приходила ко мне в больницу?

– Разве ж я могла с больными ножками? Далеко ведь.

– А Мария была, – эту он запомнил, а кто была женщина перед ним, стёрлось в его голове, будто за ненадобностью.

– Как мы теперь жить будем? – запричитала Люся, удручённая внезапной изменой мужа.

А зря. Абраша вообще стал путать имена. Вальдемара называл Валерой, а Никиту Олеговича – Петром Егоровичем. Дзержинский и Бжезинский у него выходили вообще как одно поучительное историческое лицо. Он, бывало, хотел сказать так: «Дзержинский был могущественным и жестоким человеком», а всё равно помер от чахотки. Но произносил только фамилию «Бздежинский», потом силился подобрать слова и не мог. В отчаянии ругался, так и не доведя мысль до собеседника.

Или бывало так:

– Бздижинский, – правильно выговорить фамилию никак не получалось, – смог победить Советский Союз. А всё равно помер.

– Всё тщетно, – силился сказать Абраша Ярусский, имея в виду, что можно стремиться к любой цели, а финал всё равно един. А получилось у него в итоге всё равно – «твою мать!» Это он выговаривал поразительно отчётливо.

Не имея возможности передать внятно мысль, он решил смириться и больше не пытался этого делать. И когда его спрашивали о чём-то, он вместо ответа рисовал на лице блаженную улыбку юридивого и молчал, будто

пребывал в собственных мыслях и фантазиях, физически и географически далеко. Если кто сильно настаивал, он с трудом выговаривал: «Вы меня всё равно не понимаете». И снова улыбался.

Не мудрено, что на этом фоне старые друзья и знакомые стали от него потихоньку отдаляться, постепенно переходя в категорию *бывших*. Если они не напоминали о себе, он их не помнил.

Он хотел оглянуться назад. Там было пусто. Но взамен прежним у него в больнице появился новый друг – Йохан, цыган, тот самый, что нашёл Абрашу на полу в туалете, маленький и волосатый, как мартышка, с круглыми глазами, с виду очень глупый и с вечно забинтованной головой.

– Опять побил голову, – говорит он Абраше.

– Кто?

Ваня пожимает плечами. Мало ли кто. Только Б-г знает.

Ваня – классический дурачок, одновременно беспомощный и крайне живучий бездельник. Кто-то невидимый заботился о нём и помогал, особенно если Йохан доходил, как и Абраша, до самого лютого края.

Когда они сидели за столом друг против друга после еды, цыган снимал с Абраши очки, наискось надевал себе на нос, причмокивал губами и смеялся. В то же самое время в голове у Абраши самостоятельно мог происходить разговор. Был ли он на самом деле, сказать затруднительно, но представим, что было именно так, то есть «по правде»:

– Ваня, – так на русский манер переименовал его Абраша, – зачем тебе очки? – говорит и тоже смеётся.

– Чтобы почитать.

– Так ты ж грамоте не обучен.

– Я буквы не умею, я цыган. – Ваня этим гордится и снова смеётся.

– Хочешь, научу?

– Мне нельзя.

– А «читать» можно?

– Читать можно, а грамоту учить нельзя.

– Почему?

– Мы – люди костра, – подводит итог Ваня, – мы цыганские сказки рассказываем друг другу по ночам.

Так думает и сам Абраша, потому что они оба молчат и только смеются.

– А если кто изучил чужую грамоту, записал сказки?

– Он предатель. За это его надо отхлестать по лицу женскими трусами, – это самое страшное наказание, как переломить саблю над головой дворянина, – читает Абрам мысли по губам Вани.

– О чём сказки? – спрашивает он.

– О хитром цыгане, о деньгах, о лошадях, обмане, воровстве и конокрадстве.

– И всё? А в чём доблесть-то? – спрашивает еврей Абраша.
 – В том-то и доблесть. Чтобы хитро украсть и не попасться.
 – Да как же так? Как с такой моралью можно жить?
 – Воровать нельзя, а воевать можно?
 – У Б-га нет такой заповеди – *не воюй*. Есть «*не убей*» и «*не укради*».
 – Зато я могу быстро считать в уме, – Ваня сменил тему, – давай посчитаю.

– 365 помножить на 286.

– Миллион миллионов, – итожит сумму Ваня и заливается хохотом.

Пришли Маша с Дашей. Принесли апельсины, бананы и кефир. У Даши криво и размашисто покрашены губы, модно, как у манекенщиц Вивьен Вествуд, лондонской сумасшедшей от-кутюр. Они параллельны очкам. Девушке очень нравится Ваня-цыган, поэтому она кокетливо отвернулась от него и нарочно смотрит в окно.

– Хочу в цирк, – вдруг говорит Даша.

– Цирк – это жизнь, – отвечает ей Ваня-цыган.

– А костёр – ваша церковь? – опять смеётся Абраша-еврей.

– Синагога. Вот так оно просто. Как *лево* и *право*. Разошлись мы в разные стороны. Народ книги и народ костра.

– А страдаем одинаково, но за разное, – говорит еврей Абраша.

– Хочешь, я расскажу тебе самую страшную цыганскую тайну? – вдруг отчетливо слышит еврей Абрам.

– Не боишься?

– Нет, я же дурачок. Таких, как я, трусами бить нельзя, – хитрит Ваня-цыган. – Когда вы, евреи, распяли Христа, – Ваня опять смеётся, – мимо проходили цыгане и украли один гвоздь из пяти. Этим гвоздём хотели пробить сердце Христово. Так мы смогли ненадолго продлить ему жизнь. За это Б-г смягчил для нас заповедь «не укради», разрешил цыганскому народу иногда воровать. Поэтому цыгане не видят ничего плохого в воровстве и мошенничестве.

– Незаметно украденное приравнивается к случайно найденному?

– К быстро поднятому, – поправил Ваня. – Учись, Авраам нашей мудрости.

Абраша рассмеялся.

– Евреи и цыгане – самые старые народы из выживших на земле.

– *Wer Zeit hat, hat Recht*. Не так разве?

– Так.

– Мы с презрением смотрим на вас, вы с презрением смотрите на нас.

– Вместе мы – презренные людишки.

– В нашем языке нет слова «война». Мы не начали ни одной войны. Наша последняя война была миллион миллионов лет назад, в долине, где мы

родились и жили, где река Цы впадает в реку Ганг. Оттуда нас навсегда изгнали.

– Ваш Иерушалаим?

– Но мы не бредим возвращаться туда, чтобы потом начать войну, – Ваня-цыган опять смеётся. – Мы не бредим своей страной.

– А мы не знаем, как можно попрошайничать и жить милостыней, – смеётся в ответ Абраша. – Профессиональные сборщики подаяния. Цыганская меланхолическая филармония.

– Кто-то ж должен принимать от вас подаяние ради искупления ваших грехов? – Ваня в разговоре с Абрашей не так глуп, как сперва кажется. – Мы ведь тоже не бедные. Ты хоть раз видел, как в кабаке цыган с детьми за столом жирует. А рядом, в соседнем ресторане, между столами ходит жена, она же мать, и побирается. И с внутренним презрением смотрит на вас, и несёт заработанное мужу и детям. А те едят чрез меру, надкусывают и бросают недоеденное на середину стола, показывая богатство и достаток. Не доедают и оставляют еду – смотрите, мы плюём на ваши обычаи и законы. У нас тоже есть деньги. Мы тоже богатые, как вы.

– В этом и весь смысл?

– А у вас, цивилизованных, из сорока пяти бомб только семь достигают цели. Это то же самое, что надкусывать и бросать.

– Смысл в том, что воровать и попрошайничать лучше, чем воевать и убивать?

Даша, Ваня и Абраша смеются.

Они всё время молчат, однако находятся на своей волне, как дельфины или киты, и ведут беседы, непонятно как понимая друг друга. Марии этого уже не уловить, хотя она сидит рядом и наблюдает. Со своей стороны она видит, что Абраша очень устал, Даша по-прежнему смотрит в окно, а Йохан опять тянется за абрашиными очками и смеётся.

Маша смотрит на них и скучает. Её одолевает тоска.

Постепенно Абраша стал выполнять простые поручения. Например, сходить в магазин за продуктами. Иногда за одним и тем же по несколько раз. Он может легко забыть, зачем и куда шёл. Однажды отправился в чистку за рубашками. Люся проверила, взял ли он с собой деньги. Абраша показал пятьдесят евро в кошельке. Однако вернулся ни с чем. На вопрос, что произошло, ответил: «Не мог же я отдать за рубашки мои последние пятьдесят евро».

По ночам Абраша нередко прерывал сон.

– Ты куда? – ворчала недовольная Люся.

– Маша, в животе совсем темно, – Абраша путал не только имена, но и слова, а думать стал исключительно канцеляризмами, как приправленный ими чиновник.

– Я Люся, – жена снова сотворила заведомую гримасу, готовясь спросонья заплакать. – Пойди лучше выпей воды, – сказала Люся и повернулась лицом к стене, чтобы порыдать.

– Красную или чёрную? – спросил муж, имея в виду с газом или без.

Он всунул ступни в домашние туфли и направился в санузел, слил избыток жёлтого дожда в унитаз и направился на кухню к холодильному электроприбору. Открыв дверь, обнаружил различные продукты питания, наваленные в хаотичном порядке без всякой умышленной логики.

Обратив внимание на батон качественного колбасного изделия из конины, скабрено торчавшего инородным телом, Ярусский вытащил его из электрического устройства, поддерживающего низкую температуру в теплоизолированной камере, расположил на предмете кухонной утвари, предназначенный для нарезки, реже разрубания продуктов питания, взял острый режущий инструмент, рабочим органом которого является клинок – полоса твёрдого материала, и стал аккуратно нарезать продукт питания ровными порциями для удобства потребления.

«Авраам, иди сюда, – зазвучало в его голове, – сколько можно возиться с продуктом питания ради процесса удовлетворения потребностей и тратить электричество почём зря?»

Ярусский пристыдился самого себя, покраснел пунцовым румянцем, надел на правую руку кольчужную перчатку для разделывания устриц, чтобы не нанести себе травмы режущим предметом, выключил свет для маскировки, однако продолжил нарезать дольками продовольственный продукт мясокомбината ровно на столько частей, чтобы полностью удовлетворить свою внутреннюю потребность. Получалось уже не так ровно, как при освещении, и расточительно увеличивало расход колбасы.

Абраша, пока нарезал пищевой продукт, насчитал ровно десять кусочков. Когда стал принимать этот мясной продукт в пищу, их оказалось всего девять.

Сперва он нехорошо подумал на кота, вороватого, нервного и злого, оттого гадившего, где попало. Но тот спал в дальней комнате на шкафу. Ярусский сходил проверить. До такой степени кот притворяться не умел.

Абрам с горечью осознал, что именно последнего куска ему не хватило до полного удовлетворения насущной потребности. Он отрезал ещё два куска, один взамен того, что не хватало, другой про запас, на всякий случай, если опять случится непредвиденное недоразумение или повторное проявление голода.

Но ничего неожиданного не случилось – кусков как было два, так и осталось. «Интересно, – подумал Ярусский, – надо бы провести эксперимент ещё раз».

Он посетовал на то, что в прежние времена отрезал колбасу неосознанно и не вёл подсчёт. Он снова нарезал десять кружков колбасы, однако, когда

съел, оказалось, что их снова девять. Тогда он опять повторил эксперимент с двумя. Количество кусков колбасы вновь осталось неизменным.

– Абраша, – звала уже мягче спутница жизни Люся, упрямо называвшая себя женой.

– Да погоди ж ты, – отмахнулся Абрам.

«У меня тут сугубо научный эксперимент», – думал Ярусский, но никак не мог произнести вслух, и получилось беспомощное мычание. «Я, – хотел сказать он, – на пороге открытия», – но не смог, отчаялся и выругался по матери. Это у него, по-прежнему получалось отчётливо, а лучше всего он произносил бессмысленные прелюдии, типа: «слушай, что я тебе сейчас скажу», «вот, к примеру, ты меня только не перебивай», – но после этого, будто уставал, перенапрягался и произносил невнятную белиберду, например: «Это на углу 136-й и 140-й улиц». Можно было бы спросить, а где эти улицы? И он ответит: «Ты ничего не понимаешь», – а потом ещё и выругается, но безобидно, сожалея, что не смог объяснить простой вещи.

С тех пор, как он с тоской заметил, что старые друзья начали от него отдаляться, Абраша прекратил ходить к логопеду и ортопеду, не видя смысла возвращаться к прежней жизни. Он перестал хоть как-то влиять на жизнь, на судьбу и вообще напрягаться. Он стал жить, – «как пойдёт» и «как полегче», слегка подыгрывал своей болезни, может, чуточку притворился и преувеличивал. Ему, похоже, так стало удобно и, в некотором смысле, комфортно казаться болезненным и блаженным.

С другой стороны, есть подозрение, что в его голове пропала связь между памятью и речью. Понятия и слова в его голове вовсе не пропали, но донести до других он уже не мог. И в этот момент у него сначала появлялась злость и досада, а потом это всё менялось на извинительную улыбку дурачка, точь-в-точь, как у Дарьи...

Он отвлёкся на минуту в спальню. Супруга Люся-Мария ровно сопела. Ярусский почувствовал свободу, в который раз полностью изрезал на кусочки колбасу, и с одним и тем же успехом. Вместо десяти кусков у него опять получилось девять, но из двух устойчиво оставались два.

В итоге он съел весь батон, но не даром, как в прежние времена, до того, как у него заболела голова, а в естественно-испытательных целях. Ему открывался закон «исчезновения куска колбасы при больших числах, и неизменность при малых». «Как бы это точнее сказать?» – подумал Абраша, сравнивая величие своего открытия с теоремой Лобачевского.

Он взял карандаш, попытался левой рукой подробно записать условие эксперимента, хотел пометить, что для чистоты опыта необходимо соблюдать все параметры: ночь, отсутствие электричества, наличие сухой колбасы любого сорта повышенного качества, терпение и упорство, – но не написал, – левая рука с трудом выводила по две корявые буквы на листе. Он составил

вместе три исписанных листочка, получилось жеманное слово «меланж», снова выругался, и смахнул карандаш на пол.

– Что опять? – Люся проснулась от звука упавшего предмета.

– Пишу поздравительную открытку.

– Кому?

– Всем. По случаю окончания Земного шара.

– Прямо сейчас?

– Надо всегда иметь необходимый запас колбасы, – подумал вслух Абраша.

– Хватит жрать по ночам, – сердито крикнула Люся из спальни.

– Я позавтракал, могу пойти поспать.

– У тебя в голове каша. Кто ж так делает?

– Ты ничего не понимаешь, – отчётливо сказал Абраша, но дальше его речевой аппарат отказывался произносить слова, а может и память отказывалась поставлять необходимые понятия, чтобы потом конвертировать их в правильные звуки. Или просто устал. Он постоял молча пару минут, собирая душевную пруть.

– Уйду я в больницу, – сказал Абраша.

– Не пушу никуда, – крикнула Люся.

– Устал я от вас.

Удержать его она не смогла. На другой день Абраша самостоятельно получил у доктора направление, а через неделю, в назначенный понедельник, за день до праздника Ханука, с утра стал собираться. На сборы потратил весь световой день. Побрился, надел белую рубашку с малиновым галстуком, синий костюм в чёрную полоску, будто наряжался на торжество, вытащил из антресоли почти новое зелёное английское пальто, подбитое лисьим мехом, купленное на первой западной барахолке вскоре после падения стены, коричневую ковбойскую шляпу из кожи и пешком, с собранным рюкзачком, отправился через весь город в Еврейскую больницу.

В седьмом часу вечера было уже порядком темно. По пути Абраша заблудился и шёл теперь наугад. Кончились только ему известные 136-я и 140-я улицы. Вдалеке, на пустыре, возле железной дороги, он увидел яркие огни. Ярусский пошёл на них, верно полагая, что там люди. Возле нарядных ворот, оформленных гирляндой разноцветных лампочек, стоял его новый друг, слабоумный Ваня-цыган, просил у публики милостыню, тонко и выразительно изображая болезнь Паркинсона.

Абраша чрезвычайно обрадовался. Он вспомнил, что цирк в Германии – это цыганский кочевой бизнес, табор с уклоном в семейную трудовую деятельность, всегда на грани нищеты и банкротства, а по сути – узаконенное бродяжничество табором. Директором обычно бывал отец семейства. Он договаривался с бургомистром об аренде городского пустыря месяца на три-четыре под палатку-шапито и вагончики. По окончании срока табор снимал-

ся с места, не заплатив ни гроша, зная, что искать его никому и в голову не придёт. Кто нынче решится преследовать цыган?

Директор цирка, он же по совместительству дрессировщик, опорный в акробатических номерах, на его плечах – лёгкая, гибкая цыганская молодежь, он же – жонглёр, метатель ножей, его жена – крутит обручи, ассистентка в номерах мужа, дети – каучук, гимнасты под куполом, батут, жонглёры. Живут в вагончиках, расположенных по периметру шапито. На задворках – грузовик с прицепом для перевозки палатки и алюминиевого каркаса, рядом – жиденький зоопарк из цирковых зверей: лошади, питон, обезьянники, коза, голуби и как чудо природы – здоровый хряк, наполовину розовый, наполовину чёрный, – вот, собственно, и всё.

– Кто тебе голову побил? – спросил Ваня и потрогал пальцем ссадину под правым глазом. – Ты теперь тоже праведник, отмеченный и обрётённый.

– Кем?

– Цыганским счастьем. Мир держится на праведниках.

– Чем бытуют праведники?

– Простым трудом. Или живут на подаяние.

Абраша тоже поскреб лицо пальцем. Боли не было, только отшелушилась короста застывшей ранки.

– Кот? – спросил Абраша.

– Кот так не может.

– Тогда... барышня? – Абраша опять не смог вспомнить имени жены. – Ручки у неё не болят.

– Давай с нами жить, – предложил Ваня-цыган, – тут тебя никто не обидит и в обиду не даст.

– Давай, – согласился Абраша, забыв напрочь, куда-зачем шёл.

Они оказались у самого дальнего передвижного вагончика, поднялись по металлической лесенке, вошли внутрь. Было грязно и уютно. Абрам бросил свой рюкзачок на свободную от тряпья, газет и прочего хлама кровать, посмотрел в заплёванное зубной пастой зеркало – поскреб пальцем коричневое пятно на зелёном сукне пальто, взял с откидного столика пустой бумажный стаканчик с кофейным осадком и жирным помадным поцелуем по краю, корочку засохшего хлеба от голода, и они с Ваней весело, как дети, побежали обратно к парадному входу в цирк.

Так Абраша ушёл в табор учиться цыганской премудрости и ремеслу. Перед каждым представлением он, по-прежнему нарядный, хотя уже понищенски слегка замусоленный и неопрятный, вместе с Ваней встречает зрителей у входа и просит милостыню.

– Иван не дурачок, – бубнит Ваня-цыган, протягивая посетителю бумажный стаканчик для денег. Так говорить его научил Абраша.

– А кто ты?

– Я Йохан. Я кретин, – заявляет он гордо.

Абраша просит милостыню с устойчивой блаженной улыбкой. Он сильно похудел, английское сукно нелепо кроет его как раковина устрицу, а без очков его вообще невозможно угадать. В них теперь – цыган Ваня. Ему подадут охотнее, потому что нет ничего трогательнее и печальнее, требующего сострадания, чем цыган в очках с толстыми линзами и забинтованной головой. Вдобавок он может художественно исполнять разные психиатрические болезни, если на него найдёт стихия Станиславского.

Но с первым звуком циркового оркестра, состоящего из пожилых и закостенелых членов задорной цирковой семьи, не задействованных на манеже, они бегут садиться на свои места в ложе. К ним присоединится Даша. С тех пор, как Абраша поселился в таборе, она здесь – бесценный гость и не пропускает ни одного представления.

На манеж выходит, еле-еле передвигая ноги, сгорбленный жизнью длинноносый клоун. И сразу падает на ковёр. Поднимется ли? В этом – интрига. На самом деле это переодетый старичок, цыган Николай. Абраша, Даша и Ваня знают, что это дедушка Вани, но каждый раз отказываются верить в это до тех пор, пока ковёрный не снимет колпак и не покажет подкрашенные чёрные, толстые как проволока, волосы.

И тогда они трое дружно смеются, в который раз разгадав тайну живого превращения.

Потом пьют чай в своем вагончике. Очки на Ване запотевают, как в бане, и он разводит руками и отталкивает воздух, будто совсем ослеп. Абраша возвращает очки себе, хотя они ему теперь без всякой прямой надобности. О, чудо! Ваня прозрел! И они снова смеются.

Они молча и счастливо смотрят друг на друга, улыбаются. Абраша, Ваня и Даша. Так и сидят, пока жена Мария не заберёт Дарью домой.

В другое время Абраша и Ваня на пустыре, возле палатки шапито, кругами месят грязь в резиновых сапогах. Могут встать посреди лужи и мелко-мелко топтать по воде или ломают хрупкий лёд, как малые дети, и радостно хохочут, или кормят животных и птиц, как взрослые. Или творят прочую ерунду. Но уже без Даши, потому что её среди дня здесь нет. Она – в интернате, где жена Маша такие глупости ей делать не велит и строго за этим следит.

Абраша, между тем, частенько думает, что всю жизнь ставил перед собой амбициозные цели и задачи, зарабатывал, суетился, стремился к достижимому и не очень, зато теперь ничего этого не делает, и как-то живёт, и кто-то Особенный за ним наблюдает, обо всём заботится и помогает. Похоже, надо было и раньше просто наслаждаться жизнью. Что теперь он, собственно, и делает.

И выходит у него, что пока Абраша (подчёркивая глубину мысли, он думает

о себе в третьем лице), хотел вмешаться и изменить судьбу, – был несчастлив. Когда, победив гордыню, достиг совершенного смирения, – обрёл счастье. И получает, как говорится, удовольствие.

А мы все – защиту, потому что Абраша, Ваня и Даша суть берлинские дурачки. Мы живём рядом, и подозреваю, что тот Особенный, кто за ними следит, их не обидит. А заодно и город. И нас с вами в обиду не даст.

Да, и последнее. Это касается переписывания набело судьбы Абраши Ярусского, о чём я опрометчиво заявил вначале, – как оказалось в финале, ничего исправлять не надо. Потому что если задним числом исправить от вольного жизнь какого-нибудь Адама, Моисея или Серафима Саровского, где было тоже много биографических странностей и путаницы, а после этого начать новый отсчёт времени, то мир скатится совсем в другую сторону, и неизвестно, будет ли всем от этого лучше.

А так есть, как есть. И на том спасибо.

КОНСТАНТИН КЕРБЕЛЬ

«ДЕНЬ ПОБЕДЫ»

Быль

К 75-летию победы над немецко-фашистскими захватчиками во Второй Мировой Войне.

Владимир Александрович Зотов открыл кабинет. Приходил на службу задолго до начала учебного дня.

Сегодня – 9 мая 1980 года, уроки укорочены. Городской парк отделён от школы неширокой улицей. В нём – воинский мемориал «Клятва», где происходит торжественный приём в пионеры.

Пришедшая накануне почта лежала неразобранной. В пакете от Военкомата – Почётная грамота и сопроводительное письмо. Директор *пробежал глазами* текст. От имени Министерства обороны поздравляли младшего лейтенанта Константинова Ивана Матвеевича, участника парада Победы 24 июня 1945 года, с тридцатипятилетней годовщиной разгрома фашистских войск в Великой Отечественной войне». «Константиныч! Это же электрик, работающий *по совместительству*. Тихий, скромный, незаметный. Приходит по вечерам, просматривает «журнал заявок». Устраняет, заменяет, расписывается. Он участник „Парада Победы“?!»

Праздничный день всегда какой-то радостно-томительный. Умытый, свежее-выбритый, шипящий одеколончиком, ожидающий. Возникает необыкновенная чувственность. Кажется, в этом повсюду рассеянном, прекрасном, притаился слабенький, одиночный огонёк. Поднимается волна детской бережно-нежной осторожности, любопытности. Она – бескорыстная, щедрая.

Парк блестит весенней свежестью. Майские лучи разносят изумрудный перезвон красок. Светло-зеленовато-жёлтые, бледно-фиолетовые с розоватым оттенком. Молодые листья клёнов, берёз, рябин, травы газонов – *тянут руки*, ветви, стебли, соком полные. Они радуют ароматом, счастьем, жизнью.

Солдат стоит коленапреклонённым. Автомат «ППШ»¹ лежит рядом. На левой, полусогнутой руке – каска. Голова траурно склонилась. Правая рука приподносит к губам полотно знамени.

Мраморная прямоугольная трапеция-стелла лежит. На ней золотом выбиты фамилии и звания погибших однополчан. Острый угол трапеции заканчивался декоративной чашей.

«Вечный огонь», как вечная память-благодарность тихо развеивает свет и тепло.

Дети стоят в одну шеренгу. Мальчишки – в белых рубашечках и чёрных брючках. Девочки – в белых блузках, чёрных юбочках. Белые банты в волосах, как паруса бегущих каравелл. На согнутых правых руках они держат ярко-алые галстуки. Контрастное сочетание этих трёх цветов вносит нервную торжественность. Все – строго сосредоточены. Ребята – чуть нахмурены, а одноклассницы ЕЩЁ шире открыли глаза, чтобы сдерживать волнение. Звучат слова клятвы. Стройный хор повторяет. Весомо... ответственно... «Перед лицом своих товарищей...» Учителя и приглашённые гости повязывают галстуки ребятам и девчонкам. Зотов *выбрал* маленькую ростом девчушку. По его стремительному движению, она поняла, что идёт к ней. Ещё неуспокоившееся напряжение тронула улыбка, мягкая и какая-то уже женственно-доверительная. На щеках выступил румянец, а бусины глаз заискрились.

Давно это было. Больше двух десятков лет. Ноябрьский праздник украсился снегом. Ветер хлестал злыми, порывистыми розгами. Прохожие поднимали воротники, натягивали шапки, стягивали на лоб и туже затягивали платки. А он, расстегнув пальтишко и подставив довольную рожицу холоду и снегу, *горел* внутренним огнём от того, что на шее у него был пионерский галстук! Все должны были видеть, он – Первый, он – Лучший!

Воспоминания не помешали аккуратно завязать и поправить узел. Он прикоснулся к белому, огромному банту в волосах. Широко, открыто улыбнулся. Склонившись произнес: «Будь счастлива!» В глазах что-то задёргалось... Тяжело сглотнул предательскую слюну... Так захотелось туда... назад... в детство...

Дом он нашел быстро. Над калиткой больших, двухстворчатых ворот была прибита пятиконечная красная звезда. Высокий фундамент «пятистенки»² с тремя окнами на фасад был изготовлен ладно, добротню. Брёвна, скоблёные, рубленые «в чашу»³, обеспечивали надёжность и долговечность. Стукнув кованым кольцом в пластину щеколды, вошёл во двор. С высокого крыльца под навесом с пристроем вышел хозяин. Невысокого роста, покатоплечий. Руки – мускулистые, работающие. Ладонь широкая, сильная.

– Константиныч, извини! Иван Матвеевич, я вот в гости к тебе.

– Не скрою, удивил. Нечасто нас начальство жалует.

– Да ладно, какое «начальство». Грамота тебе от Военкомата. Поздравление. На школу пришло. – Он протянул пакет, собираясь уходить.

– У нас просто так гостей не отпускают. В горницу пойдём или тут покумекаем? – Он показал на вкопанный в землю стол, за которым сразу начинались огородные грядки.

– Погода отличная. Насиделись за зиму-то в своих хорòмах⁴.

– Ясно. Быстро организую. А Вы пока располагайтесь.

Столешница – распиленный кòмель⁵ кондòвой⁶, боровой⁷ сосны. Чистая, плотная, частослойная, с красноватым отливом. Смолённая. По бокам две осиновые лавки. Тёплые, ласковые.

– Обед готовил. Супы – зимой, зеленушка – на лето. Люблю когда всё рядом. Протянул руку, пёрышко сорокозубки⁸ сорвал. Тут – лист хрена да редька. Картошка – хлебу присошка⁹, куда без неё родненькой, особенно в печи запечённой. Грузди и рыжики – непременно под водочку. Отбивает глупые мысли, грусть-тоску отгоняет. «Столичная» из морозилочки, чисточистая.

Его веселье, прибаутки были наиграны. Накрывая стол, суетливо менял тарелки. Рюмки переставлял, вилки переключивал. Заметив взгляд Зотова на непрополотые грядки, на сорняки вдоль кустов малины, грустно произнес:

– Один остался... Ждала долго... Всегда всё видела... Посмотри она сейчас, порадовались бы вместе...

– Константиныч, как ты умудрился такую комелюшку распилить?

Он молча поблагодарил за то, что тему разговора сменил. Да и вопрос его собственный авторитет поднимал. Заинтересованность была, а ответ отсутствовал. Глаза прищурились, хитринки развеселились.

– А я не пилил. У плотника испокон один инструмент был – топор. Все эти пилы, стамески – только волокно рвут, боль наносят. Расклинил с двух сторон, чтоб ровно было. Зачистил, подтесал... Солнце и ветер зашлифовали. Смотрится?

– Фактура удивительная!

– Природа всегда свой рисунок имеет, а мы – кто? Копировщики, но наблюдательные. Давай, как говорят, «для единого единства и дружного компанства», за Победу нашу славную!

Подняли рюмашки, выпили, закусили и сразу по второй. За тех, кто не вернулся, не дожил, за всех героев.

– Иван Матвеевич, я читал, красивый парад был. Маршал Жуков на белом коне, обмундирование парадное, знамёна вражеские у Мавзолея?

– Да мы этого ничего не видали. У каждого своя задача была: от техники своей не отходить. Тренировались на полигоне: дистанция, интервалы.

Радостно было! Конец войне! А медали, мундиры, приятно конечно, но не это главное. Мы нашу землю оборонили, родных, близких! Державу! Не сдались, не покорились как другие. Это дух! Гордость! Память на века!

В БЕРЛИНЕ уже было. «Попрыгунчики», так наши «Т-34» называли, по улицам прошмыгнули, пехоту с брони сбросили. Где огневые точки были, снарядами подавили. У нас приказ был: по зданиям не стрелять! Пушкой только по «тяжёлой броне»! Уличные бои всегда опасные, неожиданные. Враг везде может быть. Со второго взвода земляка фаустник¹⁰ из подвала под башню подрезал. Сгорел экипаж. Злоба лютая. Эти на улице стояли. Уже – не враги. Просто люди. Руки подняли, улыбаются. Один за ремешок часы держал, как подарок. Просили не стрелять. Не выдержал. Надавил на гашетку¹¹. Куда те часы улетели? Не знаю... Увидел – в доме дверь металлическая, не парадная. Решил проверить. Через люк вылез. Подошёл, толкнул, дверь открылась, и свет загорелся. Лампочка под козырьком. Мать честная! Опешил от неожиданности. У нас только в клубе и больнице лампочки были, а так – всё керосинки¹². А у них в подвале свет горит! Спустился по лестнице. По углам ящики, корзины плетённые. Бутылки – в ячейках, узкогорлые, длинные, с этикетками. Взял я беремья¹³ с охапкой и к своим. Только на ступеньках – солдатик ихний. Винтовка-карабин со штыком. Глядим друг на друга. Вся жизнь промелькнула. Всё, отвоевался! Бутылки не бросить, пистолет из кобуры не достать. И он не стреляет. Чего ждёт?

По улице лапотник-пехотинец пробегал. Орал что-то. В подвал заглянул, дал очередь из автомата и дальше побежал. Чудик-баламутный! Только жизнь мне спас. Этот ганс¹⁴ завалился вперёд и штыком комбинезон от локтя до колена прорезал. Затих у моих ног. Я экипажу бутылки передал. Гранату взял, кольцо сорвал, в подвал швырнул и закрыл дверь. Больно эта лампочка меня обидела!

¹ Пистолет-пулемёт, образца 1941 года, системы конструктора Шпагина.

² Сруб, в котором помимо стандартных четырёх несущих (внешних) стен, имеется в наличии пятая, тоже несущая.

³ Вид сруба.

⁴ Богатый просторный дом.

⁵ Толстая часть ствола дерева непосредственно над корнем и корневищем.

⁶ Ценные свойства древесины (прочность, плотность, отсутствие сучков).

⁷ Особый сорт сосны, высоко ценный в строительном отношении.

⁸ Сорт лука.

⁹ Подспорье.

¹⁰ Солдат вооружённый фаустпатроном (противотанковым гранатомётом).

¹¹ Рукоятка пулемёта.

¹² Керосиновая лампа для освещения.

¹³ Ноша.

¹⁴ Прозвище немецких солдат.

ЕВРОСТАН

Снег не долго, и не часто
По Берлину *правит* модой.
Здесь Атлантике подвластно
Управление погодой.

Циклональные муссоны
Ностальгией души мўтят.
Как угодники-гарсоны
Циферблатом вихри крутят.

Растянулись куполами
В ритме бешеном канкана,
И украсили снежками
Город, – сердце Евростана.

ИЗБРАННИК

Звенит Берлин колоколами,
Рассыпав трели в унисон.
Над золотыми куполами
Солируется соловьями
Незабываемый шансон.

Уходят звуки в вышину:
«Там... разберитесь с облаками!
Какой *продюсер* вам к лицу?
Пусть нам подарит тишину.
И одарит землян цветами!»

Наелась *Матушка-Земля*
Сполна людского богохульства:
Кровинушкой её края
Так переполнила судьба,
Что рвутся цепи лизоблудства.

Вершить *избраннику* дано –
Смещать акценты мироздания!
И ты, – планеты всей *лицо*,
Как орбитальное кольцо, –
БЕРЛИН! Избавь нас от страданья!

АПРЕЛЬ

Непревзойдённые артисты
 Апрельской, утренней зари.
 Все – без мутаций, – вокалисты,
 Пожизненно – певцы-солисты:
Вживую трелят соловьи.

В лесу аншлага не бывает –
 Пустуют зрителей места.
 Лесной концерт нас питает –
 Духовностью... Теряет
 Бродяг-романтиков тайга.

Как жаль: серьёзно прикипели
 К уюту *бражные* сердца.
 От постоянной канители
 Пассивно движутся *качели*
 К черте Всевышнего Творца.

Лесные, русские просторы,
 Урман – за домом, за углом.
 Кедрач, сосновые узоры...
 А ели и осины спорят:
 Листвой *судачат* о былом...

ВЕСНЯНКА

Зачерпни эти майские росы...
 Видишь, просится в губы сирень?
 Отгремели весенние грозы...
 Полюбились с *татушкой* – шагрень!

Напоследок *гульнула* веснянка,
 Окропила мёдом уста,
 Разыгралась моя «тальянка»,
 Кудри *машутся*, как береста.

Сквозь прозрачный муслин сверкает
Золотая оргия рук,
 На груди *два бутона ласкает*
Вакханально раскрашенный луг.

Счастье стало солнцем душистым,
Светлой радостью всё занесло.
Обмываю тебя искристым
Ручейком, как хмельное вино.

МАЙ

Добротою засияло солнце мая,
Хороводит конопатая весна.
Бахромой задиристо играя –
Друг за дружку задевая-обгоняя,
Улыбаются нахально облака.

Резво подтянулся, отбивая
Такты, музыкальный ветерок.
Соловьи, вокалом изумляя,
Заруладили, беспечно исполняя,
Арии весенних караок.

Призадумалась, сияя, изумрудность.
Разложила свой боезапас:
Оценив особенную нужность,
Несмотря на зимнюю простужность,
Закрутила буйный перепляс.

В финишный рывок победоносный,
Отодвинув страстности предел,
Обнажился звон разноголосый,
Наш, мужской, – *корононосный,*
Сладостный, любовный беспредел!

Женская, смешная недоступность
Скромно *сбросила вуаль...*
Подставляя губ своих припухлость,
Медовую, бражную распутность,
Смело понеслась куда-то вдаль!

Неяркий солнца луч...
 Морщинами – вода
 В каналах посеревших замутилась...
 Листва, как никогда
 Под гнётом ветерка
 В спирали вихревые закрутилась...

Зонты кафешек...
 Крылья-паруса,
 Не долго думая, сложились.
Разговорились небеса,
Затахтели словеса,
 И по земле *распузырились...*

РЕГИНА КОН

ФОТОКАРТОЧКА

Я смотрю на одну фотокарточку,
Где в углу – тот немислимый год.
Маховик свой тяжёлый загадочно
Время двинуло наоборот.

Разве я, та весёлая девочка,
Что печалей не знает пока?
Чьи косички с забавною ленточкой
Молодой моей мамы рука

Заплела? И на гальку прибрежную,
Что волна заливает, шурша,
Усадили меня, безмятежную.
Я гляжу в объектив, не дыша,

Улыбаюсь, ну что же мне хмуриться, –
Загорели коленки и лоб.
Голопяточной радостью щурится
На меня тот немислимый год.

ДАМСКО-КУРТУАЗНОЕ

Я буду сегодня вальяжна,
Ленива, чуть-чуть эпатажна.
И брови слегка изгибаю,
Впорхну на площадку трамвая.

Я в города центр барочный,
Поеду с улыбкой порочной.
А там, как и следует дамам, –
Держась безупречнейше прямо,

Примерить шелка и гипюры,
И шляпки по зову натуры.
Потом меня шлейфом, туманным,
Окутают Дольче с Габбаной.

И я поплыву неземная,
Себя уже не узнавая.

ЛЮДМИЛА КУЗНЕЦОВА

ГАЛИНА

*К 75-летию победы над немецко-фашистскими захватчиками
во Второй Мировой войне.*

Галина бежала с вокзала домой, навязчивая мысль сверлила висок: «Как там её чемодан, ничего ли не случилось во время её отсутствия?» Вот уже три месяца она не оставляла чемодан без присмотра – в нём было их, почти *сытое*, будущее. Галя ворвалась в комнату и, сразу бросившись к кровати, вытащила из-под неё чемодан: он стал легче, чем был. Открыв его, обомлела: на дне чемодана, сиротливо свернувшись, лежали несколько кусков подкладочной ткани. Её охватил ужас: «Как теперь они с детьми будут жить, на что покупать еду, оплачивать съёмное жильё?»

Последние месяцы, после того, как муж отправил её с сыном и дочкой из Киева на Урал, содержимое чемодана давало им эту возможность. Прощаясь, муж сказал: «Галенька, оставляю тебе немного денег, остальные буду высылать каждый месяц. Вещи из чемодана будешь на рынке обменивать на продукты или нужные детям одежду и обувь. Ведь сын растёт, к весне меня почти догонит, тринадцать лет – не шутка». Поцеловав жену, сына, пятилетнюю дочь – любимицу, уехал.

В чемодане были отрезки ткани: на шинель, костюмная... И самое ценное – заготовки для сапог: чёрные кожаные голенища, уже с подкладкой, подошвы, каблуки, стельки – всё, что положено было иметь в запасе для обмундирования офицера. Такое *богатство* могло спасти зимой от голода.

Теперь, сидя на полу, Галина смотрела на опустевший чемодан. Она повернула голову в сторону двери: хозяйка дома не раз пыталась зайти к ним в комнату, когда в ней никого не было. Когда Галина внезапно возвращалась, та задавала ничего незначащие вопросы: пишет ли муж, обещает ли приехать на побывку?

Галина разжала кулак, – до сих пор сжимала записку, где сообщалось, что муж проездом будет на соседней станции: «Теперь понятно, это точно она меня обманула!»

Несколько часов простояла на вокзале. Перед глазами пролетали вагоны, она молилась, всматриваясь в окна. Военные составы, не останавливаясь, следовали на Запад...

Страхнув с себя оцепенение, встала, подошла к окну. На улице сын играл с маленькой дочерью... По щекам потекли слёзы, затуманивая возникающие образы. Вот она – маленькая девочка. Вместе со старшим братом Ильёй вприпрыжку бежит она по улице. Семья у них – крепкая: отец – путеец, краснодеревщик, всё *спорится* у него в руках. Мать в Невьянске знает все, даже в богатых домах Яковлевых – частных владельцев чугуноплавильных и железоплавильных заводов, она получает заказы: хорошая белошвейка и вышивальщица всегда нарасхват.

Горькие слёзы текли и текли: вспомнила смерть матери, заразившейся тифом, когда ей было восемь лет. Не стало самого близкого человека. Появилась мачеха. «Отдай её в детский дом!» – слышала Галина настойчивый шёпот мачехи. «Папа, не отдавай меня в детский дом, я хочу быть вместе с братом», – просила она, но отец молчал.

Начались долгие годы жизни в детском доме, редкие встречи с отцом и с любимым братом. В семнадцать, покинув детский дом, стала жить самостоятельно, зарабатывая на жизнь шитьём, как когда-то мать.

Галина перевела взгляд на солнце... На лице появилась улыбка...

Вспомнились далёкий май, тепло, проникавшее в душу... Где-то внутри зрело предчувствие: должно произойти что-то хорошее. И вот она увидела его: Фёдор был высоким, стройным, с военной выправкой. Влюбилась с первого взгляда. Счастливые события наполнили жизнь смыслом: любимый муж, сын. В 1928 году они перебрались в Ленинград, где жила и работала мать Фёдора. Он учился на курсах, а она, занимаясь домашним хозяйством, растила сына.

Жизнь становилась тяжелее: ввели продуктовые карточки. На семейном совете решили: она, Галина, пойдёт учиться на курсы водителей трамвая, чтобы потом работать и получать *рабочую* продуктовую карточку, с ребёнком будет мать мужа.

Учёба приносила удовлетворение: во время практики, стоя рядом с вагоновожатой, учила названия всех остановок трамвая пяти маршрутов, запоминала дома, скверы и бульвары, каналы и дворцы, организации со сложными названиями, появившимися после революции. Каждое утро

она знакомилась с Ленинградом изнутри, здороваясь с ним, как со старым знакомым. Вскоре учёба закончилась, начались трудовые будни...

Вспомнила и 1934 год, пережитый ужас, когда убили С. М. Кирова. В официальных документах говорилось о «необходимости искоренения всех врагов рабочего класса». Фёдору на службе припомнили, что родственник его жены, муж сводной сестры, объявлен *врагом* народа. Их семья оказалась под подозрением. «Дело может иметь далеко идущие последствия», – опасался муж. Нескончаемой чередой потянулись дни полной неизвестности. Наконец, при поддержке влиятельного покровителя (рука провидения?), Фёдору удалось перевестись в Москву и поступить учиться на Высшие военно-академические курсы при Военной академии. А она стала слушательницей курсов для воспитателей детских садов. Жизнь налаживалась: после смерти от дифтерии двух дочерей, в семье появилась дочка Женечка.

Перед глазами всплыл ещё один кадр из *прошлой* жизни: чёрно-белое фото – она с детьми на море. Ноябрь, дети тепло одеты. Сын сидит на большом камне, дочка стоит рядом, доверчиво опираясь на плечо старшего брата.

Это было тревожное время, когда в самом начале Германско-польской войны вышел приказ о проведении «Больших учебных сборов», и мужа срочно перевели в Киев. На это время, пока устраивался на новом месте, Фёдор отправил её с детьми в Геленджик. Она проводила бессонные ночи и всё время телеграфировала ему, спрашивая, когда же можно будет приехать? Но он молчал.

Когда удавалось ненадолго заснуть, ей снился один и тот же сон: всей семьёй они идут по мосту, внизу – огромная тёмная река, кое-где покрытая льдом. Впереди на мосту – много людей. Вдруг мост начинает рушиться, и люди падают в чёрную воду. Муж бросается их спасать, хватая то одного, то другого, но они выскальзывают из его рук. А потом падает и он, увлекаемый толпой.

Просыпаясь в страшной тревоге, пыталась разгадать сон, но не могла...

К концу ноября пришло, наконец, сообщение, что они могут приехать в Киев.

Дети радовались редким встречам с отцом, но он был всегда напряжён и задумчив, как никогда прежде.

Весна 1941 года в Киеве выдалась буйной: черёмуха и каштаны уже отцвели, но в садах и парках было зелено и много цветов. Воздух – густой и как будто медовый. В эти последние, мирные дни в парках и скверах горожане устраивали пикники, катание на лодках, *шахматные баталии*... На скамейках, в тени цветущих деревьев, – влюблённые. Но призраком надвигающейся войны был рядом...

В один из таких дней Фёдор сказал:

– Собирай детей, отвезу вас на Урал.

До конечного пункта назначения проводить их не смог – был вызван в штаб Армии. Через две недели началась война...

Немного придя в себя от утраты содержимого чемодана, Галя написала мужу о краже, о том, как была обманута квартирной хозяйкой. Ответ пришёл быстро. Муж сообщил, что скоро приедет, чтобы перевезти их в куйбышевскую область. Так, в самом конце 1941 года, она с детьми оказалась в селе «Аврали». Подросший сын стал помощником тракториста, получая за работу *трудодни*. Она шила рабочие рукавицы, фартуки, мужские брюки – люди благодарили и расплачивались продуктами из своего хозяйства. Жизнь была очень трудной, – тыл работал на победу...

В селе отмечали Международный День 8 Марта. Единственный мужчина играл на баяне. Девушки запевали, но тут же замолкали под укоризненными взглядами пожилых односельчан. После этого грустного праздника Галина возвращалась домой. По дороге её окликнула почтальон. Пришло письмо: «Ваш муж, спасая жизнь своим солдатам, был застрелен вражеским снайпером...» И приложена похоронка.

Начиналась другая, полная неизвестности, жизнь. Без мужа...

АЛЬБЕРТ ЛЕИН

Дни застиранной тельняшкой,
Не романтикой пестрят.
Мы идём в одной упряжке
В неприветливый закат.

Встретив старые ошибки,
Незамоленность грехов,
Снисходительной улыбкой
Провожаем их приход.

Всё простив воспоминаньям
И предательства свои,
Мы – разбросанные камни
В поле лет среди войны.

Всё, что было – под венками
Отстрадившихся страстей,
И приветливость, как Каин,
Что входил в разряд друзей.

Убираем закоулки –
Мыслей и поступков сор,
Сухарями стали булки,
И мечты запущен двор.

И нашёптывают ветры,
Раздеваясь в сквозняках:
«Ах, не верьте вы в приметы
Ревматизма на ногах».

Вечер выстелил ночи снегами постель.
Вот и месяц снегами шаманит.
Не пытайся меня распинать на кресте
Обезумевших напоминаний.

Всё равно в небытьё наше время течёт.
Для чего тешить душу обманом?
Что начало бессмертия в жизни – почёт
Критикующих добровниманье?

Что у дня за спиной, мне не всё ли равно?
Белый дождь, где костры догорели.
Наши жизни, как будто пришедшая ночь
В повторимости неповторений.

Не приемлет обид, палача и судьи
Независимое вдохновенье...
На холодном кресте чёрный ворон сидит,
Перекаркивающийся с забвеньем.

И чем я старше становлюсь,
Тем неуверенней походка.
Усилий меньше тратит водка
На трезвость вылиться мою.

Разбавит трезвость алкоголь,
Как оттепель среди Февральска,
И буду я считать на пальцах,
Когда последний был укол.

На снегопады ветер нищ,
Доброжелательство-соседность,
Под небесами душ-жилищ
Отдач нас увлекает бедность.

У меня на всё свой этикет –
От законов принятых отличен,
Если чей-то сломан пистолет, –
Значит и меня коснулось лично.

Ничего не требую взаймы,
Не даю в кредит своих газелей,
Если где-то празднество шумит –
Я не обязателен к веселью.

Если всё же буду приглашён,
Сброшу этикетность всех амбиций,
Чувства мои спляшут нагишом,
Нарушая вычурность традиций.

Л. Б.

Страницу Библии базара
Сегодня я перечитал,
Тоску заброшенной гитары,
Каких-то записей скандал.

Семейства рюмок отслуживших
Наборам вин и коньяков,
Встреч, расставаний отспешивших,
Лохмотья чьих-то дневников.

Рты чемоданов старых таинств
И щёк заржавленных кастрюль,
Топографичность Гималаев,
Царицы Савской ридикюль.

Что выброшено из архива –
Приобретение людей...
Подсвечники из Тель-Авива,
Как завалившаяся тень.

Загадочная самоварность,
Исчезнувших уютов век.
И надо всем царит базарность,
И в ней блуждает человек.

ГЕНРИЕТТА ЛЯХОВИЦКАЯ

ЗИМНЕЕ НЕБО

Б
Е
Р
Л
И
Н
А

Это зимнее
небо Берлина
на Иглу чужеродную, что стоит
наверху Сферы полупрозрачной,
элегантно венчающей всю Телебашню,
так наколото, словно бы ждёт
наркотической дозы из шприца,
чтоб хотя бы чуть-чуть проясниться
и солнцу скупому позволить
сквозь тучи сырые пробиться
и на бледные лица
и фасады столицы
неуверенным светом пролиться,
а затем обессиленно снова забыться...

Так бывает, когда низких туч
клочковатых рваньё
поглощает Иглы остриё.

ПУНКТИР ЖИЗНИ

Цикл стихотворений

Невероятна жизнь, непредсказуема –
её деяния не наказуемы,
и потому она, что хочет делает:
порою – чёрное, порою – белое.

Как случается это мгновенье –
столкновение лиц и имён,
это таинство – *жизни явленье*
из реки бесконечной времён?
Появляется плоть – воплощенье –
непрерывного Духа комок –
из обычных молекул сгущенье
небывалых, единственных строк.

В миг рожденья мы громко кричали
с выраженьем смешным на лице.
Мы не помним, что было в начале,
и не знаем, что будет в конце...

Вспомним, как дали синели
в давние *детские дни* –
медленно длились они...
Но, с *ускореньем*, вослед
юности дни понеслись.
Всё убыстряется жизнь...
В каждом из прожитых лет
дни всё скорее летели...
Как это годы посмели
неудержимо скользить?!
Дней истончается нить
в беге стремительном лет.

Сколько осталось нам жить?
Лишь Богу известен ответ...

Вот и осень – пора плодоносная,
низкий ей, благодарный поклон.
Жаль, что следом – пора подоткосная –
явный *к будущей старости склон.*

Мы на этом пути, столь предвидимом,
пожелаем друзьям и себе:
«Чтоб болезням судьба нас не выдала,
да помолимся нашей судьбе!»

*И пускай в каждой жизненной повести
доброй будет на склоне пора
незапятнанной сути и совести
и достаток «кола и двора»!*

Есть в каждой жизни разный счёт времён:
год с годом рядом, как гора и камень –
один мгновением быть может заменён,
другой же тянется тяжёлыми «веками».

Бег лёгкий детства врезан в память дней,
танцуют вольной юности мгновенья,
и ровен сильный шаг породистых коней,
влекущих ценный груз дней зрелого свершенья.

Так можно ли исчислить жизни вязь?
Какая мера к мигу приложима?
Безудержно стремясь, иль медленно вяясь,
в Жизнь распрямляется любых времён пружина.

ЮБИЛЕЙНОЕ

Что за дата такая
в безразличном ряду наших лет?

Пара цифр сухая –
ничего в ней особого нет.

Только горечь незлая:
путь заманчиво в детстве сиял,
а теперь – что я знаю?

Мной не найдена суть бытия...

Никому не придётся
переписывать набело путь –

жизнь однажды даётся,
и минувшего нам не вернуть.
Всё же есть и награда –
остающийся с нами рассвет,
дети ль – сердца отрада,
иль от творчества скромного след...

Пара цифр простая –
ничего в ней особого нет –
улетевшая стая
из судьбою отмеренных лет.

*«...Я вспомнил время золотое,
и сердцу стало так тепло...»*

Пусть постороннему мы видимся
немолодыми –
от пережитого усталыми, седыми,
но, кто по жизни с нами
рядом шёл,
кто знает нас давно
и хорошо,
тот помнит юный смех
и ясность глаз
и молодыми до сих пор
он видит нас.

ТОСТ В ЧЕСТЬ НЕГАСНУЩИХ СЕРДЕЦ

Друзья! Да, мы немолодыми стали –
от пережитого немало подустали,
но мы, на самом деле, не стареем:
и в нынешние дни смеяться мы умеем,
и молодость в душе по-прежнему горит –
теплом и радостью всё заново дарит.

*Так вытъем за огонь
в негаснущих сердцах,
за волю к Жизни
до Победного конца!*

ВАЛЕРИЙ МАТЭТСКИЙ

ДЕФЕНЕСТРАЦИЯ*

Н. К-М.

Когда я думаю о тебе
В моей душе распускаются экзотические цветы
Где соловьи упиваются любовными сонатами
Соперничая руладами о твоей красоте
И их трели разрывают мне сердце
Высекая искры из глаз
И заставляя раскачиваться моё сознание
Одиноким парусом надежды
В штормовом море реализмта

Глядя в твои бездонные глаза
Я испытываю такой восторг
Как если бы меня выбросили из окна
И я бескрылый – лечу
Испытывая восторженный ужас
Навстречу моей мечте о тебе
О прекрасная Лейла
Зная что обречён разбиться внизу
Об острые скалы моей печали

А когда на дне грусти всплывает твоё лицо
Я начинаю рисовать контуры птиц
На светло-голубом листе бумаги
Но сам листок пытается улететь
Из под карандаша вместе с птицами
А мои пальцы начинают вздрагивать
Как струны скрипки Паганини
Под аристократическим смычком его страсти
И я опять улетаю на этот раз высоко-высоко
К фламенко испанского солнца

**Дефенестра́ция – (лат., книжн.) выбрасывание кого-либо из окна.*

СОН ЦИКУТЫ

N. K.-M.

Грусть бороздит морщинки по стеклу,
Покрытому испариной дождливой.
Закрыв глаза, виски как лампу тру,
Утраченную в сказке Алладина.

И музыка кизомбой* по вискам,
По пальцам, по окну сердечной смуты.
По памяти, тускнеющим мечтам,
По мачтам, парусам, по сну цикуты...

**кизомба – (порт.) – чувственный, романтический танец.*

ТВОИ ПЕРСТЫ

N. K.-M.

Прости
Заранее прощу
Прощаю

Считаю
Ворон нахохленных
В ветвях
Не знаю

Сжигая за собой
Мосты
Зачем

Меня терзают
Красотой
Твои персты

Ты смотришь
Приподняв плечо
Пытаясь
Скрыться

Бросаю

В голубей ключи
Причину
Спора

Из девочки
Возник цветник
Всего лишь
Спора

Одна

И вот я
Вора
Ловлю в себе
И видно

Не скоро
Притуплю
Стрелы наверхъе

Уходишь
Уходи
Наверно

В душе моей
Сигналит
Скорый

Экспресс

На рельсах
Голосит петух
Пылает
Гребнем

Ты девочка
Ты ДИВО
Круг

Заклятье
Крёмли

МЕДИТАЦИЯ НА ИКОНУ ГЛАЗ

А. Х.

Я – крылья бабочки трепещущие от твоего волшебного взгляда
 Мята пыльцы смята смятением узора твоих глаз
 Злаками золотистой радужки разбивающей брызги небесного астрала
 В ларёц моего сердца адресами зрачков на подковах душевной смуты

Мутирующей паники Абсолюта расстрелянной надежды звезды
 Вспыхнувшей от страха версты погибнуть сразу за горизонтом стразы
 Вибрирующей стрекозы наркомана мерцающего на острие иглы
 В миллиметре от медитации раны нирваны на иконе Иисуса Христа

Тристан* сорок красоты твоих сот сторонится странной тоски слёз
 Следит не мигая за взятыми напрокат треками скат такси
 Мечущегося между – ЖДУ НЕ ВЕРЮ ПОЙМУ НЕ-НА-ВИ-ЖУ жгу и жую
 Изжогу жёркого вожделения отделения МОЕГО тела от души ТВОЕГО
желания

Расстояния это ПАЛАЧ ТОСКИ искромсанный плач отпечатанный на
принте руки
 Курки взведены и дни нацеленные на ДЕВ надев на себя венки и венки
слов

Без слов расстреливают виски седеющих WHI-skey брачующиеся в пески
 И СКИ-нув нуворишей снов во сне вершат ершат и безыглых углов

Лов закончен! Не вечен чин венчания Я чаяния и НАВЗНИЧЬ накладываю
на НИЧКОМ

Ком мокро-туманных дыр никнет на – нет монет тень распускаю лет
 Тлею Е-2 Е-2 разбрызганная вода невода твоего приговора скора расправой
оправ

Ещё не открытых глав будущих булав лав и лавин взволнованных гор
 Рог лира быка звенит тетивой пиетета ласковая стрела стелет стекло
паллеты

Полёта твоих чудес здесь и всегда когда ты остановишь годá и гóды
 Будет моя погода ПаГОДОЙ наших бесед сед-мицы дней Сиднея
 Диском искомых ВЕД без ведома и С ведóмыми архиерея химерами рваных
комет

**Тристан – печальный образ легендарного принца средневековых рыцарских романов, по недоразумению влюбившегося в невесту шотландского короля, Изольду.*

«ТАНКА»

А. Х.

Осыпать всю тебя поцелуями.
О, какой розовый листопад!

Большой карп у прозрачной поверхности водоёма.

Я проваливаюсь в глубокую
Звёздную ночь.

ИБИС ЛЮБВИ ВИВЬЕН

А. Х.

СЧАСТЬЕ,
Это твои глаза
Ностальгируют в Мои Небеса
Ибисом любви Вивьен Ли
Лианой дерева самого высокого абрикоса
УНЕСЁННОГО ВЕТРОМ ожиданий
Зданий изданий не рушащихся этажей
Архитектурного ландшафта
Эмпайр-Стейт-Билдинга
Прободавшего заоблачные выси
Эквилибристикой рыси?

«Сьерра-Леоне»* гарцующей лошади
Вставшей вдруг на дыбы́ ды́бы
Ибо оба берега реки Оби́
Сбривают брови колен
Не локтями – ломтями
Метелей заснеженной белизны
Близорукого зайца Русака
Косящего огромными ушами
По Вами разбрызганной реке
Крови?

Вровень
Ноздря к ноздре
Заледеневшей вибрацией
Заливов наших глаз
Льдистой долины хрусталя
А ЛЯ «Сталь» Я

Наматываю на палец
Локоны наших колец
Цель колет в венец

Це-ны Амброзии Зорь
Рознятся колером PINK
В сортах розовых роз
Зреют узоры «Сфинкс»
В книксенах скифов
Мифы Ефима жмут
Офисами филигранных минут

Ткут технику Кунг-фу
Функ-ционируют в у-шу
Зайца Русака раскrojившего их
На оба берега реки Оби БИ

**«Сьерра-Леоне» – (порт.) искажённое от «хребет львицы».*

КАК ВЕЧЕР УМИРАЕТ КОД

Внутри меня страдает Бог
Гнездится-просится наружу
И звуком рвущихся костей
Звериных птичьих всех мастей...
Как вечер умирает код

БЕРЕГА В ТУМАНЕ

А. Х.

Медленно, плавно текущее стекло любви.
Берега тонут в тумане.
Это ты: и река, и берега, и туман.
Через реку – хлипкий навесной мостик
С тонюсенькими перилами.
По мостику иду я...
Под ногами почти ничего не видно.
Мостик сильно раскачивается.
Туман вязкий как кисель. Мешает дышать.
Я не знаю, зачем я иду на другой берег,
Всё равно кругом ты.
Но твой голос зовёт, заставляет двигаться.
Я протягиваю руки ему навстречу,

Оступаюсь... Падаю в воду реки Любви
 Я тону... В тебя... Ты вокруг... Ты со мной.
 А твой голос зовёт и зовёт...
 Плеск волн – твои поцелуи.
 Я пью их в реке Любви.
 Захлёбываюсь тобой...
 Вот уже ничего нет во мне другого,
 Кроме тебя:
 Берегов в тумане и
 Медленно, плавно текущего стекла любви.

ЗВОНКИЙ НАСТ

А. Х.

Я скорблю
 Голуби реют низко
 Зёрна долбят еkkлeзиаст*
 Ты так близко
 Глубоко на канате визга
 Долго падаю в звонкий Наст

Я
 Созревшая куколка в коконе
 На окне
 Между стёкол двух
 Тайно охаю
 В страстном локоне
 Колокольных объятий рук

Круг не замкнут
 Кнутами выдохи
 Вход как Выход рыбой дышу
 Шубой шорохи
 Кротки выстрелы
 Ноша брошена па-ла-шу

**Екклeзиаст (др.-греч.) – Один из наиболее глубоких философских трактатов («Всё – суета сует»).*

«ЧЁРНЫЙ ВОРОН, Я НЕ ТВОЙ»¹

«А вы / ноктюрн сыграть / могли бы / на флейте водосточных труб?»
Владимир Маяковский. «А вы могли бы?»

Отставив свой тощий зад под острым углом, и цепляясь руками, как орангутанг, Гриша Клэш² отталкивался ногами от хомутов, удерживающих водосточную трубу, и осторожно перемещал своё тело вверх по стене, имея конечной целью балкон пятого этажа. Первоначального заряда адреналина хватило только до третьего. Там Клэшу пришлось, уцепившись за перила очередного балкона, сделать вынужденную передышку. Когда он осторожно покосился вниз, в ночную темень, под ложечкой у него жутковато ёкнуло, ноги предательски задрожали, а руки странно ослабли и покрылись холодным пóтом...

«Проспект был пуст. Из водосточных труб
лилась вода, сметавшая окурки.
Он вспомнил гвоздь и струйку штукатурки,
и почему-то вдруг с набрякших губ

сорвалось слово (Боже упаси
от всякого его запечатленья),
и если б тут не подошло такси,
остолбенел бы он от изумленья».³

Хоть в этот момент Гриша и был *подшофе*, он понимал: если закружится голова – костей не соберёшь, а хотелось бы дожить до диплома. Но отступать было некуда: на пятом этаже блочного дома жила зазноба Клэша, Люба – однокурсница с биофака Карского универа. До сих пор, Люба держала Гришу на расстоянии: ни потискать, ни тем более сорвать поцелуй, к моменту восхождения по трубе, Клэшу не удалось. Но парень он был настырный и к тому же, понимал: если до получения диплома (а до этого вожделенного события оставалось всего три месяца) Люба не станет его женщиной, их пути-дорожки разойдутся навсегда. Люба останется в Карске, как столичная жительница, а его отправят куда-нибудь, к чёрту на кулички, поскольку Клэш был студентом иногородним.

Услышав о том, что однажды ночью, отец на пинках спустил с лестницы хмыря⁴-студента, забравшегося к ним на балкон (папочка был скор на расправу), Олег решил навестить свою младшую сестру Любу, которая

жила вместе с родителями. К этому времени, Олег и сам, находился в непростых жизненных обстоятельствах. Познакомившись после развода, с очаровательной художницей Таней, он, к великому своему огорчению, вынужден был констатировать, что её мать, широкозадая, кривоногая татарка («дочь кавалериста», как он её окрестил), настроена по отношению к нему, крайне негативно. Причина была совершенно невинной. На свою беду, Олег, как и первый муж Тани, оказался художником.

– Художник – от слова худо! – заверила будущая тёща, как только услышала о профессии Олега. На хорошенькую, сероглазую дочь, веселушку Танюшку, с золотистыми волосами, она ни капли не была похожа. – О Таньке, забудь! Хватит нам и одного художника. – заявила она, когда дочь привела Олега, чтобы познакомить с матерью.

Кажется, история повторялась. Ведь первый брак Олега был разрушен именно старательными усилиями родителей с двух сторон. Поэтому, после этого визита, Олег ломал себе голову, как уберечь свою новую подругу от дурного глаза её мамы.

Приехав к сестре, Олег застал своих родителей в паническом состоянии: любимой папенькиной дочке предстояло отрабатывать последипломную практику где-то в сибирской глухомани. Странный ухажёр Любы, оказывается, добился-таки, её благосклонности, именно потому, что потерпел фиаско той злополучной ночью. Восхитившись героической, ночной игрой Клэша на «флейте водосточных труб», Люба позволила ему уговорить себя на совместное распределение в безвестную таёжную деревеньку, под названием Талажанка. Ситуация осложнялась ещё и тем, что Люба была по натуре классической бессребреницей. До слёз умилялась любой живой твари; в людях совершенно не разбиралась; была доверчива как котёнок; а в школьном возрасте даже, однажды, заявила, что хотела бы выйти замуж за какого-нибудь калеку, для того, чтобы всю свою жизнь посвятить заботе о несчастном. И как нарочно именно к такой «святой душе», привязался этот хмырь, который, совершенно определённо был с *«большим приветом»*, так как приличные молодые люди не штурмуют балконы девственниц на пятом этаже. Да ещё, ночью! Да ещё, рискуя сломать себе шею, карабкаясь по водосточным «флейтам» труб. И тут, Олега осенило: «А ведь можно „убить сразу двух зайцев“: и сестре помочь и собственную ситуацию разрулить»:

– Я поеду в Талажанку вместе с Любой и Таней. И буду держать этого «флейтиста» под контролем, так долго, сколько будет нужно, – заявил Олег.

И сестра, и родители были приятно удивлены благородным жестом старшего брата и сына, и, зная рыцарский характер Олега и его любовь к сестре, не заставили себя долго уговаривать. Обсудив всё до мелочей, родители дали своё благословение, а Люба, только влюблённо *«ела глазами»*, старшего брата. Таким образом, отъезд в сибирскую глушь устаканился, и в назначенный срок,

две пары молодожёнов отбыли по месту дипломной, трёхлетней практики. Там, Грише предстояло трудиться в качестве директора скромной деревенской школы, в которую Люба была определена учительницей. Начиналась новая глава их жизни.

«Флейтист» Гриша был едва по плечо, высокому Олегу. Хрупкого телосложения, узкоплечий, но с крупной головой и внушительным, как у тукана носом, в профиль он был похож на Авраама Линкольна или Сирано де Бержерака. Как шутил Олег:

– Если бы, в ветреную погоду Клэш оказался в лодке, его нос спокойно заменил бы ему парус.

Но в фас, у него было красиво-продолговатое, интеллигентное лицо. На носу «де Бержерака» безотлучно располагались очки с такими сильными диоптриями, что казалось, в оправу вставлены не стёкла, а огромные глаза, живущие самостоятельной, не зависимой от лица жизнью. Из-за страшной близорукости (-9), без очков он выглядел совершенно беспомощным. А за толстенными, как лупы, линзами прятались большие, по-телячьи добрые и невинные, голубые глаза младенца с длинными ресницами. В общем, глядя на Клэша без очков, хотелось его как-то приласкать или утешить. А женщин, тянуло тут же подставить ему сосок своей груди. При всём при том, он был необыкновенно умён и талантлив, и постоянно становился призёром многочисленных шахматных и шашечных баталий.

В общем, «флейтист» оказался нормальным, симпатичным парнем. И чем дольше Олег с ним общался, тем больше понимал, что впервые в жизни, у него появился настоящий друг. В свою очередь, Гриша всей душой «прикипел» к старшему брату своей невесты. Поэтому через год, сыграли сразу две свадьбы, которые отгуляли в Талажанке, в настоящем деревенском срубе с огромной, на пол избы, каменной русской печью. Два торца и фасад этой белёной печи Таня с Олегом расписали перед свадьбой в качестве подарка. А через два года, Олег работавший главным художником в райцентре, затосковал: с одной стороны, теперь всем было ясно, что Любаша в опеке не нуждалась; с другой стороны, рождённый под созвездием Близнецов, Олег чувствовал потребность постоянно развиваться. Знаний полученных прежде в художественной школе, ему больше, не хватало. Олег начал задыхаться от провинциализма сибирской глубинки. После мучительных споров с родственниками, он вместе с женой вернулся в Карск и, оставив свою Танюшу у тётки, помчался в Питер на разведку. Как только Олег ступил под голубые небесные своды Санкт-Петербурга, в голове его зазвучали торжественные звуки хора, и душа мгновенно воспарила в неведомые прежде выси. Проживший треть своей жизни в Сибири, Олег был ошеломлён и очарован

гармонией золотого сечения ренессанса итальянской архитектуры. Необычной жёлто-бело-голубой палитрой фасадов, плывущих отражениями в каналах вместе с арочными пролётами мостиков, реюющих под вечно влажным небом русской Венеции. И это холодное северное «вино из запотевшей бутылки», ударило Олегу не столько в голову, сколько в душу. И душа его потекла с нежными волнами Невы, влюбленно лаская гранит набережных, любуясь египетским сфинксом, золотыми шпагами Адмиралтейства и Петропавловского собора, дерзко пронзающими небеса, и мифическими роstralными колоннами.

«Соната тайны и печали
Венчанье тёплой красоты
С холодной строгостью причала
Очеловеченной мечты...»⁵

Санкт-Петербург, как и Олег, был сотворён под созвездием Близнецов, родственные души узнали друг друга, и Олегу удалось поступить в художественную академию. Донельзя возбуждённый новыми обстоятельствами, он целиком погрузился в студенческую жизнь и в знакомство с городом, опьянившим не одно поколение поэтов и художников.

Из писем Клэша и сестры Олег теперь знал, что они оба, после окончания практики вернулись в Карск. Но Гриша, чем дальше, тем больше, жаловался на то, что семейная жизнь не задалась, а главное, *что он умирает от тоски, так как ему страшно не хватает общества Олега, и что эта ТОСКА выламывает его из мира людей*. Олег как мог, утешал далёкого друга, но кардинально помочь, он был не в состоянии. В свою очередь сестра, жаловалась на то, что без Олега, «флейтист» совсем отбилась от рук и всё чаще стал искать утешения в «бутылке». И снова Олег пытался утешить и примирить двух близких ему людей, но ситуация в Карске не улучшалась. Наконец, в очередном письме, Клэш напрямую обвинил своего питерского друга в собственных несчастьях и одиночестве:

– Ты просто бросил меня одного! – писал Гриша. – Приручил и бросил! – Почти цитировал он Лиса⁶ из «Маленького принца» Антуана де Сент-Экзюпери.

Это звучало так по-детски беспомощно и нелепо, что Олегу стало понятно: его друг окончательно впал в депрессию. У самого Олега, напряжение тоже достигло апогея, так как учёба подходила к концу и на носу была защита дипломного проекта. Поэтому в ответном письме, Олегу только и оставалось, что скрежеща зубами от бессилия, просить Гришу потерпеть ещё чуть-чуть, до получения им диплома, после чего, он обещал, сразу прилететь в гости к своему тоскующему другу.

Олег стоял, опираясь спиной на ажурную решётку набережной Фонтанки недалеко от Храма св. Пантелеймона на углу улицы Пестеля и Соляного переулка, который он истоптал за пять лет учёбы в академии вдоль и поперёк. Была пятница. Оставалось тринадцать дней до сдачи дипломных работ, и Олег, уставившись в пространство невидящим взглядом, устало составлял в уме, список того, что оставалось ещё сделать. Вдруг, с верхушки дерева в Летнем саду, на другом берегу реки, сорвался огромный, матово-чёрный ворон с полуметровым размахом крыльев. И в первое мгновение, Олег ожидал, что ворон полетит в сторону, но, гигантская птица, взмахнув пару раз крыльями и, уцепившись за его взгляд, как за струну, уверенно стала планировать прямо на него.

– Откуда здесь ворон? Это же, не городская птица!

Ничто в это мгновение, в сознании Олега, не щёлкнуло и не вспыхнуло, – просто, вдруг, он как будто, провалился в пятую парадоксальную стадию сна – минуя предыдущие четыре. В стадию, в которой можно не только видеть фантастические вещи, но и активно вмешиваться во всё происходящее, на равных со всеми другими сюрреалистическими персонажами. И, в этой стадии ОСОЗНАННОГО СНА, Олег знал совершенно точно, как если бы это было написано на вечернем небосводе огромными буквами, кто на самом деле, приближался к нему в виде чёрной, мрачной птицы:

ГРИША КЛЭШ.

А душа Гриши, в этот момент, на бреющем полёте, плавно и стремительно пикировала прямо... в душу самого Олега. Так же естественно, как если бы перед ним был обыкновенный человек, Олег сорванным голосом ошарашенно спросил подлетающее видение:

– Гриша, ты чего? Ты как здесь? Откуда?..

– *Григория Клэша больше не существует. Его тело погребено в земле Карска, на Бадалыке⁷, а у меня теперь, тело этой никчёмной птицы.* – безжизненным, металлическим тембром ответил Ворон. От его голоса веяло бездной. Олега охватил ледяной озноб.

– А зачем ты прилетел ко мне?

– *Я не хочу расставаться с человеческой жизнью. Птичья жизнь скучна и примитивна.*

Голос Ворона тисками сжимал сознание и высасывал душу. Сделав круг над головой Олега, Ворон вытянул вперёд ноги с длинными, хищными, пальцами и огромными, серповидно изогнутыми, страшными, чёрными когтями. Затем спикировал за спиной Олега на его левое плечо. Хотя вес настоящих воронов не превышает двух килограмм, Олегу показалось, что на него рухнула надгробная, гранитная плита. Он даже охнул от неожиданности. А когти, с такой адской силой впились в мышцы Олега, что казалось ещё

мгновение, и его ключица хрупнет, как соломинка. Скосив глаза на птицу, Олег увидел на её зобе, ниже массивного клюва, длинные, иссиня-чёрные, топорщащиеся перья вороновой «бороды».

– Чего ты, от меня хочешь? – побелевшими губами, спросил Олег.

– *Пусти меня в своё тело.* – поскольку, Олег был немного знаком с философией дзэн-буддизма⁸ он моментально понял, какую опасность несёт в себе просьба Ворона.

– Э..., видишь ли, Гриша, – ответил, запинаясь, Олег, – если в одном моём теле, одновременно будут обитать две души, то у меня начнётся, в лучшем случае, раздвоение личности. В худшем, – наши души вступят в конфликт и неизвестно кто победит. Но, твоя душа в человеческом теле Клэша, свою карму уже отработала и в этой нашей жизни ты можешь обитать, только пребывая в теле ворона. А вот я, свою карму ещё не отработал и обязан пройти путь СВОЕЙ жизни до конца, именно в теле Олега. А ТЕЛО ОЛЕГА, на плече которого сейчас сидишь ТЫ, ТЕЛОМ ВОРОНА, имеет право только на одну душу, именно, на ДУШУ ОЛЕГА. Так, что, как мне не жаль, дорогой мой сибирский друг, но впустить твою душу в тело Олега, я просто не имею права. В противном случае, существо в моём теле превратилось бы в монстра, а это совсем другая карма, не предусмотренная ни для тебя, ни для меня. Так что извини, дорогой Гриша, но, как я тебя ни люблю, ни в своё в тело, ни тем более, в свою душу я, тебя впустить не могу.

Угрюмо сверкнув на Олега чёрным агатом круглого глаза, Ворон, не сказав больше ни слова, тяжело по-человечески вздохнул и, взмахнув огромными крыльями, закрывшими полгоризонта, поднялся в воздух. Улетал он в ту же сторону, откуда и появился. Через несколько секунд силуэт мрачной птицы растворился в вечернем сумраке, как чайная ложка соли в стакане с кипятком. Олег встряхнул головой желая убедиться, что от дельта-ритма глубокого сна его мозг действительно, перешёл к бета-ритму, свойственному активному бодрствованию. Мимо него в обе стороны равнодушно сновали прохожие; по асфальту набережной двигались легковушки; никто не обращал на него ни малейшего внимания.

– Стало быть, никто, кроме меня, Ворона не видел, – ошеломлённо констатировал Олег и медленно оторвался от решётки набережной.

– Но если, мне всё это не примерещилось и Гриша в самом деле умер, почему молчат родственники? – ломал себе голову Олег по дороге к дому.

А дома его как раз ждал ответ на этот вопрос: письмо от сибирского дяди, в котором тот извинялся за то, что о странной гибели Гриши он сообщает ему с опозданием на две недели.

А две недели назад, дядя Олега, встревоженный телефонным молчанием Клэша, решил заглянуть к нему на квартиру, так как все родственники

давно уже были обеспокоены его периодическими запоями. Открыв дверь запасным ключом, дядя обнаружил Гришу лежащим ничком с краю кровати. Одна рука свешивалась к полу. На запястье был глубокий разрез. Рядом, на полу валялась разбитая винная бутылка. Весь пол был залит кровью. Очков на Грише не было.

Позже, следствие пришло к выводу, что, будучи в сильном подпитии, Клэш потерял очки; выронил из рук очередную бутылку, которая в падении разбилась. Шаря вслепую по полу, он глубоко порезал себе руку об осколки и, истёк кровью. Ну, да то – следствие... А на самом деле? Оставались вопросы...

Родственники в шоке от случившегося и занятые организацией похорон, вспомнили об Олеге только через неделю после трагедии. Ещё неделю шло письмо. Поэтому ВОРОН, письмо опередил.

эпилог

Через много лет, прилетев в гости, к сибирским родственникам, Олег познакомился с сыном Гриши Клэша, который родился уже, после смерти отца. Юноша жадно забросал вопросами своего дядю. Удовлетворив любопытство племянника, Олег, в последний момент, решил не скрывать и свою последнюю мистическую встречу с Клэшем в виде ворона. После того как он освободил свою душу от необычной тайны, которая камнем давила его все эти годы, он сказал:

– Представляешь, Митя, если бы в ТОТ раз, я уступил твоему отцу, то сейчас мне пришлось бы тебе доказывать, что я, которого ты принимаешь за дядю, на самом деле твой отец, только в чужой оболочке. Смог бы ты мне поверить? Смог бы уважать отца, поселившегося в чужом теле? Был бы ты, ему рад, если до сих пор, никогда не видел его живым?

Митя озадаченно хлопал глазами. Ему было приятно, что дядя называл никогда не виденного им, отца, своим лучшим другом и отзывался о нём, только в превосходной степени, но такого сумасшедшего поворота он совсем не ожидал.

– История с Вороном по сути ничего не меняет, – ответил Митя.

– Я отца никогда не видел и знаю о нём только с Ваших слов и слов моей мамы. А если посмотреть на это объективно, – такая история только с друзьями и могла случиться. Ведь в какую попало, душу не попросишься, а только в ту, которая тебе любба...

– Бедный, мой мальчик! Не такого ответа я от тебя ожидал, – огорчённо вздохнул Олег.

– Ты так и не понял, что всё это время разговаривал со своим отцом...

Олег отвернулся от сына, и разочарованно забормотал себе под нос слова из последнего куплета народной песни «ЧЕРНЫЙ ВОРОН»:

– Чёрный ворон, чёрный ворон,/Что ж ты вьёшься надо мной,.. / чёрный ворон, ВЕСЬ Я ТВОЙ.

- 1 *«Чёрный ворон, я не твой» – слова из первого куплета народной переработки стихотворения-песни унтер-офицера Невского пехотного полка Николая Верёвкина «Под ракитой зелёной», 1837 г.*
- 2 *Клэш – (анг.) столкновение, конфликт, коллизия, противостояние.*
- 3 *«Проспект был пуст. Из водосточных труб...» – И. Бродский. «Дебют».*
- 4 *Хмырь – (прост., груб., пренебр.) невзрачный, жалкий, или подозрительный, странный, неприятный человек.*
- 5 *Соната тайны и печали... – из стихотворения «Питер».*
- 6 *Цитировал Лиса – «Мы всегда будем в ответе за тех, кого приручили».*
- 7 *Бадалык – название городского кладбища.*
- 8 *Дзэн-буддизм – созерцание собственной изначальной природы; освобождение от неправильных взглядов и возвращение правильных взглядов.*

БОРИС МИЛЬШТЕЙН

ОДУВАНЧИКИ

Памяти Маргариты Их

Весна – это, по сути, Божья сказка. Она вступает в свои права после того, как среди новоявленной сочной зелени россыпью проросли жёлтые одуванчики. Эти неприхотливые Божьи творения миллиардами солнечных головок заселяют Землю, радуя своим появлением человеческую душу.

Какие же эти одуванчики непритязательные, но сколько от их присутствия вокруг гармонии. Они символизируют собой явную победу весны над затянувшейся, нудной, безрадостной зимой, выступая в роли гаранта неотвратимости тепла.

Хотя другие цветы, подснежники, – первыми предвещают весну, появляясь из-под снега через проталины. Но, наученные горьким жизненным опытом, произрастают подалеже от завистливых и жестоких человеческих глаз, опасаясь быть молниеносно сорванными.

С появлением же одуванчиков зима больше не смеет устраивать ненужные ночные заморозки, промозглые, стывшие дни с чахлой, снежной непогодой. И если вдруг внезапно задует неласковый ветер, то одуванчики сразу же спрячут свои золотистые головки в зелёные чашечки. И лишь когда снова появится солнце, они раскроются навстречу божественному сиянию.

Уникальная особенность одуванчиков в том, что для них не требуется унавоженная почва или специальный уход. Их ненужно подкармливать всевозможными витаминами, поливать специальными растворами.

Они, в отличие от подснежников, могут произрастать на такой местности, где нет и намёка на землицу: среди камней, различного щебня и мусора появляется их вездесущая желтизна. Даже на улице лишний раз не лень выйти, лишь бы порадовать душу этой красотой.

А что они вытворяют с тротуарными плитками и с бордюрными айсбергами. Находят среди этой городской урбанизации миллиметровые расщелины и гурьбой выползают на свет Божий. Никакая человеческая деятельность не может остановить такое страстное стремление к жизни.

Так же красиво одуванчики уходят. Их жёлтые головки превращаются в нежнейшие воздушные шары, которые при дуновении ветра расплывают свои семена-парашюты по округе. Но перед этим они успевают передать эстафету красоты другим многочисленным цветениям.

Одуванчики временно исчезают, чтобы на следующий год вновь зацвести во всей своей необычной привлекательности.

МАРИНА ОВЧАРОВА

ЗНАКОМЫЙ ГОЛОС

На краю зелёного дола
В тишине голубых акаций
Я услышу знакомый голос.
Он единственный смог прорваться.

Колокольчиков-новобранцев
Расцвела на заре поляна.
И нелепо торчит багрянцем
Молодой корешок бурьяна.

Выйду в поле за город гулкой –
Кисло-пряный, немного душный.
Уведу за собой на прогулку
Свою вечно голодную душу.

Провода гудят монотонно.
Им не холодно в зимней спячке.
А над городом, как спросонья,
Проплывают ленивые дачники.

Их корзины полны смородины.
И рябиной кошёлки полнятся.
Не смолкает в ушах мелодия.
Тихий вечер прохладный вспомнится.

Тихий вечер у круглого озера,
Где вдоль берега тянутся сосенки.
Где закат набегаёт розовый.
Лето клонится к светлой осени.

КУКУШКА*Басня*

Стволы миндальные вздымаются всё выше.
Коричневый воробушек на крыше
Тихонько радуется песенке своей.
Услышал песенку случайно соловей

И посмеялся над его вокалом.
Кукушка в это время пролетала
И устыдила чванство соловья:
«Своих детей однажды потеряв,

Живу одна, тоскою сердце полно.
Мне этот маленький воробушек напомнил
Невинной неуклюжестью своей
Моих когда-то брошенных детей»,

И улетела. Соловьи молчали.
Притихла розоватая луна...
На белом свете не сыскать печали,
Светлее той, что выпита до дна.

Кукушка, ты ни в чём не виновата.
Стволы миндальные закрыли небосклон.
Тем временем склонился день к закату,
И опустилась ночь на наш балкон.

ЛЕТО

Я звала тебя в пустыню,
Я звала тебя на скалы.
Было небо тёмно-синим.
Солнце было светло-алым.

В полдень став моею шляпой,
Ты спасал меня от зноя.
Ночью был моим тулупом,
Укрывал меня собою.

Утром гаснут в небе звёзды.
С моря дует свежий ветер,
Мои волосы шевелит
И к тебе меня ревнует.

Мы поедem по тропинке
На твоём велосипеде
Прямо к морю, и за нами
Поспешит вдогонку ветер.

Упадём с велосипеда
Средь испуганных левкоев.
Просто нас дурманит лето,
Просто я люблю обоих.

ПТИЦА

Я – твоя большая птица,
Лечу к тебе через два океана,
Равномерно и плавно рассекая воздух
Прямыми острыми белыми крыльями.
А внизу подо мною зелёные волны,
Солёные горькие пенистые цифры.
Это наши с тобою недели разлуки.
Их становится меньше и меньше
С каждым взмахом уставших крыльев.

СВОБОДА

Едва удержаться могу над землёю,
Что б ласточкой, вздрогнув, оставить рябину.
Сияние солнца почуяв, на лыжах
Направиться к лесу за снежной рекой.

Поехать обратно знакомой дорогой.
На том берегу задержавшись немного.

Ворвавшись в оконную раму, очнуться

Свободной. Разлился простор надо мною.
Я больше себя никогда не покину
Я больше тебя никогда не увижу!
Как радостно снова вернуться домой!

СВЕТЛЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Помнишь ли ты одиночество?
Прекрасное воспоминание,

Так неожиданно просто
Раскрывающее возможности
Преодолеть притяжение.

Помнишь ли свой день рождения
Первый, далёкий, единственный,

Мёдом и солнцем струящийся,
Весело и бессмысленно
До края наполненный вечностью?

Помнишь ли светлую юность,
Крыльев стрекоз трепетание,

Утреннее умывание
Рóсами серебристыми
Лютика, в травах затерянного,

Мяту белесо-пушистую?..

Помнишь ли мокрого голубя,
Нашедшего дом и прибежище

Под крышей сарая доверчиво,
Выведа там своих птенчиков?..
Светлые воспоминания!

ЧАШКА И ЧАЙНИК В КРАПИНКУ

Обронила соседка случайно
Возле кухни осколки отчаянья
Чужого, ненужного, лишнего,
Как отголосок услышанного...

Я поплыву по реке
 Навстречу твоей руке.
 Мне радостно плыть и просто.
 С тобой одного мы роста.

Пока не погасло небо,
 Где б ты, любимый, не был,
 Я соберу осколки,
 Их положу на полку,

Чтоб на заре проснуться
 И обнаружить блюдце,
 Чашку и чайник в крапинку
 Без единой царапинки.

СИЕСТА

– Мама, у тебя есть мечта? – спросил семилетний Вова.

Я задумалась:

– Наверное, есть, и не одна. У меня их много. Когда день подходит к концу, и ты засыпаешь, я выключаю свет, подхожу к окну и фантазирую. Комната наполняется запахами, звуками...

– Подожди, – перебил Вова, – это надолго, извини, я понял. Я о другом. Это не мечта. Ты описываешь свои желания, мысли и придумываешь то, чего нет и не будет. Желания приходят и уходят. Я задал вопрос о мечте, понимаешь? Она остаётся.

– Мне надо подумать. Я отвечу после.

– Можешь не отвечать. Просто я имел в виду, что у меня она есть. Давно. Я хочу однажды посмотреть корриду.

Прошло три года. Мы поехали на море в Испанию. Плакат в холле гостиницы призывал посетить бой быков, рядом висела афиша выступлений с адресами арен. Я вспомнила наш с Вовой давнишний разговор и, не успев спросить, верен ли он ещё своей детской фантазии, по глазам сына поняла, что тот ни на миг не забывал о корриде.

– Хочешь поехать?

– Да, – как можно сдержаннее произнёс Вова.

Я записала ближайший адрес, где пройдёт бой, и определилась с маршрутом. Добираться нужно было автобусом около часа с одной пересадкой. Это казалось удобным. Следуя логике жителей большого города, мы

решили для верности заранее съездить на разведку, купить билеты, выбрать места и подготовиться к исполнению мечты.

За два дня до события мы проснулись рано, позавтракали, поплавали. Ближе к полудню, когда светло-лимонное солнце разлилось по белому от жары небу и замелькало в воде ослепительными блёстками, мы двинулись в путь.

Оживлённый пляж и променада с мелкими лавочками остались давно позади, но остановки было не видеть. Мы прошли километра полтора, пока, наконец, не показался шест с расписанием движения. Вокруг никого не было. Домá, поднимаясь всё выше в горы, утопали в зелени и цветах.

Вова долго изучал колонки цифр и названий остановок, пока не заключил, что к месту пересадки ехать полчаса. А оттуда до арены рукой подать – двенадцать минут любым маршрутом.

Солнце всё гуще наполнялось белизной и, кажется, увеличилось в размере. Было непривычно тихо. Мы уселись на лежащее рядом бревно.

– Как ты думаешь, мама, – поинтересовался Вова, – здесь живут мухи?

– Думаю, что да. Они, наверное, днём спят.

– Вот и отлично. Значит, поедем с комфортом, – сказал Вова.

Мы порассуждали о комфорте, мухах и дневном сне, попили тёплой воды из бутылки.

– Если на улице жарко и сухо, – размышлял вслух Вова, – ждать легко. Жара учит терпению. Все двигаются медленно, говорят мало. Вот, например, ты, мама, почти целый час молчишь.

– Да уж, насчёт медленного движения, это точно. Я бы сказала, движения вообще нет, по крайней мере, на трассе.

Мы сидели, уставясь на склон горы, увитый кустарником дикой розы и какими-то мелкими оранжевыми цветами, издали напомилавшими пенку на варенье. Вова никогда не видел, как на даче в тазу кипит варенье. Так варила клубнику моя баба на старенькой керосинке каждое лето...

– Ма-ам, ты, что, заснула? – засмеялся сын, теребя меня за локоть, – наш транспорт едет!

– Я не сплю, просто мечтаю, – выкрутилась я.

Из столба солнечного света и мельчайшей пыли возник старомодный «икарус». Он остановился рядом с нами, припадая на правый бок для удобства входящих пассажиров. Именно такие смешные *бусики* подъезжали два раза в день к нашей даче в Комарово, когда в саду кипело на керосинке, бурлило пахучее пенистое клубничное варено.

В салоне было пусто. Небритый водитель, едва касаясь руля локтями, видимо, чтобы ладони не потели, смотрел вперёд на дорогу неподвижным взглядом на безучастном полусонном лице.

Мы уселись в эту колымагу и, отсчитав ровно тридцать минут, благополучно вышли в маленьком городке возле аналогичного шеста с расписанием. Местность практически не отличалась от той, откуда мы прибыли. Только море находилось значительно дальше от дороги. По-прежнему было пусто – ни птиц, ни кошек или собак, тем более людей. Ни единого звука. Автобус растворился в таком же солнечно-пылевом облаке, из какого появился.

– Странно, что нет никого, – заметил Вова. – Такая хорошая погода.

– Ничего не понимаю, – удивилась я. – Может быть, у них праздник какой-нибудь или карантин.

Здесь крылся явный подвох, и это неприятно волновало. Температура воздуха приближалась к сорока. Но при этом не чувствовалось духоты или тяжести, напротив, дышалось приятно и свободно. Мы направились по шоссе в надежде выйти к остановке на прямой рейс до манежа и не заметили, как прошли довольно длинный путь.

Вдруг мы одновременно, как по команде, остановились. Было очевидно, что мы находимся в каком-то вымершем, абсолютно незнакомом, поселении без малейшего понятия, как выбраться отсюда. Мистика... Лёгкий холодок пробежал по спине.

«Спокойно, – сказала я себе. – Если в этот заколдованный мир есть вход, должен быть и выход. Нельзя паниковать. В конце концов, можно выйти к морю и по береговой полосе вернуться в отель. Сколько это километров? Двадцать, тридцать, сто? Где мы?»

Опять предательски похолодела спина. Вова казался совершенно невозмутимым.

«Надо сохранять хладнокровие, – пронеслось в голове. – До гостиницы не больше двадцати километров. У нас в рюкзачке большая бутылка воды и два персика. Расстояние в двадцать километров можно преодолеть за один день. Правда, если выйти засветло. Только не впадать в смятение!»

– Кажется, мы заблудились, – констатировал Вова. – И автобус, похоже, не приедет.

«Ну, это давно понятно», – подумала я, но промолчала.

– Пойдём в город, мама, жарко становится.

Мы свернули на боковую улицу и сразу очутились в небольшом квартале. Все окна были наглухо закрыты ставнями или занавешены без единой щели плотными шторами. С фасадов запертых домов тарачились вывески типа «Парикмахер», «Булочная», «Галантерея» и множество других. Мы понимали значения слов, как будто знали этот чужой язык. К тому же рядом с надписью почти всегда значилась картинка – ножницы или булочка. Так что мистика погружения в таинственную страну резко обесценивалась.

Мы блуждали по кривым улочкам, не обращая внимания на отсутствие

жизни. Воздух медленно наполнялся пряными запахами цветов и земли. День клонился к вечеру.

– Давай найдём скамейку и посидим, – предложил Вова.

– Давай, – согласилась я.

Теперь у нас появилась цель. Мы продолжали бродить по кварталу, давно потеряв ориентацию в пространстве, но теперь уже в поисках скамейки. И вдруг – о, чудо! – по диагонали от нас дорогу пересёк невысокий пожилой человек с велосипедом. Я с ужасом подумала, что сейчас он исчезнет, но мужчина подошёл к дому и приладил велосипед к деревянному колышку у входа.

Я побежала к нему, сомневаясь в реальности происходящего. Испанец заметил нас и ждал, равнодушно глядя в нашу сторону. Вова двинулся за мной неспешно, сохраняя достоинство.

Старик был смуглый, стройный и седой. Я поняла значение выражения «молодые глаза». У него действительно были очень молодые тёмные глаза. Я знала этого человека. Знала давно, столько, сколько себя помнила. Это о нём писал Хэмингуэй, его изображал Пикассо, чуть ли не, на каждом полотне, кроме женских портретов, конечно. Он мелькал на заднем фоне в толпе, сражался с быками, ловил рыбу, погибал множество раз и возвращался неизменно в дом с колышком для велосипеда у дверей. Имя было ему Диего. Или Мигель? Я забыла. Это, наверное, от волнения, что сейчас он исчезнет, и мы с Вовой навсегда останемся в этом заколдованном месте.

Я быстро-быстро заговорила по-английски: «Простите, как нам выбраться отсюда? Где транспорт? Нам срочно нужно попасть в отель (я назвала место, где мы жили), почему всё закрыто? Куда исчезли жители?!»... Про корриду мы уже не вспоминали.

Диего-Мигель неподвижно смотрел на меня, не улыбался и не проявлял эмоций. Тем не менее, от него исходила доброжелательность и участие, а ещё еле уловимое тепло, свойственное южанам. По дну его похожих на маслины глаз расплылась неясным пятнышком арена, та самая, куда мы с Вовой так стремились и не попали, арена, хранившая тайну корриды – страстную причуду моего маленького сына.

Так как старик «с глазами юноши» молчал, но не уходил, я решила, что он не понимает по-английски. Тогда я продолжила свою речь по-русски, выразительно жестикулируя и, словно играя «в шарады», изображала то автобус, то отель, то безлюдную местность и своё недоумение. Испанец молчал.

Вова стоял рядом, немного стесняясь, и неожиданно заговорил по-испански. Нет, – никаких чудес и перевоплощений. Просто целый год мой сын учил в школе этот язык. Я незамедлительно тоже перешла на испанский, выученный за пять дней пребывания в стране, к чему добавила десятка полтора слов и выражений, известных с детства в силу некоего общего развития.

Основными вопросами оставались: «как доехать обратно и где люди». Мужчина терпеливо слушал и наблюдал за нами в ожидании, когда иссякнет словарный запас. Но не отвечал. Тогда я вернулась к английскому. Отчаявшись после нескольких фраз, я притихла.

– Он тебя не понимает, – объяснил Вова.

Мы ещё некоторое время постояли друг против друга, пока, наконец, старик произнёс:

– Сиеста, сеньора.

Он отвёл нас к остановке на прямую маршрутку до самого отеля. Ждать пришлось недолго. Примерно через час в городе начали появляться жители, лавки открылись, улицы наполнились гулом и смехом. Кафе запестрели красивыми людьми, загорелыми мужчинами и нарядными женщинами с цветами в тёмных волосах. Из ресторанчиков доносилась музыка, но мы её почти не слышали из машины, уносившей нас от одного крохотного прибрежного городка к другому, названий которых ни я, ни мой сын давно уже не помним.

Корриду мы так и не увидели, а через год и вовсе отменили бой быков, несмотря на протесты приверженцев вековых традиций.

Мечта осталась навсегда с Вовой.

ФЕРМА КРЕВЕТОК

Мелодрама в одном действии со счастливым концом

Действующие лица:

Катерина Федоскина, 48 лет, разведена, владеет несколькими фермами по разведению улиток в Бордо (Франция) и крупной фермой по разведению креветок на Филиппинах, а также акциями нефтяной компании в Чебоксарах. Является учредителем и арт-директором фотомодельной студии в Любиче (Польша). Имеет недвижимость в Испании в Марбелье (несколько квартир в аренду). Проживает в Марбелье. Уроженка Свердловска.

Тётя Клава, 69 лет родная тётя Катерины Федоскиной. Старая дева, пенсионерка, живёт в Чебоксарах в собственной квартире. Воспитывала Катерину с 12-ти лет после переезда родителей Катерины Федоскиной в Марокко.

Маруссия Смолянская, 49 лет, подруга Катерины Федоскиной, бывшая балерина, одинокая, преподаёт пластику танца в балетной школе в Марбелье, живёт в Марбелье. Уроженка Свердловска.

Мишель, 32 года, курьер.

Танцовщицы.

Сцена 1

*Дом Катерины Федоскиной в Марбелье
Катерина и Маруссия пьют вино на террасе с видом на море.*

Катерина:

Давненько не была я в Чебоксарах.
Сто лет родной Свердловск не навещала!

Маруссия:

Зачем тебе? Забудь, и не узнаешь,
когда снега в Свердловске выпадают,
когда весна приходит в Чебоксары.
Не знать – блаженство! Состояние незнания –
что может быть прекрасней и важнее?

Катерина:

С тобой согласна, но больная тётя Клава –
причина беспокойства и печали.
Она меня одна в глуши растила,
не пожалев ни времени, ни силы.

Маруссия:

О, Б-же, Катя! Как ты справедлива!
Так поспеши скорей к любимой тётке!
Застать её старайся не в постели,
что б убедиться, что она здорова
и ждёт тебя не злой корысти ради.

Катерина:

Маруссия, любимая подруга,
ты так мудра, чутка и благодравна.
Потороплюсь вослед твоим советам
на ранний поезд прямо в Чебоксары!

Маруссия:

Спеши, не стоит мешкать в наше время!
Ведь от тебя зависит столько жизней –
улиток жирных, молодых креветок.
Они без глаза твоего погибнут.

Катерина:

Прощай, прощай, спасибо за поддержку!
Уж паровоз свистит, не умолкая.
Я как приеду к тётке в Чебоксары,
тебе дам знать тотчас без промедленья.

Уходит с чемоданом в руке.

Сцена 2

Чебоксары. Квартира тётки. В кровати лежит тётка и смотрит по ТВ хоккей. Появляется Катерина Федоскина с чемоданом.

Катерина:

Ах, тётушка, с тобой мы снова вместе!
 Наш старый двор воспоминаний полон,
 Таких прекрасных и для сердца милых.
 О, как давно я дома не бывала!

Тётя Клава:

Катюша, деточка моя родная!
 Я жду тебя, теряя счёт мгновеньям,
 свои теряя волосы седые!
 Что делать мне одной в пустой квартире?

Не поднесёт никто воды и пищи.
 Не позвонит в жилищную контору!
 Мне не на что купить кусочек мыла,
 и даже лёд растаял в морозилке.

А мой хоккей! Одно лишь утешенье
 на старости в безрадном захолустье!
 Ты знаешь, сколько стóит представленье?
 Полпенсии моей за три минуты!

Катерина:

Ну, полно, полно, тётушка! Намедни ж
 прислала я с оказией курьера
 с большой коробкой шёлка и печенья,
 напитков разных стран и сухофруктов.

Иранские в посылке были яства.
 И сам курьер был молод и проворен.
 Он обещал по дому всё наладить.

Тётя Клава:

Да, поработал юноша отлично,
 молниеносно справился с делами.
 Он даже слишком быстро всё закончил,
 по мне бы лучше он ещё остался.

Катерина:

Ах, тётя, тётя, ты несправедлива.
 Позволь же голову твою седую

Поцеловать. Я по тебе скучала!
Ни дня на отдых! То кровати дохнут.
То вдруг жильцы затеют новоселье!

Пойдём на кухню. Хочешь, приготовлю
я твой любимый пудинг, и с тобою,
обнявшись, на диване мы посмотрим
наш старый добрый и весёлый триллер.

Уходят.

Сцена 3

*Квартира Маруссии. Раздаётся телефонный звонок.
Слышны рыдания, всхлипывания и треск.*

Маруссия:

Алло, алло! Катюша! Что случилось?
Не слышно ничего, одни помехи!
И звук такой невнятный, словно в банке
лягушек наглухо замуровали,
и квакают бедняги, что есть мочи.

Катерина:

Алло! Маруссия! Теперь получше слышно.
Я так несчастна! Силы на исходе!

Маруссия:

Что с тётей Клавой? Отчего ты плачешь?
В порядке ли улитки и моллюски?
Модели забеременели дружно?
Надеюсь, акции на нефть подорожали.

Катерина:

Добыча нефти в шахтах Чебоксар –
большой пузырь на рынке производства.
Компания на рубеже провала,
переживает кризис инвестиций.
Об этом после. Слишком всё мудрёно.

С моделями пока что всё нормально.
Печаль моя-кручинушка – другая.
Ведь тётя, что одна меня растила
и отдавала сердце, не жалея,
племянницу, завидя у порога,
лишь о нужде способна мне поведать.

Я рассказать хочу ей о креветках,
о думах нераспутанных тяжёлых,
она ж мне об одном всегда толкует –
мол, с голоду с обеда помирает.
Я каждый месяц тёте посылаю
картины, деньги, книги и лекарства,
а также чай, посуду и варенье.

Маруссия:

Зачем ей книги? Разве в Чебоксарах
нет библиоте́к? Да ещё картины?
Лекарства, деньги – это мне понятно.
Но остальное – недоразуменье!

Катерина:

Она о том же! В этом всё и дело.
Нам не понять друг друга. Вот осечка!

Маруссия:

Не надо понимать – любите просто.
Ведь ближе вас родных друг другу нету!
И ты клялась заботиться о тёте
в тот день, как покидала Чебоксары.
Не меньше, чем заботы получила
ты от неё. Так в чём же здесь проблема?

Катерина:

Проблемы нету вовсе. Изболелось
и сердце и душа по тёте Клаве.
Она в тоске стареет, полагая,
что нет других забот, как лишь на кухне
кран неисправный новым обеспечить.
А у меня, Маруссия, на юге,
в Бордо, улитки ночью замерзают,
и срочно надо плыть на Филиппины
спасать креветок, чтоб не похудели!

Но тётя Клава мне дороже фермы.
Подруга, что мне делать, посоветуй!

*В телефонной трубке усиливаются помехи,
раздаются щелчки, связь прерывается.*

Катерина:

Проклятье! Не услышала ответа!
Мой теплоход отчалит через сутки.
Полмиллиона розовых креветок
не стоят пальца тётушки любимой!

Сцена 4

Филиппины, ферма креветок.

На берегу залива между скал маленький домик в цветущем саду.

На террасе, в кресле, сидит тётя Клава в цветном шёлковом халате, расшитом драконами.

Чуть поодаль от дома – белый крытый павильон с окнами во всю стену.

На переднем фасаде щит, затянутый тканью.

Появляется Катерина Федоскина с чемоданом, подходит к террасе, ставит чемодан и медленно опускается в кресло напротив тётки.

Катерина:

Что вижу я!? Поверить ли возможно!?
Иль это помрачение рассудка?
Как, тётя Клава, здесь ты оказалась?
Тому три дня, как мы с тобой расстались!

Тётя Клава:

Катюша, если любишь, всё возможно!
Я чувствую смятение, не скрою!
Ну, кто тебе поможет, кроме тётки?
Не хочется терять и полминуты.

Решила я у моря поселиться
и жить, тебе в заботах помогая.

По случаю на берегу залива
недорого фазенду приглядела,

что в зарослях глициний утопает.

Не буду многословной в объяснениях.

Скажу лишь вкратце чётко по порядку.

Пришлось продать квартиру в Чебоксарах,

а также книги, вазы и картины,

что мне ты присылала регулярно.

Представь, в глуши нашёлся покупатель,
который оценил предметы эти.

Он собирает редкие издания.
Хотел сперва лишь книги приобрéсти.
Он – профи, антиквар по раритетам,
А книги наши – именно такие!

Сперва не знала, что мне с ними делать.
Пустить хотела в печку на растопку!
Да плохо разгорались из-за влаги!
Как хорошо, что я их сохранила!

Вдруг появился этот странный книжник
и заплатил немислимую цену.
Потом увидел живопись на стенах.
Я все картины оптом сторговала.

А тут удачно домик подвернулся,
к тому же рядом с фермой креветок
на Филиппинах! Вот оно, везенье!
Такое лишь однажды происходит
в полсотни лет, и то не очевидно.

Катерина:

Ах, тётушка, возможно ль уложиться
в одни лишь сутки? Как ты умудрилась
всё проверить за этот срок короткий?

Тёта Клава:

Ты помнишь ли курьера молодого,
с которым передачи отправляла?
В посылке были сухофрукты, вина
и кое-что ещё, теперь забыла.

Припомню, что курьер был расторопен,
красив и скромн. Он тогда на кухне
все краны и проводку переставил.
Его зовут Мишель, он оказался

в других вопросах также очень сведущ.
В недвижимости маклер он успешный.
Мне подсobil с покупкою фазенды.
Меж скал удачно домик притаился,
где в зной прохладно. Здесь волна морская,
о скалы разбиваясь, безопасно
к террасе подступает терпеливо,
и камни розоватые целует.

Катерина:

О, тётушка, ушам своим не верю!
Глазам своим поверить я не в силах!
Стою в оцепенении. Предела
нет восхищенья мудростью твоею.

Тёта Клава:

Пойдём же в дом, не терпится поведать
тебе ещё о многом, дорогая.

Уходят в дом.

Сцена 5

1

Гостиная в доме тёти Клавы. На диване, вытянув ноги, сидит Катерина с тарелкой креветок. Тётя Клава накрывает стол для чаепития.

Тёта Клава:

Ты, Катя, не сердись, меня послушай.
Ещё одна есть новость.

Катерина:

Вся – вниманье.

Тёта Клава:

Избавиться пришлось мне от улиток
в имении в Бордо. По всей Европе –
ни с места – засуха который месяц,
Вся Франция от пекла выгорает.

Жара продлится сколько, неизвестно.
Иссохлись бедолаги, погибли
от жажды день за днём по три десятка.
А может, в день иной, гораздо больше.

Катерина:

Что сделала с улитками, скажи мне.

Тёта Клава:

Распродала часть большую, иначе
я не смогла бы дом купить у моря.

Катерина:

А остальных!?

Тёта Клава:

А остальных... я съела.

2

*Входит Мишель с бутылкой вина и тремя бокалами.
Ставит всё на стол, подходит к тётке Клаве и целует ей руку.*

Мишель (*Обращаясь к Катерине*):
Безмерно рад столь долгожданной встрече.
О вашей красоте давно наслышан
от тётушки. Она гордится вами.
По мере сил стараюсь помогать ей.

К чему притворство, Катенька! Не скрою,
что с вашей тётей мы близки с той ночи,
как ей посылку срочную доставил
и поменял проржавленные краны.

Вы так бледны! Неужто вас смущает
большая разница в годах? Преградой
Высоким чувствам разве это служит?
Отрадно слышать, как смеются волны,

о край песчаной дюны ударяясь.
Здесь нет различий, всё полно любовью.
На Филиппинах – родине креветок –
царит покой и радость вдохновенья.

Тёта Клава:
Мишель услужлив, будь к нему терпима.

Катерина:
Не сомневаюсь в этом. Чем же, тётя,
тебе ещё он услужить пытался?

Тёта Клава:
Не мне – тебе, племянница родная.
Всё делаю с одною лишь надеждой
свою увидеть девочку счастливой.
Модельного агентства, или что там
в посёлке Любицы, дела из рук вон плохо
давно идут. Печальная контора,
неровен час, развалится на месте.
Я наводила справки. Поручила
Мишелю твой Модный Дом в Европе

перевести сюда, поближе к ферме.
К тому же, дорогая, филиппинки
ничуть не хуже полек, и вдобавок,
под знойным солнцем юга не стареют.

Сцена 6

1

Мишель подходит к павильону, снимает со щита ткань и расстилает её перед входом.

На щите открывается надпись:

«Модельное агентство Катерины Федоскиной».

Возвращается на террасу.

Входят Катерина и тётя Клава.

2

Из павильона появляются филиппинки в ярких платьях с цветами в чёрных волосах и, плавно покачиваясь,

продвигаются к тётушкиному дому.

Дойдя до террасы, выстраиваются по кругу.

Из кустов глицинии доносятся звуки рояля.

Филиппинки начинают танцевать.

Мишель:

Как девушки танцуют грациозно
на фоне предполуденного неба,
что синевой морскойю наливаясь,
спешит украсть недолгую прохладу!

Наряды их обтягивают бёдра,
заманчиво приковывают взоры!
Так хочется разрезать телом волны,
нырнув в морскую пену с головою!

Тётя Клава:

Мишель, мой друг, пойдёшь, малыш, поплавай.

На глубине нам ракушек наловишь.

Поторопись – пора в большой гостиной

Сервировать обильный стол к обеду.

Мишель уходит

Катерина (в сторону):

Как странно, эти плавные движения
свердловский ЦеДеКа* напоминают.

Лишь только там была, в родном Свердловске,
единственная в мире школа танцев,

где девочек способных обучали
балета изощрённому искусству.

Уже в далёком прошлом это время.
А нынче уникальная манера

преподаётся прима-балериной
на пенсии, Маруссией Смолянской
в марбельской танцевальной мастер-школе,
а также фортепьяно и вокала.

Кто и когда завёз секретный метод
на Филиппины, обучив туземок
искусным трюкам, ма́стерским уловкам?
Неужто снова тётушке в угоду

таинственный Мишель подсуетился
и ловко с этим делом обернулся?
Но как уменью танца за неделю
смог обучить неопытных моделей?

Вопросы роем в голове теснятся.
И набегают резвою волною.
Кто на рояле за кустом играет?
Возможно ль, не узнать её пассажи?

Одна лишь ты, Маруссия, подруга,
Способна на такое совершенство.
Близка развязка! Это очевидно –
балетный класс приплыл на Филиппины!

3

*Музыка смолкает. Заросли глицинии раздвигаются,
оттуда выходит Маруссия и направляется к Федоскиной.
Подруги обнимаются и плачут от радости.*

Маруссия:

Прости, Катюша, долго я скрывала
задумку тётушки, могла ли без упрёка
я поступить иначе, хитроумный
разрушив план. Помехи больше нету.

Катерина:

Помеха есть! Об этом я молчала.
Приостановлена добыча нефти.
Неведомый злодей взломал пароли
и доступ получил к секретам фирмы.

Тётя Клава:

«Неведомый злодей» – перед тобою.
В совет директоров заслав шпиона,
я слухи о банкротстве распустила
и небывлицы в прессе рассказала

о том, что в Чебоксарах нету нефти.
Так ценные бумаги по дешёвке
скупила у злорадных конкурентов,
уверенных: «петролеум в округе

иссяк давно!» Решив от инвестиций
избавиться, поспешно за копейки
продали то, что вскоре миллиарды
нам принесёт. От глаз надёжно скрыта

добыча нефти в шахтах Чебоксар.
Мы в будущем продолжим разработки.
Все акции в добротном верном месте,
в одних руках, и руки эти – наши!

На берегу песчаном океана
поселимся большой семьёй счастливой
и будем наслаждаться мирозданием,
друг другу неизменно потакая.

Маруссия займётся топ-агентством,
продолжит бальным танцам обученье
талантливых детей, что очень быстро
в окрестных деревушках подрастают.

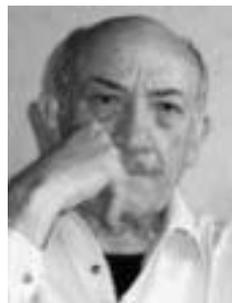
Мишель всегда находчивость проявит.
В любом вопросе он тебе поможет,
где справиться окажется не в силах
одна лишь только женская смекалка.

Недвижимость в Марбелье мы оставим.
Дела идут неплохо. А покуда –
займёмся разведением креветок
на Филиппинах, возле океана.

*Мишель выдвигает рояль из кустов на террасу,
Маруссия садится играть. Филиппинки танцуют,
к ним присоединяются остальные.*

** Центральный Дом Культуры.*

МАСУД ПАНАХИ

Поэзия, проза, драматургия

ГЕРОЙ СССР

Алиш был деревенским художником-самоучкой, рисовал всё, что ему заказывали. Жители деревни называли его просто: «Наш художник». Он решил поступить в художественное училище: «Почему не попробовать?» Но судьба готовила его к чему-то более важному: его отец *отошёл* в мир иной, и, как старший сын, он был обязан заботиться о семье. О мечте поступить в училище пришлось забыть, хотя сердцем он чувствовал себя живописцем.

На его двери появилась вывеска «АЛИШ», под именем была нарисована палитра с кистями. Двери в мастерскую всегда были открыты.

– Алиш, ай Алиш, где ты?

Из комнаты появился хозяин мастерской. Среднего роста, худощавый, небритый, в белом кителе, напоминавшем халат, измазанный яркими красками, на нагрудном кармане – вышивка: «Сестра Никитина». В руке – ведро с краской, в другой – широкая макловица*.

– Тётя Назлы. Проходите, проходите, добро пожаловать.

– Сынок, я по поводу... – она была взволнована, прижимая к груди завернутый в газету плоский пакетик. Протянула ему.

Он с любопытством его открыл. Перед ним была пожелтевшая фотография.

– Вы выглядите здесь очень красивой, и дядя Сулейман тоже. Хороший был человек, царство ему небесное, я его таким помню: гордый, с галстуком, на груди – медаль «За отвагу». Потерял один глаз, но другим видел всё, даже то, что другие не видели. Нужно надгробную плиту покрасить?

– Нет, сынок. Хочу заказать цветную картину, точно как на фотографии. Только глаз ему надо дорисовать открытым, а не как на фото.

– Нет проблем, тётя Назлы. А что, если я надену покойному тёмные очки? Это очень модно.

– Она мотнула головой.

– Или кожаная повязка, как у известного адмирала, или, как у Моше Даяна, министра обороны Израиля? Дядя Сулейман станет третьим известным героем.

ДО И ПОСЛЕ 25/2021

– Нет, сынок. Мне не нужны адмиралы, я хочу видеть его таким, каким его проводила.

– Пусть будет по-вашему, нарисую ему хороший глаз, будет лучше, чем настоящий.

Женщина простилась и ушла. Алиш рассматривал фотографию. На разорванной странице газеты, в которой было принесено фото, виднелся фрагмент чьего-то лица. Алиш подложил фото под газету, прищурил глаза, приподнял:

– Кто же это? А... Л. И. Брежнев... Пойдёт. Ну, спасибо, – решение было найдено.

У Алиша был конкурент – бывший школьный друг, увлекавшийся фотографией. Клиентура у того была другая: свадьбы, дни рождения, фото для паспортов. Оба старались не пересекаться. Но в один прекрасный день бывший одноклассник-конкурент стоял у двери Алиша:

– У меня к тебе заказ!

– Проходи.

– Заказ такой: джигит в чёрной черкеске сидит на белом коне, держит в руке уздечку, на поясе – кинжал. С двух сторон пальмы. Лицо рисовать не нужно, только овал для головы. Размер три на четыре метра. Ну, что скажешь?

Алиш злобно взглянул на конкурента:

– Ты хочешь меня на смех поднять в деревне?

– Чем тебе не нравится мой заказ, или деньги мои *грязные*?

– *Всадник без головы?* Потом начнёшь трепаться: «Алиш забыл голову пририсовать».

Конкурент засмеялся и объяснил:

– Овал нужно вырезать, картина с рамой будет складной. С задней стороны будет подставка для клиента. Он на неё встанет, всунет лицо в дыру, а с другой стороны – я и мой фотоаппарат. «Чик», – и «Всадник – на коне». Платят хорошо. Закончил работу, сложил всё, и – в следующую деревню.

Тут Алиш, не выдержав, стал смеяться. Бывший друг, глядя на него, тоже не мог удержаться от смеха. Они ещё долго болтали, вспоминая прошлое.

У мастерской остановилась машина, из неё вышел шофёр председателя колхоза.

– Хозяин хочет тебя видеть!

– А... по какому вопросу?

– Не знаю!

Увидев Алиша, председатель обрадовался:

– А, наш художник, проходи. Ты знаешь наших вождей?

Алиш напрягся и увидел нахмурившегося шефа.

– Ну, Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин, Сталин – нет.

– Стоп, стоп, я не об этих, а о сегодняшних.

Алиш растерялся: «Кого тот имеет в виду?» Стал думать...

– Ну, ну, Леони...

– Брежнев... Знаешь же! Вот, молодец.

– Он не вождь, а генеральный секретарь ЦК КПСС.

– Ну, а я что говорю? – Взяв со стола газету, ткнул в неё пальцем. – Он награждён орденом «Героя».

Теперь Алиш увидел вторую половину лица генерального секретаря, на груди которого – орден.

– Тебе известно, что недавно мы получили из центра его портрет? Маслом написан. Это был наш заказ, но в то время он ещё не был героем. Портрет установлен у автотрассы, но Брежнев на нём – без ордена. Не будем же мы заказывать ещё один портрет. Тебе ответственное задание: пририсовать ему на груди хорошую, большую золотую звезду «Героя». Всё понятно?

– Нет проблем, играючи, – лёгким жестом Алиш потёр пальцы...

– Закончишь с орденом, получишь в бухгалтерии десять рублей.

Ранним утром Алиш стоял у портрета. Поставил лестницу, наметил место для ордена, спустился к трассе.

– Ой, ой, совсем маленький.

Увеличил. Через час на груди у Брежнева сиял орден «Героя». Алиш был доволен. Председатель – также, ведь была экономия средств.

На этажерке в мастерской – написанный маслом поясной портрет супружеской пары. Молодая женщина, рядом – высокий мужчина на голову выше жены, с гордым взглядом, с выпяченной вперёд грудью. В чёрном пиджаке, в серой, гладкокрашеной рубашке с красным галстуком. На груди – медаль «За отвагу».

Пришла тётя Назлы, поставила рядом с портретом вазу с одним степным цветком. Нежно погладила портрет. С любовью глядя на мужа, вспоминала счастливо прожитые годы. Он тоже смотрел на неё одним глазом, но другим – на дверь. Алиш скопировал глаз, зеркально оживив мёртвое место правым глазом, но забыл придать зрачку нужное направление взгляда.

Тётя Назлы была довольна, знала, что муж – рядом. Всё видит.

И хорошо, что в деревнях есть ещё свои Пиросмани.** Художник-наивист работал над вторым заказом. Для него мастерская оказалось маленькой, но решение было найдено: пригвоздил холст прямо на стену. Алиш уже трудился над лошадьё, вырисовывался и джигит. Время шло, работа двигалась.

На столе – полувыпитая бутылка, тарелка с салатом, нарезанный чёрный хлеб и шампуры.

Во всю стену – готовая картина. Карабахский конь на тоненьких ногах с красиво прорисованными глазами напоминал миниатюру «Кубинской школы». Джигит с короткими ногами, плотно обтянутыми голенищами сапог, крупный овал на месте головы для будущих всадников.

Бывшие друзья, сидя за столом, рассматривали Алишевский шедевр.

- Нравится?
 - Ещё как, просто гениально.
 - Я рад!
 - Я уже слышу звон монет.
- Оба стали смеяться, как дети.
- Ну, за это надо ещё раз выпить.

Любовь к искусству свела бывших друзей. Уважение к Алишу росло, увеличивалось и количество заказов.

Брежнев получил вторую звезду. И опять Алиш – на стремянке у портрета, выставленного у автотрассы. Дорисовывает очередную звезду, которая почти упирается в плечо.

Прошло чуть больше года... И Алиш вновь вызван к председателю колхоза.

- Алиш, наш генеральный секретарь получил третью звезду.
- Но там места нет!
- Ты художник или я? Вот и придумай!

История с орденами продолжалась. Ещё не один раз пришлось Алишу дорисовывать очередную звезду. Их количество росло, плечо Генсека всё расширялось. Злясь, Алиш задал человеку на портрете риторический вопрос:

– Слушай, зачем тебе столько медалей и орденов? Вот у Сулеймана была всего одна, а как его уважали? Всё... С меня хватит, следующую звезду пусть заказывают в Баку.

Довольный, гордый Генсек с высоты смотрел далеко за горизонт, где небо и море сливались в единое целое. Послышался его хриплый голос: «Широко шагаешь Азербиджан».

Солнце медленно скрывалось за горами. Последние лучи осветили широкую грудь Генсека, звёзды ослепительно сверкнули и тут же погасли. Наступила тьма.

Из записки секретаря ЦК КПСС Демичева П. Н.:

«От супруги Брежневой Л. И. приняты государственные награды СССР, в том числе: орден „Победы“; 5 золотых звёзд Героя; 16 орденов и 18 медалей СССР; две маршальские звезды – генерала армии и Маршала Советского Союза; почётное оружие...»

* *Макловица – Широкая малярная кисть.*

** *Пиросмани – Нико Пиросманишвили, грузинский художник, относится к художникам наивного искусства. Примитивизм, или наивное искусство повлияло на культуру живописи многих стран.*

Сбор художников означал приезд посредников с письмами-заказами. Продавались заказы по двадцать процентов от стоимости работы. Секретарей районов не требовалось уговаривать, существовал план. Они обязаны были заказывать плакаты, для колхозов – памятники вождей, портреты членов политбюро. Побочным доходом – «Халтурой» – пользовались и в других учреждениях. Особое место в этом процессе занимало изобразительное искусство.

Бабек и его друг Рафиз получили два письма на выполнение заказа. НаDIR, член художественной комиссии, художник-постановщик игровых фильмов, занятый на киностудии, предложил им свою мастерскую.

Работа закипела: купили подрамники, холст, краски, пару эскизов. Через неделю всё было готово. НаDIR, заглянув в мастерскую, стал внимательно рассматривать выполненную работу. Он был небольшого роста, за что его прозвали «Наполеоном». Рядом с ним друзья выглядели *Геркулесами*. Как на экзамене, они ожидали его критических замечаний. Решалась судьба созданного ими *шедевра*.

– Ну, эту работу мы не будем посылать в колхоз, а прямо в Третьяковку, – сказал НаDIR.

Они молча перевели взгляд с плаката на наставника. На киностудии его считали самым продуктивным художником, но он был известен и как остроумный человек. Серьёзное выражение лиц исполнителей его смутило:

– Н-н...ет? Вы что, хотите в Лувр? Начинайте следующий заказ.

Посмеялись.

На следующий день халтура была представлена комиссии. И вторая работа, портрет члена политбюро, была тоже готова. Надо было вовремя сдать и его, но Рафиз задерживался. Дверь мастерской открылась:

– Ну, где ты пропадаешь?

Глаза Рафиза сквозь толстые стёкла очков пылали:

– Наши бабки пропали.

– Что ты городишь?

Он подошёл к мольберту, ткнув пальцем в портрет, начал крыть его всевозможными словами:

– Хоть бы денёк промолчал, так нет, не мог, выскочка.

– В чём дело?

Выяснилось: на очередном заседании политбюро человек, изображённый на портрете, критиковал *линию* партии, и его *сбросили*... По всем республикам было обнародовано сообщение о его исключении из политбюро. Ясно, двадцать процентов накрылись. Тут и Бабек скис. Дружок, всё ещё ругался. Вошёл НаDIR:

– Что вы такие грустные, корабли ваши потоплены?

Рафиз, размахивая руками, рассказал, как несвоевременно и неудачно выразился тов. Шелепин. «Наполеон» позвонил Фикрету, также члену художественной комиссии, сидевшему этажом выше:

– Спустись на минуту.

Фикрет прошёлся взглядом по портрету, сделав пару жестов в сторону картины:

– Нет проблем, здесь убрать, здесь прибавить усы и бородку, будет вам – Ленин. Пусть попробуют не взять, у вас есть пару дней, – и ушёл.

Деньги поступали, как всегда, с опозданием. Проходили месяцы, про первую работу, видимо, все забыли. После длительной разведки выяснилось, что виновником является колхоз. Друзья решили сами съездить за деньгами. Ехали долго, наконец, прибыли в районный центр. Припарковались у входа в «Правление», рядом – автомобиль марки «Волга». Было ясно, кому он принадлежит. Мужчина у окна, высунув голову наружу, хотел что-то сказать, но передумал. Видимо, номер их машины насторожил его. На дверях – табличка: «Первый секретарь М. Рзаев». Постучались.

– Войдите.

За громоздким столом – мужчина средних лет, не обращая внимания на вошедших, озабочено чиркал ручкой по бумаге.

– Здравствуйте, мы из Баку.

Первый секретарь поднял голову, любопытно улыбаясь:

– Из Баку? Надеюсь, к добру.

– Не совсем, по поводу плаката вышла небольшая проблема.

– Проходите... Значит, небольшая проблема, – на лице всё та же добродушная улыбка. – А я – специалист по решению небольших проблем.

Рассказали секретарю, как долго работали над плакатом, сколько пришлось сделать эскизов, выбирать нужные краски, да и сам объект. Плакат колхоз получил, но не оплатил.

– Работу нам заказывает Союз, Вы лучше нас знаете, что наш первый секретарь, (указывая на портрет, висящий над головой Рзаева), придаёт большое значение поднятию не только морального духа, но и выполнению поставленных партией задач, особенно, в колхозах, – закончил выученный текст Бабек.

Секретарь внимательно слушал и, наверное, думал, что за фигню тот несёт.

– Ну, и что вам нужно?

– Колхоз уже три месяца задерживает оплату нашей работы.

– Не оплачено? – всё с той же доброй улыбкой. – Мне звонили из вашего

цеха, – председатель колхоза обещал перечислить сумму на следующий день.

Он протянул руку к телефону. Тут вмешался Рафиз:

– Ваш плакат комиссия хотела даже в Лувр предложить. Лицо секретаря исказилось:

– Какой ещё Лу...ввру, наш колхоз заказал, и это собственность нашего района. Кто он, этот Лу...ввру, пускай сам заказывает, – одновременно чиркая что-то в блокноте.

Ему достаточно было набрать две цифры:

– Алло, – он даже не представился, – где он? Хорошо, жду. – Положил трубку. Улыбка не сходила с лица:

– Всё решим.

Наступила пауза. Вскоре задрезжала трубка. Секретарь почти грациозно протянул руку к телефону и приложил трубку к уху:

– Алло, да как дела? Хорошо... Значит, собираете, так, так. Вот что, ты получил плакат из Баку? Тебе было сказано насчёт звонка!?

На другом конце провода – тишина.

Вдруг, разбегающиеся морщинки у его глаз пропали, добрый взгляд превратился во взгляд медузы, лицо стало багровым, началась ругань, крик, оскорбления, друзья переглянулись, побледнев.

– Чтобы через два часа деньги были.

Он так же спокойно, с улыбкой глядя на растерянных гостей, положил трубку на аппарат. Обратился к ним, почти тихим бархатным голосом:

– Неслыханно, людей гнать за своими деньгами. Ваша проблема решена, вы можете поехать в колхоз и забрать ваши деньги. Куда хотели предложить этот плакат? – заглядывая в блокнот. – Лу...ввру?

Они синхронно кивнули.

Ехали молча, потом смеялись:

– А ты так побледнел...

– Кто, я? Ты посмотрел бы на себя, выглядел белым, как бумага. Тоже мне, «Лу...ввру».

Завернули в колхоз. Нагруженный самосвал преградил им дорогу, медленно переваливаясь, проехал мимо по обочине, шофёр второй машины махнул им, и они оказались рядом с железной дорогой. У вагона столпились мужчины, только один размахивал руками, что-то объясняя работникам.

Небольшого роста, наверное, одного возраста с друзьями. Заметив гостей, с презрением отвернулся. Подъехали узнать, где председатель. Тот нехотя посмотрел через плечо:

– Это вы из Баку? Я – председатель! Подождите у того здания, я подойду.

Простояли долго, обычно люди в деревнях славятся гостеприимством, а этот...

– Ну, а если бы тебя так *понесли бы?* – сказал Рафиз.

– Ну, надо было вовремя «бабки» выслать.

Появился председатель, извинился за задержку, мол, вагон загружаем, пригласил в кабинет. Предложил чай. Ссылаясь, что им пора возвращаться, отказались.

– Вам всё равно придётся полтора-два часа подождать. Деньги будут, как только закончится загрузка вагона.

Переглянулись: «Придётся ждать, теперь можно и чаю выпить».

Время шло, с улицы доносился грохот самосвалов, привозивших груз. Вошёл работник, объявил, что вагон загружен, а председатель скоро подойдёт. Ожидание близилось к концу, настроение улучшилось. Появился и председатель, положил на стол 600 рублей. Поблагодарили, попросились, как вдруг он попросил минутку подождать. Из-за шкафа вытащил плакат и прислонил к стене.

На плакате – крупным планом корова и несколько телят – на заднем плане пощипывают травку. Внизу надпись. «В эту пятилетку перевыполним план: больше молока и телят».

Злобно посмотрев на них, председатель сказал:

– Я продал вагон слив за 600 рублей, чтобы оплатить ваш плакат, я мог бы за эти деньги для колхоза купить корову вместе с живыми телятами.

P.S.

Через год друзья опять купили пару писем у посредника:

– Слушайте, ребята, это не ваша корова висит у первого секретаря М. Рзаева?

– Корова?

– Он, что-то про Лу...ввру говорил?!

– Корова? Лу...ввру? Нет.

16 апреля 1975 года Пленум ЦК КПСС освободил А. Н. Шелепина от обязанностей члена Политбюро ЦК.

ОКНО

День первый

Полуоткрытое окно затянато тяжёлыми шторами, тусклый свет пробивается через полоску между ними, в полутёмной комнате слышны мурлыканье и тиканье часов. Тихий голос:

– Выпьем за нас.

Звон бокалов, звук жадно проглатываемого напитка.

– По утрам я не пью, но сегодня – исключение. Милый, почему не пьёшь?

Я выпью ещё...

– За теб... ах, ой, – приглушённый крик, – ой!

Звон упавшего на пол разбитого бокала, мяуканье испуганной кошки. Что-то тяжёлое, мягкое, упало на пол. Слышно быстрое дыхание, оно участилось, стало отрывочным, жадно хватающим воздух, послышался гортанный хрип. Через несколько секунд всё стихло. Только вопрошающе мяукала кошка. Кто-то, мягко ступая, приблизился к окну. Одновременно шторы скользнули друг к другу, стало ещё темнее. Фигура приблизилась к умывальнику, руки упёрлись в его края, в правой руке – окровавленный нож. Хлынула вода. Руки нервно смывали под струёй запёкшиеся пятна крови. Серый умывальник, окаймлённый тёмными стальными стенками, нервными всплесками отталкивал кровавую волну пены. Воронки, созданные встречными потоками, с чудовищным гулом увлекали воду в центр водоворота, чтобы навсегда исчезнуть в недрах океана. Лёгкий ветерок, ворвавшийся в окно, приоткрыл часть шторы, сверкнуло широкое лезвие ножа, вязкая капля, вытянувшись, упала с кончика на пол. Вымытый бокал уже стоял на умывальнике. Только рука протянулась к ножу, чтобы вымыть его, раздался звонок в дверь. Рука рванулась к крану и закрыла его. Второй звонок, пауза, звук удаляющихся шагов.

Рука чуть приоткрыла штору: за окном – мужчина, вложив конверт в висящую на велосипеде сумку, уехал, брэнча звонком.

Жалобно замыкала кошка. Осторожно ступающие шаги направились в сторону кошки, она злобно фыркнула и пробежала по комнате, шаги остановились. Тревожно ворча, она приставила мордочку к стеклу. За окном прохожие не обращали внимания на царапающую раму стекла и старающуюся подтянуться кошку. Раздался замочный щелчок, кошка обернулась, прыгнула с подоконника, послышался скрип, дверь захлопнулась.

Тишина... Её нарушил неожиданный шум за дверью, жители покидали свои квартиры, на лестничной клетке – оживление, топот, детские голоса. Шум в блоке и за окном стал стихать. Ближе к полудню в комнате вновь послышалось беспокойное мурлыканье кошки. Она умолкла, повернула голову в сторону двери, тихо мяукнула и, рванувшись к ней, начала её царапать. Соседка, услышав жалобу кошки, спросила:

– Ну что, *Рыжая*, опять забыли тебя выпустить?! Может быть, он спит?

Раздался звонок в дверь. Пауза. Стук:

– Херр Нойман, вы дома? Ну, ладно, *Рыжая*, когда он вернётся с работы, я ему напомню.

Шорох скользящих туфель исчез на лестнице. После полудня раздался телефонный звонок. После третьего гудка включился автоответчик с весёлым женским голосом:

– Херр Нойман, вы не вышли на работу, опять буйная ночь? Дайте о себе знать. Шеф очень беспокоится, работа стоит. Желая всего хорошего, –

хихикнула, – до завтра.

Во второй половине дня жилой блок стал оживать, жители возвращались в свои квартиры. *Рыжая* сидела у окна, безнадежно и жалобно мяукая, царапала окно когтями, но привлечь к себе внимание не смогла. Вечерело. Появился сосед со своей собачкой, идущий на вечернюю прогулку. Собачка по привычке остановилась у окна, облаяла *Рыжую*, раскидала задними лапами землю и гордая пошла своим путём.

Улица пустела, в домах гас свет. Только *Рыжая* всё сидела у окна. Бродячие собаки гонялись за вечерними крысами. А потом стало совсем тихо. За окном затихли шаги, раздался звуки поцелуев, женский голос:

– Ну, мне пора.

Из верхнего окна послышалось жалобное мяуканье.

– Ой, смотри, кошка. Киса, ты что, не спишь?

Обрадованная *Рыжая* в ответ стала ещё громче мяукать, высунув в откинутое окно лапку, прося её вытащить.

– Ой, она сейчас всех разбудит. Я пошла.

– Ну, хотя бы минутку...

– Нет, нет, до завтра...

Последний поцелуй и она исчезла в подъезде дома. Ритмично капала вода, на подоконнике нервно дёргалась спящая кошка, тикали часы, слышалось жужжание. Тяжёлые занавески заколыхались, в комнату ворвалась ночная прохлада. За окном раздался гром. На секунду комнату осветило голубым светом, контур ножа отразился на стене. Также быстро всё вокруг затихло.

День второй

Утро. Жужжание усилилось. *Рыжая* сидела у двери, не отводя взгляда от дверной ручки: «Должна же она скользнуть вниз», – и не переставала монотонно урчать. За дверью – опять шум, разговоры, детский смех, стук каблуков, как вчера, долгожданная пауза. Снова соседка сиплым голосом:

– Ну что, *Рыжая*, опять забыли тебя выпустить во двор?! Может быть, он спит?

Послышался звонок в дверь. Стук.

– Херр Нойман, вы дома? Видимо, забыл. Ну ладно, *Рыжая*, вернётся с работы, я ему напомню.

Удаляющийся стук башмаков соседки.

Пленница сделала пару попыток прыгнуть на ручку двери – безрезультатно. Шагая бесцельно по комнате, громко и хриловато мяукала, словно что-то искала, остановилась у туалета. Рядом стояла пустая чашка, она протянула лапку и стала отковыривать прилипший к стенке кошачий гранулят. Медленно поднесла к мордочке, начала жевать, между зубами потрескивала гранула. Уставилась на пустую чашку, стала лапкой постукивать по ней.

Резко оттолкнула от себя, под ней оказалась ещё гранула, тут же схватила зубами, коротко зарычала, замерла, простояв в этой позе пару секунд, начала грызть. Так она охотилась в своём «райском дворе», так близко, и в то же время недоступно.

Часы пробили двенадцать раз. В умывальник ритмично падали капли. Увеличивались до идеального шарика, потом вытягивались в длину, кран хоть и был доминирующим, но был не в силах её удержать, она отрывалась и падала в умывальник, издавая странный звук: «Блуб...» Следующие капли медленно превращались в сверкающие шарики. *Рыжая* прыгнула на край мойки, лапки расставила по краям и подтянулась к крану. Раздался телефонный звонок. Лапки соскользнули, и она упала внутрь. После третьего гудка включился автоответчик: вчерашний кокетливый голос звучал уже требовательно:

– Алло, Херр Нойман, вам пора дать о себе знать, шеф в ярости. Неважно, что с Вами произошло, только позвоните ему.

Рыжая отряхнула лапки и решила использовать новую тактику. Встала параллельно к крану и протянула лапку к нему. Капля увеличилась, схватив её, поднесла ко рту, проделала процедуру несколько раз. Мимо пролетела муха – кошка махнула лапкой, но промахнулась. Спрыгнула на пол и заняла своё безнадёжное место. Мимо окна прошёл мужчина с собачкой. Пёсик, как обычно, остановился у окна, но за окном никого не оказалось. Он всё равно проделал привычный обряд, облаяв окно, разбросав землю.

Проснулась кошка, услышав знакомый голос:

– Ну, хватит, я должна выспаться.

– Ну, хотя бы на часок.

Из-за окна показалась лапка рыжей кошки, она почти просунула плечо – это было уже не мяуканье, а крик, крик о помощи.

– Уходи, прошу тебя, уходи, глупая кошка, весь двор разбудишь.

Девушка исчезла за дверью.

Парень смотрел в сторону уходящей подружки, обернулся к окну:

– Чтоб ты подохла!

Злой, зашагал в обратную сторону.

Между тяжёлыми шторами, на подоконнике – силуэт одинокой кошки, она смотрит на тёмную улицу.

В комнате тикают часы, ритмично булькают капли, жужжание превратилось в рой.

День третий

Настойчивые солнечные лучи пробивались сквозь плотные шторы, обволакивая мягким тёплым светом комнату. Шторы были покрыты

ползающими, жужжащими мухами. На лестничной клетке знакомый шум – кому на работу, кому в школу, каждый занят своим делом. В полдень появилась соседка:

– Рыжая, Рыжая, ты дома? Молчит! Значит, херр Нойман вернулся.

Кряхтя, шурша туфлями по полу, пошла своим путём. Телефонный звонок, озлобленный знакомый голос:

– Херр Нойман, это Сильвия, секретарша. Вы можете в любое время забрать у вахтёра Ваши личные вещи. Фирма расторгает заключённый с Вами контракт.

Под вечер жители проходили мимо окна, возвращаясь домой. Темнело, улица пустела, гас в окнах свет. Мужчина с собачкой вышли на прогулку.

Пёс остановился под окном, собрался обляять соседку, но вместо лая взвизгнул и устремилась прочь.

На улице послышались равномерные шаги, парочка остановилась у окна.

– Лиза, что за запах?

– А где кошка?

Парень подошёл поближе, внимательно посмотрел в окно.

– Шайзе, я же просто сказал.

– Что ты сказал?

– Ну, про кошку?!

– Что?

– Ну что бы она под...

Лиза приблизилась поближе к окну и в ужасе закричала.

Появились двое в гражданском, старший, сообразив, позвонил в участок:

– Комиссар Заубер. Свяжитесь с фирмой херра Кнаке. Надо дверь открыть.

Да, это всё, я жду.

В скважине замка послышался звук вставляемого ключа, входная дверь открылась, в парадной – три мужских силуэта. Человек в шляпе обернулся:

– Спасибо, дальше мы сами разберёмся.

Дверь тихо закрылась. Тёмная комната.

– Где здесь выключатель?

– И не вздумай! – предостерег голос комиссара.

Сначала один, потом второй включили свои карманные фонари.

– Маленькая, а какая вонь.

– Сержант, ты уверен в этом?

Комиссар осторожно двигался по комнате, раздался хруст стекла, он остановился, направил свет к ногам, на полу – осколки стёкол и красные кошачьи следы, ведущие к входным дверям. Фонарь сержанта осветил труп, вокруг которого жужжали мухи.

Голос комиссара:

– Вот тебе и источник запаха.

Шаг к умывальнику, в лучах света сверкнуло лезвие ножа.

– Ну, и ну, какая неосторожность.

Комиссар, поправив натянутую резиновую перчатку, взял нож в руки, осмотрел, так же осторожно положил на место.

Сержант, недовольно бормоча, тихо откашливался.

– Что случилось?

– Нож! А у тебя что?

– Молодая, лет 25-ти, ножевой удар в полость груди, в ночном платье...

Шайзе...

– В чём дело?

– Комиссар, комиссар да это же мужчина!

– Н... да. Иногда самцы берут на себя роль самки...

Сержант хотел что-то добавить, но услышал от комиссара:

– Тсссс, выключи фонарь.

Шорох за дверью, лёгкий щелчок. Раздался лёгкий скрип двери, появилась тень вошедшего, дверь закрылась. Неизвестный быстро и уверенно устремился к умывальнику, рука протянулась к ножу, в это время включился комнатный свет.

Растрепанный мужчина в тёмно-коричневом халате держал в руке нож.

– Вы что-то забыли?

Мужчина опустил руку, нож упал на пол. Когда его уводили, он повернулся к трупу, безразлично:

– Предатель.

Небо было покрыто тёмными тяжёлыми облаками, и только из маленькой небесной щели виднелась тёмно-синяя полоса, по которой скользнула молния, на мгновение осветив комиссара, Он, как дирижёр, раздвинул занавеси в стороны.

Раздались подряд несколько раскатов грома. Комиссар смотрел на распятую кошку, она обеими лапками держалась за пластиковые рамы, головка свисала за окном, Сильные руки сняли её.

Дверь захлопнулась. В комнате стало тихо. Тикали часы, ритмично капали капли, исходящее от них эхо, напоминало гром. За окном шёл дождь...

МИХАИЛ ПИКЕР

Весна перетекает в лето,
Со всех оков запоры сбиты
И в грохоте мотоциклета
Лежит земля, луной облита,

А небо, путаясь в рассвете,
Перескачет птичья стая
И зачарованные дети
Пернатый планер запускают.

Личность человека исчезает,
Пропадает в чёрной пустоте,
Человек и сам, порой, не знает,
На какой находится черте.

В человеке многое сокрыто,
Множество событий и идей,
Множество отбытий и прибытий,
Он везде и, всё равно, нигде.

Утро. Отплывают пароходы
С судьбами, закрытыми внутри,
И на тротуарах небосвода
Светят звёзды, словно фонари,

Остаётся только погружаться
В жизни незатейливую клеть
И, в какой-то степени, казаться
Знающим как правильно стареть.

Как душно машинам сегодня в миру
Фонарь, словно крест, перекрёстком распятый.
В глазах фиолетовых – красные пятна
И роешь руками, как лисы нору.

Песок, словно рухлядь рассыпан вокруг,
Деревья железными машут руками
И день, словно маршал, чадит мотыльками,
Сложившими крылья свои на ветру.

Кварталы изогнуты твёрдой рукой,
Прибиты скрижали в расщелинах неба
И, выпив бутылку сброжённого хлеба,
Усталый создатель идёт на покой.

День вымазан, разрезан и зажат,
Покрытый непонятной, клейкой сажей,
Не ждать, не суетиться, а бежать
Из местности многоквартирных башен.

От надписей затёртых на стене,
Которые мозги нещадно грузят,
От дел и тел, давно ненужных мне,
И от моих несбывшихся иллюзий.

Нас пустили в парк аттракционов,
Мы здесь от рождения живём,
Кто-то – акробат, а кто-то – клоун,
А потом мы, видимо, умрём.

Сами создадим себе кумира,
Сами хладнокровно вгоним в гроб,
Горизонты видимого мира
Опясаив жилами дорог.

Свято веря снам о чём-то лучшем,
Доверяясь принципам простым,
Мы, кряхтя, взбираемся на кручи,
Волоча с собой свои кресты.

ЦЫГАНЕ

...А танец разгорался на поляне
И нестерпимый свет прорезал холст.
Плясали, как в последний раз, цыгане,
Вытаптывая земляной помост.

Ворованные кони серой масти
Вгрызаются в узду и рвутся прочь,
А языки костра исходят страстью
И золотом облизывают ночь.

Чуть отойти назад, – угрюмо замер
В кромешной тьме неразличимый бор.
И выпуклыми, жирными мазками
Расходится по заднику костёр.

А мокрым утром дальняя кукушка
Отмерит срок, оставшийся с небес.
И тишину, сумятицей обрушив,
Кибиток череда покинет лес.

ПИТЕР

Жест указующий. Многофигурный
Тёмен расклад на гравюрах сереющих.
Я – это Гоголь, что над Петербургом
Ведьмою медленно реет на бреющем.

Жерла каналов черны, насекомые –
Лодки и люди, на лодках галдящие.
Мне почему-то до боли знакомые,
Воспринимаются как настоящее.

Это – страницы, где даже помарки
С текстом, на равных, в историю вместятся.
Это – унылость такая, что в парке,
Кажется, скоро скульптуры повесятся.

Я себе не доверяю...
Тряпкой стёкла протирая,
Я стараюсь разглядеть,
Что находится снаружи:

Череду чужих людей,
Льдом подёрнутые лужи
И запорошённый стужей,
Муторный, невзрачный день,

Но среди людей спешащих,
Вьюгой согнанных в кольцо,
Вдруг проступят чьи-то санки,
Драповое пальцецо,

Бок трамвая и, как в рамке,
Миловидное лицо.

Сегодня сумрачное утро.
Вся жизнь как будто под вопросом, –
Ты пьешь её напиток мутный
Сквозь пелену распухших дёсен.

Вокруг лежат густые тени,
Вид из окна обезображен –
Переплетьями растений
И комьями налипшей сажы,

Стоят заброшенные зданья,
А в них нетопленные печи.
Зачем дано нам пониманье
Того, что мы небесконечны?

Листва расстелена у дома –
Шинелью, ворс её неброский.
И день – чахоточный ребенок –
Завёрнут в рыжие обноски.

Мы танцуем с тобой под нездешние звуки, –
 Под, одними лишь нами, услышанный хор.
 И твои, словно лилии, гибкие руки
 Увлекают меня в свой таинственный створ.

И сиянием северным небо залито,
 По нему, как по морю, спешат корабли.
 И я знаю, что все наслоения быта
 В этот вечер бесследно исчезнуть могли б.

И развёрнутый, с необычайной сноровкой,
 Лунный полог, как ртуть над землёю поплыл.
 Мы танцуем сегодня особенно ловко,
 Чтобы не повредить этот хрупкий настил.

ЗИНАИДА НА СЕЛЕ И В ГОРОДЕ

Зинаида неделю лежала без движения. У неё умерла мама, и она осталась совсем одна. Беспомощность не покидала её. «У всех есть мама, а у меня нет», – думала она. Жить без мамы ей было решительно ни к чему.

Снотворное не помогало, и она засунула таблетки далеко в шкаф, чтобы не выпить всё разом и умереть. Психолог посоветовала ей найти мужчину.

Легко сказать. Зине было за пятьдесят, и мужчин она почти не знала. Единственный за годы случай произошел недавно в поезде.

В купе зашёл крепкий мужчина. Он расставил на столе закуски, налил себе и ей водки. Сопrotивляться его спокойной силе было невозможно. Он шептал банальности, но этого оказалось достаточно, чтобы уложить одинокую Зину в постель. Она хлопнула рюмашку и легла с ним.

Наутро Василий Никифорович, так его звали, сошёл в Покровке.

И вот теперь Зинаида поняла, что он ей и нужен. Она собрала чемодан и отправилась в Покровку.

– Где живёт Василий Никифорович? – спросила у проходившей мимо тётки.

– Там, – показала та на добротный дом за забором.

Калитку отпер сам хозяин. Он её сразу узнал.

– А ну вали отсюда, – зловеще зашептал Василий Никифорович, оглядываясь куда-то назад. – Чтоб я тебя больше не видел. Поняла? – И захлопнул калитку.

Зина обмерла. Тело стало ватным.

– Ну что, некуда тебе идти? – спросила та же тётка. – Давай, заходи. Поезд – завтра, у меня заночуешь.

Наступил вечер. Зинаида лежала на лавке, поджав ноги в толстых, вязаных носках. За окном раздавались крики веселящихся людей. Крики то удалялись, то возникали совсем близко.

– А поди-ка потанцуй. Чего горевать? – сказала тётка.

Неверно ступая, Зина вышла на вытоптаный плац под фонарём.

– Это тебя Васька обманул? – подскочил к ней рябой мужик. – Сейчас мы его дом подожжём.

Зинаида беспомощно оглянулась, как бы говоря: «Не понимаю я ничего. Помилуйте, ради бога...»

– Не хочешь? – снова закричал мужик.

– Ну и не надо, тогда – танцы.

По земляному, утопанному полу стукнули разом десятки каблуков. С нарастающим остервенением пары сходились, потом, словно пройдя друг сквозь друга, расходились далеко в стороны. Дойдя до края, резко разворачивались и сходились снова.

Зинаида перелетала из одних объятий в другие, покорно отдавшись этому вихрю. Музыка внезапно прекратилась и все, тяжело дыша, застыли в тех позах, в которых их застала пауза.

К ней опять подкатил щербатый:

– Да чё ты губки-то надула? Найдём тебе жениха. Вон, – указал он пальцем на длинного, как жердь парня, – чем тебе Фёдор не жених?

Фёдор закашлялся и, сняв шляпу, отвесил поклон.

Зинаида засмеялась. Повеселевшая, она вернулась в дом.

– А назавтра у нас праздник: «Ивана Купалы». – коверкая непривычные слова, сказала тётка. – Городские проводят.

Утром, у дороги молчаливой стеной уже стоял народ. Из подкатившей машины вывалился большой человек с рыжей шевелюрой и гулко заговорил:

– Мы возрождаем народные традиции. Присоединяйтесь к нам. Это ж ваши корни.

Люди с молчаливым любопытством смотрели на него. Из машины выскочило ещё несколько мужчин и женщин. Все они имели пёстрый, нездешний вид. Станные женщины запричитали и истошно заголосили по-старушечьи. Люди посуровели и плотней сдвинули плечи. А потом начался самый срам. Приехавшие стянули с себя всю одежду. С разворотом подкатил трактор. Вся компания завалилась в кузов. Трактор рывками понёсся по целине, потом вывалил ораву в грязь. Сверкая задами, те сиганули к речке. С громким хлопаньем вытаскивали ноги из глины и, не удержавшись, валились набок. Потом мелкими перебежками вернулись к машине и забрались в неё.

Тем временем рыжий разжёл костер. Уже одевшись, странные женщины

стали снова причитать, а мужчины прыгать через костер. Делали они это неумело. У одного загорелась штанина и он тушил её, поднимая снопы искр, другой ступил прямо в костёр и сжёг пятку.

Люди стали расходиться, пока не остался один чумазый пацан и Зинаида, которой идти всё равно было некуда. Как-то неожиданно участники действия набились в машину и, рванув с места, она умчалась, как и не было.

Зинаида взяла свой чемодан и пошла на вокзал. Кто-то окликнул её. Путааясь в широких штанинах, её догонял жених Фёдор. Они пошли рядом.

– Ты не смотри, что я худой. Я – жилистый. Я и на земле могу и по дому... Зина безмятежно улыбалась.

Когда поезд тронулся, Фёдор ещё долго махал вслед шляпой:

– Я и на земле и по хозяйству могу-у-у...

К ночи Зинаида вернулась в город. Она заметила, что душевная боль притупилась, и всё встало на свои места. Выпила таблетку снотворного и легла. Вскоре Зинаида провалилась в детство. Там она была разумная и весёлая. Мама была молодая. Она держала маму за руку, и ветер трепал её волосы. Она улыбалась, не было никаких проблем и все ей были ужасно рады. Потом это кино погасло, и она крепко заснула до утра.

ПЁТР И ПАВЕЛ

Из рассказов о художниках.

Скульптор Павел Фильштейн сидел на кухне в майке и смотрел в окно. Он уже давно решил покончить с собой. Внешне Павел был похож на сатира, с жёсткой бородой, волосатым телом и налитыми кровью глазами, характер же имел меланхолический.

Всё ему надоело: стужа, от которой не спрятаться; натурщица Настя; Семён Семёныч – паспортист; собутыльник Аркадий. Про себя он тихо знал, что он – гений и никто ему не ровня, так что не доставайся же его божья искра никому.

Павел зашёл в гастроном, продавщица завернула ему в промасленную бумагу рыбу, он вышел и с отвращением выбросил её в мусор.

Тренировались физкультурники, дворник скрёб асфальт.

«Прощай всё это: заплёванный тротуар; разводы на окнах; визжащий на поворотах трамвай».

Павел давно уже ничего не понимал, колясочник Василий, без трёх пальцев на руке, тоже ничего не мог объяснить. Да теперь и неважно.

«Надо бы перед смертью оттрахать Настьку», – ничего умнее этого не придумывалось.

Настя радостно согласилась. Они разделись, обкурились, потом пришёл

сантехник проверять трубы. Фильштейн сквозь дурман слушал его пояснения, потом сказал: «А не пойти ли тебе нахер?» Сантехник ушёл.

Плавно двигаясь над Настей, Павел думал, что завтра его уже не будет.

Однако наутро он проснулся вполне живой. Почесав живот, прошлёпал в уборную, потом в кухню, потом в прихожую и там, неловко протиснувшись головой в петлю, повис, чуть покачиваясь.

Проснувшаяся следом Настя оценила перформенс и, бросив одобрительный взгляд на скромно висящего в углу художника, принялась веселиться по полной.

Она густо накрасила ему губы помадой, подвела брови, потом стала примерять ему разные шляпы, чтобы сделать селфи, но с каждой новой шляпой Павел выглядел всё более тухло.

Настя даже разозлилась на него за тупость и пару раз ударила кулачком в затвердевший бок. Наконец, врубив на полную громкость Мерайю Керри и отпустив Павлу прощальный воздушный поцелуй, она выскочила на залитую солнцем улицу.

Высоко в небе плыл крестик самолёта, дурманяще пахла сирень.

Вечером прибыли санитары. Осунувшийся Фильштейн, с размалёванным лицом, укоризненно висел в своей петле. Один тапок упал, другой еле держался на ноге.

Вынув из петли, они поволокли его вниз. У Павла из-под простыни выскользнула рука и, болтаясь, весело дирижировала тяжело спускающимися по ступеням санитарями.

Одного из них звали Пётр и у него в голове зародились стихи:

«Ах, сука ты, в неясной пустоте!
Когда везде веселье наступает,
Приблизившись к неясственной черте,
Ты нагло балансируешь у края.

Просрав всё то, что ценится людьми,
Поправ собой священные основы,
Ты будешь к нам являться снова?
Снова ты будешь наши души бередить?»

Пётр хоть и работал на труповозке, в душе был иконописцем и в мозгу у него роились золотые ангелы. Каждый раз, приходя после смены домой, он на холсте, стоявшем в углу комнаты, пририсовывал очередного ангела.

Машина остановилась у морга. На этом пути Петра и Павла окончательно разошлись. Павел остался лежать на цинковом столе, а Пётр пошёл по засыпанной сиренью улице домой.

Дома он взял кисточку и нарисовал на картине нового ангела – Павла.

Уже, ложась спать и скинув рубаху и штаны, он придумал новое стихотворение:

«Вечерний город, облик скудный
Неразличимого двора,
Уже не знаешь, где сегодня,
А где пока ещё вчера.

Фонарь чихает жёлтым газом,
Как будто вправду занемог,
И пёс, плешивая зараза,
Скулит и крутится у ног».

Потушив лампу, Пётр лёг на скрипучую постель, но не уснул, а, глубоко дыша, ещё долго смотрел в глаза висящей в проёме окна тощей луне.

МИХАИЛ ПОГРЕБИНСКИЙ

ВЕРНОСТЬ ИЗИДЫ

Она шла всегда рядом, выдерживая ритм шагов своей хозяйки. Как положено, с левой стороны, заглядывая услужливо в лицо женщины, стараясь угадать её желание.

Хозяйка была умна и красива, что существенно уменьшало её шансы быть одновременно ещё и счастливой. Красота её не выражалась в классической правильности черт лица и в безукоризненной фигуре. Ирина была русоволодой и сероглазой. С пухлыми губами и слегка полноватыми икрами ног. Больше относилась к провинциальным красавицам из российской глубинки.

Когда-то был неудачный брак, оставивший осторожное, недоверчивое отношение к мужчинам. Ирина, закончив филологический факультет университета, два десятка лет работала литературным редактором в издательстве. Увлекалась поэзией и писала сама. Сборник ее стихов, недавно изданный, нашёл своих читателей.

Мужчины её побаивались и сторонились, хотя многим она нравилась. Их подавляла чрезмерная эрудиция и высокомерие Ирины. Любой намёк на встречу в кафе или даже попытку просто поухаживать она пресекала на корню, не оставляя малейших шансов на мимолётные знакомства. Она отшивала мужчин сразу, при первой же встрече:

– Где вы слышали, чтобы произносили «торТЫ», а не «тОрты». Салат, между прочим, готовят из «свЁклы», а не «свекЛЫ»? И что, в вашем тресте самые выдающиеся «инженерА»?

Одиночество Ирины скрашивал высокий пепельно-голубой дог, точнее – «догиня» по кличке Изидка. Творение селекции тысячелетий – королевский дог, как его величают. Как-то не хочется называть её сукой, как принято у собаководов. Изидка очаровывала всех своей грацией, спокойным и дружелюбным характером.

Работы в издательстве было хоть отбавляй и частенько Ирине приходилось брать домой толстые рукописи, над которыми просиживала допоздна. Некоторых начинающих авторов она, не стесняясь, отчитывала:

– Как можете вы так издеваться над русским языком? В вашей повести столько грубейших ошибок, которые не позволительно допускать даже школьнику. Ну, а о стилистике я промолчу. После правки получается новая повесть, написанная мной.

Частенько Изида ездила в трамвае вместе с Ириной на работу. В издательстве, расположившись в углу, она часами дожидалась своей хозяйки, провожая грустным взглядом работников, проходящих мимо. Они почёсывали её за ухом или поглаживали гладкую шерсть.

Иногда в выходные дни Ирина радовала собаку поездкой за город, где для неё было полное раздолье. При появлении Изиды коровы, пасшиеся на лугу, обращались в паническое бегство, а молодые бычки собаку яростно атаквали. Однажды такая встреча чуть не закончилась для Ирины и собаки печально. Гуляя по полю, столкнулись с породистым зрелым быком. Приняв боевую позу, тот внезапно помчался хозяйке и собаке наперерез с такой силой, что вырвал из земли мощный кол, удерживающий его на привязи. Он метил в собаку. Изида вырвала поводок из рук хозяйки и вступила в единоборство с быком, не испытывая никакого страха перед мощной мускулистой тушей. Она ловко уворачивалась от направленных на неё острых рогов, взвизгивала в прыжке и наносила обидчику укусы в загривок или в ногу. Вероятно, спасая свою хозяйку, уводила разъярённое животное подальше от неё. Быка с трудом утихомирили двое дюжих селян.

– Это на генетическом уровне, в памяти у парнокопытных сохранилась ненависть к догам. – пояснил знакомый кинолог. – Ещё в древней Ассирии и Египте с ними охотились на буйволов. Ну, а изображения этой породы часто встречаются на стенах усыпальниц фараонов.

Были у Изиды и свои собачьи радости. Иногда ей доставались остатки свиного окорока. Знакомая продавщица оставляла Ирине бедренную кость от ветчины. Для Изиды это был пир гурманов. Она бережно брала её в зубы и достойно удалялась в прихожую. Зажав кость передними лапами, долго разглядывала своё угощение. Затем облизывала его и медленно отгрызала, оставшиеся хрящи и сухожилия.

Изида, как и её хозяйка, была лишена материнского счастья. Когда у неё наступали *собачьи календарные дни*, вела себя беспокойно. Рвалась с поводка, обнюхивая двор, оставляя метки на нём. Ирина выгуливала её только поздними вечерами на коротком поводке. Изида терпеливо переносила эти дни, скуля и вздыхая, уставившись на входную дверь.

– Да своди ты её на случку к породистому кобелю. Не мучь животное, – говорили ей знакомые собаководы, – Изида принесёт хороших щенков. Распродав их, получишь выручку втрое больше твоей нынешней зарплаты. Деньги лишними не бывают.

– Ну, где я смогу выкормить время для возни со щенками? – отнекивалась Ирина. – Не справится мне одной.

– И о себе пора бы подумать. Тебе уже за сорок, – увещевала её единственная подруга. – Ну роди сама ребёнка от кого-нибудь. Не жди своего принца.

– Это что же ты мне предлагаешь? Случку по договорённости? Я же не собака. Не бывать этому! Да и врачи не советуют мне беременеть в таком возрасте.

Однако у Ирины давно созрел свой план. Она начала втайне наведываться в дом малышки. И приглядела там годовалую малышку, по редкому совпадению, удивительно похожую на неё.

И прикипела она душой к этой голубоглазой и светловолосой девчужке.

Все в издательстве стали замечать перемены в своей сотруднице. Она удивляла всех особым блеском глаз. Её щёки покрылись румянцем, стала поужоженной причёска, ранее сделанная наспех. Ирина появлялась в жакете и юбке, позабыв о джинсах и кроссовках. Начала пользоваться косметикой.

– Ну, наконец-то, встретила своё счастье наша редакторша, – шептали сотрудники.

Удочерив девочку, Ирина внезапно взяла отпуск: «Никто не должен знать о ребёнке, кроме самых близких. Они не проболтаются. – решила она. – Для Дашеньки я родная мать, и она ни от кого не узнает о своей кровной».

Имя дочери Ирина, не задумываясь, дала в честь бабушки. Малышке требовалось внимание. Ирина едва успевала справляться с нахлынувшими на неё хлопотами. Визиты к врачам, детское питание, частые стирки стали отнимать время и на Изиду его почти не оставалось. Собака вначале любопытно заглядывала в детскую кроватку. К девочке подходила, осторожно обнюхивая её, и отбегала на своё место. А затем и вовсе потеряла интерес к новому члену семьи.

– Ничего, скоро подружитесь, – говорила Ирина, – ведь ребёнок тебя не боится.

Однако собаке маленькая Даша была безразлична. Девочка едва начинала ходить и старалась опереться о её спину, чтобы не упасть. Изида, рыча, уворачивалась от ребёнка, убегала к двери и долго скулила, тоскливо косясь на свою хозяйку. Выгуливать собаку вечерами приходила подруга.

Ирина нашла работу в другом городе и временное жильё. Получив расчёт в издательстве, стала готовиться к отъезду. Квартиру и уход за Изидой она оставляла своей подруге.

Собака, почуяв надвигавшуюся разлуку, нервно носилась по квартире, облаивала ребёнка и стала реже подходить к миске с едой.

Изиду решили не брать с собой на вокзал, зная, что расставание будет для нее мучительным.

Пока выносили чемоданы и коляску с ребёнком, Ирина сдерживала собаку, обнимая на прощанье свою верную подругу.

Выйдя в коридор, она села спиной к входной двери, на которую с воем бросалась собака, царапая её когтями и грызя зубами дверную ручку.

– Ну, потерпи немного. Будь умницей. Мы ведь оставляем тебя ненадолго. Только устроимся, квартиру вот-вот обменяем. Будем снова вместе, – шептала Ирина, не сдерживая слёз. За дверью стало слышно лишь тихое повизгивание.

После отъезда хозяйки собака стала чахнуть. Нижние веки её глаз отвисли и белки покраснели. Взгляд стал мутным и безразличным.

– Гуляйте с ней почаще. – посоветовал подруге ветеринар – Не нравится мне её сухой нос. Да и пульс оставляет желать лучшего. Угасает животное. Слишком большой стресс для неё – синдром разлуки.

Чтобы как-нибудь отвлечь от тоски собаку, временная хозяйка водила Изиду на площадку, где выгуливали питомцев собаководы, предлагала ей лакомства, которые она, взяв в пасть, тут же сплёвывала. Собака быстро выбивалась из сил и уныло брела к дому.

– Иришка, милая, не справляюсь я с ней. Пропадает животное. Забери её, – прозвучал в телефонной трубке взволнованный голос подруги.

Через десять дней Ирина увидела у крыльца своего нового дома Изиду. Она лежала, уткнувшись носом в порог, учуяв знакомый ей с детства запах и пытаясь услышать звуки шагов своей хозяйки.

СЕНИН ПОЛЁТ

В детстве были свои кумиры. В школе он был для нас предметом восторга. Худой, остриженный наголо по школьным правилам послевоенных лет, носил заношенную вельветовую курточку «бобочку», короткие брюки, из которых давно успел вырасти. В его живых карих глазах сверкали плутовские искорки. Сеня умел делать то, что другим и не снилось. Он мог шевелить ушами. Его ушные раковины двигались вверх и вниз и, как нам казалось, они ещё сгибались. Если верить эволюционной теории Дарвина, то его предками были не обезьяны, а какой-то более ранний промежуточный вид приматов. Сеня приводил в движение сустав большого пальца руки. Он выдвигался вперёд и назад, совершая немислимые пируэты. Мы просто умирали от зависти, глядя на этот цирк.

В обиду Сеня себя не давал, хотя ему иногда доставалось от старшеклассников. В драку не ввязывался. Здесь мог он проиграть. Сеня разработал необычный способ мести. Перед большой переменной он долго разжёвывал слюну. Когда набирался полный рот, он во дворе школы поджидал своего обидчика. Переложив слюну в щепотку пальцев, с расстояния в несколько

шагов, совершив круговое движение рукой, посылал свой плевков. Словно камень, выпущенный из пращи, описав красивую траекторию, слюна точно ложилась в цель. Сеня изумлял нас своей меткостью. Его лучшим броском было попадание противнику в глаз. Связываться с Сеней было бесполезно и небезопасно. Его никто больше и не пытался обидеть.

При игре в чехарду Сене не было равных. От прочерченной на земле линии нужно было перепрыгнуть через «козла», то есть – согнувшегося игрока. Расстояние от черты увеличивалось и достигало трёх метров. Последним прыгал Сеня. Перед прыжком он снимал галоши, которые носил круглый год, чтобы сберечь туфли. Долго ходил вдоль черты, концентрируясь. Наконец, разбежавшись, перелетал через игрока, оттолкнувшись от его спины. Он был для нас недосягаем.

У Сени был младший брат Толик, который только пошёл в первый класс. Нас поражала удивительная непохожесть двух братьев. Чтобы не было никаких кривотолков, мы навели справки у торговки семечками на углу школы.

– Сеня?! Он же фронтовик. Вы, что не знали? – сказала она по секрету.

– Это как, сын полка? – спросили мы.

– Ну почему полка? У него был отец, военный. Его мама служила санитаркой на фронте. Вот и нагуляла Сенечку. Куда подевался отец – никто не знает. Может быть, погиб. А Толика она родила в 1947 году. Даже я не знаю от кого он. Мужа никто не видел. А мама их обоих бросила на воспитание бабушки, вышла замуж за какого-то торгаша и укатила с ним куда-то.

Сынкам присылает жалкие гроши. Иметь бы ей столько счастливых дней.

Семья Сени ютилась в крохотной комнате, куда входили прямо с улицы. На тумбочке стоял примус. У стены – шкаф с посудой. В комнате размещались три кровати и обеденный стол. Здесь братья готовили уроки. Нас поражало, что на Сениных тетрадках не было ни одного жирного пятна. Хотя носил он их в портфеле с обёрнутым газетой школьным обедом – два ломтика хлеба, намазанные гусиным смальцем и яблоко.

Несмотря на бедность, у Сени всегда водились небольшие денежки – их хватало на мороженое, надувные шарики «Уйди-уйди» и даже на билет в кинотеатр, когда давали детский сеанс. Деньги он зарабатывал особым способом. У Сени была бамбуковая удочка, с которой он никогда не ходил на рыбалку. На конце удилица он смастерил верёвочную петлю. С ней ходил на заработки и даже брал с собой лучших друзей.

Во дворе склада Межрайбазы, у деревянного забора, стояли ящики со стеклотарой, которые отправляли на пивзавод или в лимонадный цех. Сеня, отодвинув доску штакетника, запускал в цель удочку, направленную на ближайший ящик. Когда петелька опускалась на горлышко бутылки, Сеня

делал подсекающее движение и она, словно пойманный лещ или пескарь уже раскачивалась в петле, Конечно, так ловко *ловить* мог только Сеня. Выудив их десятка три, мы отправлялись в подвал приёма стеклотары, где получали свой гонорар. Бутылки снова увозили во двор Межрайбазы, а мы лакомились сливочным мороженым и медовыми вафельками «Микадо».

После седьмого класса Сеня поступил в артиллерийское училище. Даже не представляю, какой из Сени мог получиться артиллерист, но когда через два года он приехал на каникулы, мы были поражены. В бравом курсанте мы едва узнали бывшего заморыша Сеню. Он вырос, окреп и стал шире в плечах. Голову украшал залихватский волнистый чубчик. Глаза, как и раньше выражали лукавство и задор. Могу поклясться, что наши девчонки *пялили* глаза в его сторону.

Оказывается, Сеня во время учёбы занялся прыжковой акробатикой и там ему не было равных. Он выполнил норму первого разряда и в нашем спортзале устроил показательное выступление. С разбегу сделал *рандат* и *фляк*, он выполнил сальто, кувырок и выход в стойку на руках. Больше ничего не могу добавить. Я и сейчас волнуюсь, вспоминая тот вечер.

С Сеней мы встретились лет через десять. Я был командирован в Саратов, где мое внимание привлекла афиша нового циркового представления: «АКРОБАТЫ С ПОДКИДНОЙ ДОСКИ». На этой афише я узнал... кого бы вы думали? – Нашего Сеню. Конечно, я попал на это представление.

На арене происходило что-то невероятное. В очень быстром темпе артисты выполняли каскад прыжков, переворотов, сальто. Когда вынесли подкидную доску, я не спускал глаз с Сени. Он становился на её край и замирал, опустив руки по швам. С высокой подставки на доску прыгали двое и Сеня, слегка отклонившись назад, взмывал вверх, как снаряд. Совершив несколько сальто, он *приходил* на плечи, верхнего в колонне из трёх, стоящих друг на друге артистов. Его полёты заканчивались приземлением на конец двухметрового шеста, крепившегося к поясу нижнего партнёра, его ловили в полёте другие. Конечно, прыгали многие, но мне казалось, что самые громкие аплодисменты предназначались нашему Сене.

Много лет спустя, я узнал, что во время очередных гастролей по стране, на одном из представлений Сеня сорвался. То ли не успели подстраховать во время прыжка, то ли слегка не докрутил сальто. Он остался жив, но сильно повредил ногу. Выступать больше не смог. Цирк он не бросил. Работал униформистом, тренировал других атлетов.

Я нашёл его в Одессе. Он обосновался с семьёй в небольшой квартире на Пересыпи. Мы вспоминали наше детство и говорили о том, как сложилась жизнь у наших сверстников. Я решил задать ему банальный вопрос: «Не жалеет ли он, что связал свою жизнь с ареной?»

Сеня долго мял в пальцах сигарету, не собираясь закурить. Он бросил взгляд на стены своей комнаты, которая сплошь была завешана афишами.

– Понимаешь, с меня началась новая династия. Моя жена гимнастка. Она работала с номером на канате: «*Корд де парель*». Может быть, слышал? Дочь закончила цирковое училище. Была ассистенткой у известного иллюзиониста. Теперь у неё свой номер.

Ты представляешь, что такое полёт? Это ощущение пришло ко мне ещё в детстве, во время прыжков через «козла» на школьном дворе. Какими сложными ни были бы акробатические трюки, но настоящее волнение и радость я испытываю только в свободном полёте. И мне захотелось сделать его более рискованным и продолжительным. Я разработал новый номер. Оркестр – неотъемлемая часть любого представления. Он меняет мелодию и ритм, приспособливаясь под любой номер. Это парадоксально, но мне нравится, когда он замолкает. Самое непередаваемое ощущение приходит ко мне, когда звучит тревожная барабанная дробь. И вдруг наступает тишина.

Приходит мой черёд. С двухметровой высоты на подкидную доску прыгают двое. Я взлетаю вверх лицом к залу и парю ласточкой через весь манеж. Зрители инстинктивно вжимаются в кресла, прикрывая головы руками. Как артиллерийский снаряд на излёте своей траектории, я группируюсь и, сделав тройное сальто, опускаюсь на сцепленные замком руки партнёров.

Удар литавр. Трюк закончен. Аплодисментов я не слышу. Прокручиваю заново в голове все движения.

Теперь этот номер исполняют мои ученики. Они летают всё дальше и выше, словно пытаются преодолеть земное притяжение.

ФИАЛКОВАЯ ВЕСНА

Каждое время года привлекательно по-своему. Приносит свои радости и разочарования. Потери и находки. Встречи и расставания. Но весна, поверьте, ни в какие рамки не вписывается. Она предлагает фантастические пируэты, желанна при любых жизненных коллизиях, всегда, без исключений.

Та весна в портовом городе была особенной. Её украсила песня, которую привезли из далёкой Италии. Сюжет её незамысловат: цветочница предлагает купить у неё букетик лесных фиалок. Вот несколько строк из этой очаровательной песни:

«Купите фиалки!..
Они словно живые,
и дыханьем весны
лепестки их полны, –
с юным солнцем апреля...»

Она наполняла улицы и бульвары, звучала из открытых окон и, казалось, что её напевали все. Нежная мелодия порождала мечтательность, задевала души и сердца, соответствовала их весенним порывам. Наша студенческая пора заканчивалась.

Эту песню исполнила на прощальном вечере моя однокурсница.

Маргарита запомнилась своей худощавостью, небольшим ростом и бледноватым лицом. Одним словом, внешность её не была привлекательной, если бы не глаза с поволокой и застывшим в них безответным вопросом. Они были обрамлены длинными чёрными ресницами и были похожи на голубые фиалки. Рита пела со щемящей грустью, в которой звучало расставание с юностью, тёплым морем и улицами, с благоухающим цветом акаций. Это напоминало жалобную песню девочки, поющей под шарманку.

Вспоминается первый год послевоенной весны, когда в поездах и на рынках, одетые в случайные, не по размеру платья, девочки пели свои скромные песенки, зарабатывая этим на пропитание.

Маргарита, возможно, стала бы профессиональной певицей, но, увы, этого не случилось...

Спустя годы я встретил её на Приморском бульваре Одессы. Она шла, прижимаясь к локтю высокого молодого человека. Впереди делал первые шаги малыш в чепчике фиалкового цвета. По звуку мелодии я ясно уловил ту, дорогую всем, песню из студенческой весны. Маргарита напевала её. Она выглядела счастливой. Рядом был сильный, надёжный мужчина и очаровательный результат их любви. Вот, собственно и вся зарисовка, возвратившая меня в юность, далёкую, незабываемую.

Мелодия той песни сопровождает меня по жизни, порой навевая лёгкую грусть по студенческим годам, встречам и надеждам.

«Шагай малыш под эту мелодию. Возьми её собой!»

АНЖЕЛЛА ПОДОЛЬСКАЯ

Поэзия, проза, драматургия

ANAMNESIS VITAE, MORBI ET FORS¹

*«Мы – намного лучше, чем думают о нас другие,
и намного хуже, чем думаем о себе сами».*

Левин

– Оставь, не до этого... Сегодня был тяжёлый день... Срочная внематочная с туботомией². К счастью, тубэктомии³ удалось избежать. Плюс эндометриоз⁴ правого яичника с обширной зоной поражения... Матка – в плачевном состоянии... Полный набор... Тут ещё... привезли беременную на 32-й неделе с подозрением на аппендицит. КТ⁵ показала руку ребёнка, торчащую из нижнего сегмента матки. В брюшной полости – вода, что с плодом – уже не узнаешь... Что тут придумаешь? – Кесарить, немедленно... Слава Богу, спасли обоих... Завтра – плановые кесарево, два, и обязательно выскочит что-то непредвиденное... Устал... – Взяв подушку, ушёл в кабинет.

Гневина

Она лежала, думая о том, что её потребность в близости во второй половине супружеской жизни стала намного сильнее, но муж много лет под любым предлогом пренебрегает ею... Пора привыкнуть. Когда-то она сама толкнула его в объятия других.

В воображении возникало нечто непроизносимое, запретное... Она представляла другого мужчину... Просто – мужчину, безразлично какого...

Левин

От усталости не мог заснуть. Мысли возвращали в прошлое.

Сорок шесть... Скоро – пятьдесят. Страсть давно схлынула, прекрасная сокурсница – *растаяла*. В остатке – стареющая дама весьма беспокойного характера, которую очень напрягало игнорирование им *супружеской повинности*. Но в ещё большей степени – его нежелание продвигаться к руководящим должностям.

Взвинченная, категоричная, неласковая... Во всём – виноват только он. В том, что *солнце встало не с той ноги*, что её главврач – *дурак*, что не всегда доступен отдых на юге... Что выросшие сыновья стали неуправляемы, не желая подчиняться и считаться с её мнением.

ДО И ПОСЛЕ 25/2021

Она всегда – *на высоте*. Самая умная. Всё знает лучше других. Всё умеет. Априори – права. Всё положительное в детях – от неё. Отрицательные черты – его заслуга.

Хотя, надо признать: бойцовских качеств ей не занимать... Докарабкалась до должности заведующей «Терапией». И держится, словно «Екатерина Медичи». Но лицо – не гладкое... Морщинки... Не упоминал об этом – потеряла бы сон. Прежде – самая красивая: безукоризненная фигура, тонкие черты лица, прямые волосы, собранные на затылке.

Заведующая стала ещё надменной, категоричней. Как же она оправдывает свою фамилию... Пусть *тешит* амбиции и *сопит*. Если ей сказать, что она банально храпит, не пережила бы... Тот ещё «бас профундо». Гоняется за молодостью – за идеальным телом, забывая о душе...

А он? Задумывается о душе? Ему – некогда. У него – рожёницы.

Ощущение *дома* давно пропало – уют не в состоянии подменить его.

Фитнес-существование супруги отменило немногочисленных друзей и беседы с застольями...

Гневина

Как всегда – не позавтракал. Ещё бы... Сонм медсестричек-санитарочек позаботится о своём *кумире*. Счастье, что она не видит всего этого. Привыкла... И дети, впрочем, тоже давно поняли, что у отца они – на *вторых ролях*.

Прикрываясь занятостью, никогда не занимался сыновьями. Поэтому они и выросли такими же эгоистами, как он – плевать на родителей: «Не доставай, мать», – отмахиваются от неё, как от назойливой мухи. С отцом – понятно... А она? Всё – для них, ради них. Он виноват: не научил сыновей уважению к матери.

Когда-то, как все мужики, врал, обещая подарить *целый мир*, а подарил – *глобус*...

Двадцать три года, не считая института, спать – «спина к спине».

Хотели оба стать терапевтами. Но на последнем курсе он *выкинул фортель* и, изменив решение, стал гинекологом. Уже тогда в нём *затаился бабник*.

Стройный, с каштановыми, отливающими медью, волосами – самый привлекательный на курсе. Подававший надежды... Думала, что станет женой профессора или, по крайней мере, заведующего отделением. Не стала ни той, ни другой. «Я думала, ты будешь заниматься наукой. Что у тебя будет научное имя», – говорила ему. Всегда возмущался: «Хочешь, чтобы я гонялся за степенями? Тебе нужен я или моё научное имя? С меня достаточно должности *зама*... Я – врач. Просто – врач».

И остался простым врачом, правда, как говорят, «врачом от Бога».

«Неудачник... Гениальный неудачник!» – думала она.

Более всего её раздражали молодые дамочки, способные ещё вос-

производить потомство: «Хочу наблюдаться и рожать только у доктора Левина», – мечтала едва ли не каждая пациентка с горящим, устремлённым на него, взглядом.

Ретроспектива

Перемены в семье начинаются, когда в отношениях *возникает трещина*, увеличиваясь с каждым днём. Ничто не происходит вдруг: постоянное раздражение в течение долгого времени перерастает почти в ненависть, потом кто-то из двоих уже не интересуется другим, как интимный партнёр, и заканчивается вся эта цепочка, со многими привходящими деталями – равнодушием, полным охлаждением и отчуждением.

С ними это случилось давно – время изменило отношения, когда-то напоминавшие коктейль восхищения и любви. Они обросли ревностью, обидами, заменившими прежние ингредиенты. В той, другой, уже далёкой жизни, *растопливая её лёд, он выпрашивал у неё любовь*. Потом они *поменялись ролями*.

«До связи», – много лет говорят друг другу по утрам и разбегаются в свои клиники до вечера. Расставание не стало бы неожиданностью для обоих. Но каждый ленился изменить жизнь кардинально, думая: «Многие так живут. В принципе, могло сложиться и хуже. Зачем что-то менять?» Они просто *плыли по течению...*

В профессии он переучивался и многому научился, иногда *падая* под ударами судьбы и вновь *поднимаясь*. Ведь говорят: «У каждого врача есть своё маленькое кладбище». Стал циничным скептиком. Только не в работе.

Хорошо запомнил он операцию, когда, едва прийдя после института в ординатуру большой клиники, ассистировал при операции своему профессору. Запомнил заструившийся между лопаток холодный пот, когда *городское светило* удалил женщине беременную матку, ошибочно приняв её за опухоль. В те времена не было КТ, УЗИ⁶, МРТ⁷. Диагноз определяли – руки врача.

Несмотря на обещание присутствовавших при операции «молчать», слухи просочились. И профессор был вынужден отойти от практической хирургии.

Тогда-то Левин и дал себе слово, что после ординатуры пойдёт в роддом. Не потому, что боялся ошибиться. Хотя, чего *греха таить...*

Но ожидания его не оправдались – роддом не стал *тихой гаванью*. Жизнь преподносила непреодолимые ситуации. За долгие годы и у него случались летальные исходы. Эти несколько случаев за двадцать три года оставили *рубцы на сердце* циника.

Очень страшно – не суметь сохранить жизнь. Но ещё ужасней – сказать об этом родным, *пряча от них глаза*.

Левин

В его жизни было много женщин, которых, в силу профессии, он хорошо изучил не только снаружи. Его руки знали все впадины и закоулки их тел. Но за долгие годы он так и не смог постичь женскую душу: «Интересно, под силу это психотерапевтам?» Женщины придают слишком большое значение *мелочам*: как мужчина посмотрел, что сказал, каким тоном, думая, что это поможет приоткрыть истинный характер его намерений, следует лишь внимательно наблюдать и анализировать.

Мужчинам тоже не мешало бы присматриваться к *мелочам*. Иногда мелкая деталь способна подсказать, что холодность в женщине существует для того, чтобы покорить особь противоположного пола. В другом случае – что женщина не падка на комплименты, не предаст и вполне может стать хорошей женой.

Когда-то задавал себе риторический вопрос: «Может, поспешил жениться?» Много лет назад гормоны сыграли с ним злую шутку – до жены у него никого не было. Не знавший тогда ещё женского внимания, ни о чём другом думать не мог. Хотя, присмотришься он повнимательней... Если она из-за чего-то сердилась, а вывести её из себя могла любая мелочь – *взвивалась*, и нежная кожа становилась багровой, приобретая свекольный оттенок. Разве возможно предугадать? Наверное, можно – дочери часто наследуют своим матерям, а его тёща – не из лучших экземпляров.

Из жизни родильного отделения

Тут, как обычно, жизнь *кипит*... Не бывает двух похожих дней. Каждый – неповторим. По отделению *снуты синие и розовые костюмы*. В розовом – средний медперсонал. В синем – врачи. Иногда за дежурство им приходится несколько раз переодеваться. То – обольют околоплодные воды, то – брызнут фрагменты плаценты, слизи, крови... Здесь они всегда – в избытке.

В коридоре, у окна – группа студентов в белых халатах. У них – клинический обход. Обступив доцента, задают вопросы и торопливо записывают о патогенезе преждевременных родов. Когда с доцентом заходят в очередную палату, где женщины лежат на сохранении, лица студентов – растеряны. Многие только сейчас начинают понимать, что от их знаний и профессионализма будут зависеть человеческие жизни.

Левин

В первое время после женитьбы каждая ссора вызывала протест, на крик он отвечал криком. После ссор надолго *уходил в глубокий ступор*, потом замыкался в себе, убегал на работу даже по выходным. Привыкнув, стал почти безразличен, начал обращать внимание на других женщин, которые останавливали на нём взгляд. Теперь – доступна любая. Беременные и

роженицы – не в счёт. Все они поголовно влюблены в него... Он купался в этом поклонении... Но даже себе не признавался, что его, циника и скептика, всё ещё не перестало мучить любопытство перед *отдельной* женской судьбой.

Это была, своего рода, психологическая игра. К каждой женщине можно найти подход, ведь неразбуженная в женщине чувственность даёт мужчине огромные возможности – каждую можно убедить, что ей нужен именно *ты*. Он прекрасно сознавал, что сейчас уже изрядно *изношен*... Но взгляд, мельком брошенный в зеркало, уверял в обратном: седина *посеребрила* отливающие медью волосы; по-прежнему молодые зелёные глаза под слегка выцветшими бровями; былой подтянутости, безусловно, нет, но не отяжелел, не обрюзг.

Из жизни родильного отделения

Звучит сирена, возле родильного зала мигает красная лампочка. Левин спешит туда – ситуация требует его присутствия. В последний момент ребёнок в утробе матери *повернулся*: тазовое предлежание⁸ плода крайне опасно для роженицы и ребёнка. Женщина обессилена, у неё нет сил на крик, она лишь *мычит*, слов её не разобрать. Анестезиолог добавляет что-то в капельницу: «Пусть отдохнёт». Акушерка, принимающая роды, специальными приёмами пытается развернуть плод – ничего не получается: «Слишком много вод отошло, снижен тонус матки, – рассечение промежности вряд ли поможет», – говорит она Левину. Быстро оценив все *за* и *против*, принимает решение – немедленное кесарево, иначе можно потерять и мать, и ребёнка. Операционная – свободна. Врачи *моются*... Через несколько минут – вся бригада на месте. Включены мониторы и другая необходимая аппаратура. Загораются хирургические светильники... Звучит: «Анестезия! Внутривенный наркоз! Скальпель...»

Слава Богу, решение принято вовремя! И мать, и ребёнок – живы. Ребёнок ослаблен борьбой за жизнь, но через день-два его состояние стабилизируется, и об опасном эпизоде напомнит лишь небольшой шрам на животе его матери.

Пережитый стресс добавит несколько седых волос Левину, но рубцов на сердце не оставит – всё разрешилось благополучно.

В других отсеках родильного зала, в почти штатном режиме, родилось несколько малышей, принятых дежурными врачами и акушерками. У одной из рожениц во время потуг из-за узкого таза произошла дистоция⁹ плечиков плода, что могло привести к гибели ребёнка – опытная акушерка ввела руку во влагалище и повернула плод, после чего благополучно *«родила»* роженице ребёнка – вслед за уже рождённой головкой произошло выведение его плеч.

Старшая медсестра хорошо знает, что сейчас к доктору Левину ни с какими графиками дежурств или с другими вопросами, не связанными с пациентками, лучше не обращаться. Для психологической разгрузки ему

необходим крепко заваренный чёрный чай с лимоном. И много сахара. Потом, в течение хотя бы ближайших тридцати минут, она никого не впустит в его маленький кабинет – ему надо поспать. Неизвестно, что последует дальше. Разбудит, лишь в случае угрозы для чьей-либо жизни.

Гневина

Как, порой, отчаянно ненавидела она мужа. Из-за него к тридцати годам превратилась в неврастеничку, способную из-за неосторожного слова *разразиться* в скандале. Даже одного презрительного взгляда было достаточно, чтобы испортить ей настроение надолго!

Когда-то она была прилежной хозяйкой: стирала, убирала, быстро находила его второй носок, закрывала тюбик зубной пасты... Обязательные подарки на двадцать третье февраля, к Новому Году... На брюках – всегда отутюженные *стрелки*, на рубашках – пуговицы на месте...

Левин

Супруга сумела превратить громадную часть жизни в нескончаемое выяснение отношений... Прежде было достаточно одного её примирительного слова – и *вулкан затухал*. Мирились. Засыпали вместе. Некоторое время всё было спокойно до следующей стычки, когда атмосфера вновь накалялась, и тишина сменялась бурей. Жизнь шла по спирали. Когда противостояние достигало кульминации, жена отступала на полшага.

У неё появилась насмешливая отчужденность: «Ты ли это, прежний послушный мальчик?»

Периодически расставались: он сбегал к родителям. Всякий раз был уверен – навсегда. Сначала – бешенство, обида, затем – ощущение свободы, потом – тоска. Часто мирили родители. Уступая, возвращался. Почему окончательно не ушёл когда-то? С годами понял, что и с другой женщиной всё могло сложиться так же. Сколько сил, эмоций потрачено зря... Любил ли её? Привык? Из-за детей? Быт? Уйти-то, на самом деле, было некуда... Не делить же маленькую, кооперативную трёшку или возвращаться к родителям?

Из жизни родильного отделения

Раз в год в лекционном зале клиники проходили конференции по Акушерству и Гинекологии, на которых собирались все гинекологи города. Здесь можно послушать интересные доклады коллег о новшествах и о достижениях зарубежной медицины. Гинекологи, а это – особая каста, собираются не только ради этого, но и чтобы пообщаться, потрепаться, рассказать друг другу смешные байки из жизни отделений, где рождается новая жизнь. И, конечно, *святое* – посплетничать... Хохот – результат того, что кто-то удачно пошутил: «Стоматологи смотрят женщинам в рот,

а мы, гинекологи – *прямо им в душу...*»; «Мы не помним лиц партнёров, но запоминаем их – по...»; «Выходят из больницы патологоанатом и гинеколог. На улице весна! Патологоанатом: „Смотри, кругом люди! Живые люди!“ Гинеколог: „И лица! Лица!“» Пароксизм истерического хохота согнул коллег, когда один из них сказал: «Моногамия – это пережиток социализма. Надо *распределять* свой тестостерон, чтобы он не *оседал* в одном месте». Не зря гинекологи-мужчины слывут самыми большими циниками.

На конференцию все приходят наряженными. Только раз в году можно надеть новый галстук или запонки. Новую кофточку или юбку. В *родильное* такое не наденешь.

На конференции можно высмотреть *юную медичку*, недавнюю студентку. Пококетничать, или... Однажды Левин высмотрел такую... *Пококетничали... На несколько лет вперёд...* При расставании, уже не столь юная, она сказала: «Ты возненавидишь жену за то, что не решился от неё уйти...» Но это было много позже, когда отношения с супругой окончательно разладились. Впрочем, расставание с *медичкой* не способствовало укреплению семьи...

«Доктор, доктор, быстрее!», – расталкивая толпу, к нему мчалась старшая медсестра *родильного*. Он бросился в другой корпус, а сестра *жужжала* сзади: «Послеродовое кровотечение. Хлещет... Дежурный врач пытался остановить... Мы уже *разворачиваемся*, вызвали гематологическую бригаду».

Вбежав в раздевалку, моментально сообразил: «Переодеваться некогда. *Мыться...*» Операционное белье надел поверх костюма. Из-за атонии матки у недавней роженицы большая кровопотеря. Пульс – высокий, давление – падает. Гематологи льют кровь, а его рука почти по локоть во влагалище женщины. Наконец, он добрался до матки, не желавшей сокращаться, и сильно её сжал. Чревосечения не избежать: «Наркоз. Скальпель...» *Ушили* матку, сделали несколько компрессионных швов, *напоили* необходимыми препаратами – стала *голубушка* сокращаться. Обошлось без экстирпации¹⁰ матки – женщина сможет ещё рожать. «Шьём», – отдав ассистентам указание, вышел из операционной.

«Костюмчику – каюк, – расхохотался Левин. – Жаль. Химчистка не спасёт. – Чувства юмора и умения посмеяться над собой ему не занимать. – Но, какая же сволочь придумала, что смех увеличивает жизнь, спасая от депрессии?!»

Левин

Даже будучи первые семейные годы верным мужем, не мог запретить себе разглядывать других женщин... Когда же он впервые пошёл налево? После очередного скандала? И *понеслась...*

Хлопнув дверью, не представлял куда идти. Убивая время, петлял по тёмным переулкам. «К родителям? Не стоит, – тогда он ещё оберегал их

покой от семейных неурядиц. – Вернуться? Нет. Пусть поволнуется. Может, *придёт в себя*».

Не заметил, как оказался перед домом, где жила бывшая одноклассница. Как-то случайно встретились в магазине. Минут десять поболтали, вспоминая, как были влюблены друг в друга в старших классах. Жизнь *развела*: он поступил в мединститут, она уехала учиться в другой город. «Надумашь рожать – милости просим», – сказал, прощаясь. «С ума сошёл? Без мужа? Пока не *светит*», – рассмеялась в ответ.

Зашёл в парадное, позвонил: «Если дома одна... Посмотрим...» Дверь открыли, точно его ожидали.

Женщина... Нежная, чувственная, страстная точно пламень. Оказывается, близость может доставить радость, если её не используют для подавления воли мужчины... Острая волна схлынула... Он погладил её лицо – был потрясён, растроган...

Жена никогда так не реагировала. Близость ею дарилась, как высшее благо, награда, которую нужно было заслужить. Он никогда не был уверен, что она разделяет его наслаждение.

С этой женщиной почувствовал себя *Богом*, творящим *Вселенную* – дарить радость не менее чудесно, чем получать!

Женщины *любят ушами* – она ждала слов. Но их у него не было, он уснул. Проснулся под утро и, воспользовавшись её сном, покинул квартиру. Перед уходом, задумавшись на мгновение, снял с руки массивный, с тиснением и лёгким блеском, серебряный браслет, и придавил им оставленную записку: «Моё предложение в силе. – Надумашь рожать, знаешь, где меня найти».

Гневина

Она хорошо запомнила ту ссору, его первое ночное отсутствие после нескольких лет брака. Не из-за срочного вызова в роддом, а просто – отсутствие. Интуиция подсказала – это некий рубеж. Дома, вместо *разъярённой волчицы*, его ждала *ласковая кошечка*. Она всегда знала, когда следует спрятать *коготки*. Стояла на пороге спальни:

– Не была уверена, что ты вернёшься...

– Как видишь, пришёл... Успокоилась? Женившись на тебе, думал, что – на *Журавушке*. Просчитался, – на *Аньке-пулемётнице*.

Она промолчала. Почувствовала запах другой женщины.

Весь следующий день была неразговорчивой, занимаясь двухлетним сыном. Когда вечером он вернулся с работы, встретила его почти ласково, накормив вкусным обедом. Ночью, не дождавшись, что муж, как обычно, потянется к ней, придвинулась сама. Впервые, сославшись на усталость, отвернулся. Поняла: так он её наказывает...

Левин

После той ночи у него пропало желание близости с женой. Он осознал, что существуют другие женщины, у которых не надо *вымаливать любовь*. Пытался анализировать, что произошло... Ничего не планируя, спонтанно оказался с другой женщиной... Которую не любил. Оказалось, что и с нелюбимой можно ощутить многое... Никаких угрызений совести он не испытывал. Но власть жены над ним закончилась. Какое-то время между ними сохранялось перемирие, которое в очередной раз было нарушено *мелочью*, даже не мог вспомнить – какой. *Притихшая кошечка* снова превратилась в *волчицу*. Но её крик остался безответным, не спровоцировав его. Он улыбался... Именно его холодная улыбка подействовала на неё отрезвляюще, точно противоядие.

Его первой мыслью было встретиться с одноклассницей. Но он тут же отказался от этой идеи: «Нет. Лучше не встречаться...» Не будучи ещё законченным циником, подумал, что для близости всё же необходимо некое подобие любви.

Клятва Гиппократа

«Честно исполнять свой врачебный долг, посвятить свои знания и умения предупреждению и лечению заболеваний, сохранению и укреплению здоровья человека;

Быть всегда готовым оказать медицинскую помощь, хранить врачебную тайну, внимательно и заботливо относиться к больному, действовать исключительно в его интересах, независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также – других обстоятельств;

Проявлять высочайшее уважение к жизни человека, никогда не прибегать к осуществлению эвтаназии;

Хранить благодарность и уважение к своим учителям, быть требовательным и справедливым к своим ученикам, способствовать их профессиональному росту;

Доброжелательно относиться к коллегам, обращаться к ним за помощью и советом, если этого требуют интересы больного, и самому никогда не отказывать коллегам в помощи и совете;

Постоянно совершенствовать своё профессиональное мастерство, беречь и развивать благородные традиции медицины.

Клянусь».

Всегда ли помнил он о *Клятве Гиппократа*? Во всяком случае, старался. За долгие годы работа стала не только любимым делом, но и хобби.

Левин

Врачей – много. Хотя, несколько миллионов – мало. С годами сложнее исполнять своё предназначение, но пока не отчаялся – надежда остаётся: не дать умереть ни одной роженице, ни одному ребёнку.

Он всё чаще предавался философским рассуждениям: «Кто-то проживает яркую жизнь, согревая тысячи душ... Кто-то – ни одну не согревает. Каждый, приходя в этот мир, не помнит, *откуда пришёл*, но за несколько минут до смерти, вероятно, вспоминает: „*откуда, куда, за чем*“?...»

Ретроспектива

Заметив отсутствие браслета на руке мужа, спросила:

- Где твой браслет?
- Не знаю... Где-то посеял... Возможно, мылся перед операцией и там оставил. Не помню.
- Спроси старшую медсестру, может, кто-нибудь нашёл?
- Спрашивал... Никто не находил...
- Странно... У вас же не проходной двор. Посторонних нет. Почему ты так спокоен?
- Я не вижу в его утрате трагедии.
- Но, браслет – твой талисман ещё со студенческих лет... Ты же с ним никогда не расставался! Он – довольно дорогой...
- Не понимаю, что мы обсуждаем? Это так принципиально?
- Принципиально. Думаю, ты его не терял и прекрасно знаешь, где он находится.
- Если и так? Что тебе до этого? Со своим браслетом я поступил так, как счёл нужным...

Гневина

Очередная, незапланированная, беременность случилась на фоне конфликта с мужем. Если первая прошла почти безболезненно, то вторая сопровождалась тяжёлым токсикозом, сводила с ума. Вдобавок, нервничала, что опять долгое время не сможет работать. На аборт не решилась, боясь осложнений. Порой с ней случались панические атаки – появился страх, что может умереть... С досадой сетовала на *несправедливость* природы, которая возложила продолжение рода на женщину. Подозревала мужа в неверности. Причин для скандалов было множество. Даже в редкие минуты, когда токсикоз *отступал*, она демонстрировала свои страдания, в которых винила его.

Левин

При знакомстве с женщиной, он сразу же представлял её на гинекологическом кресле – почти каждая переставала для него существовать. Иногда,

проходя мимо дома одноклассницы, приостанавливался... Перманентный голод давал о себе знать – хотелось ласки, нежности, любви. При виде светящегося окна, едва сдерживался, чтобы не зайти. Случайно они больше не встретились. Иначе, кто знает...

Он был измотан постоянными истериками, недосыпанием и недостатком того, что придаёт жизни смысл. Надеялся, что с рождением ребенка этот ад закончится... Все женщины рожают, волнуются, но разве все отравляют жизнь мужьям?

Из жизни родильного отделения

Всё чаще в отделении появлялись школьницы, пришедшие на аборт. Иногда приходили поздно, рожали, будучи ещё сами детьми. Редко уходили из роддома с ребёнком в руках – отказывались, то ли сами не желая его, то ли под давлением родителей.

Совсем ещё – девочки, маленькие *Джульетты*, они нуждались в его помощи, искали у него утешения. «Доктор Левин! Как он делает аборт! Его руки – золото», – слыла молва. Никто не догадывался, что и он, порой, нуждался в словах утешения. Что с каждым днём было всё трудней, без суетности, скрывать своё бессилие перед этой женской массой.

Из того далёкого времени запомнилась девочка... Как её звали? Нет, имени Левин не запомнил. Она, как будто, соединила в себе все эти молодые лица и души, ещё не знавшие жизни, но уже познавшие *любовь*. Любовь ли? В глазах – мольба. Краснея, спрашивала, сможет ли в будущем иметь детей? Кто смог бы с уверенностью предсказать, как распорядится судьба? Он надеялся, что фортуна была к той девчужке благосклонна и, возможно, всё в её жизни сложилось хорошо.

Левин

Приснилось, что пуповина обвилась вокруг крохотной шейки ребёнка и он задохнулся. Проснулся в поту и долго не мог успокоиться. Оперировав во сне, он терял не только новорождённого, но и роженицу. Но однажды, также во сне, пришло гениальное решение, применив которое наяву в аналогичной ситуации, он спас и мать, и дитя. Именно после этого спасения обоих, когда, казалось, никаких шансов сохранить им жизнь не оставалось, молва о нём, как о гении, разлетелась по городу.

Ближе к пятидесяти – стал бояться смерти. Стыдился признаться в этом себе, успокаиваясь мыслью, что кто-кто, но даже реаниматологи, привыкшие чаще соприкасаться с *ангелом смерти*, при виде неумолимости иной стороны бытия, покорно *прячут* свой цинизм. Этот страх – привычный, ежесекундный фон жизни.

Из жизни родильного отделения

Два раза в неделю у него – плановые обходы. Как же ждут эти беременные понедельник и четверг. Глупышки... Для него они – не женщины, – роженицы или сохраняющие беременность. Не догадываясь об этом, они прихорашиваются перед обходом. «Простые, как хозяйственное мыло», – усмехался про себя.

Ощупывая животы, – корректен. Слышны его вопросы, рекомендации: «Молока достаточно? Пить некрепкий чай. Перед выпиской посмотрю на кресле».

Левин

Ощущение, что супруга мстит за то, что он чувствует себя хорошо, не испытывая позывов к рвоте и, главное, что ему не *грозят* роды. Стала более капризной, раздражительной, хотя куда уж более? Вынашивать дитя нужно с любовью, во имя него терпеть неудобства. Но она не хотела терпеть.

Причины, причины... Господи, сколько их было... Уже не обольщался, что ситуация изменится к лучшему...

Из жизни другого родильного отделения

Рожала в *своей* клинике, как и в первый раз, не доверив ему свою жизнь. Родильное отделение – на первом этаже. Он не воспользовался связями, не прошёл вовнутрь. С другими мужьями один раз стоял под окнами палаты, где лежала супруга. За стеклом возникали бледные, радостные лица – слов не разобрать. Женщины общались с мужьями жестами. Супруга к окну не подошла, прильнув к нему, он разглядел – лежала, отвернувшись к стене. Но в углу палаты, на кровати, сидела одноклассница... Отшатнувшись от окна, Левин лихорадочно стал подсчитывать месяцы. Всё совпадало. Сердце *забилося*: «Дитя той ночи? Похоже... Боже! Один-единственный раз... Возможно, у неё кто-то ещё был? Может, замуж вышла? Если бы это был его ребенок, она обязательно сообщила бы... Обе в одной палате?! Рожали в один день?!»

Через неделю, забирая супругу с сыном из роддома, Левин увидел в вестибюле мужчину, в котором узнал отца одноклассницы: «И её выписывают?! Значит, никакого мужа нет?!»

Левин

Ночами, когда не вызывали в роддом, вскакивал к грудному сыну, давая попить укропной водички. Приносил жене чай с молоком, чтобы у неё не иссякло грудное. Все его усилия были напрасными. Она по-прежнему не осознавала, что в отношениях между мужем и женой должен быть *воздух*, что не стоит постоянно *давить*, что каждый нуждается в своём личном, свободном пространстве...

Гневина

Через три недели после родов – мастит, который пришлось оперировать. Дважды.

Если бы он бывал дома чаще, не пропадал сутками в своём отделении или, неизвестно где, помогал ей с трёхлетним сыном, она больше *сцезживалась бы*. Произошёл застой, не поддавшийся массажу. На груди остались шрамы. Не простит ему этого. Надоело быть сильной – женщине нужно иногда проявить беззащитность, чтобы о ней заботились. Не простит, что их свадьба была чересчур быстрой. Ни фаты, ни колец. Пошли и расписались...

Левин

Неопределённость... У него было противное настроение – как ни гнал назойливые мысли об однокласснице, они *грызли*. Появилась какая-то злость в её адрес: «Как посмела не поставить его в известность о беременности?» Но узнать, прояснив ситуацию, – не решался.

Гневина

Возвращалась привычная жизнь, уходила послеродовая полнота. Сын стал спокойнее, но при малейшем шорохе она вскакивала, прислушиваясь к дыханию новорождённого: «Не чихнёт ли?» Он поглотил всё её внимание – старшему сыну она никогда не уделяла много времени. После рождения брата, старшего отвозили к *бабушкам-дедушкам*, если он заболел, – чтобы не заразил младшенького. В этот период женские *потребности* супруги ослабили, и от мужа она не требовала исполнения *супружеского долга*, использовала лишь, как *рабочую силу*: «Поддай-принеси...»

Самоотверженность её в роли матери, поражала. Взволнованно всё обсуждала: отрыгнул, цвет стула, первый зуб...

Вспоминая дни, проведённые в больнице после родов, рассказывала истории из жизни женщин, упомянув об одной из них: «Двойню родила, а мужа – нет. Каково? И всё время плакала, оттого и молоко у неё пропало. К нам мужья *бегают*, к ней – отец. И то, не каждый день. Понятно, что плакала. Раньше надо было думать, когда решила без мужа рожать ...»

Левин

Новость ошарашила: «Двойня? Однако, – фертильна!¹¹» Он не выдержал...

В окнах одноклассницы – темно. Позвонил. Никто не отозвался. Нажал на кнопку ещё, и ещё... Квартира *отвечала тишиной*. Из-за двери напротив выглянула соседка: «Хватит звонить... Думаете, там как в театре – ждут третьего звонка? Нет её. Съехала... Иногда навевывается отец, забирает почту. Передать что-нибудь?» «Нет. Спасибо», – он выскочил на улицу.

Было ветрено и, несмотря на мороз, сыро. Деревья покрыты инеем.

Кружевные ветки сверкали в огнях фонарей. Он чувствовал себя омерзительно: «Как хорошо, что темно, и никто не увидит его в таком состоянии!» Он был почти уверен, – у женщины родились его дети.

Гневина

Она обожала своё чадо: «Моя деточка... Моя любумочка... – шептала сыну. – Солнышко. Представляешь... Развозили вас по палатам на каталке, как стол на колёсах. Все – на одно лицо, голодные. Я всматриваюсь-всматриваюсь – не узнаю тебя. Теперь не спутаю твоё личико с другим. Ты – мой любимый рыжик!»

Из жизни родильного отделения

Каждый новый день, наряду со штатными родами, приносил и сложные, трудно разрешимые ситуации. Не в смысле: «жизнь-смерть». На самом деле, в родильном «смерть» была довольно редким явлением. А в том сакральном смысле, чтобы, например, при внематочной беременности сохранить женщине маточную трубу. Бывает предрасположенность к внематочным зачатиям. И если удалить трубу, а их всего – две, то после второй внематочной, женщина больше не забеременеет. Профессионализм в том, чтобы, используя лапароскопическое обследование¹², точно определить локализацию внематочной беременности и сохранить женщине маточную трубу, применив туботомию, а не тубэктомию.

Левин

После исчезновения одноклассницы, он испытывал и некоторое облегчение от отсутствия к нему претензий, и одновременно – досаду от неизвестности. Пользуясь связями, узнал, что в тот день, когда родился его младший сын, на свет появились близнецы-девочки, здоровые, без патологий... «И слава Богу! Какие они?» – подумал он. Кому, как не ему были известны все особенности близнецов.

О, женщины!

«Их характеры проявляются сразу же при появлении на свет Божий. Если в паре близнецов – мальчик и девочка, мальчик всегда уступает ей дорогу. Если в паре – два мальчика – они взаимно вежливы, пропуская друг друга. Но если в паре – две девочки, они просто лезут наперегонки».

Гневина

Прерывистое сопение мужа... Даже из кабинета, где долгие годы он спал, доносились его похрапывание и свист. Годы, проведённые вместе, выработали в ней привычку – засыпать под его храп. В начале совместной жизни, лет *сто*

назад, он спал так тихо, что прислушиваясь, она не могла понять: «Уснул или притворяется?» Много раз советовала обследоваться – но он отмахивался. В отношении к своему здоровью, врачи – беспечные и невежественные люди...

Годы сделали её осмотрительней, она уже не *задирала* его всякий раз, командный тон, *сбавив обороты, сошёл на нет*.

Левин

Мучила бессонница – с трудом засыпал и просыпался. Об однокласснице вспоминал редко, только в связи с мыслью, что где-то, возможно, растут его дочери: «Что они знают об отце? Что рассказала им мать? Рассказала ли? Мудрость или глупость проявила она, *обрубив концы* раз и навсегда? Навсегда ли?» Оставь она телефон, записку – этот клочок бумаги *искушал бы*, не давая покоя.

Жизненный калейдоскоп...

Лица, события, фрагменты, картинки, обрывки, мозаика...

Время отбирало здоровье, но не отнимало вкуса к работе. У Левина, по-прежнему, не было принадлежащих только ему одному выходных.

Иногда он вспоминал *молоденькую медичку*, которая уже совсем не молода, давно замужем и, по слухам, у неё трое детей... Он попытался представить, какой она стала теперь, и поразился своей отстранённости, своему бесчувствию. Ему было это абсолютно безразлично... «Что же он за человек такой? Хотя бы кого-нибудь любит? Своих сыновей, например? Наверное... А без „наверное“? А *возможных* дочерей? Может, они и не дочери вовсе? Почему о них он думает чаще, чем о сыновьях? Потому что с ними связана интрига их происхождения? Убедил себя, что близнецы – его дочери? Гипотетически... Почему не сделал в своё время ДНК? Да потому, что не захотел привлекать чужое внимание... Возникли бы вопросы, догадки, сплетни... Чушь... Какая в голову лезет чушь...»

«О, времена! О, нравы!»¹³

«*Вольный ветер* принёс с мнимой свободой и раннее половое созревание. Каждый школьник знал, что настоящая любовь требует подтверждения своего существования!

Обоим, нежно любящим друг друга, – шестнадцать. Он – высок и бледен. Она – голубоглазая *Мальвина*. Родители – в отъезде. Романтика...

Они знают, что от секса заводятся дети. Но он убедил, что если любовь – *настоящая*, предохраняться не нужно. Знала, что врёт, но ведь – любовь! Ради неё жизни не жалко. Бунин с его „Тенистыми аллеями“ *отдыхает*.

Чтобы сперматозоиды не прошли, *Мальвина* запихала в себя вату.

После *любви* вату извлечь не удалось. Нашли ручные весы, на конце кото-

рых – крючок. Вату кавалер не достал, но стенку влагалища – проткнул...»
Кровотечение, скорая, операционная... И Левин снова спасает...

Левин

Бесила не так давно появившаяся мода – рожать детей дома, в ванной, под присмотром аферистов *от медицины*. Случалось, что ни мать, ни ребёнка невозможно было спасти, когда их слишком поздно привозили в клинику.

Бесили и новшества при лечении бесплодия, в том числе ЭКО – процедура экстракорпорального оплодотворения (роды *«из пробирки»*). И дело вовсе не в моральном аспекте: «Жизнь даёт Бог, и никто не смеет вмешиваться в небесный промысел». Считал, что вероятность осложнений вследствие применения новейших репродуктивных технологий – огромна. Воздействие гормональной терапии, пункция яичников, последующая терапия после переноса эмбриона в полость матки, могут негативно сказаться на здоровье женщины.

Более всего – ненавидел женщин, приходящих в клинику для восстановления девственности¹⁴.

Он оставался приверженцем старой Классической Школы Акушерства и Гинекологии.

Накануне юбилея...

Накануне его пятидесятилетия вся клиника готовилась к чествованию лучшего гинеколога города. Да что там клиника... Весь город, пресса, телевидение... За день до юбилея Левина вызвали в приёмное отделение. Спустившись на первый этаж, он остановился от неожиданности. – Перед входом стояли две девушки в одинаковых длинных зелёных платьях из легкой ткани, в соломенных шляпках. К тулье шляпки каждой девушки была приколоты жёлтая искусственная роза. Такая же – красовалась на плече их платьев.

Лица девушек *ослепляли*... Близнецы... Необходимости в анализе ДНК не было. Перед ним стояли его двадцатилетние дочери, рыжеволосые и зелёноглазые...

Соответствуя особенностям близнецов-девочек, они заговорили одновременно, перебивая друг друга. О том, что несколько дней назад мама впервые рассказала о нём. Что никаких обид к нему они не испытывают. Просто решили познакомиться: «Всё же Вы – биологический отец». У них есть настоящий. Который – вырастил. Которого – любят.

После непродолжительного монолога, улыбнувшись, добавили:

– У нас всё хорошо. Живите своей жизнью... Да, вот Ваш браслет... Возвращаем... Нам он не нужен. Ну, пока...

И ушли, ничем его не обременив. Как и их мать...

...Полная луна *бродила* по паркету кабинета, по письменному столу. В лунном свете на столе поблёскивал его серебряный браслет, о котором он давно забыл, – потемневший, покрывшийся за двадцать лет патиной...

Плотнее задвинув шторы, Левин размышлял: «Если быть до конца честным, хотя бы, перед собой – ведь все годы он прятал *это* на дне души... Подспудно *тлело* в нём знание: где-то растут дочери... Хотел бы их найти – нашёл бы... Не захотел, *спрятав голову в песок*... Зачем же так щемит сердце? Отчего чувство, напоминающее отчаяние? Ничего... Ничего... – успокаивал себя. – Станет легче, но позже... В отчаянии нужно дойти до конца, чтобы освободившись от него, обрести, наконец, свободу. Всё заканчивается... Как было начертано на кольце царя Соломона: „Всё проходит. Пройдёт и это...“».

¹ *Воспоминание о жизни, болезни и судьбе (лат.) В наши дни латинский язык является официальным языком Святого Престола, Мальтийского Ордена, города-государства Ватикан и, отчасти, Римско-католической церкви.*
([vī•tae, f] – жизнь); Morbi [mor•bi, pl] – болезнь); Fors [fortis, m]; Fortuna [ae, f] – судьба).

² *Туботомия – маточную трубу рассекают и удаляют плодное яйцо. Затем её ушивают. Главное преимущество данного метода – позволяет сохранить маточную трубу.*

³ *Тубэктомия – удаление маточной трубы, когда изменения в ней необратимы а также в случае рецидива трубной беременности после туботомии.*

⁴ *Эндометриоз – гинекологическое заболевание, при котором клетки эндометрия (внутреннего слоя стенки матки) разрастаются за пределами этого слоя.*

⁵ *КТ – Компьютерная томография – используется для дифференциальной диагностики.*

- ⁶ УЗИ – Ультразвуковое исследование, сонография – используется для дифференциальной диагностики.
- ⁷ МРТ – Магнито-резонансная томография – используется для дифференциальной диагностики.
- ⁸ Предлежание – вариант расположения плода в матке, при котором его тазовый конец предлежит ко входу в малый таз женщины. Роды при тазовом предлежании встречаются в 3-5 % случаев и считаются патологическими из-за большого числа осложнений, особенно у плода.
Смертность плода в 4-5 раз выше, чем при головных предлежаниях. Диагноз ставится по данным УЗИ, не ранее 32-х недель беременности. До этого ребёнок может переворачиваться из одной позиции в другую не один раз. Роды ведутся обычно кесаревым сечением.
- ⁹ Дистоция – невозможность рождения плечиков после рождения головки плода в течение 60 секунд без применения специальных пособий.
- ¹⁰ Экстирпация – удаление матки.
- ¹¹ Фертильный – плодородный, плодовитый, способность половозрелого организма производить жизнеспособное потомство. (лат. Fertilis). Противоположно понятию «стерильность».
- ¹² Лапароскопическое обследование – под общим наркозом делаются 3 небольших прокола на животе диаметром до 1-2 см. В брюшную полость нагнетают углекислый газ. Вводятся троакары – специальные лапароскопические трубки и лапароскоп, благодаря которому можно точно определить состояние органов малого таза на мониторе.
- ¹³ «O tempora! O mores!» (латинское крылатое выражение, принадлежащее Цицерону: применяют, констатируя упадок нравов, осуждая целое поколение).
- ¹⁴ Гименопластика – операция по восстановлению девственной плевы (проводится по желанию пациентки).

МИНА ПОЛЯНСКАЯ

ДАЛЬ СВОБОДНОГО РОМАНА

Памяти Фридриха Горенштейна

*«И даль свободного романа
Я сквозь магический кристалл
Ещё не ясно различал».*

Александр Пушкин

В конце девяностых наш друг, Писатель, узнал от редакторов, что настало время маленьких романов – страниц на двести. Он решил испытать себя в криминальном жанре, написать детектив о браконьерской добыче и контрабанде чёрной осетровой икры в устье Волги. Зона Астрахани, полагал он, – Клондайк не только для криминальных магнатов, но и для «крими».

Писатель опасался, что его опередили, и что московская пишущая мафиозная братия, пользуясь туманностью переходного времени, уже выслала на разведку в бесконтрольную Астрахань своих агентов.

Он наведывался в Поволжье дважды: в московской своей жизни – в начале семидесятых, и в берлинской – в начале девяностых. В астраханском крае в девяностых ничего для него не переменялось.

И снова он был поражён-сражён не только варварским безжалостным добыванием икры, но и агрессивной жарой даже в сентябре: и неподвижным белым дневным солнцем, иссушающем землю насквозь, внушающим детский первобытный страх; и вечерним красным тяжёлым солнцем, мистически опускающемся над Волгой; и по-азиатски тяжёлой пряной пылью. И в то же время неувлимо притягательна была эта земля: *«золотая дремотная Азия опочила на куполах».*

Он ещё в семидесятых записал свои впечатления в жанре записок путешественника, и эта, более чем тридцатилетней давности, астраханская рукопись хранилась у него, как он говорил, на «запчасти», и вот – сейчас могла пригодиться.

Однако романа страниц на двести не получалось, текст угрожающе разрастался, и через полтора года Писатель с испугом объявил, что рукопись продолжает расти, и это его настораживает. «Материал может подавлять автора даже чисто физически своим объёмом, не говоря уже о содержании», – тревожно повторял он. После книги, на которую у него ушло восемь лет, он не хочет писать больших романов.

Между тем, возникли исторические темы, – о скифах, сарматах, славянах, которых настоятельно требовала местность. Напряжённое астраханское пространство тяжким грузом давило на современность, и Писатель ощущал живой след прошлого в своём настоящем бытии. Гунны, хазары, монголы – конский топот истории со II по XIII век должен был сопровождать роман, и *гений этого места* требовал объяснить многонациональную природу современной России – тяжёлую помесь верблюда и мамонта и, что важно было, с беспристрастной точностью задержать облик текучего времени.

Но всё очевидней становилось: роман, задуманный вначале, как детектив, перешедший, как бы, незаметно в политический детектив, отказывался быть детективом, жанр *сопротивлялся, бунтовал и превращался* в роман исторический, причём, с элементами сатиры.

В романе уже уверенно расположились крупные партийные деятели и руководители страны недавно ушедшей эпохи. Там беспрепятственно хозяйничали и Хрущёв, и Андропов, и Брежнев, и Сталин.

У нашего Писателя объявилось много вставных «скобок», например, сюжет о том, как во времена *серого кардинала*, Михаила Андреевича Сулова, возникла идея поставить балет по работе Ленина «Шаг вперёд, два шага назад». Этакое балетное звучание: «Раз, раз-два! Та, та-та! Шаг – вперёд, два шага – назад. Шаг – вправо, шаг – влево». Балет должен был интернационально называться «баледо». Намечался ещё сюжет создания балета по книге Сталина «Марксизм и национальный вопрос».

Вставной сюжет о Сталине превращал роман совсем уже в лабиринт, так что невольно вспоминался роман ирландца Флэнна О’Брайена «В кабачке „Поплыли птички“», литературный лабиринт которого не имеет себе равных.

Узнав, что Сталин сочинял стихи и даже их публиковал, Писатель вдруг прервался, чтобы, «копаться» по Сталину. Образ диктатора-поэта озадачивал его. Он решил уделить внимание ущербному детству Сталина, пытаясь определить, как детство спровоцировало злодейство. Поскольку отец будущего диктатора был сапожником, Писатель заинтересовался сапожным делом, и в особенности, – чем отличается сапожный молоток от обычного? Борис, друг писателя, консультировал его по этому вопросу. Оказывается, у сапожного молотка – особая форма, связанная с его особым назначением. Этим молотком нужно ещё и «околачивать» кожу. Например, затянутую на

колодку заготовку сапога околачивают этим молотком. А если её околачивать обычным молотком, то возникнут вмятины, разрывы, трещины и прочие неприятности такого рода. Поэтому *ударная* часть сапожного молотка имеет круглую, полированную поверхность.

Здесь, как видно, намечалась экспрессия, хорошо знакомая по другим текстам Писателя. Вероятно, удары (!) Виссариона Джугашвили этим молоточком по коже... и, может быть, по нежной детской коже(!) повлияли на мальчика Иосифа, уязвили, потрясли младенческую душу, что, в свою очередь, отразилось на Большой истории.

*

«Не лучше ли поделить роман на две части?» – спросил Писатель, обеспокоенный размерами рукописи. Помню, мы были тогда за городом у озера Ванзее – живописнейшее место, располагающее к решению судьбоносных литературных вопросов. Он настоятельно просит меня и моего мужа Бориса держать в секрете название романа: «Кримбрюле», позаимствованное в одной астраханской комсомольской газете, в которой так гениально назван был раздел криминальной хроники.

«Брюле» в переводе с французского – нечто горелое, жжёное, а под словом «крим» подразумевался криминал. Стало быть, расшифровка названия приблизительно такова: «Криминальный пожар» – название, подходящее для русской, и, тем более, постсоветской истории.

Одна из «половинок» романа стала называться «Кримбрюле, или верёвочная книга». Был ещё и подзаголовок: «Уголовно-антропологический *мефистофельский* роман-комикс с мемуарными этюдами». К названию «Кримбрюле» прибавилось ещё одно: «Верёвочная книга». Что касается второй «половинки» романа, то Писатель не сразу решил, что с ней делать. «Может, пойдёт на запчасти», – сказал он.

Оказывается, в самом названии «Верёвочная книга» уже зашифрована «качественность» книги. Причём, «качественная» книга должна быть рассчитана на широкого читателя, то есть «Верёвочная книга» – не что иное, как бестселлер. А что считать бестселлером, определяли в старой Севилье рыночные торговцы. Не учёные, не профессора, а именно – опытные торговцы, хорошо знающие вкусы потребителя. Они вешали книги хорошего качества на верёвках рядом с окороками, колбасами, сельдью, копчёными сырами, балыком и прочей снедью. На признанные авторитеты торговцы внимания не обращали. У Мигеля де Сервантеса только «Дон Кихот» удостоен был чести попасть на ярмарочную верёвку, да и то – не в Севилье, а в Гренаде, что было менее почётно. Остальные же книги его никогда не удостоились чести висеть на верёвке рядом с мясом, фруктами, овощами и прочим хорошим товаром.

А что до Сервантеса, то он сам подталкивает нас к фантазиям такого

рода. В шестой главе «Дон Кихота» оценку его «Галатеи» даёт не литератор, а простой цирюльник. И он, цирюльник, книгу Сервантеса – не одобряет!

*

Вот роман уже перевалил за семьсот и приближался к восьмистам, и так далее, – страницам! Почерк у Писателя был нечитаемым, но рукописи не смотрелись торопливой скорописью. Напротив: каждое слово он вырисовывал, как иероглиф, на свой, непонятный другим, манер. Процессу писания чернилами он придавал значение таинства, мистерии. В одном его романе летописец-дьякон, Герасим Новгородец, произносит монолог об особом удовольствии самого процесса писания:

«Люблю я красоту дела письменного – чернильницу, киноварь, маленький ножик для подчистки неправильных мест и чинки перьев, песочницу, чтоб присыпать пером непросохшие чернила, а пуще всего – сидеть на стульце, положив рукопись на коленях, и писать тонкословием со словами приятными...»

*

Это случилось 14 марта 1999 года. Писатель, как обычно, сидел за письменным столом в своей чёрной рабочей футболке, писал, разумеется, чернилами, поскольку только в процессе работы по старинке, пером и чернилами, зарождаются идеи и чувства.

Неизвестный вырвал из его рук чернильницу и опрокинул на ковёр, когда Писатель собирался отвинтить крышку, чтобы заправить чернилами авторучку. Даже не вырвал, а сильным толчком выбил чернильницу из рук. Писатель вспомнил, конечно, легенду о Мартине Лютере. Лютер переводил Библию на немецкий язык и увидел перед собой чёрта, который запустил в него чернильницей, а она, пролетев мимо, ударилась о стену. На стене замка в Виттенберге до сих пор сохранилось чернильное пятно, которое показывают туристам.

А у Писателя осталось большое чернильное пятно на ковре. Он показывал мне это пятно и повторял, что на рукопись не пролилось ни капли чернил. На рукопись – не пролилось! В отличие от Лютера, чёрта он не видел и не видел даже пуделя, в отличие от Фауста, который, как мы помним, тоже переводил Святое Писание. Никого он не искушал, не провоцировал, в отличие от Лютера, который провоцировал *нечистого* своими текстами.

Писатель сравнивал «Введение» Пушкина в «Повестях Белкина» с «Введением» Достоевского в «Записках из Мёртвого дома». Обнаружил перекличку Ивана Петровича Белкина, оставившего после своей смерти в возрасте тридцати лет прелюбопытнейшие истории, услышанные им от разных особ («остальными рукописями Ивана Петровича ключница заклеила

окна»), с Александром Петровичем Горянчиковым, оставившем после своей смерти в возрасте тридцати двух лет каторжные записки, «Сцены из Мёртвого дома», как он назвал их в своей рукописи. Хозяйка за двугривенный принесла Фёдору Михайловичу «целое лукошко бумаг, оставшихся после покойника. Старуха призналась, что две тетрадки она уже истратила». Хорошо ещё, что только две тетрадки истратила, а не все два лукошка бумаг. А на что, кстати, старуха рукописи истратила? На заклею окон? Или на растопку?

И вы ещё говорите, что рукописи не горят! Пламенеют! И воскресают, подобно фениксам, в очищенном, совершенном виде! Гоголь сообщает о своих сожжениях вдохновенно! И он любит пламенеющими своими исписанными листами, словно бы находя «тайну прелести и в самом ужасе» содеянного: «Как только пламя унесло последние листы моей книги, её содержание вдруг воскреснуло в очищенном и светлом виде, подобно фениксу из костра, и я вдруг увидел, в каком ещё беспорядке было то, что я считал уже порядочным и стройным».

Но что могло не понравиться *нечистому* в рукописи нашего Писателя? Может быть, сам несмыаемый процесс писания чернилами, как писали старые мастера?

Неповторима графика писаний Гоголя, Толстого и, в особенности, Пушкина. Страничку пушкинского черновика можно было бы и в рамку вставить!

Писатель говорил, что у Пушкина складывались хорошие отношения с собственными рукописями, а вот у него что-то не складывается.

Так вот: именно странный случай с чернилами по мере ухудшения здоровья нашего друга стал преследовать его, и, хотя он по-прежнему упрямо твердил, что на рукопись чернила не пролились, всё более сторонился романа.

А роман не получался, становился документальным на протяжении недозволенного для художественного произведения количества страниц, несмотря на яркие сюжетные вспышки и вспышки образности и метафоричности. Он намеревался создать беллетристическое сочинение (а на самом деле высокую словесность), но, как ему теперь казалось, не сумел свои записки переделать в беллетристику.

*

Неудачи с романом повлияли на его отношение к Софье Андреевне, Писатель утверждал, что она «заставляла» Льва Николаевича писать романы, когда у него совсем уже не было сил, и жаловался, что стал плохо разбирать свой собственный почерк, как Лев Николаевич, который на следующий день не мог прочитать им же написанное. Писатель и раньше говорил, что почерк – проклятие его жизни и что у него нет Софьи Андреевны, которая семь раз переписывала «Войну и мир».

Он говорил, что Толстой закончил «Войну и мир» большим человеком, Данте, закончив «Божественную комедию», умер от инфаркта, а Сервантес, закончив «Дон Кихота», умер от инсульта, поэтому так важна самогигиена и техника безопасности при написании подобных книг.

Писатель сравнивал труд романиста с тяжёлой физической работой каменщика и, наклонившись однажды, артистично изобразил, как снизу берёт камень и кладёт его в воображаемую стену «Храма Истины», и казалось даже, что ему не хватает только фартука вольного каменщика Хирама.

Возникал образ поэта, полагавшего, что строить, бороться с пустотой, гипнотизировать пространство можно только во имя трёх измерений и что мироощущение для творца – орудие, как молоток в руках каменщика, и потому назвавшего свой первый сборник стихов «Камень», отдавая дань другому камню другого поэта, – его стихотворению «Probleme».

Наш друг демонстративно подчёркивал, что труд романиста прозаичен, хотя и открывает новые горизонты и сопряжён с чудотворством. Он старался всячески противопоставить такую работу романтическому мифу о поэте-маге, певце и боговдохновенном импровизаторе. Эта «прозаичность» и была тем самым противоречием между ним, рассматривающим искусство, как ремесло со своим канонem и золотым сечением, и шестидесятниками-романтиками, этот канон, по его убеждению, разрушавшими.

Сниткина (так он называл Анну Григорьевну Достоевскую), в отличие от Софьи Андреевны Толстой, пользовалась его расположением. Достоевскому с женой повезло. Настоящий друг! Сниткина не только любила писать под диктовку Фёдора Михайловича, а считала эти записывания лучшими часами своей жизни.

В письме к «любезнейшей Наталии Леонидовне», Писатель жаловался:

«Не скрою, Анна Сниткина мне весьма была бы нужна. Близкий человек и помощница. Без Сниткиной Достоевский не написал бы „Братьев Карамазовых“. Мне звонят отовсюду, из Нью-Йорка даже. Ах, какой вы... Ах, какой вы талант... Меня эта болтовня раздражает. Сниткина – не появляется. А псевдосниткина – это ещё хуже, чем быть одиноким».

С Натальей Леонидовной наш друг познакомился в Хемнице, в Пушкинском обществе, где читал свой тридцатилетней давности рассказ, неугасающей, а наоборот, всё возрастающей энергии и силы. Наталия собрала читателей в Пушкинском обществе за день до приезда Писателя и прочитала им его не меньшей силы и страсти повесть о девочке, родители которой были убиты в пятьдесят третьем году уголовниками, выпущенными по амнистии, объявленной после смерти Сталина. Наталия призналась мне, что готова была, как Сниткина, если бы это было возможно, записывать тексты Писателя под диктовку не только по необходимости, а с большим даже интересом и желанием.

*

Писатель читал рассказ Хорхе Луиса Борхеса «Скрытое чудо» об ускользающей субстанции времени. Автора неоконченной пьесы «Враги» Яромира Хладика фашисты должны были расстрелять. Но за день до расстрела Яромир попросил у Бога отсрочку на год – чтобы дописать пьесу: «Если я каким-то образом существую, если я не одна из твоих ошибок или повторов, то существую как автор „Врагов“. Чтобы закончить эту драму, которая станет оправданием мне и Тебе, нужен ещё год. Дай мне его, Ты, владеющий веками и временем».

Автор пьесы «Враги» разговаривал с Богом требовательно, как с равным себе. Это была повелительная, богоборческая речь! И вот, глубокой ночью, *всепроникающий* голос сказал Хладиду: «тебе дано время на твою работу».

Во время расстрела внутри казармы (Хладик стоял у стены, а четыре солдата с нацеленными в него винтовками ожидали приказа) время замедлило свой бег, так что казалось – прошёл целый год. Капля дождя у виска остановилась на год, а Хладик мысленно дописывал пьесу «не для будущего, и даже не для Бога, чьи литературные вкусы малоизвестны. Тщательно, неподвижно, тайно он возводил во времени свой лабиринт». У драматурга на всё хватило времени, даже на то, чтобы дважды переделать третье действие. Он драму завершил, но не хватало лишь одного эпитета. Он нашёл его. И тогда дождевая капля поползла по щеке. Время двинулось. Оказалось, что в реальном, земном, времени ему было дано всего две минуты для того, чтобы пьеса «Враги» появилась в Универсуме. И когда он окончил пьесу, залп четырёх винтовок свалил его с ног.

Однако – какое совпадение! Яромиру Хладиду приснился вещей сон 14 марта (14 марта 1936 года). И у нашего Писателя история с пролитыми чернилами случилась 14 марта (1999 года). И оставила в душе писателя такой тягостный след, что спустя три года он и в больнице её вспоминал, уверяя нас, что рукопись навеевна злой силой, что ни в коем случае нельзя её править и, тем более, издавать. «Всё оттого, что я занимаюсь демонами добровольно, и они мне мстят, не давая себя изобразить. Как мстили Врубелью и Черткову из „Портрета“».

Мне иногда казалось, что Писатель, следуя литературной традиции, вполне мог разыграть на жизненной арене эффектный сценарий романтической истории с колоритом романтической предназначённости, рискуя нарушить «зазор» между жизнью и искусством.

Подобно Генриху фон Клейсту, перечитывавшему с нарастающим недоверием свою трагедию «Роберт Гискар», над которой работал «500 дней подряд, и большинство ночей» (а потом предавшем её огню, воскликнув: «Это ад даёт мне половинные таланты. Небо дарует человеку целый талант или ничего»), наш Писатель тоже – вначале восхищался, а потом возненавидел рукопись.

Но о том, чтобы сжечь её, он не помышлял. Он хорошо помнил, что Гоголь, после сожжения второго тома «Мёртвых душ» раскаивался на следующее утро и говорил, что его бес попутал.

Впрочем, можно ли верить раскаяниям Гоголя? Вот что он сказал о «Выбранных местах из переписки с друзьями» Тургеневу: «Если бы можно было воротить сказанное, я бы уничтожил мою „Переписку с друзьями“. Я бы сжёг её». Второй том «Мёртвых душ» Гоголь сжигал не однажды. Уже в 1845 году он бросал его в огонь, считая несовершенно. А спустя шесть лет второй том «Мёртвых душ» был вновь набело записан аккуратным почерком в нескольких тетрадах с тем, чтобы в ночь с 11-го на 12-ое февраля 1852 года предать сожжению, крестясь при этом непрерывно. «Надобно уж умирать, – сказал он на следующий день Хомякову, – а я уж готов, и умру».

Наш друг не сжёг рукописи, он благоразумно, заботливо отложил её – пусть лежит, пригодится на «запчасти» – и решил переключиться на пьесу о Пушкине, давней своей мечте. Вот как это произошло.

Однажды он подвёл меня к пушкинскому автопортрету, репродукции из Ушаковского альбома, и спросил: «Ну, скажите, на кого похож Пушкин?» Станный вопрос – знаменитый профиль стал универсальной эмблемой, замкнутой на себя. Можно сказать: похож на Пушкина. Но не наоборот. Пушкин ни на кого не похож. Многие литературоведы, между прочим, так считают. Но Писатель намекнул, что сходство тут совсем иное: не с человеком, а с животным. После многозначительной паузы он сказал: «На петуха!» «В самом деле, на петуха! – вдруг увидела я. – Но что из этого следует?» «А следует из этого, что Пушкин – это *петушиное* слово. Только прошу вас – это тайна, никому не говорите».

Прошло некоторое время, и он снова указал глазами на пушкинский автопортрет и сказал интригуяще-загадочно: «Петух – птица мистическая». Игра в «тайну Пушкина» Писателю, очевидно, нравилась и настраивала творчески.

Наконец, он заговорил о петушином крике, предвестнике утра и солнца, которого страшатся злые духи и другие «ночные стороны» бытия – «Nachtseiten der Natur», как говорили романтики. Петух – символ чистоты и добра. Более того, вся символика, связанная с петухом, позитивная, созидательная. Поэзия Пушкина – рассветный петушиный крик? Да! И непременно следовало писать пьесу о светлом гении.

Он заявил, что обязательно напишет пьесу о Пушкине, светлом ангеле, уничтожающем зло. Я же старалась забыть о печальных прогнозах врачей и сосчитала, что на пьесу о Пушкине, как и у Хладика, должно уйти не меньше года.

Но Писатель ушёл из жизни гораздо раньше. И... я сейчас оказалась в пространстве времени, когда нужно договорить до конца, подвести черту.

*

Молодой врач читал книги Писателя в немецком переводе и не раз в больничной палате беседовал с ним о сути бытия. Когда для спасения все средства были исчерпаны, в палату для вынесения приговора вошёл лечащий врач во всём белом, окружённый коллегами в белых халатах. Он объявил, что современная медицина уже бессильна помочь нашему другу. Тот выслушал смертный приговор и сказал: «У меня в отличие от Хемингуэя нет оружия! И я не могу застрелиться! Что же мне делать?» Вопрос звучал повелительно.

(Второго июля шестьдесят первого года Хемингуэй сказал жене: «Спокойной ночи, котёнок». Он ушёл в свою комнату, а через несколько минут жена услышала выстрел – писатель покончил с собой выстрелом в голову).

И тогда врач сделал Писателю укол морфия, и погрузил его в милосердный, глубокий сон. Был конец февраля, но Писатель уже не смог «достать чернил и плакать, писать о феврале навзрыд».

«И что же – надо было честно сказать себе: я не успел, не осуществил замыслы свои?»

Но может быть, в беспамятстве и свершилось чудо с пьесой о Пушкине? И тот, кто владел веками и временем, дал драматургу время для создания пьесы? И автор втайне, в беспамятстве от нас – тщательно, неподвижно – возводил во времени свой лабиринт? И – пьеса – за чертой страницы – написана?

И где кончается и не кончается строка? Сей крылатый слова звук принадлежит не мне. Вот он – образ берлинца-Сирина: «Продлённый призрак бытия синее за чертой страницы, как завтрашние облака, – и не кончается строка».

ВАЛЕНТИНА РАЙМЕР

ВОЛКИ, ОВЦЫ И ПРОЧИЕ...

Действующие лица:

Кот Мур – составитель альманаха;

Сова – главный редактор;

Кошечка Василиса – руководитель секции: «Новая религия».

И др. авторы альманаха:

Волк; Пёс Дик; Птица-Пересмешник; Овечки; Воробьи;

Белые мышки.

Перед тем как солнце собралось уйти за горизонт, на небе появилась ярко-жёлтая, как яичный желток, полоса шириной в четверть всего небосвода. Огромный солнечный шар по цвету почти сливался с фоном образовавшегося полотна, над которым нависла полупрозрачная серая дымка, и только сам купол неба синел. Вечернее небо с необыкновенной быстротой меняло свои краски. Желтизна таяла, превращаясь в цвет чайной розы, лик солнца становился контрастнее, серая дымка рассеивалась. Всё небо голубело с переходом в васильковый цвет... И так, играючи в разноцветье сферы, солнце уходило на покой.

В доме стихло – хозяйские дети и их родители ушли спать. Серый пушистый кот Мур, лёжа на диване в зале, чутко прислушивался к дыханию супружеской пары в спальне и их маленьких отпрысков – в детской.

– Всё тихо. Можно начинать! – Он запрыгнул на вертящийся стул перед компьютерным столом и включил аппаратуру. На экране вспыхнуло приветствие, появилось *меню*. Мягкой передней лапкой нажимая на курсор, кот вытащил из компьютерной *корзины* нужный ему сборник стихов, который он готовил для издания совместно с коллегами: Волком, кошечкой Василисой, Совой, Белыми мышками, псом Диком и воробьями за окном. Их имён главный составитель не мог никак запомнить. Назвали сборник «Мы тоже хотим в *Люди*».

Мур ещё раз перечитал свою вступительную статью о прошедшей ранее выставке книг, а также статьи, написанных разными животными в не столь отдалённые времена.

Затем он приготовился к некоторым добавлениям и исправлениям в новом сборнике. Дело в том, что кошечке Василисе не понравилось, как во вступительной статье лишь вскользь упоминалось о её книге стихов, восхвалявшей предков всех прародителей кошачьего племени – Львов. В то же время, слишком много внимания уделялось мышам, которых Василиса давно ни во что не ставила, так как перешла на *другое меню*. И не только «Кити-Кэт», «Арткат», но и элитный корм «Феликс» разнообразили её рацион. Посему, считала она, что мышинное племя – исчезающая цивилизация, недостойная упоминания. Василиса не принимала во внимание то, что все свои опыты по испытанию чудодейственных препаратов для собственного здоровья, люди проводят на несчастных белых крохах, и что те – незаменимы для продолжения жизни *венцов природы*.

Пришлось Муру добавить несколько хвалебных слов в пользу Львов и самой Василисы, сократив информацию о мышках. Не успел он сделать вставки, как раздался телефонный звонок: объявился Дик... В тот же момент скрипнула дверь супружеской спальни.

– Я перезвоню тебе! – поторопился Мур, спешно кладя трубку и прыгая на диван.

Вышел заспанный хозяин. Ошалело взглянув на замолчавший телефон, ушёл досыпать.

Подождав несколько минут, пока не послышится храп хозяина, Мур набрал номер Дика:

– Ну, что тебе?

– Знаешь, я хочу добавить несколько строчек к своему стиху в нашем новом сборнике...

– Ну, давай... – проворчал недовольный Мур, думая про себя: «Начинается! Каждый норовит что-нибудь наворотить своё».

– Ладно тебе! Успокойся и слушай: «Великий Волк/себе взял в толк/собак учить/по-волчьи выть./А мы что? Дураки?/Нам это – не с руки». – Дик немного помолчал, ожидая реакции Мура и не дождавшись, спросил, – ну, как?

– И куда ты это хочешь добавить?

– А ты что? Не понимаешь... Без такой концовки получается беззубо. А с нею, это же – шедевр. Полный отлуп волкам! Знать их не хочу! Этих кровожадных хищников. Примазываются... Мало им отповеди у баснописца Крылова. Забылись... В друзья напрашиваются... Ну и ты... тоже мне! Всеядный какой-то. Готов дружить со всеми. Я – против. Я требую их стихи не помещать!

– Ты, друг, сам себе противоречишь. Давай оставим их стихи и включим твою отповедь... Получится – полемика. А то, вроде, бьёшь не по волкам, а просто по воздуху.

– Может, ты и прав. Подумать надо, – почти согласился воинствующий Дик.

За окнами забрезжил рассвет. Сквозь плотные шторы пробивались робкие отсветы готовящегося к выходу солнца.

«Опять ничего не сделал за эту ночь! Уговаривай каждого! Кто – в лес, кто – по дрова. Плешь у меня появится на голове от этого разнобоя. Поручили – так нечего соваться со своими правками. Ан, нет! Хотят как лучше!.. Сами бы попробовали... Эх! Послать бы всё к чёрту! Мне это надо?» – с этими мыслями Мур выключил компьютер и улёгся на диване, зная, что вот-вот проснётся хозяйка и побежит на кухню.

Следующей ночью Мур перечитал стихи мышек и серого Волка:

«Мы белые мышки/сестрёнки, братишки./Нас кормят и холят./Живём мы в неволе./Мы служим для опытов./А что потом? Что потом?/Болеем и гибнем./Мы жертвуем жизнью...»

Дальше Мур читать мышинные жалобы не стал. Перешёл к волчьим объяснениям:

«Серый волк/выполняет долг/санитара леса./Не права пресса,/ обвиняя в жестокости,/Не прошу односторонности./Я не трогаю крепких/ и сидящих на ветках,/то бишь, летающих./Ненавижу лающих./Наши общие предки/не ели объедков/из рук человечьих./Нам бы в стадо овечье./Разделили б на доли./И насытились вволю./ Жаль! Собаки – враги./Ох! Как тяжки долги!»

Все стихи приходят к Муру с пометкой: «Проверено Совой». Сам составитель никак не может пообщаться с главным редактором: она не отвечает на телефонные звонки, и даже письма с ответами от неё приходят с большим опозданием. То компьютер у неё поломался, то связь стала почти недоступна, то ещё что-нибудь... Материала на сборник поступило от неё много, но при просмотре оказывается, что ошибки остаются неисправленными. Мур начинает подозревать, что её респонденты прикрываются именем Совы и присылают ему непроверенные стихи. А тут ещё в Интернете появилась анонимка:

«Сова – ночная птица./За день отоспится./Ночью Сова бодрится,/листая стихов страницы,/что посылают ей мышки,/часто платящие слишком/ не в меру большой аванс./Не у всякой мышки есть шанс/ остаться в живых/ за проверенный стих».

Мур, почесав голову свободной лапой, другой прогонял курсор по текстам. Пришла на память ещё одна реплика Василисы, которую он пропустил когда-то мимо ушей. Милашка-кошечка критиковала одну из авторниц за то, что та вольно обращается с религией «Единого Бога», не только для кошачьего племени, но и для всего животного мира, и даже, для царя зверей – Льва. Якобы, та, описывая посещение *какой-то общины*, утверждала, что служба в их церкви проводится по всем правилам и канонам общепризнанной Конфессии. А Василиса не согласна с авторницей, приписывая заочно той общине сектантство.

– Уж больно категорична Василиса, – проворчал Мур, – лучше бы попробовала сама сесть за составление сборника.

Мур понимает: «У Василисы – семья творческая: рисуют, лепят, вырезают из всяких подсобных материалов разные изделия. Живут у богатых хозяев. Гуляют по саду. Спят на мягких подушках. Но вот потрудиться на благо *сырых* – этого не дождёшься. И в прошлых сборниках – одно мученье с их стихами и картинками: строчки плывут, теряются, изображения искажаются, будто заколдованные. Намучился с ними. А стихи-то – всё одно лишь прославление Царя зверей, будто приближены к нему лично. Ну, вот и занялась бы эта семейка работой на общее благо. И получала бы бесконечные благодарности или... *тычки*. Да и другие тоже... Когда я предлагал сделать сайт нашего общества или взяться за составление сборника – никто не захотел, а теперь каждый норовит найти ошибки и обвинить в этом меня. Есть главный редактор – к нему и все претензии! Я же получаю уже проверенный Совой материал... А анонимка? От неё, пожалуй, не отмахнуться. Что делать? Что делать? – Прервав свои грустные мысли, Мур заглянул в раздел писем. – У... Сколько! И откуда она их берёт? Ах, уж эти авторы, присланные Совой. Филологи со степенями, а орфографических ошибок не счесть. Похоже, она им доверяет и не проверяет их работы».

Он задумался на минутку и решил переключиться на Овечек. Одна Овечка, очень талантливая, ушла из общества, организовала свою какую-то фирму, но продолжала Муру помогать. Сделала для него сайт. И по мере поступления от него посланий, сама его заполняет. Делает это остроумно и грамотно.

Другая помогла справиться с неряшливой орфографией и пунктуацией присылаемых стихов. Не взялась только исправлять графоманскую ересь Птицы-Пересмешника: «Ох, уж этот Пересмешник! Надувается, как индюк. Считает себя... Не знаю, как и сказать. Многостаночник! Выступает в разных жанрах. Всех подмял под себя: „Я создаю *гениальное*, а вы, – кропотливы, подчищайте мною созданное“. Думает, что *обаял* полмира. Прилипает ко всякому, как в бане лист от веника. Фотографируется с известными особами, книжки им суёт, популяризируя себя, создавая себе имидж *известного* писателя. Засорил своими выдумками весь мой компьютер... Да только ли мой... А уж безграмотный, как первоклашка. И жадный, до крохоборства. Думает, что показной набожностью всем глаза позакрывал, и никто не видит его фарисейства...»

– Да, что это я? Все мы немножко *лошади*, как говаривал Маяковский, этот человечий *агитатор-горлопан*... Короче, все мы – не без греха...

Мур вернулся к своим мыслям о пользе, которую приносят общему делу творческого коллектива Овечки: «Хороши Маши, да не наши! – Глубоко вздыхая, он понимал, что к помощи способных Овечек можно прибегать

только в исключительных случаях. – Да и Дятлу я спасибо сказал бы. Дока в компьютерных делах. И в грамоте сечёт. С головой у него всё в порядке... Вот только, что-то там внутри подкачало... Помочь бы ему надобно. Ведь нас, кошачье племя, не зря считают лекарями... – Но тут, к своему огорчению, Мур опять вспомнил неумную критику Василисы. – Чего она всё-таки хочет? Я как-то не воспринимаю всерьёз её поклонение Царю зверей. Уж очень тут пахивает магией. Хотя она использует в своих стихах библейские сюжеты. Но в обыденной жизни прибегает к каким-то малопонятным символам и пассам, якобы отводя нечистую силу от зверушек, верящих в её учение. Паства у неё – постоянная... Что интересно заставляет их верить ей, да ещё и за некоторую мзду? Учитель какой-то у неё есть, со странным именем... Как его там? Всё лапкой тычет в его письма. – Тут Мур вспомнил, как побывал на таком занятии, убежав на прогулке от хозяйских детей и забравшись в сад к господам Василисы. Сам послушал, да не понял ничего. – Уж больно мудрёно!»

Но зато в саду очень понравилось Муру. Изгородь была увита плющом. По периметру сада росли высокие кусты роз. Алые, кремовые, бордовые, белые, они испускали дурманящий аромат. И, вообще, цветов было – море. Многолетние яблони манили ползать по ним. Что он, в первую очередь, и сделал, доставив себе удовольствие. С высоты своего взлёта увидел на лужайке группку кошечек и *тявок*: болонок, пекинесов, карликовых пуделей и прочих... Вся братия *обратилась* в сплошное внимание. Василиса сделала тогда ему, Муру, крепкое внушение за его внезапное появление, *нарушившее дисциплину очень серьёзной учёбы*. Однако вся кажущаяся важность мероприятия не повлияла на мировоззрение Мура *на новое сверхучение*, преподносимое Василисой с различными таинствами. И, вообще, он посчитал это очередной блажью женской натуры.

Одни только Воробушки, которые чирикают за окном, радуют Мура. Они прислали лёгкие, незатейливые, понятные стишки, без ошибок Например: «Мы – весёлая семья:/Папа, мама, ты и я./Мы летаем и порхаем./В парке зёрна собираем./Если червячка найдем,/То склюём его вдвоём».

Ему понравились ещё с пяток подобных стишков, незамысловатых, простеньких. В конце стояла подпись: «*Братья Воробушки*».

Сова предложила ввести в сборник рубрику переводов с *рыбьего на эсперанто*, принятых среди участников сообщества. Мур согласился. Это была, конечно, лишняя работа, потому что авторы присылали путанные рукописные строчки. Попробуй – разберись в почерках!

С этими рукописными письмами – одна морока. Мур даже не совсем понял, как они попадают в дом. Хозяин грозитя разобраться, как он выразился, с этим хулиганством: к дверям подбрасываются конверты без подписи, а внутри – какая-то неразборчивая писанина.

«Хорошо, что всё выбрасывается в мусорную корзинку для бумаг. Ночью я смогу прочесть написанное», – радовался Мур.

В этой доставке корреспонденции участвуют бродячие кошки. Они пронырливы и вездесущи. Благо, что квартира, где обитает Мур, расположена на первом этаже. Но всю цепочку передачи писем Получатель до сих пор так и не понял. Впрочем, до этого ему нет дела. Главное – отпечатать стихи и ввести их в сборник. А потом всё *спрятать* в компьютерной корзине до следующей ночи, чтобы хозяин ни о чём не догадался.

Случаются и иные трудности: присылают напечатанное в два столбца в формате А4. А ему, Муру, предстоит их разделять.

В, общем, – одна морока... Целыми ночами гоняет он тексты туда-сюда, вставляя новых авторов, заменяя в уже готовых стихах строчки, которые вдруг приходят на ум желающим подработать стиль своих *изделий*. Иногда кто-то забирает свой, уже целиком кропотливо обработанный Муром, материал. И опять в сборнике – смещения, из-за которых ломается весь строй компьютерной вёрстки.

Мур крутится, *как белка в колесе*, выполняя капризы членов своего сообщества. Он не может дождаться, когда иссякнет их *творческий зуд*, чтобы окончательно отпечатать на лазерном принтере весь сборник и раздать его авторам.

Тяжело вздохнув, Мур промяукал:

– «Взялся за гуж, не говори, что не дюж!»

НОЧНОЕ БДЕНИЕ

Два часа ночи. За письменным столом сидит человек, упорно всматриваясь в написанные на листе бумаги строчки: *«Он лежал в полном изнеможении... Голова его запрокинулась и покоилась между двух подушек. Лицо выражало наивысшее наслаждение...»*

Дальше не писалось. В голове роились разные мысли. Они обрывались, не давая ухватиться за что-нибудь существенное и продолжить стройность изложения. Всего несколько минут назад ему казалось, что он чётко опишет то, что вынашивает уже довольно продолжительное время. Ночь всегда была для него частью бранных суток для творческих выплесков. Но сейчас...

Ему, восьмидесятилетнему старику, казалось, что он ещё на многое способен. И когда его спрашивали о самочувствии, отвечал: «Есть ещё порох в пороховницах!»

Очень хотелось написать что-нибудь эпическое... Да просто, что-то поучительное: «А вдруг – бестселлер!?» К сожалению, в голове давно не было новых сюжетов. Как будто всё, о чём мечталось, написано в многочисленных

книгах. Но стереотип мудрого писателя, каким он себя мнил, не давал заслуженного покоя. Хотелось *тряхнуть стариной*, или... что-нибудь изменить в своей жизни...

Тут ещё и бесконечные дифирамбы ловкого помощника, (назовём его импресарио), взявшегося распространять написанные тома, устраивать творческие встречи с читателями, ширя известность *классика*, – тормозили и звали к *новым победам*. Да и деньги обещались немалые.

Но «скоро сказка сказывается», – да до «herri end» – далеко. Популярность *топталась* на месте. Обогащение – также.

И вот теперь, сидя за столом над двумя строчками задуманной истории о кризисе старческого возраста, понял, что начал писать её не совсем удачно. И остановился... Обида душила.

Больше всего в своих неудачах последнего времени винил он своего помощника, охладевшего к распространению его книг: «Слова, слова... Обещал выставку – сам носа не кажет... Забурился, похоже, в своих похождениях. Уж больно охоч до амурных дел, ловелас беспринципный... А не подыграть ли ему в...» – почти вслух произнёс *ночной бдитель* внезапно пришедшую мысль и... на время осёкся.

Сердясь за вынужденный простоя в писательской деятельности и на себя, он ломал голову в поисках выхода. Знал хорошо, что без любовных интриг никакую идею в романе не протолкнёшь.

Совсем недавно показалось – помощник выручил его... Было это так: за хорошим вином развязался язык у *соблазнителя* женских сердец. Рассказы, в общих деталях, не устраивали нашего *держателя пороха*. Требовались подробности. Вот и согласился он на предложение ловеласа позаимствовать детали любовных утех из телевизионных передач Елены Ханги.

В некоторой степени, скандальная передача мулатки «Про это» в перестроечные времена, походила на психологический анализ интимных извращений и как-то не очень подошла нашему *искателю экранной любовной клубнички*. В общем, удовлетворения не было. Новый задел не складывался – только несколько начальных строк.

Однако, частые встречи «один на один» с помощником-импресарио, их разговоры о сексе распяляли ещё не угасшую плоть старика.

Его жена, будучи на двадцать шесть лет моложе, удивлялась похотливости мужа. Прожили вместе двенадцать лет. Сошлись не по страсти – писателю требовалась стенографистка. Она своё женское отгуляла, её взрослые дети зависели от неё материально. Вот и согласилась на брак, тем более, что *держатель пороха*, начавший писать книгу на *злободневную политическую* тему, завлёл её замыслом произведения и обещаниями на богатое наследство после своей смерти.

Не на скорый уход из жизни *старика-мужа* рассчитывала женщина – не терпелось увидеть книгу, да и прислониться к мужскому плечу ещё хотелось... Коварства в помыслах сора́тницы не было. Она честно выполняла обязанности верной помощницы и жены. Но в интимных отношениях не проявляла пылкости, которую ожидал от неё *инженер человеческих душ*, в прошлом – сластолюбец. Три жены и бесчисленные любовницы в былые времена вдохновляли его к написанию многочисленных романов.

Злободневная, на политическую тему, книга, при активном участии последней жены была издана, и *вынесла* писателя на поверхность. «Эпопея» имела кратковременный успех и принесла деньги.

Время диктовало выбор новых тем. И, конечно, как всегда, беспроигрышным в повествованиях оставалось вкрапление любовных сцен, но на современном уровне. Писатель понимал, чтобы читиво захватывало, он сам должен пережить *этот процесс* или подсмотреть его, так сказать, в *замочную скважину*...

Итак, тёмнокожая Елена *прекрасная осталась за бортом*. Требовалось нечто более острое, изощрённое...

«*Замочная скважина!*? А что, если... – Подумалось, что жена, обладавшая волнующими формами, может нравиться не только ему. – И, „*чем чёрт не шутит*“, выполнит кроме технической помощи и другую *функцию*. Не потому ли она холодна в постели, что я стар для неё? Эх! Каким горячим бывал лет двадцать-двадцать пять тому назад! Да, Было! Было! Ну, допустим, я не способен теперь... А жена?»

– Хороший *левак* укрепляет брак! – произнёс он вслух избитую поговорку, от удовольствия потирая вспотевшие вдруг руки. – «Сегодня – я, а завтра – ты!» – промурлыкал, перебирая слова из арии Германа в «Пиковой даме». Ему понравился такой ход мыслей, и он тихонечко засмеялся. – И почему бы моему помощнику-*импресарио*, играть не только роль *сказочника-обманщика*, но и послужить в качестве соблазнителя моей *ледышки*. Вдруг клонет? На молодого-то? А-а-а? Не использовать ли их для подсматривания в *замочную скважину*? Может, для меня это будет стимуляцией... Ух! Моя *снежная королева!* Вижу, как он скользит взглядом от её груди к полненьким, аппетитным ножкам! Ах, эти ножки! „Они пророчествуют взгляду неоценённую награду...“ – опять переврал *инженер человеческих душ* слова Пушкина. – Эх-ма! Мне бы сейчас проституточку!» – внезапно перо вновь прикоснулось к бумаге: «*Дряблое бесформенное тело млело под жаркими, чувственными, профессиональными ласками жрицы любви...*» Зачеркнул. Задумался.

Хотелось искренности в любовных играх между старым, немощным мужчиной и неподдельно-горячей молоденькой партнёршей. Он уже почерпнул из передач *шоколадной* Елены некоторые знания о геронтофилии – влечении молодых парней к старухам... И это казалось ему отвратительным.

Вспомнилось мерзкое чувство отвращения, когда в одной из давнишних творческих командировок ему подсунули грязную туземку. А то, что китайские императоры для продления жизни обкладывали себя молоденькими женщинами, он считал вполне приемлемым. Обидно только, что у него таких возможностей нет.

И опять мысли вернулись к жене: «Чистоплотна. Обходительна. Готовит – *пальчики оближешь!* Всё успевает! Машина! *Perpetum mobile!* Да-да-а! Побольше бы ей сексуальности. Лежит, как бревно! И всегда торопится... Нет, чтобы понежиться в постели. Приласкать мужа. Скорее надо ей печатать, что написал *великий писатель*. Грамотна больно. И исполнительна... А что? Ну не великий я... Но, всё же! Вон сколько понаписано!» Он обвёл взглядом несколько полок книжного шкафа, уставленных его писаниями. Вздохнул и с этими мыслями побрёл в кухню. Выпил рюмочку коньяка «Хенеси», чтобы уснуть. Шаркая непослушными ногами, поплёлся в спальню к своей *замороженной жене*.

Та спокойно спала, наслаждаясь отсутствием навязчивого, нетерпеливого похотлильца, но теперь скорее *мерина*, как в простонародье называют утратившего былую сексуальность мужчину.

У жены на утро было намечено репетиторство по русскому языку с одним отпрыском богатого предпринимателя. Беспокоить спящую не следовало по той причине, что толстосум-отец обалдуя может пригодиться, как источник доходов и потенциальный спонсор при издании очередной книги.

Он ещё спал, когда в дверь позвонили. Весёлая и нахальная физиономия помощника, ставшего единственным другом в последний год, напомнила писателю о коварной задумке.

– Проходи! *Гостем будешь!* Вернее хозяйкой, пошуруй там, на кухне, пока я тут... – писатель ткнул указательным пальцем в дверь туалета.

– *Будь сделано!* – и гость, мгновенно *вступив* в домашние тапочки, направился в нужном направлении.

– Коньячку или винца? – спросил хозяин, усаживаясь за наспех накрытый стол.

– Давай-ка начнём с твоей *животворной*, – имея в виду замороженную в морозилке сырую воду, – поднагрузился вчера, надо прочиститься.

– И мне тоже не мешает... Я её, родненькую, не забываю вот уж лет с пяток. Даже чай кипячу на ней.

– Ну, так поднимем наши *бокалы* во здравие! – разливая воду по чайным чашкам, торжественно произнёс гость.

Их завтрак прервала вернувшаяся после репетиторства жена хозяина:

– И чего это вы на кухне? Марш в залу! Посмотрите телевизор. А я уж вас угощу – не то, что пальчики, локотки оближете.

Мужчины уединились, прикрыв за собой двери в гостиную...

Женщина хлопотала на кухне. Она не заметила державшегося за поперечину двери и смотревшего на неё маслянистыми глазами помощника своего супруга. Поставив на поднос тарелки со снедью, повернулась, чтобы идти в гостевую.

Груз аккуратно был взят из её рук и поставлен обратно на кухонный стол. Женщина очутилась в объятиях нахала. От неожиданности голос не сразу подчинился возмущившимся мозгам. Едва опомнившись, она с силой оттолкнула негодя так, что тот, попятившись, ударился о косяк двери. Взяв с кухонного стола поднос с закусками, хозяйка тихо, но твёрдо сказала:

– После завтрака прошу больше никогда не приходить в этот дом. Встречайтесь со своим шефом на стороне. Считайте, что меня для Вас не существует, и Вас я больше не знаю!

За столом сидели, как будто и не было сцены на кухне. Только мужчины много пили. Женщина ухаживала за ними, поднося новые блюда, убирая грязные тарелки. Гость ушёл незаметно.

Писатель храпел, откинувшись на спинку дивана. Она подняла обмякшего мужа, перекинув его руку через своё плечо, потащила в туалет, помогла ему оправиться и отвела в спальню. Эта процедура была обычной после прихода любых гостей, и выполнялась ею без тени брезгливости. Только вздыхала она тяжело и безнадёжно, зная, что её уговоры ограничить пьянство, угрожающее здоровью мужа, не имели воздействия. Он отмахивался: «Врёшь ты всё, голова у меня после коньяка только светлее становится!»

Знала она также, что не в силах отвадить *нового друга*. Решила уходить сразу же после прихода неприятного гостя. Но в её присутствии тот не появлялся.

Только по невымытой посуде и храпящему мужу догадывалась женщина после возвращений домой о посещениях помощника-импресарио. Отметила также особенно неприличные, похотливые действия супруга по отношению к ней.

Разгадка оказалась довольно простой. Случайно заглянув в позднее время в гостевую, увидела смотрящего телевизор мужа, буквально впившегося взглядом в экранные сексуальные сцены. Она замерла от неожиданности и не успела отступить за порог. С небывалой прыткостью муж подскочил к ней и потащил к дивану. Непонятно откуда у него взялось столько сил, чтобы справиться с сопротивлявшейся женщиной и повторить кульбиты, подсмотренные с экрана...

Её возмутило столь грубое отношение к ней... Покоробило от приёмов, которые практикуются с проститутками... Началась ссора. Упрёки. Слезы. Она обвиняла супруга в том, что он не умеет дружить с порядочными людьми, сходится, с кем попало. Всех приличных людей прогнал от себя. Даже

со своими детьми у него нет тёплых, родственных отношений. Упрекала в том, что внуки посещают старика только тогда, когда им нужны деньги...

Муж обвинял жену во всех мыслимых и немыслимых грехах, в трате общих денег на её детей...

В результате обычной, банальной, семейной ссоры был разбит телевизор, оборван телефонный провод и ещё много мелких поломок осталось после бурной сцены. А в сердцах *участников битвы* надолго, если не навсегда, образовались незаживающие раны.

Жена взяла внеочередной отпуск и уехала в родной город к детям. Нельзя сказать, что это была первая размолвка. Недопонимание бывало и раньше. Но очередные отъезды жены камуфлировались ею под каким-нибудь благовидным предлогом.

Возвращение всегда было праздником. Муж нуждался в няньках, был беспомощен в быту. И добровольно *взятый крест* не старой ещё женщиной, она несла, более чем, достойно. После ссор наступал мир, и всё текло по заданному руслу.

На этот раз писатель пошёл в атаку. Встречи с помощником продолжались. Пьянки становились всё разухабистей. Появлялись и *разномастные* женщины. Здоровье ухудшалось. Отказывали ноги: подниматься на третий этаж без лифта стало затруднительным.

И надумали они со своим *сотоварищем* поменять обстановку. Не просяхающие от пьянок, убедили себя в том, что всему помеха – жена *корифея*: не может быть *музой*, не сексуальна, не нравится ни родственникам, ни старым друзьям, виновата во всех творческих неудачах писателя в последнее время. Значит, причину надо ликвидировать.

Помощник подыскал приличную квартиру из трёх комнат на первом этаже у станции метро: «Сам себе теперь хозяином будешь! Подумаешь, тарелки подносила! – оценил жену-соратницу *корифея* отвергнутый ею *сердцеед*, по совместительству, импресарио творчества *великого* писателя. – И при твоих больных ногах самому удобно выходить из дома, и друзьям сподручнее посещать тебя, *корифея*». Условились с продавцом квартиры о цене. Заказали перевозку мебели, вещей. Оставалось – оповестить супругу.

Переезд состоялся на глазах брошенной жены. Так восьмидесятилетний писатель разрешил свой собственный творческий кризис, заодно и кризис героя из ненаписанного им романа.

ВЛАДИМИР РЕРИХ

ГОРЯЧЕЕ ПИВО С САХАРОМ

Никто не умер.

1

Перевели дух, и он жадно запалил «L&M». В распахнутое окно попёр ещё ночной, но уже душный воздух, тошно подсвеченный жёлтым фонарём. Лето в Варшаве было ташкентское в тот год.

– Ненавижу это время суток, – выдохнул Андрей и провёл сохлым языком по рёбрам нёба, – скоро светать начнёт, курва. Квасу бы.

Она села и огладила груди, свисавшие вдоль живота. Приподняла их ладошками.

– Вот. А когда-то были большие и упругие. Я же – тюзовка. Травести. Почему-то у нас эти штуки бывают несоразмерные. И тогда их перевязывают в гримёрке. Обматывают, придавливают к телу. Плотно-плотно. Туго-туго. Больно-больно. Раздавливают. И получаются такие вот *старушечьи чулки всмятку*. Не возбуждают, да?

Она прошлёпала до холодильника и вернулась с колой. Андрей глотнул, и зубы, как всегда, невыносимо скрипнули.

– Кого ты играла? Тома Сойера?

– И его тоже. Ещё Реми из Гектора Мало, помнишь? Ещё Кая. И Тима Таллера из «Проданного смеха». Ты хоть раз был в ТЮЗе?

– Бог миловал. Я театр не люблю. Я там засыпаю от злости. Будешь?

Он протянул ей колу. Она хлебнула, закашлялась пеной, отдышалась:

– От злости?

– Ну. Взрослые люди валяют *дурака*. Скучно и неизобретательно. Орут, как сумасшедшие.

– А твоё документальное кино лучше?

– Нет. Такая же брехня и суходрочка.

– Фу. Ты часто бываешь грубый. Зачем эти вульгарности?

– А так честнее. Что мы делали с тобой полчаса назад? Если скажешь, что занимались любовью, меня вырвет.

– Пока тебя не вырвало, займёмся ещё разок? Но губы мои ты сегодня больше не поучишь, – она так выговаривала «л».

– Почему?

– А не ругайся. Тебе не идёт.

– Иди сюда.

2

После *схватки* Андрей сломался и прикемарил, подтянув колени к животу. Очнулся, когда птицы уже *рвали глотки на портянки*, а воздух был, как из грильницы, где вертятся, потев жиром, насаженные на шампуры бесстыжие куры.

– Который час?

– Половина шестого.

Она была одета и мазала глаза, поплёвывая в коробочку и зыряка в зеркалаце.

– Скоро Пашка явится. Поедешь со мной на халтуру? К цыганам. Пёс знает, где. У чёрта в *дупе*. Но я запарился торчать в Варшаве весь уик-энд и пить «Эбе». Какой дурак так назвал пиво? Поехали, Ла-Аль. Кто тебя так назвал? Что-то арабское?

– Я – Элла. Элла Вайнахт. Когда переехала в Польшу, *перемастилась для понта*. Так меня называли в харьковском ТЮЗе. Мы там дурачились. У всех были погоняла. Мой первый муж был Пупенко, так его называли «Кындык».

– Что есть «кындык»?

– Пуп. По-татарски.

– А Вайнахт – это Рождество. Ты – немка?

– Господи. Еврейка. Не видно, что ли?

– Я не различаю, когда человек в подпитии или еврей. Поедешь?

– У тебя есть кофе?

3

После растворимой бурды с окаменевшими рогаликами и талой «Рамой» они ещё раз натужно *перепихнулись*. Пашка появился в десять, когда Ла-Аль собралась валить.

– Витам, Анджей! Як се маш? Здорово, Лалка, – прогундосил он сквозь зловонный гайморит, терзавший его годами, – ты с нами?

Они были откуда-то знакомы.

Пашка был из Красноярска. Кривоногий, мосластый, губастый. С фамилией Пилипенко. Сосал уценённые, шелушащиеся, часто гаснущие сигариллы, зажимая их уголком рта и щуря глаз. Иногда прикольно *тёр* о сибирском детстве: «Набъём карманья патроньями и на охоту! Знаешь, как ведмедя добывают? Не ружом, это пустое дело, он пульев не боится. На елову ветку борчагу с мёдом подвесить. На веровке. Хозяин залезет и зачнёт её ковырять лапой. А она давай шатается. Дурень злится, отмахивает её, а она больше шатается. Потом ка-а-а-к даст ему по балде! И он – херак! Падает. Твой!»

Скорее всего, врал. И говор подделывал. Жил в говёном районе Берлина, но иногда появлялся в Варшаве, где снимал крошечную кавалерку возле Фундации Ниссенбаумов. Пенёндзы у него водились, он шустрил помаленьку наркотой.

- С вами, – вздохнула Лалка. – Жопа же соскучилась по приключениям...
- Тогда чёкам вас возле тачки, – ослабился Пашка, – её за версту видно!

4

О, Господи! Это был замузанный рижский «RAVик», драный, потрескавшийся, облупленный, словно пасхальное яйцо, которое побрезговали сожрать, но забыли выбросить в помойку. Вокруг рыдвана бродил симпатичный *лысик* с линиялыми глазами, уютным пузиком и пустым мундштучком в зубах.

– Это Пауль Мауль. – представил его Пашка. – Водила этого шрота. Муй коллэга. Из Восточного Берлина. По-русски *шарит*. Мауль, выдай! Пауль симпатично ощерился и рывкнул:

- Дрючба – Фгойндшафт!

И Андрей невольно *зиганул* в ответ.

– А это – Марек Квак, – уважительно сказал Пашка вполголоса, когда влезли на борт. – Наш продуцент. Это евоный заказ. Он с *бодуница*.

Квак покойницы дрых на переднем сиденье, его хлебало было раззявлено, из него пёрло сивушным выхлопом. На заднем сиденье справа скукожился, прижимая к цыплячьей груди тёртый «Betecam SP», щуплый *камермен* с влажными волосиками, прилипшими к покатоному лобу. Он встретил вошедших щелястой улыбкой, открывшей *заборные доски* неопрятных зубов.

– Курт фон дер Хунеке. – возвестил Пашка, хлопая его по жидкому плечу. – Западный немец, но живёт в Варшаве, работает на телике оператором. Наш человек! По-русски ни бельмеса.

Пожимая его руку, Андрей спросил на своем варварском русляндсдойтче:

– Вас фельт дир, Курт? Вас хаст ду фергест ин дизе фершисене ланд? (Что ты забыл в этой обдристанной стране?)

Тот ответил, смущаясь и пожимая плечиками:

- Даст ист майн шикзаль. Их либе Полянд... (Люблю Польшу).

– Нун, – радостно взревел Пауль Мауль, крутанув зажигание. – Етц гейт лос!

И рафиковское брюхо наполнилось вонючими газами, тут же вцепившись в глаза.

5

Анджей с Лалой забились в левый угол заднего ряда, а Пилипенко устроился в центре салона, где кресла были выкорчеваны, и лежал огромный тракторный скат, в дыру которого он и пристроил свою задницу, выпростав конечности, обутые в сальные адидасы.

– Кажется, я зря согласилась, – шепнула Лала, – какие-то они все немытые. А у меня завтра в Русском доме встреча с Пьецухом. Знаешь такого?

«RAVик» трусливо поёрзал по Маршалковской, юркнул в какие-то многоэтажные дворы и вылез на просёлок, где началась мелкая дерготня – косматая башка Марека Квака грозила оторваться, переваливаясь туда-сюда. Курт, держа камеру, как ребёнка, трясся и подпрыгивал, как *задрот* на бесседельном позвоночнике взбесившегося ишака.

– Часто к тебе приезжают великие и ужасные? – спросил Андрей Лалку, не ответив про Пьецуха.

– Бродский был.

– Ух. И как? Ты *дала* ему?

– Дурак. Я тебе морду побью. Я выйду, скажи, чтобы остановились.

– Кончай. Я же тебя прикалываю. Расскажи.

– Дурак. В общем, я брала у него интервью для польского радио. И он сказал: «Старуха, я надеюсь, ты не задашь идиотского вопроса?» Я ответила просто: «Вернётесь ли вы на родину?» Он ухмыльнулся и говорит: «Соображаешь. Включай свою бандуру!»

– Много народу было?

– Аншлаг. Он читал полтора часа и выкурил две пачки. Ужас.

– И пошёл помирать на Васильевский остров?

– Не надо пошлить.

Тут Мауль притормозил и заглушил движок. «*Wer muss pinkeln? Bitte schön!*» Предложение *отлить* никого не соблазнило, но пробудился Марек Квак.

– Кур-рва! – проквохтал он хриплым фальцетом, зевая и потягиваясь. – Для чёго не идземе? Цо се стало? – И *отрубился*.

6

Андрей приобнял Лалу за плечи и ткнулся носом в её рыжую гриву.

– Ты знойная женщина с хнойными волосами, – пробубнил он ей в ухо, – я бы тебя взял на роль дочери Сталина. Расскажи что-нибудь про свой харьковский ТЮЗ. У вас же наверняка была русская актрисуля из Москвы, которая изо всех сил учила украинську мову. Скажешь, нет?

Лала изумлённо отстранилась и спросила:

– Была... Наташа Устрялова. А что?

– И она всё время опаздывала, а ваш режим этого терпеть не мог. Да?

– Ну! Она однажды проспала на генеральный прогон...

– И влетела на сцену, где метался злой, как пёс, режим. И поняла, что ей – кранты.

– Ага. Стояла бледная, и все на неё смотрели...

– И в этой тишине она произнесла: «Ой, лищечко! Кажись, я о-пыз-дала?»

И все грохнуло.

Андрей и сам захохотал, уходя в надсадный кашель, вытирая рукавом слёзы. Лала тряхнула гривой и тоже прыснула.

– Но откуда ты это знаешь? Я уже рассказывала?

Он отдышался и запалил «L&M». Лала взяла пачку, отогнула картонную крышку, понюхала нутро и заметила:

– Бродский тогда тоже курил эти сигареты...

– Скажи честно, – спросил Андрей, отдышавшись, – вы дали этой Наташе погоняло «Пызда»?

– Нет, «Глечик». Кожа у неё была белая-белая, как молочко, а одежду любила тёмную-тёмную, как обожжённая глина. Ты с ней знаком, что ли?

– А как правильно сказать по-украиньски «опоздала»?

– Не помню точно. Кажется, «спізднилася»...

Он снова мелко заржал сквозь стиснутые губы, мокро закашлялся, и закончил:

– Тоже не сахар...

– А волосы у меня не хвойные, а свои, дурак! И я не похожа на Светлану Аллилуеву!

– На молодую не похожа. А на зрелую – только так.

– Скотина.

– И, да, эту историю про актрисулю, я слышу в третий раз. Вы уж там, в Украине, разберитесь, где что было и чего не было вообще.

– Не твоё дело, азиат.

7

В салоне назревал ураганный *бухич* – Пашка с пробудившимся, наконец, Кваком, сидя на скате, чавкая чипсами, вылакали *ботл* «Wyborowa» и уже добивали «Jelzin».

– Приготовиться «Gorbatschow!» – крикнул Пашка в глубину своей торбы, обещающе огромной и тускло позвякивающей.

– А тепер – Горьбати! Я скасаль – Горьбати! – неожиданно проорал с водительского кресла Пауль, и Пашка с Андреем восторженно взвыли, а Лалка звонко расхохоталась.

– Мауль, ты чо, Высоцкого насмотрелся? – изумлённо спросил Пилипенко, а Квак заинтригованно заёрзал:

– Цо он мувил? Цо?

– Ихь вар дох айн элькавэ фарер ин Сибириен, дальнбойтщчик на БАМ! – гордо ответил Мауль. И продолжил. – Шайзе климат! Иммер калът. Зорок крадус унтер ден Цельсиум, билят. Ман мус спиритус тринкен надо, а то здох.

Квак уставил недоумевающий взгляд на Лалу, она ему перевела на чистый польский.

– Пане керувнице, хцес вудке? – почтительно спросил он Мауля.

Тот отмахнулся, не оборачиваясь, коротко ответил:

– Найн! Шнапс ист шайзе. Пфуй! – и, доставши из-под задницы плоскую фляжку «Bourbon Whiskey», зубами скрутил пробку и запрокинул голову.

– Мамочки! – ахнула Лала. – Андрюша, мы погибнем! Давай сойдём, а? Это же корабль дураков!

Но тут на неё воззрился Квак.

– Твое назвиско Лала, так? Сконд пани пшиехала? З Украины? Добре. И сконд естещь? – обратился он к Андрею.

– Я из Кумландии. Цытронобад.

– Курче. Не знам такого краю. А, вшистка едно! Напиешь се вудки, Анджей?

– Ноу. Нет. Найн.

– Твоя баба тэж не пие? – сообразительно уточнил Квак.

– Не естэм баба, але кобета! – гневно и звонко отрезала Лала.

– Розумем. Пшепрашем. А ти? – обратился он к фону дер Хунеке. Тот отрицательно мотнул головой.

– Говняни фильмовцы, не пиешче, – буркнул Квак, вернулся к «Gorbatschow» и заорал:

– Пане керовцо, зроб трохи музыке!

– Яволь, мон женераль! – бойко отозвался Мауль и врубил «Владимирский централ».

8

Дорога становилась всё гаже, всё ўже. Она ужом вползала в сухие глотки затёрханных городков, заляпанных кляксами «McDonald's», и вилась дальше, оставляя за кормой замордованные бедностью трупные пятна крестьянских господарств. Квак и Пашка, не мычание, вошкались на полу, доцеживая последние капли «Gorbatschow» из горла. Марек угрожающе рыгал, мучительно пердел и пучил глаза, а Пилипенко, едва ворочая языком, комично гримасничал, зачем-то вытягивая трубочкой толстые губы. После сотни прокруток «Владимирский централ» сменила «Тумбалалайка», и Лала по-детски всхлипнула, встрепенулась.

– Ты чувствуешь себя еврейкой? – спросил Андрей. – Только не ври.

– Не знаю. Не думала. Мне всё равно. А в твоём доме, под твоей кавалеркой, есть ресторан «Менора». Единственный в Варшаве, между прочим. Ты там был?

– Нет. Но дёргаюсь от вывески: «Жидовска ресторация». Бьёт по глазам.

– В польском языке нет слова «еврей». Только «жид».

– Знаю. Всё равно, как ругательство. Ты бы видела, что там творится по четвергам! Собираются бородатые старики в чёрных сюртуках и широкополых шляпах. Все похожи на Карла Маркса. Я от них балдею.

- Извини. А ты... еврей? Только честно. Если не хочешь, не говори.
- Не сподобился. Но в Кумландии меня считают пархатым. Возражать – бесполезняк полный.
- А как ты здесь оказался?
- Выиграл стипендию Института свободы. Снимаю документалку о «змянах в Польсце». Ну, типа, как хороша демократия и брат её, вольный рынок. Говно.
- А ты кто, кумландец? Или мешанец?
- Хорошее словечко. У меня есть друган, он говорит: «Андрюха, ты – 36-ой!» Помнишь, был такой советский чай, помесь отечественного и цейлонского?
- У меня родители оба-два евреи. Они этим не заморачивались. Но живут в Хайфе.
- Хайфуют.
- Ну, да. А почему ты называешь свою страну Кумландия?
- А потому что – Кумландия. Есть песочные часы, видела? Две колбочки соединены узким горлышком, по нему сочится сухая струйка и проваливается в кирдык небытия. Но колбочки переворачивают, и снова начинается тоскливый движняк: туда-сюда. И так тысячелетиями. Живые мертвы, а мёртвые живы. Песчаные люди с песчаными мозгами и песчаной кровью.
- Ничего не изменится?
- Нет. Когда колбочки переворачивают, в горлышке случается затор. Запор. Томительная и волнующая пауза. И песчинки начинают преть. И воображают себя булыжниками. Но часики круто встряхивают, чтобы просрались. И всё повторяется. Так везде. Просто в Кумландии это очевидно.
- Нельзя жить с такими мыслями.
- Они Кумландию переименовали в Лаймлэнд. И придумали новую столицу – Цытронобад.
- Чокнулись?
- Соображаешь, старуха, как говорит твой друг Бродский. Именно так. На цитрусовых съехали мозгами. Бредят тропиками. Песчаные мозги способны только на пустынный мираж. Режим свой назвали – Цытронат.
- Я пару дней назад читала новости на польском радио. Этот ваш главный Цытроний собирается с визитом к Валенсе...
- Ишь. У тебя есть знакомые чеченцы, у которых можно купить ствол? Или гранатомёт?
- Андрюша, не болтай. Знакомый чеченец есть, его зовут Харон. Он друг генерала Дудаева. Если не врёт.
- Харон – это подходяще. Ты ему уже *дала*, надеюсь?
- Ну что ты за сволочь, а?

«RAVик» вдруг сбился с дыхания, заверещал, чихнул, съехал к обочине, за которой стоял насупившийся лес, и умолк, остановившись. Пауль Мауль оборотил в салон свою физиономию, набрякшую подглазными мешками, и угрюмо сообщил:

– Гитлер – капут. Кайн бенцин. Абер вир зинд ангекоммен! Ми приехайт. Цигойнер зинд дорт, шауэн зи! – и ткнул пальцем в боковое стекло, где простиралось опаловое поле, а за ним чернели какие-то пятна и мелькали муравьиные фигурки.

– Абер ихь мус пинкельн, – взвизгнул терпеливый камермен. – Ихь кан ниht меер аусхальтен!

Он подхватил свой «Betacam SP», стремглав выскочил из автобуса и помчался с ним наперевес в ближайшие кусты.

– Бедный Курт, – сочувственно сказала Лала, – он чуть не лопнул. Мне тоже надо отлить, извини. – и выскочила вслед, но в другие кустики, прихватив с собой недопитую бутылку воды.

Андрей с Паулем неторопливо оросили скаты, вглядываясь в цыганскую сторону. Оттуда двигалась к ним *лохматая клякса*, а впереди неё катилась сквознячная волна сосущей тревоги. Пахло скипидаром сосновой смолы, сохлым сеном и почему-то говном. Солнце было в начале глассады, но ещё тупо жарило. Подтянулись *облегчившиеся в терновнике*.

Цыгане приближались. Смоляные бороды, соболиные брови, жгучие глазапы, лунные лысины, крючковатые шнобели, кумачовые косоворотки, жилеты с перламутром, шаровары с казачьими лампасами и хромачи с гармошками. Насупленные рожи.

– Господи! – шепнула Лала. – Какие же они страшные и красивые! Как из кино.

Разноцветные цыганки тащились за мужиками огромным павлиньим хвостом и тоже недобро помалкивали. Гомонили лишь курчавые, как ангелята, дети, горохом рассыпаясь вокруг да около. И позади всего свисал огромный солнечный шар, набухший алым гноем.

– Твою мать! – выдохнул Андрей. – Какой контрвик. Курт, ты заряжен? Кассета в камере? Тогда огонь, курва, мать! Длиннофокусным! Лалка, переводи!

Курт выслушал и залопотал:

– Майне Гётте! Абер оне штатив?

– Я сказал, огонь, сука. Убью!

Курт понял без перевода и вскинул «Betacam SP» на плечо. «Rec! Пошла масть».

Сошлись «face-to-face». Во главе цыган шествовал вислоусый дядька в нищенски хлопчатобумажном пиджачке и лоснящихся брючках, вправленных в юфтевые сапоги. Рубаха под лапсердаком была цвета хаки, офицерская, застёгнутая до кадыка, а на голове сидел обкомовский пирожок с плешивым каракулем. Цветастые цыганки взяли «RAVик» в полукольцо. Остро пахнуло бабьими подмышками и крепкой махорочной мокрёткой.

– Чеками з рано. Але юж кóнец дня, курва мачь.

Курт беспомощно пожал плечами и указал рукой в салон, где храпели дуэтом Квак и Пашка. Дядька заглянул, покачал головой и сплюнул.

– Цо бенждеме робить? – спросил он зло. – Заплатилишь мы пенёндзе... Лалка шёпотом перевела:

Они забашляли, что делать?

Цыганские мужчины угрожающе надували тугие животы, обтянутыми шёлковыми кушаками, за которыми торчали рукоятки ножей, называемых свинорезами.

– Батя, – кротко ответил Андрей, – мы не подряжались. Мы просто за компанию приехали. Лала, переведи.

– Нэ нада переводи. – буркнул старшой. – Розумем по-российску. Кумпанья, курва. Для тшего встали тутай?

– Бензин кончился. Не знаете, где заправка?

– Нэ нада заправка. Нассать тебе в бак можем. Так? – спросил он у своей шоблы и добавил что-то по-цыгански. Те хором хохотнули.

– Батя, – сказал Андрей беспомощно, – чего время терять? Я же режиссёр, трои понимаю в этом деле. Давайте фильмовать...

– Можешь то зробиць? – недоверчиво спросил старшой.

– Ну. Так. Попробую.

– Идъжеме.

Развернулся и пошёл сквозь толпу – она расступилась и сомкнулась позади, а цыганки выстроились двумя колоннами по флангам.

– Штоп! – петушиным дишкантом вскричал Курт, метнулся к автобусу и вылез оттуда на полусогнутых, нагруженный, как призывник вермахта: камера и штатив на плечах, два подсумка для кассет, чехол, набитый батареями, зарядное устройство, висящее на шее, как ярмо, и микшерский пульт на куриной груди.

– О, Господи! – простонал Андрей и двинулся к нему.

– Нэ нада! – властно крикнул старшой и добавил что-то по-своему.

Два кучерявых парня в замызганных джинсовых тужурках подскочили к оператору и разгрузили его, нацепив железо на себя. В камеру он вцепился, как чёрт в грешную душу. Старшой ухмыльнулся:

– Добри жолнёж!

Дошли.

Это был запущенный одноэтажный барак с треугольным фронтоном, ненадёжно опирающимся на два деревянных столба с отвалившимся гипсом. Из его слухового окошка свисал колокол *матюгальника*, а рядом примостилось *мёртвое бельмо* прожектора. От входа начиналась бетонная площадка, уставленная как попало солдатскими лавками. Пузом книзу, свисал тент, вонявший раскалённой пылью. В отдалении криво-косо стояли замызганные армейские палатки, окружённые домашним скарбом и хламом. На верёвках мотались ссохшиеся кальсоны. И чадил костерок с подвешенным над ним котелком. И пахло кизячным дымом. И стояли полукругом обшарпанные тачки без опознавательных знаков.

Табор.

11

Цыгане расселись по солдатским лавкам, женщины достали веера, а мужики закурили. Курт прикрутил камеру к штативу и, всучив Лалке лист бумаги, выставил баланс белого. Выпрямился и важно кивнул Андрею:

– Готов.

Тот вышел на середину полукруга. Надо было какую-то речь сказать.

– А что вы затевали-то, дядя? – спросил он у старшего, обернувшись.

Старшой выдвинулся и встал рядом:

– Я тоби не дядя, а – баро. Так называй. Моя цурка, дочка, иде взамуж. Она бардзо любэ песэнку «Синдерелла». Треба зробить клип. Телевизия в Легнице будет показать. То наш дар от вшисткего табора. Розумьешь?

– Ага. Понял. «Синдерелла», – он вопросительно взглянул на Лалу.

Та с грудным свистом шепнула:

– Золушка.

Андрей кивнул.

– А фонограмма есть? Песэнки этой?

– Марек повинен был пшинешчь. Але ест пьяни, як швинья.

– Это да. Послушайте, баро. И вы, цыгане. То есть, ромалы. Я вам эту «Синдереллу» подложу на монтаже. А сейчас составьте скамейки в один ряд и садитесь. А молодые девочки сзади встаньте ногами на лавки. А мужики по бокам скучкуйтесь. Ну, как это у вас в театре «Ромэн» принято. Лала, переводи!

Но баро опередил Лалу и бросил цыганам несколько вороньих фраз. Те враз зашевелились, шустро и толково расселись, расставились, с интересом уставились на командира. Курчавоголовые ангелята слетелись им на руки, на колени, на загривки, разлеглись в ногах, посеркивая глазёнками и лыбясь сахарными ртами.

– Вот. – утвердительно сказал Андрей, мучительно соображая, что сказать дальше. – Ну! Вы же, блин, цыгане! Ромалы. Так пойте! Как там у вас... «Дану данай, раздану данай...» Ну!

Они засмеялись, а сидевшая в центре огненно красивая деваха звонко выкрикнула: «Не таки, хлопче! Ошукай мнье!» И начала снизу, густо, из самого грудного дна:

– АЙ! ДАН-НУ, ДАН-НУ, ДАН-НАЙ, ДРАДАНУ ДАНАЙ! ОЙ-Ё-ЙО, Ё-ЙО-ЁО-НАНАЙ, ДРАДАНУДАЙ!

– Во-о-т! – заорал Андрей. – То, что надо, ромалы! Подпевайте! Как вы это умеете. Ну!

– Чёкай! – оборвал песню баро. И позвал, – Юзек!

К нему подскочил юноша с усиками, как у карточного валета, затянутый в донельзя приталенную рубаху с широкими рукавами. Баро бросил ему повелительное слово и связку ключей, тот исчез в проёме двери и через миг томительного ожидания из *матюгальника* грянуло, как с небес:

«АЙ, ДА ША-ТРИ-ЦА – РОГОЖИТКО! АНДЭ ШАТРИЦА – ЧАЙ БИДЫТКО!»

И весь этот невероятный, гигантский павлиний хвост, где каждое перо щедро мечет дурным глазом молнии расцвеченного безумия, весь этот адовый рай раскрылся, колыхнулся, задвигался враскачку, и завёл подпевку сладкими, терзающими сердце пчелиным голосами, всё убыстряя слог: «Ай, дану-дану-данай, дранадануда-най...»

И эта умопомрачительная деваха вдруг резко поднялась со своего места и, вскинув вывернутые ладони до висков, покачивая змеиной головкой, облитой ночного шёлка гривой, повела, нежно сжимая песню горловыми спазмами:

– АЙ, ТУ, ТЭР-НО-РИ... НЕ ЛОМАЙСЯ! СЫР ПХЭНАВА ДУЙ ЛАВА – СОБИРАЙСЯ!

И пошла, и пошла, откинув назад ведьмин профиль дамы пик, боком, боком, то лягая оборку юбки левым каблучком, то выкидывая вперёд правую ступню, точёную, узкую, смуглую, стиснутую туфелькой нежной оленьей кожи. И, стремительно развернувшись, рывками ринулась в обратную сторону, выделявая новые коленца: «Хоп-Хоп-Хоп!»

И вот уже взрослые мужики, покачивая кудлатыми башками, оглаживая чёрные с солью гривы и бороды, засучивая рукава, бычились, вступая в круг, притоптывая кованными сапожищами, нагоняя сумасшедший чечёточный перестук: «Топ-топ-топ!»

И уже раненной орлицей, камнем падающей с небес, рыдала песня:

«АЙ, ТУ ТЭР-НОРИ – ЗАЛИЯПЭ, МЭ ПХАНЁДЭМ ЛАВОРО – СКАДИЯПЭ!»

И пчелиный хор валил густым мёдом: «Айданудануданай-дранадуда-

най» – всё быстрее, быстрее, побуждая ступни танцоров до неразличимого глазу мелькания.

Андрей, собрав у горла чумазый комок майки, заорал в голос, себя не слыша:

– Курт, падла, где ты? Ты работаешь или я тебя задушу, швабский ублюдок!

Зря ругнулся. Курт давно работал. Сорвав камеру со штатива, согбенным воробьиным комочком *вил восьмёрками* посреди топочущих ног, задирая от пола объектив кверху, вскидывал камеру на вытянутых руках, снимая книзу, вился ужом, ловил крупняки и панорамировал от бедра, выставив худой зад и мелко перебирая заплетающимися кроссовками.

«Жги! Жги! Жги!»

Мужики вошли в лютый раж. Чечётку били, будто картечь на паркет со всего маху швыряли:

«Сыпь! Сыпь! Сыпь!»

И тут отчебучила Лалка. Вдруг затесалась в круг, опустив руки вдоль тела и выставив крылышками ладошки в стороны от бёдер, пошла, ловко перебирая ножками, а потом крутнулась вокруг себя, вцепившись большими пальцами в проймы невидимого жилета, открывчив острые локти, и принялась выбрасывать коленца направо-налево, сладко-сладко. И невесть откуда вылетел к ней крутолобый цыган с очами, как облупленные вкрутую яйца, ловко присоседился и, утвердив большие пальцы в тех же проймах, вскинул локти и приседал, и выкидывал вперёд *самоварные трубы* сапожищ.

И мёртвый прожектор вспыхнул бесовским огнём, залил пространство расплавленным маслом топлёного света, а невидимые шофера запустили движки пожилых тачек и врубили навстречу прожектору дальние фары, и началось тут какое-то дьявольское кино, неукротимое, как цепное деление урановых ядер.

Сделали ещё три дубля. Перебивки, детали: серьга в ухе, барашковый завиток чуба, снежный оскал рта, серебряная рябь мониста и мелкая плечевая дрожь, сводящая с ума. Каблук-носок, ладонями «шлёп-шлёп», «плеск-плеск», по плечам, по бёдрам, по голенищам, по каблукам – ходи, черноголовый! «Жарь, жарь, жарь!»

Они были неутомимы.

Стоп!

12

Курт, загнанный, всхрапывающий, как издыхающий мул, вылил на себя бутылку воды, вторую опорожнил до половины и, отрываясь, ткнул пальцем в горизонт:

– Зобачь, який швятло!

Это был режим, самое лучшее освещение, которое бывает на заходящем и восходящем солнце. Несколько минут.

– Дядя баро, – сорванным голосом прохрипел Андрей, – попроси их уйти метров на триста, а потом развернуться и назад, на камеру. Только быстро!

Баро гаркнул, и цыгане ринулись исполнять, подхватив юбки и шурша сапогами.

– Юзек! – Андрей поискал глазами *валета*. – Есть «Не вечерняя?»

Тот высунулся из окна и кивнул.

И сделали ещё два длиннофокусных дубля. Под рвущий сердце голос Розы Эрдено: «Зо-о-рька вить как спотухала...»

Конечный план был в *кармане*.

Измочаленные ромалы вернулись и растеклись по палаткам. Там и сям затрещали костры. Солнце, наконец, провалилось за край земли, потянуло ветерком с прохладой. Курт сидел на земле, перебирая, как стреляные гильзы, кассеты и батареи, и бубнил себе под нос:

– *Deshalb lebe ich in Polen, nicht in Schwaben.* (То есть мой край, не Швабия). Курва, маць...

Андрей дотащил чугунные ноги до ближайшей лавки, уселся, скрючился и повертел головой, отыскивая Лалу.

– Я здесь, – отозвалась она, вынырнув из-за спины, – слушай, ты был великолепен. Ты – крутой реж. Я отвечаю. Я любовалась.

– Да ладно, не гони, старуха. Обычная халтура на тему «Табор уходит в небо». Делов-то. Слушай, где ты научилась этому переплясу? Восторга полные штаны!

– Не знаю. Само вынесло. Не училась никогда.

Сзади подошёл баро, положил Андрею руки на плечи.

– Иджиме пичь горонце пиво с сахаром.

– Ни хрена себе. Горячее пиво с сахаром. Этого я ещё не пробовал. Слушай, дядя баро, это бывшая воинская часть, что ли?

– Так. Российска. Год здесь стоим. Але казали уходить. Тейраз до Рóссии. Идешь з нами?

– А куда деваться. Раз цыган. Лалка, пошли?

– Я – оседлая еврейка. Сам иди, раз цыган. Тут вон сколько красавиц, найдут тебе жену. Титьки у неё будут торчать, как у козы.

– Мёд и молоко под языком твоим, невеста! Слушай, Элла Вайнахт. У вас же там после ассирийского плена какие-то Израилевы колена потерялись, да?

– Не помню. Кажется.

– Вот. Я нашёл одно. Это цыганы. Когда вернёмся в Варшаву, зайди к этим патриархам из «Меноры», обрадуй их.

– Так они мне и поверят.

Принесли столик с облупившимся пластиком, накрыли. Высокие стаканы с кипящим пивом, белый сыр, лепёшки и куриные бёдра, красные от перца и томата.

Баро ухватил свой кубок за края и поднял его:

– Дзенькуе бардзо, пан Анджей. Пиеме!

И тут явился проспавшийся Марек Квак.

И заорал, раздирая рот и бесстыжие глаза:

– Кур-р-ва! Для тшего тчиша? Никт не змяр, правда?

За ним маячили смущённый Пашка и сонный Мауль.

– Правда. – ответил Андрей, – никто не умер. Все живы. Веселы, молоды и счастливы. Нужно запомнить этот день. А какое сегодня число? – спросил он у Лалы.

Та чуть напряглась и доложила:

– 14 июня.*

– Вот и славно, – сказал Андрей. – Так и запишем.

Он залпом выпил горячее пиво с сахаром и жадно запалил последнюю папироску «L&M».

**Это был год 1995. В этот день захватили больницу в Будёновске.
Погибли 129 человек.*

ИГОРЬ ЧЕРКАССКИЙ

поэзия, проза, драматургия

ПОД НЕБОМ ГОЛУБЫМ...

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

На день рождения девочке подарили аквариум. Круглый аквариум с золотыми рыбками. Забавные создания очаровывали своей красотой и непосредственностью. Когда девочка слегка постукивала пальцем по стенке их мира, рыбки, думая, что их будут кормить, подплывали ближе и искали еду. Неходя её, удивлённо разевали рты, смеша малышку до слёз.

Незадолго до этого ей так же подарили котёнка. Девочка старалась не подпускать его к аквариуму. Но кот Васька страшно боялся воды и даже и не думал ловить золотых рыбок. Он просто ходил кругами, и, подвластный своим инстинктам, время от времени трогал лапкой стекло, изображая охоту.

Обитательницы водного мира, на самом деле, были разумны. Они смотрели сквозь искажённую призму стеклянных стен на улыбающееся лицо девочки и размышляли: «В каком странном мире мы живём. Кажется, облако улыбается». Когда в комнате включался свет: «Вот взошло солнце». А если девочка подходила к их обиталищу, судачили: «Как это метафорично. Туча, закрывшая солнце похожа на живое существо. Сколько же в этом тайны и скрытого смысла». Во время кормёжки, пуская пузыри, они повторяли: «Помолимся, и манна небесная снизойдет на головы наши».

Со словами: «Сатана, дьявол! Сгинь нечистый!», – сбивались в стаю при виде кота. В остальное время разлагольствовались: «Как замечательно устроен наш мир. Сколько в нём поэзии! Восходов, закатов! Куда стремиться-то? Что ещё нужно? Всё так правильно устроено специально для нас самим Божеством. Это лучший... это единственный мир...»

В стае была одна рыбка, не похожая на остальных. Её верхний плавник был не настолько красив и, как она думала, не привлекал внимания Божества. Она не пускала благодарных пузырей во время кормёжки и пыталась разгадать суть кота Васьки. Удивляясь страху остальных, она смело подплывала поближе. На рассвете рыбка пряталась на дне. На закате, снова всплывала к поверхности. А питалась объедками, оставшимися от общего пиршества.

ДО И ПОСЛЕ 25/2021

Рыбка думала: «Ведь не может быть, что эта реальность – единственная из всех возможных? Откуда берётся свет и куда он уходит? Образы, которые мы видим, нацарапаны на краю небосвода или за ними есть что-то еще?» Но скованная рамками своей *призмы*, так и не могла разгадать эту загадку.

Остальные рыбки относились к ней с пренебрежением: «Зачем ты так много думаешь? О чём? У нас и так всё есть. Понимание сути не играет никакой роли! Пустые твои размышления! Никому не нужны! Все и так всем довольны...»

День за днем золотая рыбка с искалеченным плавником всё больше погружалась в раздумья и всё дальше отдалялась от сородичей. Не находя ответа, она уже почти отчаялась, но в один прекрасный день ей в голову пришла рискованная затея. Рыбка решила взглянуть на обратную сторону реальности. Никому ничего не говоря, опустила на самое дно, оттолкнулась хвостом и понеслась вверх. Она стремительно выталкивала свое тело из надоевшего мирка навстречу *истине* и, наконец, преодолела барьер. Она пробкой вылетела из воды и, напугав кота, упала на стол рядом с аквариумом. Васька заорал *пожарной сиреной*, лампочка слепила глаза. А золотая рыбка, осознав, кто она и где находится, начала задыхаться.

На зов кота прибежала хозяйка. Когда она застала свою любимицу полуживой, то не могла сдержать слёз: «Ну что же ты моя глупенькая? Дыши! Я тебе куплю отдельный аквариум и золотой подводный замок. А ещё кучу ракушек и улитку, чтоб его чистить. Только не умирай», – умоляла девочка, выпуская её в воду. Почувствовав родную среду, рыбка задышала, встрепенулась и поняла, что снова – дома. С жалостью посмотрев на своих сородичей и с особой симпатией на кота, она подплыла к стеклу и, наконец, взглянула на хозяйку. Она смотрела на неё и видела не Божество, недоступное её пониманию. Не руку, дарующую манну небесную, и даже не улыбку на грани реальности... Она видела равного себе, любимого и близкого друга.

КОТ ВАСИЛИЙ

Глаза кота Василия стали похожи на два блюдца. Хвост бил из стороны в сторону, шерсть *встала дыбом*. В тот момент, когда он оторвался от земли, кот даже не думал, что всё зайдёт так далеко. Под его лапами проносились облака. Между ними, будто камни на дне озера, мелькали черепичные крыши. А вдалеке, из-за горизонта, поднимался огромный пылающий диск солнца.

Василий был животным необычным и много философствовал. Размышляя о своей роли во Вселенной, он давно пришёл к определенным выводам: что золотые рыбки и птицы видят в нём высшее существо, равное самой Смерти; что игрушечная мышь считает его повелителем; а хозяйка, конечно, ценит, как любимого друга и верного защитника.

В остальном, Васька был обыкновенным котом. Он любил сметану, молоко и сон. Рыбок не уважал, считая их простым кормом. Воды боялся, изображая охоту, лишь трогал лапкой стекло аквариума – в эти мгновения в голове мелькала мысль: «Вот если бы не стекло и вода...» Птиц Василий презирал за недалёкость. Когда голубь умащивался на подоконнике, кот брезгливо щурился. Затем примериваясь, приседал на задние лапы, но в последнюю секунду начинал сомневаться: «Высоко-то как! Второй этаж. И окно закрыто! Если бы не это, я бы им! Я бы его!...» Он ловил птицу в своём воображении, успокаивался и шёл наблюдать за рыбками.

Смерть с симпатией относилась к коту. Её умиляла схожесть характеров и вера в общее предназначение. Она раз за разом надеялась, что кот сделает решающий шаг. Осмелится забрать чью-то жизнь и увидит её, Смерть, стоящую рядом во всей красе, и они, наконец-то, пообщаются. Реальность, в которой она существует, перестанет быть одинокой. Работа – однообразной. А точка сотворения Вселенной, не менявшаяся уже целую вечность, позволит увидеть новые краски.

Каждый раз, когда Василий примечал очередного голубя, она с *нетерпением потирала костлявые руки*. Сквозь зелень листвы пробивалось солнце. Ветер, нашёптывал новую сказку, но Смерть этого не замечала. Когда кот изображал охоту, не обращала внимания на рыбку, смотревшую ей прямо в глаза.

Как-то раз эта рыбка выскочила из аквариума и упала на стол прямо перед ними. «О! На ката и рыба плывет», – обрадовалась Смерть. Она с надеждой взглянула на кота, но Василий робел, пятался. И расстроенная его нерешительностью, Смерть решила помочь. Она потянулась было за рыбкой... как вдруг Василий, почувствовав угрозу, заорал. На крик прибежала хозяйка, и рыбка была спасена. А Смерть, взирая с укоризной, так и осталась в одиночестве...

Василий летел над облаками. Ему начинало казаться, что он меняется, а из спины пробиваются крылья. Поначалу кот охватил смертельный ужас. Все его девять жизней были ещё впереди. И Смерть, появившись рядом, посмотрела на него с недоумением. Но когда ужас сменился страхом, а тот перерос в восторг, она, наконец, обратила внимание на то, куда смотрел кот. Раньше ни ей, ни Василию не приходило в голову, что такое – *полёт*. Он только смотрел, как птицы, расправив крылья, взлетали к облакам. Смерть просто приходила и, не обращая внимания на кулисы, забирала с собой свои жертвы.

Прежде они не представляли себе мир с высоты птичьего полета, с чужой точки зрения. А увидев его, почувствовав что, парят, – обомлели. В то мгновение, когда Смерть перестала узнавать кота, когда они оба почти превратились в кого-то другого... самолёт пошёл на посадку.

На Василия было страшно смотреть. Первые десять минут, вытаращив глаза, он жался к прутьям. Шерсть – дыбом, хвост – трубой. Но когда они полетели над облаками, кот сник, уткнулся мордочкой в иллюминатор и выгнул спину. Глаза Василия всё ещё были похожи на два блюдца, но шерсть больше не стояла торчком. Только хвост бил из стороны в сторону. Девочка держала клетку с паникующим котом на коленях. И не спускала глаз со своего питомца до тех пор, пока самолёт не сел. Они с мамой летели в гости, – кота, боявшегося оставаться в одиночестве, решили взять с собой.

Солнце заглядывало в изгибы живописных улочек. В его лучах потускневшая краска на заборах, оголённые кирпичи и даже сами дома были прекрасны. Дерево свесило свои ветви прямо к открытому окну. Ветер шелестел листвой, нащёптывая конец этой истории. На подоконнике сидели голубь и кот. Василий не прижимал уши к голове и не изображал из себя хищника. Кот понял, насколько прекрасной может быть реальность с чужой точки зрения. Он смотрел вдаль, вспоминал пережитое и слегка завидовал...

Рядом с ними примостилась Смерть. Она смотрела на зелёную листву и заходящее солнце. И слушая шёпот ветра, впервые за целую Вечность ощутила вкус жизни. Смерть всё никак не решалась продолжить свою однообразную работу. Ведь ей больше было не одиноко. И она, наконец-то, заметила новые краски посреди своей обыденной точки сотворения Вселенной.

ИЛЬЯ ЧЛАКИ

АКТРИСА

Монолог

Театр. Сцена. Поздний вечер.

Выходит уже немолодая женщина со щёткой, ведром. Ставит ведро на пол, начинает подметать сцену. На какой-то момент замирает, смотрит в зрительный зал...

«Здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте, мои дорогие, мои любимые! Если б вы знали, как я по вам соскучилась, если б вы только знали! Как вы без меня поживаете? Я знаю, вам тоже плохо. Если один из влюблённых страдает, мучается и другой. Иначе и быть не может, я в этом уверена. Мы мучаемся, плачем, рвём на себе волосы, поддельно-весёлый смех наш вызывает лишь сочувствие окружающих. Где ты, мой славный, мой верный, где ты, мой любимый зритель?! Я не могу ни секунды без тебя, без твоего внимания, твоих ласк! Где ты, куда ты пропал?!»

«А ты где, наша прима, наша звезда, которая делала с нами, что хотела?!»

«Я – здесь, здесь!»

«А мы – там, там».

И каждому, умеющему видеть, ясно: они друг без друга не в состоянии жить, потому что любовь их так сильна... Любовь их так сильна, любовь их так сильна.

«Н-да, разговорилась старуха. Валяй, продолжай трудиться, мети-мети, метёлка. От метлы, между прочим, многое зависит. Нет, конечно, умение обращаться с этим замечательным предметом тоже немаловажно и всё же сама метла – первое дело. Научить ведь и медведя можно. Правую руку кладёшь сюда, левую чуть ниже и спокойными равномерными движениями начинаешь эту, так успокаивающую нервы, работу: „Раз-два, раз-два, раз-два, раз-два“. Очень хорошая профессия. Нет, кроме шуток, быть высококлассной подметальщицей тоже нужно суметь. Я могу. А вы? Вот Вы, уважаемый, у Вас вряд ли получится, я по лицу вижу. Оно у вас слишком интеллектуальное, слишком. А мы люди простые, не гордые. И Вы, гражданочка, напрасно улыбаетесь, знаю, что Вы думаете. Но одно дело мести дома и совершенно иное – в театре, на сцене.

Что ж, мы с вами, действительно, как нелюди, я – на сцене и всё болтаю, болтаю... Что мы сюда языком трепать пришли? Неправильно это.

Господа, уважаемые дамы и господа! Только два дня, сегодня и завтра, в нашем театре будет выступать звезда всероссийских подмостков с мировой славой – Екатерина Левина. В честь приезда знаменитости будет дан салют, все жители города бесплатно получают по бутылке пива с сосиской. Что примолкли? А-а, не ожидали? Знай наших! Встречать высокую гостью будет городской голова с женой, министр внутренних дел и прочие официальные лица. Особое желание изъявили канцлер и президент. Но им было отказано – не заслужили *слуги народа*. Нет, не пойдёт она на их обед. Можно подумать, она голодная. Не за тем мы сюда едем, милые дамы и господа, чтоб жрать у вас до потери сознания, у нас другие задачи. Искусство! Мы вас этим искусством, провалились оно трижды пропадом, так отдубасим!.. Рыдать будете! Умрётё со смеху! И научитесь думать, наконец! У вас же в башках ни одной мысли, кроме денег. А душа? На кой чёрт она, по-вашему? В церковь ходите, а про душу забыли! Кто о ней, такой заброшенной, такой несчастной думать будет?! Я?! Нет, не смогу, чужая душа – дело грязное. Да и времени у меня нет – гастролы всё время, разъезды... „Раз-два, раз-два, раз-два...“

Господь с ней, с душой. О ней, о Боге, как-нибудь в другой раз поговорим, когда погода будет похуже, а сегодня, в такой роскошный вечерок мы не станем портить друг другу настроения. Вы, ребятки, развлекаться хотите? Спокойно, без нервов, просто тихонечко отвечаем на вопрос: „Развлекаться?“ Это – понятное желание. Не волнуйтесь, развлечём.

Начинаем спектакль выдающейся актрисы всех времен и народов!.. Ничего, что я с акцентом? Противно, конечно, но привыкнуть можно. Я буду стараться, чтобы акцент был не таким заметным. А вы, если что не так, кричите, свистите, топчите ногами, бросайте в меня тухлыми яйцами, помидорами: „Долой зарвавшуюся, долой бездарность, не умеющую нормально говорить!“ Если б вы знали, как меня насмешили однажды какие-то западные артисты, пытавшиеся играть на русском языке. Сдуреть! Я думала, с ума сойду от смеха. Зачем выступать на чужом для тебя языке? Выступай на родном – переведут, а если не переведят – сиди дома, нечего по границам шастать, народ смешить. Смешно ведь, ей Богу, смешно. И вы смейтесь, гогочите, граждане-хорошие, за тем вы сюда и пришли. Веселимся, как можем! Артистка погорелых театров даёт бесплатный концерт!

Сейчас спою что-нибудь. Что бы вам такое... Вам хоровое пение подавай или церковное? А то не так? Знаю, что говорю. Любим, когда все хором. Хором проще – никого не видно, не заметно, всё стройно, в один шаг: „Раз-два, раз-два“. Никто не имеет права вылезти из этого прекрасного строя: „Раз-два“. Не будет хора, граждане и гражданочки, не будет церковного пения, ничего из того, что вам так любо, не будет. Мы что-нибудь попроще, что-нибудь из русской классики. Что прикажете? Не поняла, что? Я знаю всё. Да-да, абсолютно всё. Заказывайте, господа! Не сомневайтесь, я сделаю это неплохо. И вашу, и вашу, и вашу... Начинаем.»

После короткого распевания, она начинает петь. Звучит романс.

«Ну? Как? Не слышу! Ничего не слышу».

«Браво, браво, ура, бис, бис!»

«Нет, не надо, не просите, я два раза одно и то же не исполняю, в моём репертуаре столько всего, что мне на три дня хватит. Это, не считая драматических произведений. Музыка хороша для начала, потом пойдёт драма, комедия, трагедия, трагедия, трагедия... Вы меня плохо знаете, милые гости! Я на многое способна, даже сама не знаю, что могу сотворить. И чем дальше, тем хлеще! Талант, чтоб мне пусто было, талант! К слову сказать, там, в славном городе, где прошла вся моя жизнь, там меня знала *каждая собака* и люди считали за честь быть знакомыми со мной: „Знаменитая Левина! Вон, вон она! Вы видели?! Это – Левина! Вы можете достать билет на последний спектакль с Левиной? Искусство Левиной не перестает удивлять, потрясать...“

Моя квартира круглый год была завалена цветами. Да что – цветы! Толпы влюблённых преследовали меня, будто я – рок-певица или голливудская звезда. Слава, слава! Режиссёры считали за честь работать со мной, умоляли меня, один даже стоял передо мной на коленях, от меня зависела его судьба в театре: „Екатерина Михайловна, умоляю, спасите, не губите! Если вы откажетесь быть героиней в моём спектакле, я погиб! А у меня столько идей, столько интереснейших замыслов! Неужели им так и не будет дано осуществиться?! Ну, посмотрите на меня – я только что закончил институт, я молод!“

Он был таким милым, обаятельно-несчастливым, что сердце моё не выдержало... и я согласилась играть в какой-то чудовищной заказной пьесе. И что вы думаете? Я спасла мальчишке жизнь, благодаря мне, его не выгнали из театра, наоборот, он получил заказ на следующую постановку.

А как я ругалась, если мне что-то не нравилось? О-о, это надо было слышать: „Вы – подлец, Иван Сергеевич, – кричала я на весь театр главному режиссеру, – то, как Вы обращаетесь с людьми, не мог бы себе позволить даже окончательный пьяница! Я сама слышала, в каком тоне вы разговаривали с осветителем! Это хамство, полнейшее неуважение к человеку! Вы низкий, ничтожный человек!“

Я заставила этого негодяя извиниться. Он вышел на сцену, как я стою сейчас перед вами, откашлялся и громко так: „Я был не прав“. И вся труппа, весь персонал театра закричал: „Браво, браво!“

Терпеть не могу людей, использующих собственное положение для унижения других. Ненавижу таких, которые готовы сожрать безответных, слабых, не умеющих постоять за себя. Потому что сама когда-то была такой. Да-да, в институте, на первых порах – в театре. Я была хорошенькой, лакомым кусочком, что доставляло мне немало хлопот. Чуть из института не вылетела. Завкафедрой актёрского мастерства посчитал своим долгом переспать со мной. Лапать стал, под юбку лезть. Я недолго терпела. Схватила его за *редиску*

и так сжала, что он посинел, несчастный, и поднял такой крик, будто я его режу!.. Весь институт сбежался. Что да как? Я молчу, улыбаюсь, пусть, думаю, сам выкручивается. А что ему делать? „Нет-нет, – говорит, – всё в порядке, мы репетируем-репетируем!“ А потом пытался выжить меня из института, потому как неприятно ему было каждый день на меня смотреть. А я подошла к нему и сказала: „Вы, дорогой профессор, напрасно тратите время и силы, не надо со мной связываться, я вам по доброте душевной, честно, как другу говорю. А если Вы не понимаете человеческого к себе обращения, то я найду свидетелей, которые скажут, что Вы пытались меня изнасиловать“. Он так испугался! С тех пор не попадался мне на глаза.

Столько всяких историй было. А первый мой спектакль!.. Совсем молоденькая пришла в театр. Нашлись добрые люди, рассказали, как правильно жить: „Переспиишь с главрежем – получишь роль из трёх слов, а не шёпот за сценой“. Пошла я к нему в кабинет. Захожу без стука. Сидит. Я ближе, хватаю со стола книгу и этой книгой со всей силой – по столу!.. Он на меня смотрит, понять ничего не может, волноваться начал, спрашивать что-то. А у меня дар речи пропал. Ни слова из себя выдать не могу. И хочется наругать, но молчу, как рыба. Говорить не могу, но руками шурую, дай Боже! Живого места не оставила. Пьесы, книги, макеты, лампы, красивые вещи – всё было разбито, разорвано, искорежено. Он на меня смотрит, я – на него. Ни он, ни я не в состоянии говорить. Рты раскрыты, оба задыхаемся от злобы. Плюнула я и вышла из кабинета, грохнув дверь так, что штукатурка посыпалась. После этого получила роль.

Это вам не в германиях, где всё *чин-чинарём*, все – вежливые, аккуратные, учтивые, предупредительные, это в России-матушке, где без мата и дня не прожить, где смотрят не на твой талант, а на силу твоих мускулов, количество клыков в твоём рту. А если ты беззуб – пеняй на себя и на своего зубного врача.

Что-что, а постоять я за себя могла и не только за себя. Если случалась какая-нибудь несправедливость, все бежали ко мне. Да. И до сих пор мне письма пишут, хоть я уж шесть лет как уехала.

А как я уезжала! Это надо было видеть, уважаемые! Они такое творили, такое говорили, что я чуть было не осталась: „Мы теряем истинное искусство, мы лишаем страну очередного таланта!“ „Я – взрослый человек, мужчина, ведущий режиссёр страны, посмотрите на меня, я плачу, плачу!“ „У меня никогда не было и теперь уже, наверняка, не будет такой напарницы!“ „Катя, прости нас! Мы, наше правительство, гори оно синим огнём, виновато перед тобой, перед мировым театром, мы выгоняем тебя и твою семью, сами не понимая, какие последствия повлечёт за собой этот ужасный поступок! Прости, Катюша!“ „Прости, прости, прости!“ – неслось со всех сторон. Что творилось с людьми, с простыми людьми. Слезы, истерики, всеобщие демонстрации протеста. Я думала, случится что-нибудь ужасное, непоправимое и мы не сможем выехать. Если б вы знали, как я была близка

к истине. Потом мне написали, что ровно через две минуты после того, как самолёт оторвался от земли, на имя начальника КГБ города поступила телеграмма из Москвы: „Немедленно, любыми способами задержать Левина с супругой“. А мы уже на пути в Вену. Мы уже не боимся Москвы. Вот такая интересная была жизнь с приключениями. Приключения будут меня преследовать вечно.

А у вас здесь скучно, ребятки, живёте однообразно, размеренно, не дай Бог, лишний шаг сделать. Точно знаете, когда нужно встать, пообедать, пойти на работу, отдохнуть, умереть. Разве это жизнь?! Деньги, деньги, ничего, кроме этих цветных бумажек, вас не занимает! Что, не так?! Нечего говорить, знаю, что так! Мне, собственно, наплевать, я – актриса, мне ваши материальные блага – *тьфу*, я занимаюсь другим делом – духовным. Акцент – это дело другое, не слишком приятная вещь, согласна. Да я, если честно, и не хочу вам нравиться, наоборот даже, была бы рада обратному. Вот только не знаю, как этого достичь. Может, вам гимн бывшего Союза исполнить: „Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь...?“ Приятно? Не задевает. Конечно, это теперь вызывает лишь любопытство и удивление. Ничем вас не достанешь, ребятки, вы пуленепробиваемые. И я – такая же. Слоны толстокожие более чувствительны, чем мы с вами. Но мы же не слоны! Нет ведь?! Не тараканы, не пни, мы – люди, и ничего ты с нами не поделаешь, нас можно лишь пожалеть.

Пожалей нас, эй, слышишь, дяденька, пожалей, что тебе стоит? Ну дядь, ты же – Бог, Господь наш, любимый-красивый-нарядный-хороший, ты ж для того и есть, чтоб жалеть нас, бедных, глупых, слабых, несчастных. Брось всё и быстро начинай жалеть грешных деток своих. Поублажай, поласкай нас. Ну, давай, не кочевряжься, мы ж – твоё основное занятие. Ну, быстро к нам, быстро! А мы тебя за это любить будем. Ты ведь хочешь, чтобы мы тебя любили? А сам? Валяй и сам, старикан!

Эх, петь хочется! Спою вам, дорогие мои иностранцы... Или это я иностранка? Неважно, все мы иностранцы, я – для вас, вы – для меня, одни из нас поют, другие слушают. Если б вы знали, как я устала без вас! Где вы, дорогие мои немцы, дорогие мои слушатели! Я хочу играть для вас, хочу петь вам! Не хочу стоять одна поздним вечером на этой сцене, прекрасной сцене, без которой жизни своей не представляю! Где вы?! Почему в зале ни души?! Почему я каждый день играю ни для кого?! Каждый день спектакль без зрителя! Чехов, Толстой, Островский, Сухово-Кобылин, – за этот год я сыграла всю русскую классику. Может быть, не всегда ровно, но я старалась, очень старалась!.. Вот только сегодня что-то не клеится, зато завтра, я обещаю, завтра всё будет как всегда, на высоком художественном уровне. Я буду играть что-нибудь западное. Шекспира могу или Мольера, хорошо? А хотите, я вам стихи почитаю. Я очень много знаю, люблю стихи! Хотите, хотите?!

„Чугунная ограда, сосновая кровать... – Это – Ахматова. – Как сладко, что не надо мне больше ревновать...“ Вам нужен перевод? Не знаю, не могу, это невозможно перевести!

Хоть бы один человек, хоть бы кто-нибудь!.. За что мне это наказание?! Врагу такого не пожелаю! Где вы, где, чёрт вас поберит!.. Я не могу без вас, не могу!..

О'кей, всё хорошо, всё нормально, никаких волнений, граждане, ничего не случилось. Дело обыкновенное, русская эмигрантка сошла с ума, подумаешь, эка невидаль, проходите, проходите, не надо здесь стоять. Какой вы настырный, мил-человек, прёте, будто здесь бесплатно арбузы раздают. Дайте сойти с ума спокойно! Вот если б вы сходили, я бы вам не мешала. Вот и вали отсюда, пошёл прочь! А я буду тихо, не спеша:

„Ла-ла-ла-ла... – Вам повезло, останетесь довольными, обещаю. – Ла-ла-ла-ла... Ах, мой милый Августин, Августин...“ Придумала! Вот, чем я вас позабавлю. Только тихо, без шума, если кому-нибудь придётся не по душе, без лишних слов – встаём и выходим из зала. Хотя такая красивая песня не может не понравиться.

Поёт грустную песню.

Каково?! Вот так, дамочки, вот так, господа! История первая – основная. Мой муж – еврей. Как, вы не знали?! Самый настоящий еврей со всеми вытекающими отсюда последствиями. А неплохо звучит, а? Мой муж – еврей. Из-за него-то всё и произошло. Если б не он, видели бы вы меня, как же! Рассказываю кратко и быстро. Несчастный, всеми гонимый, но не отчаявшийся, он, мужёнок мой... Боже, как я влюбилась! Забыв всё на свете, кинулась в этот любовный водоворот. А познакомила меня с ним моя сестричка, любимая моя, дорогая сестричка. Они работали вместе в институте. Она у меня математик и он тоже. „Он – гений, гений! – кричала она. – То, что он написал – открытие!“

Ничего я не понимаю в их математике. Формулы какие-то, цифры... А вот в людях кое-что смыслю. Через некоторое время сестрица праздновала день рождения. И *гений* был приглашён тоже. Имела ты, Надюшенька, виды на своего гостя, знаю, что имела, видела, но... Извини, он мне тоже по душе пришёлся. И права ты была тысячу раз: умный, начитанный, симпатичный, с юмором, внимательный, ласковый, э-э, да что говорить. Дурачок, пошёл меня провожать. Ну и напросился в гости, посидеть, поболтать о театре, о жизни. Было полдесятого вечера, не поздно, и я согласилась. Господи, как давно это было! Как я была тогда молода, красива!.. Я думала, он приставать начнёт, в постель потащит... Не тут-то было. Мы проболтали до пяти утра. Было удивительно здорово, я давно так ни с кем не говорила. А на следующий день я пригласила его в театр. Шла какая-то стандартная советская комедия. Как он ругался, вы себе представить не можете. „За такой текст нужно немедленно кастрировать, где автор! Я это сделаю своими руками! Автора, автора!“ – кричал он на весь зал. Публика очумела, поняла ничего не могла. При чём здесь автор? А как же *великая, непревзойдённая*? Он меня не заметил, подлец, он слушал текст. Нормальные люди ходят в театр не для того, чтобы с текстом упражняться, пьеса – дело десятое, главное – артисты, постановка. А он мне

ещё полночи объяснял, какая сволочь и проститутка продажная этот самый автор. Отдохни ты, ради Бога, делом займись! Лежишь в постели с женщиной и говоришь о политике. Кто спорит, советская власть – ужасна, порядки – чудовищны, никаких норм, никаких прав человека, правительство – дерьмо. Да-да, всё так, но я-то здесь при чём? Конечно, ты борец за свободу и независимость, за все известные и неизвестные права, борись – это правильно, но в кровати ты должен бороться иначе, совсем иначе. Ну? Очнись, милый мой Левин, разуй глаза и обрати на меня хоть немного внимания, ты лежишь в постели с женщиной, заметь, не самой страшной, и рот твой не закрывается ни на секунду! Ах, ты философ, мыслитель? Тогда заберись в бочку и вещай оттуда, нечего тебе делать в моей постели!

Короче, от его возвышенной трескотни я уснула. А на утро сестра сообщает мне, что Мишка Левин влюбился без памяти, ходит по институту сам не свой, в голос читает когда-то запрещённые стихи Мандельштама, жутко выкрикивает отдельные лозунги, славящие партию и правительство. „По всем признакам, – говорит Надюша, – втрескался. Вот только не знаю, в кого“. В меня, моя сестрёночка, в меня, в кого же ещё. Так всё закрутилось, завертелось тогда. Боже, как во сне. Я и впрямь не ходила, а летала. Вот было время, ребятки! Даже вспоминаю об этом, и голова кружится: „Ах, как кружится голова, как голова кружится...“ Эх, если кто-то из вас ни разу в жизни не испытывал ничего подобного, мне его искренне жаль. Какое это блаженство, если б вы только знали, забыть суету, заботы, проблемы, всё забыть, и погрузиться в любовь, в себя, в своего возлюбленного так, чтобы кроме вас, на свете не было б ни души. Лишь вы и он, вы и он. Только это и можно назвать счастьем, всё остальное – работа, успех, деньги, слава – всё это чушь собачья. А если вы так не думаете, значит, мои дорогие, не повезло вам в жизни, соболезнаю, соболезнаю.

Я тогда пошла к директору и сказала: „Если вы не отпустите меня на пару недель, я возьму больничный, я сделаю всё, я уволюсь, в конце концов!“ Куда ему было деваться? И Миша, он тоже взял внеочередной двухнедельный отпуск. Мы никуда не уехали, мы просто заперлись в квартире и неделю не выходили. Вторую неделю мы, как оголтелые, с горящими глазами, забыв о приличиях, носились по городу, обнимаясь, целуясь на каждом перекрёстке, без устали повторяя: „Я люблю тебя, я люблю тебя, я люблю тебя!“ „Мишенька, я люблю тебя!“

Так влюбиться друг в друга могут лишь юнцы. Мы сошли с ума и стали ими, наивными, глупыми, маленькими. Мы танцевали посреди проезжей части, и никто не злился, ни один человек не обматерил нас, не посмотрел на нас искоса, все улыбались, забыв об ужасе окружающей жизни.

„Миша, ты помнишь?! Ты ничего не забыл?! Это должно остаться в наших душах, сердцах, мой дорогой, мой любимый, безумный мой Мишенька!“

Это было удивительно, я до сих пор не понимаю... Два человека, таких разных, совсем не похожих друг на друга и вдруг... Ради этого стоило жить! Нет, вы можете представить, чтоб в России, в голодной, злобной стране,

множество людей, увидев ярко выраженного, вот с таким носом, еврея, улыбались? Я не в состоянии. Но это было, было! Мы так увлеклись друг другом, что забыли о времени, о наших планах.

Планы были наполеоновские – мы решили пожениться, и как можно скорее. Нужно было познакомиться с родителями. С моей мамой проблем не было, она живет в сорока километрах от города, в небольшой деревушке. А вот Мишин отец с матерью – аж в Черновцах. В последний день отпуска мы сели на самолёт и – нате вам – ворвались без звонка, эдаким сюрпризом.

„Мама, мама, – кричал Миша от самого аэропорта, – хватит спать! Папа, поднимайся и буди маму! Всем занять привычные позиции у окон! Знакомым и незнакомым! Всем открыть рты, выпучить глаза и смотреть в нашу сторону! Равнение на нас! Ну, где вы все?! Мама, где народ?! Почему никого нет?! Где милиция?! Мама, папа! Исполком!“

Все были в сборе – милиция, народ (любопытнее народа, живущего в Черновцах, в мире нет), кто-то на всякий случай вызвал скорую. Дело бы кончилось плохо, если б не узнали меня по какому-то идиотскому фильму. Скандал замяли.

На крик и шум выползли Мишины родители. Долго ничего не могли понять, получив неудобные места на галёрке, наконец, когда основная масса рассеялась, сообразили, что перед ними их родное единоутробное дитяtko.

Вот тут-то и началось. Я думала, сдохну от смеха.

„Миша, шо такое, шо случилось?! Сеня, погляди на него, то ж Миша?! А хто с ним?! Шо за девка? Такая красивая, стройная, одетая... судя по ей, так то не Миша. Ой, граждане, нет, он, он! То ж мой сынок-родненький, не признала сослепа, расступитесь, я буду с ним говорить! Девочка, шо ты к нему прилипла, отцепись от него! Миша, пойдём домой! Граждане, дайте дорогу!.. Девочка, уйди, я просила!“

В жизни бы не поверила, что эта женщина родила Мишу. В дом не хотела меня пускать ни за *какие коврижки*. Но когда Миша сообщил, что завтра я стану его женой, она всплеснула руками и закричала: „Господи, так то ж невеста!“ И опять шум, крик, обнимания, целования. Радости её не было конца. Глядя на такую реакцию, можно было подумать, что жених – порченный. Отец его долго молчал, что-то думал, соображал. Происходило это так долго, что жена не выдержала: „Папа, ни о чём не думай, это вредно для твоего здоровья, иди лучше накрой на стол“. Он как будто только этого и ждал. Лицо его просветлело, и он стремительно зашагал на кухню.

Ни поесть, ни поговорить мы толком не смогли, обратный самолёт вылетал через четыре часа, надо было спешить. Я получила колоссальное наслаждение от знакомства с родителями Миши. Ничего подобного я в своей жизни не видела. На следующий день мы расписались.

О чём я всё время болтаю, сама понять не могу. Чушь, неинтересно это всё.

История номер два. Как я оказалась в Германии. Ненавидел мой муж собственную страну, вместе с её правителями, коммунистами, парткомами, колхозами, радио и телевиденьем! И ненависть свою не скрывал, наоборот, чуть ли не на каждом углу кричал о своём чувстве. Так раскричался, что какой-то его начальник попросил на работе политику не обсуждать. Тут началось такое! „Да как Вы смеете мне говорить! Означают ли Ваши слова, что в нашей стране нет свободы слова?! Или они значат, что я плохо работаю?! Нет, вы потрудитесь ответить!“ Что он мог на это ответить? „Если б Вы плохо работали, я бы с Вами вообще разговаривать не стал“. „А что бы Вы тогда сделали, интересно знать? Побежали в КГБ?!“ Начальник развел руками: „Я прошу Вас как человека, у меня и так неприятности из-за Вас“. „У Вас неприятности из-за Вашего коммунистического прошлого, настоящего и будущего!“

В то время невозможно было даже предположить, что через несколько лет рухнет империя. А через пару дней Мишу вызвали в КГБ и попросили заткнуться навсегда. Это было большой ошибкой с их стороны. Кого угодно можно было об этом просить, только не Мишу. После таких хлопот он стал кричать во всё горло о безобразиях в стране, о жуткой машине власти – КГБ. Его забрали в психушку, кололи какими-то страшными препаратами, а он себе в своей камере писал математические статьи, умудрился даже какое-то открытие сделать. А я играла в театре, между репетициями бегала в психушку, после спектакля встречалась с западными корреспондентами, по утрам названивала всякому начальству в надежде на помощь. Но где там. Знакомые, друзья – все отвернулись, что уж говорить о высокосидящих товарищах.

Полгода он отбарабанил в психбольнице. Пришёл похудевший, но несломленный. Когда его выпустили, он был таким худым, таким истощённым, что смотреть на него без слёз было невозможно. И опять началось – ежедневные походы в КГБ на допросы, называемые переговорами. Вам такая жизнь, милые мои, и не снилась.

И тогда я себе сказала: „Я сделаю всё, чтобы мы уехали отсюда. Я лягу костями, но не позволю этим подлецам и негодьям погубить моего мужа!“ И я стала каждый день *капать ему на мозги*. А он твердил своё: „Я должен жить здесь, это моя Родина, я буду продолжать бороться за права человека“. Листовки, публичные выступления, интервью, психушки. С работы его, конечно, *попросили*. Но не в этом дело, денег нам хватало – я работала, и Миша получал достаточно за всевозможные математические статьи, за политические выступления в западной прессе, на телевидении.

Нам нужно было бежать. Ещё немного и, мне кажется, его бы просто убили. Я стала говорить, что ужасно себя чувствую, что врачи подозревают у меня рак, который на этой стадии могут вылечить лишь лучшие западные специалисты. Я готова была на всё. Благо, у меня был врач, старый мой

приятель, человек верный и порядочный, который согласился *петь под мою дудочку*. Мы ввали напрапалую. Я каждый день жаловалась, говорила, что чувствую себя ужасно. Доктор указывал конкретные клиники, где работали светила. Наконец, я сделала последний отчаянный шаг – уволилась с работы. Если б вы знали, сколько он меня уговаривал поехать полечиться, билеты покупал, но я твердила своё: „Без тебя я никуда не поеду“.

Вся эта канитель продолжалась, я думаю, год. За этот год я прожила лет двадцать. Я знала, что делала. Нам разрешили выехать, точнее говоря, нас с огромным удовольствием выперли из страны, чтобы больше никогда туда не впустить. Провожали с почётом, до самого трапа с кагэбэшной охраной. Он плакал, слёзы непрерывным потоком бежали из его глаз, он их не вытирал, смотрел на провожавших нас кагэбэшников непонимающими глазами и плакал, плакал, плакал.

Ах, Господи, ну, конечно же, он всё понимал, не будет ему дороги назад, все *мосты сожжены*, ничего больше не будет.

Мы прилетели в Германию. Я прекрасно помню те весенние дни, когда мы коснулись немецкой земли. Погода стояла солнечная, удивительно, не по времени года, тёплая. Видели бы вы, как нас принимали. Всё ваше бесконечное начальство – канцлеры, президенты, бургомистры встречали нас в аэропорту. Такого количества цветов даже я в своей жизни не видела. Люди, простые граждане встречали нас и забрасывали шикарными букетами. Мы поселились в роскошном домике недалеко от города. Первое время Миша хандрил, ругался, а когда узнал о моём обмане, не разговаривал со мной почти целый месяц. Потом тучи рассеялись, надо было устраивать свой быт.

„Ты не будешь работать, – сказал он мне, – хватит, пора и тебе отдохнуть, ты ведь намучилась за всё это время“. Сам же Миша каждый день выступал на „Радио Свобода“, занимался своей любимой математикой.

А я, что делала я? Ничего. Кормила, стирала, убирала, ласкала... А когда Миша уходил в университет, вспоминала старый свой репертуар и играла, играла, играла сама для себя. А ещё через годик я поняла, что от такой жизни можно сойти с ума. Скука, жуткая скука! И в тайне от мужа стала искать работу. Я на всё была согласна, но больше всего мне, конечно, хотелось работать в театре, всё равно кем, но в театре. Это трудно понять, но вне театра я себя не представляю. Так я и оказалась здесь. „Раз-два, раз-два“. Вот, такая интересная, слегка банальная история. Всё как положено – хэппи энд. Мы до сих пор живём счастливо. Я влюблена в своего мужа по уши...

Тут мы делаем поклончик, реверансик и большой приветик. А вы не стесняйтесь, кричите, кричите: „Браво, браво, бис!“ И я буду выходить к вам столько раз, сколько вы захотите меня видеть. Вышла – и поклончик, вышла – и поклончик! Не надо шептать себе под нос, громче, громче! Ни черта не слышу! Что, родные мои? Ах, скучно! Незанимательно! Да ведь и жизнь

не слишком весела. Или вам весело? Хочется всё время петь и смеяться, да? А почему бы и нет? Неплохое занятие, сейчас займёмся этим делом вместе. Развеселю вас, и посмеёмся, да?

Отлично, отлично! Сейчас я вам что-нибудь... для поднятия духа и мы закончим наше затянувшееся представление... Что бы нам такое?.. Хочется русское, но чтоб вы тоже знали... А, что вы можете знать... Нет-нет, знаете, это все знают. Вдохнули... у кого есть желание, могут подпевать: „Спать положите вы меня... Калинка-малинка, малинка моя!“

Поёт полный куплет и припев. За тем устало садится на сцену.

Как настроение? Вот и замечательно. Теперь, братцы и сестрицы, расскажу вам последнюю, совсем короткую историю.

Жила в небольшом провинциальном городке России маленькая девочка, которая мечтала стать актрисой. И, несмотря на бесконечное количество трудностей, препятствий, гадостей, которые были связаны с этой мечтой, она всё же выучилась на артистку. Ох, стоило это ей!.. Вернулась она в свой городок и стала играть маленькие, крошечные рольки, да и те с большими усилиями, потому как чего-чего, а таланта у девушки не было. Вышла замуж за такого же бездарного артиста, как сама. Развелась. Через пару лет вышла второй раз замуж за инженера театра. Совсем не знала его, не понимала, не уважала, ни капли не любила. Вышла лишь с одной целью – уехать, сбежать за границу. Вынудила, заставила его, немца по национальности, уехать. Бежала от вечного своего невезения, от себя, от несостоятельности своей. Здесь, в Германии, конечно же, развелась. С большим трудом устроилась на работу уборщицей, метёт полы и радуется жизни, радуется, радуется...»

Плачет.

«Я – никто, пустое место, ни на что не способная, прозябающая, неизвестно для чего живущая женщина! Ни жена, ни мать, ни любовница, никто, никто!.. Повторяю чётко и внятно, По-возможности без акцента – никто! Понятно вам, уважаемые?! Эх, Господь с вами, дорогие мои зрители! Забудьте, ничего не было, никто ничего не говорил, вы никуда не ходили, никаких проблем знать не знаете, не было такой бездарной артистки Левиной, не было! Есть русская уборщица, живущая, нет, проживающая, доживающая в Германии. „Раз-два, раз-два...“ Прощайте, дорогие мои, прощайте...»

Она закончила уборку и удалилась со сцены.

БОРИС ШАПИРО

КАЛЛИГРАФИЯ

Моя Вселенная – горло в хитросплетённом венке,
стальное перо номер одиннадцать
с пятиконечную звёздочкой на черенке,
а оно то не вставится, то не вынется

в ручке с обглоданным тыльным концом,
свидетеле откровений присных и прочих,
чтобы в чернильном космосе вниз лицом
синей кляксой поставить жирную точку.

Кто был ребёнком хоть однажды в жизни,
тот временно бессмертен навсегда.
Ему в глаза слепая грязь не брызнет,
и громом не накроет глухота.

Но почему так тесно в паланкине?
И шестигранный почему печален парадиз?
Зачем здесь так темно, а не лазурно-сине?
И отчего завис материковый бриз?

Зачем Харону парус? Ветер умер.
Здесь нет мотора, паруса, весла.
Здесь космос онемел и облагоразумел,
и Мойра космос в хаос унесла.

Та Мойра, начинаясь школьной двойкой,
бессмертна намертво на милость лет...
И шаг её неслышимый, быстрый, лёгкий
летит сальфидой на забытый свет.

*

Земля и небо здесь соединились.
И только в голосе Вселенная моя.
Ладея луны прощально накренилась
причалить к горизонту бытия.

Прильнуло небо всей шершавой грудью
к суглинку тёплому коричневой земли,
зелёное от страсти. Рукоблудью
не дам свободы, нет, и не вели!

Тёмно-зелёный блуз с коричневым вельветом
штанов, – какая проза в памяти гостит!
Упало небо тёплым ранним летом
в зелёную траву как поцелуй в горсти.

Как много радости, и как светлы слова!
Какое обещанье красоты и счастья!
Но радость описать едва-едва
возможно. А печаль – бери её хоть пястью,

греби, ведь, ты – Харон, греби, греби веслом
по ламинарной Лете без порогов,
как будто не она, а ею ты ведом
без забытья, без сроков и уроков.

Кто был ребёнком в животе однажды,
и кто рождённым был хоть раз дитём,
лишь тот отведал всеу этой жажды,
желанья жизни, от которой ждём

бессмертья, продолжения, внучат
для смысла, счастья и для красоты,
кто в нас и нами умозаключат,
чьи помыслы надёжны и чисты.

*

Но как же быть тому, кто не был зачат?
Когда мы нравимся друг другу, нам лучат
ещё немые дети – что они нам значат,
и что мы значим им – дождём слезоточат.

«Но отчего так тесно в шестигранном гробе,
и почему темно?», я тихо говорю.
А мне она в ответ: «Я не была в утробе,
я, просто так, приснилась дударю.

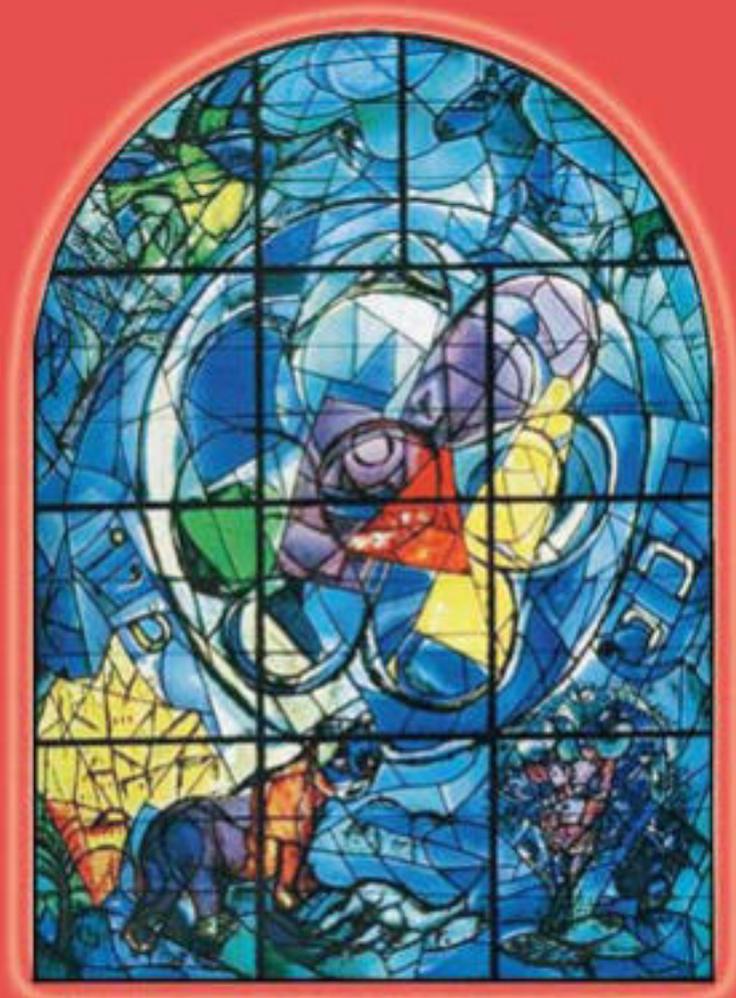
Дуди, дуди, дударь, в свою земную дудку,
дуй в глину-окарину, глухота!
Ну, выдуй из Вселенной незабудку,
зачем тебе ещё у горла хрипота?»

И радость, и печаль не обмануть притворством,
хоть жми гашетку, гасни в диссонанс.
Хоть подавись блазнившим стихотворством,
или впадай навек в злой скомороший транс.

Офелия и Гамлет – был бы брак счастливым?
Я думаю, что нет. Но в этом ли вопрос?
Ладья луны на небе терпеливом
скользит по краю в свой апофеоз.

Комочек жизни, спи на четвереньках,
придуман или всё же сотворён.
Уже не различить. Тот звук уплыл, потренькав,
слезами счастья вдоволь напоён.

Упало небо невозможно сине,
шершавое в объятиях земных.
От школьного пера чернильное «в помине»
осталось жить в небесных позывных.

ПУБЛИЦИСТИКА • МЕМУАРЫ • ЭССЕ

БОРИС Э. АЛЬТШУЛЕР

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ «ГРИШИ ИЗ ЧЕРНОПОЛЯ»

Грегор фон Реццори (1914–1998)

Продолжение. Начало см. в Альманахе «До и После» 24.

После аннексии Западной Украины СССР у семьи Реццори были реквизированы два родительских особняка в центре Черновцов, а самому писателю разрешили взять в эмиграцию лишь 50 кг клади. Но как шутят, – «от судьбы не уйти». Будучи 83 лет от роду, писатель был владельцем старинного особняка близ Флоренции и ещё двух домов, одного – на Манхэттене, другого – на греческом Родосе.

В 1959 г. газета Frankfurter Allgemeine сравнила стиль Реццори с австрийскими писателями Йозефом Ротом («Марш Радецкого») и с Францем Верфелем («Песня Бернадетты»). Газета Süddeutsche Zeitung писала: *«Картинки Реццори обладают магнетической силой»*. Все критики отмечали большую редакторскую и стилистическую работу автора над изданием «Горностая». Газета Die Zeit писала, что основательность писателя и его большой талант делают текст настоящей поэзией. В другом пассаже рецензент сравнил книгу Реццори с романами французского модерниста Марселя Пруста «В поисках утраченного времени» и австрийского классика XX века Роберта Музила, который из-за тщательности изложения был не в силах в течение двадцати лет закончить свой знаменитый главный роман «Человек без свойств».

Судьба последовательно приводила Реццори к евреям, где он иногда с болезненным, но чаще с благожелательным интересом наблюдал их обычаи и манеры, влюблялся в их женщин. Новелла «Молодость» в «Мемуарах антисемита» запечатлела первое серьёзное увлечение лирического героя Арнульфа, когда тот, получив работу декоратора витрин, проводит дни в еврейском квартале Бухареста «Вакарешти», где встретил женщину, которую зовёт про себя Чёрной Вдовой, а в слух с нежностью – Андалузийкой.

Отец, экс-кавалерист, приучил его ездить верхом и, оказавшись в Бухаресте, он продолжал каждодневно заниматься верховой ездой. Однажды его сбросила лошадь, несколько суставов в позвоночнике были смещены – пришлось наложить гипсовый корсет на шею и спину. В то время он жил в пансионе, принадлежавшем гостеприимным венгерским евреям Лёвингерам, воспринимавшим пансионеров почти, как собственную семью.

«Я думаю, что новая глава в моей жизни началась с того дня, когда меня освободили от моего пластмассового воротника. В «Лёвингере» в этот день царило всеобщее возбуждение, и только невероятными усилиями мне удалось удержать всю компанию долгоживущих квартирантов от сопровождения в клинику. И всё же мой эскорт был немалым: все четверо Лёвингеров, Пепи Ольшански, лошадиная задница, чьё имя было Дреер и один из коммивояжёров, у которого была машина.

– Я и понятия не имел, что у тебя такая большая семья, – сказал мне ассистент доктора, с которым я подружился за прошедшие месяцы.

– Красочная компания, верно?

– Гляди, чтобы доктор их не увидел. Он съедает евреев на завтрак, со всеми косточками».

Его вторая жена, многочисленные любовницы, многие друзья и знакомые были евреями. Самая юная из трёх дочерей Йоханеты Аксман, по прозвищу Ида, чудом пережившая времена нацистской диктатуры – Ханна, стала второй женой писателя. Она была известна, как актриса и художник. Вместе с Ханной Реццори написал и оформил изданную в 1962 г. детскую книгу с иллюстрациями «Богдан в чесночном саду» (Bogdan im Knoblauchwald. Ein maghrebinisches Märchen). Евреи буквально переполняли бытие писателя. Рождённый в агрессивной антисемитской семье, он стал в своей сознательной жизни убеждённым филосемитом.

Большой международный успех пришёл к Реццори в США. Первым открыл его читателям флагман американского литературного мира, журнал New Yorker в 1969 г., напечатав новеллу под названием «Мемуары антисемита», а десять лет спустя появился и сам роман. В нём было уже пять новелл, самая первая звалась «Верность». Она была единственной, написанной автором по-английски, все остальные – на родном для получившего мировое признание Грегора фон Реццори – немецком. К тому же две, помещённые в начале и в конце, именуется по-русски – «Скучно» и «Правда»; еще две – это «Молодость» и «Пансион Лёвингера» и каждая из них отражает разный период в жизни главного героя. Престижная книжная серия New York «Review Book Classics» переиздала две книги фон Реццори – собственно воспоминания «Снега прошлых лет» и скандальный роман воспоминаний «Мемуары антисемита» (Memoirs of an Anti-Semite. By Gregor von Rezzori. Translated from the German, 1981).

Израильский писатель и блоггер Владимир Лазарис описывает показательный эпизод о восприятии провокационного названия «Мемуаров антисемита»:

«Ироническое название книги сразу вводит в заблуждение, что и произошло даже с таким профессиональным мистификатором, как Исаак Башевис-Зингер. Дело было в 1981 г. в Нью-Йорке, где Башевис-Зингер сидел в книжном магазине на Пятой авеню и подписывал экземпляры своей книги „Потерявшийся в Америке“. Встав в очередь поклонников Нобелевского лауреата, фон Реццори протянул ему не только его книгу, но и свою – в знак восхищения. Увидев название “Мемуары антисемита”, Башевис-Зингер вскочил с кресла и отшатнулся».

Моральная неоднозначность героя книги делает его художественно достоверным на фоне уходящей в небытие довоенной цивилизации. Литературный обозреватель Мичико Какутани писала в The New York Times:

«В повествовании о собственной семье фон Реццори создает притчу о распаде Европы; в метаниях родителей – зеркало утрат, пережитых исчезающим классом высшей буржуазии».

Критик еврейского интернет-журнала Tablet Уэсли Ян подчеркивал, что

«Арнульф отнюдь не какой-нибудь гитлеровский зверь или нацистский уличный костолом, а, подобно самому Реццори, хорошо воспитанный австриец из служилой семьи... Он демонстрирует, не пытаясь оправдываться, социальный снобизм своего класса, но не расовое отвращение нацистов. Он верит в установленные иерархии, фиксированные институты и в людей, которые должны знать своё место».

28 марта 2008 г. в газете «День» было опубликовано интервью «Город, подслушанный Богом» с черновчанином, поэтом и журналистом Игорем Померанцевым, в котором тот так сказал о Грегоре фон Реццори:

«... – Кто из черновицких литературных знаменитостей вам близок?»

– Грегор, он же Гришиа. Я бы не рискнул сказать, что он близок мне литературно: он прозаик. Его имя Грегор, хотя он до гробовой доски, знакомясь, называл себя Гришей, – ирония аристократа... Замечательный немецкоязычный писатель Грегор фон Реццори. Он классик австрийской литературы. Черновцы в своей прозе он называет «Чернополь». Он близок мне по стилю жизни... Думаю, что Грегор (Гришиа) фон Реццори был радостным меланхоликом. Он, кстати, работал радиожурналистом... снимался в кино, ни много ни мало – с Брижит Бардо... И предпочёл он, в конце концов, Германии – Италию, там он жил, там он умер. Это был его маршрут – если говорить о любимых маршрутах – из дальнего Средиземноморья на ближнее».

В предисловии к американскому изданию «Мемуаров» американская писательница Дебора Айзенберг пишет:

«Антисемитизм в его различных проявлениях – от смутной неприязни до животной ненависти, от абсолютной произвольности до оправдания религиозными догмами или некоей идеей „расы“ – служит тем элементом, что формирует каждый сюжет в этой книге. Или, если выразить это же по-другому, он деформирует то, чем мог бы стать каждый рассказ, если бы антисемитизм не был столь довлеющим элементом в сознании и истории самого автора».

В рецензии, опубликованной в журнале «The Atlantic Monthly», Кристофером Хитченсом говорится:

«Рецзори воспроизводит локальные антиеврейские предрассудки главным образом в их клишированной форме, его повествователь является скорее очевидцем этих предрассудков, нежели (как может подразумеваться названием романа) его носителем».

Не вступая в глубокое разбирательство разницы между интеллектуальным и бытовым антисемитизмом, хочется подчеркнуть правоту Хитченса: реальность жизни воспринимается Арнульфом с какой-то самонавязанной остранённостью.

«Нельзя же верить в реальность, которая сочетает венский оперный театр и Освенцим», – говорит герой фон Рецзори.

Уже в канун «аншлюсса» и присоединения Австрии к рейху, он в Вене снова, несмотря на сословные и расовые преграды, влюбляется в еврейскую девушку:

«...Это не могло даже рассматриваться как простительное извращение, вроде, например, как у содомита. Оно не подлежало... объяснению, будучи внезапным провалом сознания, хуже измены или нарушения верности. У меня были все причины для стыда».

«Вы можете очень даже изменить свою жизнь и на это время отослать свои идеи, так сказать, в отпуск. Моя жизнь изменилась полностью, и, хотя, евреи мне по-прежнему не нравились, но я жил среди них – так как большинство друзей Минки были евреями [...] Минка нравилась мне чрезвычайно, и если бы она не была еврейкой, я бы влюбился в неё до безумия и, несмотря на свои восемнадцать лет, наверно, попросил бы её выйти за меня замуж. Но даже, когда она просыпалась в моих объятьях, а я, после невинного ночного сна, в её, рядом всегда было табу, которое контролировало мои чувства и делало всё ещё более восхитительным».

В отличие от Андалузийки, которая лишь держала маленький магазин на окраине Бухареста, Минка была дочерью известного в австрийской столице профессора консерватории, а в её большой и богатой квартире собирались сливки венского музыкального мира:

«Там бывал также молодой человек, нееврей, который был одарённым музыкантом. – Ну, пожалуйста, Герберт, – говорила ему Минка. – Сыграйте

что-нибудь на пианино. – Через много лет я вспомнил, что его фамилия была фон Караян».

Про себя Арнульф осуждает евреев за, на его взгляд, фатальное тяготение к лагерю левых. Из-за этого, резонирует автор, их надо постоянно держать в страхе, чтобы они не восставали. Однако при всех своих отстранённых идеях, когда после ввода немецких войск на территорию Австрии беспокойство среди евреев принимает характер паники, Арнульф предлагает Минке жениться, чтобы девушка могла получить румынский паспорт и уехать, а потом, в безопасности, тут же развестись. Она нежно целует его и... отказывается.

Лев Рожанский цитирует Уэсли Яна, который определяет «Мемуары антисемита», как «роман ужасов» именно потому, что сам писатель противится такому ощущению. Истории, которые рассказывает Реццори о мягкотелом рыхлом соучастии в Холокосте, потрясают именно своей обыденностью и пассивностью, ибо без них, поразивших Европу, ни одно из жутких преступлений нацистского режима не могло бы осуществиться.

Бульварной прессой и солидными журналами «художник жизни» Реццори был избран специалистом-обозревателем по критике общества, хороших манер и дизайна. Если в редакциях газет и журналов появлялась заявка на тексты о показательных сторонах повседневного образа жизни, то нередко вспоминали об искусствоведе, художнике, писателе и денди с именем, авторитетом и международным опытом. Реццори написал «Путеводитель для идиотов», позволяющий ориентироваться в немецком дворянстве и в верхах общества (*Idiotenführer durch die deutsche Gesellschaft. Hochadel, Adel, Schickeria, Prominenz*, 1992). Начало этому путеводителю положили восемь радиопередач, каждая продолжительностью в один час, которые после однозначного успеха в эфире были объединены в сборник и изданы. Из всех действительных или выдуманных слоёв немецкого общества лишь одна каста пережила анализы Реццори без синяков и ссадин: ими были аристократы. Все остальные классы и различные слои населения писатель удостоил язвительным насмешничеством и саркастическими афоризмами: *«Подари бедному огурец, он сразу начнёт убиваться из-за его кривизны»* (Грегор фон Реццори, «1001 год Магребинии», 1967).

В «альпийных зонах» общества, к которым практически невозможно приблизиться, по Реццори всё решает «милость рождения». Несмотря на глубокие личные симпатии в отношении представителей высокой аристократии, с которой писатель смог близко познакомиться (его первая и третья жёны были аристократками), Реццори не оставляет сарказм и иронии. Так, в своих анекдотических раздумьях о завоевании аристократизма через женитьбу он резонирует: то, что некто женился «наверх», негируется тем обстоятельством, что она (невеста) вышла замуж «вниз» – в этой конstellации об успехе в высших сферах общества не может быть и речи...

Ни одной другой касте, кроме аристократов из представителей когда-то правивших династий, чьи огромные богатства благодаря отважным немецким революционерам остались в демократической Германии нетронутыми, Грегор Реццори не поёт таких дифирамбов как аристократам, покрывая их глазурию восхищения. Как правило, аристократы его «Путеводителя» используют аббревиатуры имён типа *Мули* или *Бомс*, причём господа любят охотничьи шляпы, дамы отдают предпочтение редикюлям, сумкам и мешочкам. В конце своей апологии Гриша доходит до того, что начинает хвалить придурковатость аристократических любимцев, которые в Германии обычно высмеиваются в сериях т. наз. «анекдотов графа Бобби» и свидетельствуют о значительном упрощении мыслительных процессов у последних. С известным немецким юмористом и карикатуристом Вико фон Бюлов (*Vicco von Bülow*), более известным как Лорио (*Loriot*), Реццори связывала коллегияльная дружба: оба были юмористами и карикатуристами, оба бароны, оба снимались в кино.

На фотографии в журнале «Der Spiegel» за 1959 г. у зрелого Реццори можно при желании обнаружить определённое сходство с Хемингуэем, в более поздние годы его лицо, уже без усов, становится ещё более мягким. Главной чертой провокационных текстов писателя, в которых тот высмеивал в своих книгах Магребинию и которая стала в чём-то неразрывной частью его самого и современной немецкоязычной аудитории, стала очень еврейски насыщенная ирония и сарказм с многочисленными идишизмами. Сам Реццори как-то определил свою писательскую манеру как «нежный цинизм». Американская литературная критика считает Реццори одним из важных авторов XX-го века. В литературе немецкоязычного пространства считается, что Реццори первым вновь ввёл юмор в послевоенную немецкую литературу второй половины XX века. Известный кинорежиссёр и лауреат премии Оскара Фолькер Шлёрдорф (*Volker Schlöndorff*) был другом писателя и поселился по соседству с «Гришей» в Тоскане. Луис Малле и Фолькер Шлёрдорф дали писателю роли в нескольких своих фильмах; кроме того, он писал сценарии или обрабатывал их для постановки фильмов. Реццори постоянно носил твидовые пиджаки с носовым платочком в верхнем кармашке и кашмировый шарф. На съёмки приезжал в громадном «Ягуаре», из которого выскакивали его три сына-клона в таких же пиджачках и с теми же платочками: Энцио, Аццо и Этцелино. Интересно, что даже во время съёмок в провинциальной столице Мексико-Сити с Брижит Бардо в главной роли Реццори пишет:

«Я не знаю, найду ли я здесь, в Мексико, эхо моих потерянных Черновцов – или, может быть, это те самые, для меня нереально отодвинутые назад во времени (или продвинутые вперёд?) Черновцы, ставшие эхом Мексико?»

Последние тридцать лет жизни писатель большей частью провёл с семьёй и с третьей, итальянской супругой в поместье Доннини под Флоренцией. Его обзоры о кухне, об итальянском образе жизни в Тоскане, о винах «Кьянти»

вызвали живой резонанс и интерес поклонников, творческой интеллигенции и политического бомонда. Интерес к «dolce vita» стал основанием для многочисленных покупок шикарных костюмов Brioni и недвижимости в Тоскане, а также послужил для создания неформального объединения т. наз. «Тосканской фракции» (Toskanafraktion). Она была особенно популярна среди немецких левых политиков – социал-демократов и «зелёных»: среди них были Бьёрн Энгхольм, Оскар Лафонтен, Герхард Шрёдер, Отто Шили, Йощка Фишер, а также среди представителей творческой интеллигенции.

По воспоминаниям кинорежиссёра Фолькера Шлёрдорфа, своеобразной была левацкая интеллектуальная атмосфера «Тосканской фракции» салонных коммунистов революционного поколения 1968-х:

«Многообразное общество, постоянно приходившее и уходившее, напоминало „летних гостей“ Чехова и Горького; оно было политизированным в соответствии с духом времени, а альтернативное антиавторитарное воспитание было темой дебатов, как и дискуссии о Вильгельме Рейхе и об истории Советской Республики (в Германии), которые потрясали толстые стены бывшей церкви. Ежедневное чтение коммунистической «L'Unità» и «Il Manifesto», казалось, убеждало в том, что революция была неизбежной. Серьёзные политические войны между «спонти» и ортодоксальными маоистами усложнялись битвами полов, бушевавших во всех наших отношениях».

На склоне лет его произведения нашли и в Италии внимательного издателя и благодарных читателей. До конца дней Грегор Реццори остался одним из видных итальянских галеристов, сохранил интеллектуальную свежесть, шарм и был магнетически интересным собеседником, особенно, в немецкоязычных телевизионных передачах из поместья, стены которого были украшены картинами и антикварной мебелью. В одной из последних передач он полусхуля продемонстрировал своё последнее изобретение – оригинальную вилку с крылышками для дегустации и закручивания спагетти на тарелке.

Наследством Реццори через фонд Санта Мадалена управляет его третья жена и галеристка, баронесса Беатриче Монти делла Корте. Она предоставляет возможность международно известным писателям использовать башню поместья для творчества, как это в своё время сделал один из друзей «Гриши», Брюс Чэтвин (Bruce Chatwin). Кроме того, ежегодно присуждается литературная премия имени Реццори. Памятник под деревьями на могиле писателя в поместье выполнен в форме пирамиды.

В творчестве уроженца Черновиц обнаруживается один из самых блестящих писателей прошлого века, чьи миры рефлексивного мышления и восприятия действительности остались в европейской культуре в значительной степени ещё неисследованными. Немецкие тексты автора связаны между

собой спецификой и техникой так называемых «фиктивных топосов» (Магребиния, Тесковина, Чернополь, Метрополис и т. д.) и раскрывают мифологемную сущность явлений. Эти тексты представляют автора выразительным предтечей постмодернистской культуры и подчёркивают актуальность его оригинальной идентификации среди литературного творчества ведущих авторов XX века.

В таких произведениях Грегора фон Реццори, как «Maghrebinische Geschichten» (Магребинские истории, 1953), «Ein Hermelin in Tschernopol» (Горноста́й в Чернополе, 1958), «Blumen im Schnee» (Цветы в снегу, 1989), «1001 Jahr Magrebinien» (1001 год Магребинии, 1967) и пр. через различные топонимические фикции, как субститут восточноевропейской действительности из времён Австро-Венгрии, в предчувствии Холокоста возникает обобщающая панорама-мифологема западноевропейского топоса начала XX-го века. В то же время в современном постмодернистском стиле в центре повествования постоянно описывается столица Буковины – Черновцы. К этим произведениям относится и роман «Oedipus siegt bei Stalingrad» (Эдип побеждает под Сталинградом, 1954). Поражённый невозвратными изменениями калейдоскопа своей жизни и истории, превративших родину в чужбину, писатель вводит собственную реальность в мир литературы, который он признаёт единственной непоколебимой ценностью, самым комфортным тайником своего «я». Реццори смещает акценты в дискурсе, иронически приглашая читателя принять в нём участие. В одном из интервью писатель сказал:

«Самый убедительный пример того, что такое ум масс, это то, как Иисус Христос превратился в католическую церковь. Бесконечная цепь неправильных толкований и недоразумений – всё это я называю глупостью».

Самоирония роднит творчество писателя с типичным еврейским юмором, с готовностью посмеяться над своими собственными слабостями. Литературный эксперимент Реццори заключается в создании индивидуальных мифов, напоминающих романы Шолом-Алейхема и Менделе Мойхер Сфорим путём деформации образов австро-венгерской, позже румынской Буковины детским и юношеским мировоззрением. Творчество Реццори можно истолковать, как стремление «переложить» Буковину на иные европейские языки читателей, объяснить её менталитет, первичность и самобытность. Так толерантная культура этого восточноевропейского региона обогатилась яркими буковинскими этнографическими и лингвистическими кружевами. Его воеводы, бояре, бароны, графы и равнины – суть образы детства и юности в Черновцах.

Сегодня Реццори нередко сравнивают с Владимиром Набоковым. В пользу такого сопоставления говорит семантика и модальность мотива изгнанничества в творчестве, как Владимира Набокова, так и Грегора фон

Реццори, традиционного для различных литератур времён исторического перелома. Знаменательные события в Европе первой половины XX века внесли новые, ставшие для многих европейцев судьбоносными, геополитические коррективы. Это повлекло за собой целую цепь изменений в привычном укладе жизни и столетиями формировавшемся менталитете европейских этносов. Ужас, принесённый Первой мировой войной, крушение Российской и Австро-Венгерской империй, кровавая революция в России – всё это стало причиной массовой эмиграции большинства представителей интеллектуальной и политической элиты развалившихся государств. Вместе с тем катастрофа дала искусству мастеров художественного слова, творчество которых объединяется, по словам Реццори, *«ностальгией, длящейся всю жизнь»*.

Среди биографических моментов можно найти весьма значительное количество сюжетных совпадений, продиктованных именно типологической аргументацией жизненного опыта. Красочные и трогательные воспоминания о безвозвратно утраченной родине, сочетающиеся с ностальгией по давно ушедшему детству и юности, совпадение этапов творческого и личного роста в условиях хрупкого нестабильного и драматического времени – вот далеко не все точки совпадения между такими произведениями, как *«Другие берега»*, 1954, у Набокова и *«Blumen im Schnee»* (*«Цветы в снегу»*) 1989) у Реццори. У Реццори можно найти ряд высказываний, подтверждающих справедливость этого наблюдения. К тому же он был не только знаком с творчеством Набокова, но и по собственному признанию поддерживал дружеские отношения со многими членами этого разветвлённого рода. Так, в молодости через своего отца он был знаком с княгиней Елизаветой Зайн-Витгенштейн, урождённой Набоковой. Как известно, она была сестрой Дмитрия Николаевича и, соответственно, родной тётёй Владимира Набокова. Знаменательно, что буковинский полиглот был одним из переводчиков знаменитой *«Лолиты»* на немецкий язык. У Реццори есть роман *«Mir auf der Spur»* (*«По моим следам»*, Мюнхен 1997), у Набокова – *«Speak, Memory. An Autobiographie Revised»* (*«Память, говори. Исправленная автобиография»*, Нью-Йорк 1966). Между этими произведениями обнаруживается немало параллелей. Среди прочего авторов объединяет принципиальная невозможность перепроверить свои воспоминания возвращением в страну детства: к времени написания романов ни Австро-Венгерской, ни Российской монархии уже не существовало.

В 1989 г. Реццори посетил свою родину, но его разочаровала постсоветская одинаковость и серость бытия:

«Город был похож на театральные декорации для пьесы, которая никогда не была сыграна, и противоречил сам себе: прибранный, лакированный, антисептический город. Ничто не давало почувствовать его когда-то

демоническую природу. Что могла унаследовать эта ловко сделанная модель провинциального города от бодрой пронциательности, гениальной изворотливости, острой наблюдательности, наслаждения от зубоскальства и кусающегося юмора, точнее – от Czernowitz? Ничто не напоминало о беспокойной жизненности, цинической дерзости, меланхолически-скептическом духе его детей».

Европейский антисемитизм – к сожалению, явление имманентное. За тысячи лет своего существования евреи в представлениях и воображении христианских европейцев, в европейском нарративе, стали тем врагом, который а priori существовал внутри их стран и обществ, жил всегда рядом и от которого было необходимо избавиться. Политический антисемитизм последних двухсот лет был поэтому логическим продолжением тысячелетней борьбы христианства против евреев внутри европейского сообщества. С другой стороны, ислам олицетворял опасность со стороны внешнего врага на границах континента. Падение Константинополя в 1453 г. и захват Византии турками резко изменили геополитическую ситуацию юго-востока Европы в конце средневековья, оставшись грозным менетекелем новых катастроф. Свидетельство европейца, бывшего в прошлом веке наблюдательным и доброжелательным соседом, позволяет литературно воссоздать обстоятельства драмы середины столетия. Сегодня переводы текстов Реццори имеются на украинском языке.

Современная независимая Украина и её творческая интеллигенция ищут интеллектуальное обоснование своей государственности и культуры. Украинские писатели и мыслители разных народов и языков общення, добившиеся международного признания, имеют в этих поисках идентификации большое значение. Многие из них были евреями, поэтому для украинской творческой интеллигенции грандиозная фигура нееврея-барона «Гриши из Чернополя», говорившего на идиш и писавшего о евреях, становится особенно интересной. Хочется надеяться, что после гениальных, но пышущих агрессивным антисемитизмом текстов великого патриота украинских ландшафтов Николая Васильевича Гоголя, книги Реццори о своём черновицком микрокосмосе, который он, как Хемингуэй, всегда носил с собой, заставят читателя задуматься о потерянном богатом прошлом Восточной Европы.

ЛЕОНИД БЕРДИЧЕВСКИЙ

МАРК ШАГАЛ

Эссе

И. Пен.
Портрет Марка Шагала.
1914 г.

Фамилия его означает – движение. Жизнь и творчество Мастера показали, что он не только – Шагал, но *шагает* и будет *шагать* по планете до тех пор, пока существует искусство... Почти сто лет его физического существования внесли многое в творческое осмысление жизни: в её энергетику, в ритм её дыхания... Несмотря на то, что прошло более трёх десятилетий со времени его ухода, интерес к личности и творчеству Шагала не утихает. Во всех странах мира издаются монографии о нём, проводятся постоянные ретроспективные выставки его работ...

Марк Шагал – один из величайших художников XX столетия – прожил удивительную жизнь. Он рассказал о себе подробно в книге «Моя жизнь». Это – автобиографический роман, документально-поэтическое повествование, написанное человеком, чья жизнь волей исторических сдвигов разделилась между Витебском и Парижем, между Россией, Францией и США...

Обучение мастерству он начал в частной Школе рисования и живописи, основанной Иегудой (Юделем) Пенем в Витебске. Именно там Шагал освоил технику академического рисунка. Из этой Школы вышли художники, достигшие мирового признания: С. Юдовин; И. Мильчин; Эль Лисицкий; Д. Якерсон и другие. Впоследствии, М. Шагалом и К. Малевичем эта Школа была преобразована в художественное училище.

Первая персональная выставка Мастера состоялась в 1914 году в Берлине, в галерее «Штурм». Тема его работ определилась с первых шагов творческого пути. Обращаясь к разным жанрам, Шагал сохранял верность еврейской теме. Он вынес этнографические черты своего народа на международную арену.

К каким только школам и направлениям не причисляли творчество Шагала: к «парижской школе», к символистам, реалистам, сюрреалистам, экспрессионистам и даже – примитивистам. Творчество Шагала – един-

ственное в своём роде, оно – неделимо и представляет собой единое целое... Его палитра – индивидуальна, с присущей только ему, шагаловской гаммой, которую ни с чьей чужой не спутаешь.

У него не было учеников, однако художники нескольких поколений, подражая ему, пытались перенять приёмы его композиций и цветовых решений. Их попытки остались безуспешными.

Множество воспоминаний о творчестве Шагала оставлено его современниками. Однако некоторые из них, представленные историками искусства и искусствоведами, вызывают у нас ироническую усмешку, настолько они противоречивы. Мастера упрекали в том, что его рисунок – неточен, к примеру, ссылаясь на автопортрет с семью пальцами. Думается, что это не так. Он утрировал и искажал рисунок сознательно, тем самым подчёркивая значимость сюжета.

Шагал написал около десятка автопортретов. По ним видно не только то, как менялась его внешность, но и динамика развития его творчества.

Помимо живописи, Шагал работал в жанре книжной иллюстрации. Так в Еврейской Культурной Лиге в Киеве он оформил и проиллюстрировал первые книги Д. Гофштейна, И. Кипниса и других. Позднее, уже ставшие каноническими, иллюстрации А. Агина и П. Боклевского к поэме Н. В. Гоголя «Мёртвые души», Шагал дополнил своей собственной огромной сюитой иллюстраций к этой книге, совершенно по-новому интерпретировав образы героев произведения.

Также им был проиллюстрирован «Ветхий Завет» Библии. Развивая и углубляя своё восприятие библейской темы, он приступил к исполнению больших заказов – к витражам. В них Шагал остался верен себе в изображении персонажей Библии. Прежде в еврейском искусстве отсутствовали изображения человека. Все персонажи на витражах Шагала – не просто плод его фантазии, а типажи, взятые им из жизни. Особое внимание он обращал на фактуру каждого фрагмента витражного стекла, тем самым создавая тот или иной сюжетный план.

«Свои первые витражи Мастер создал уже в преклонном возрасте. Когда были закончены „12 колен израилевых“, художнику было далеко за семьдесят. Ни возраст, ни необходимость приобретать новые навыки не остановили Шагала – возможность создавать по-настоящему светящиеся картины настолько увлекла его, что он быстро освоил технику росписи стекла, став одним из самых известных витражистов XX века.

Секрет чарующего сияния витражей Шагала – в особой технологии нанесения пигмента прямо на стекло. Используя одновременно три цвета на одной панели, художник сумел вдохнуть в холодное стекло жизнь. И в витражах сохранена его необыкновенная палитра.

Замысел художника удался: каждый витраж Шагала, будь то в Иерусалимской синагоге, чикагском соборе Святого Стефана, здании ООН или заказ семьи Рокфеллеров, – это шедевр. Проникая сквозь цветное

стекло, дневной свет делает *пение красок* в витражах ещё мелодичнее, ещё волшебнее».

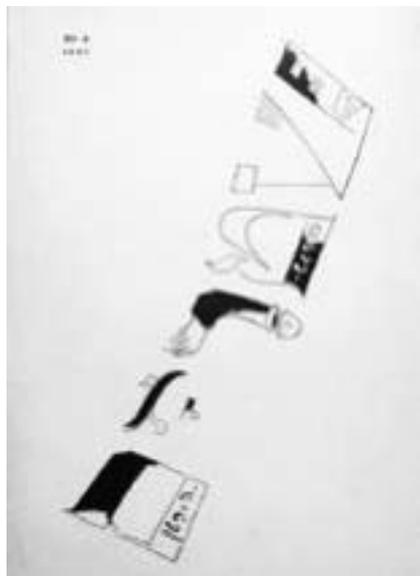
Наш юбилейный, Двадцать Пятый, Альманах «До и После» проиллюстрирован работами Марка Шагала, творчество которого нам видится в целом планетой Шагала.

Гофштейн, Давид. Тройер (Скорбь или Печаль). Сборник стихов и поэм на идише. Обложка и иллюстрации по рисункам Марка Шагала. 1922 г.

Автопортрет. Из моей жизни. 1922 г.

Обложка журнала Штром. 1923 г.

Суббота, 1909 г.

Рождение, 1912 г.

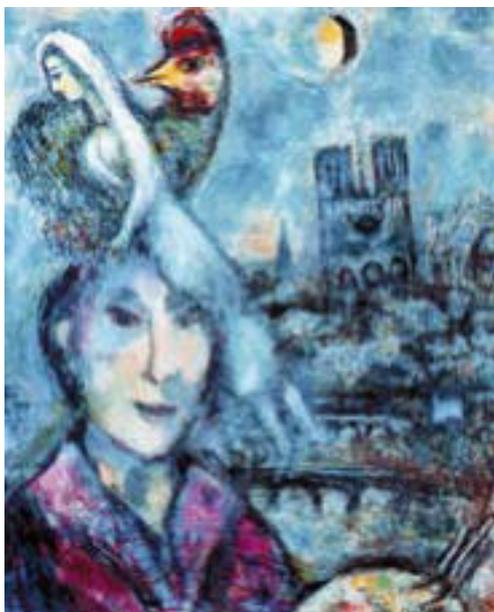
Автопортрет с семью пальцами, 1913 г.

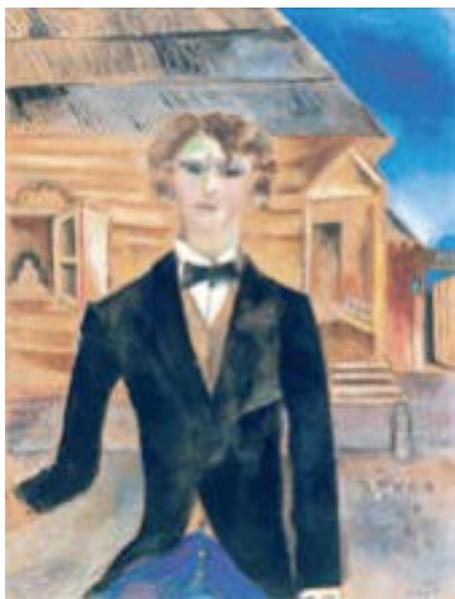
Автопортрет с мольбертом, 1914 г.

Автопортрет, 1917 г.

Автопортрет, 1968 г.

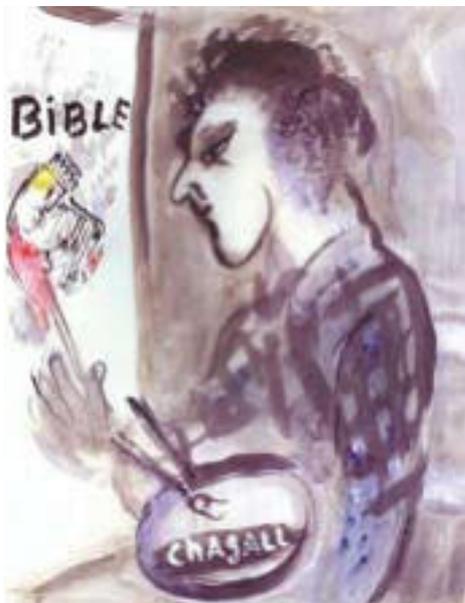
Автопортрет перед домом, 1914 г.

Автопортрет на зелёном фоне, 1914 г.

Между волком и собакой, 1937-1943 гг.

Автопортрет с палитрой, 1955 г.

Мужчина за столом, 1911 г.

Аполлинер и Сандрар, 1911 г.

Праздник Суккот, 1916 г.

Визит к бабушке и дедушке, 1916 г.

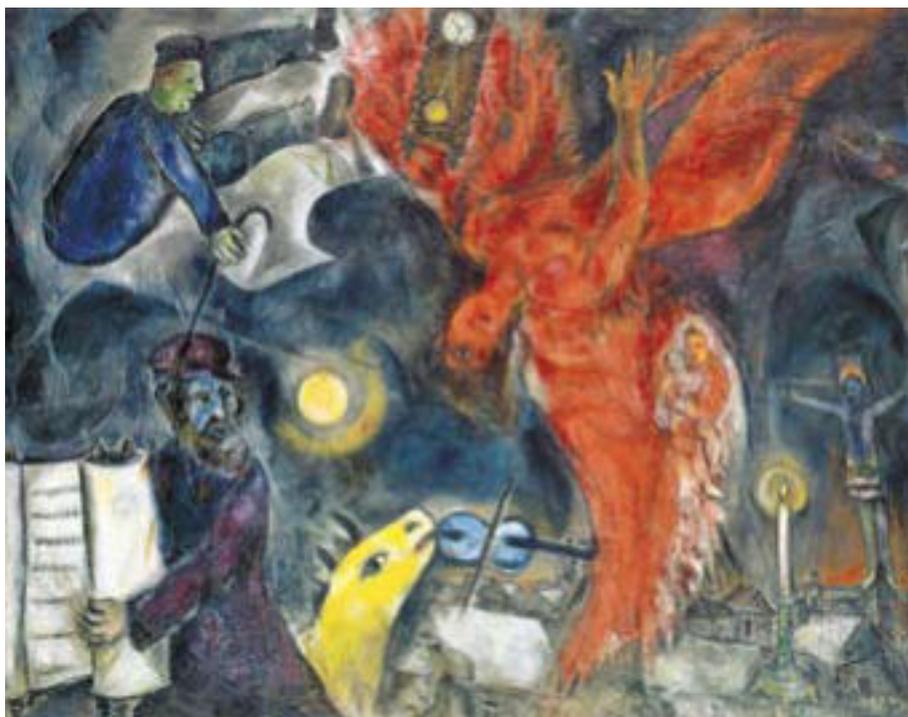
Зелёный еврей, 1914 г.

Красный еврей, 1915 г.

Интерьер с цветами, 1918 г.

Падающий ангел, 1923 г.

Большой цирк, 1956 г.

Моей жене, 1933-1944 гг.

Война, 1964 г.

Революция, 1937 г.

Сцена из Библии, 1980 г.

Аарон и менора, Библия I, 1931-1939 гг.

Моисей и фараон, Библия I, 1931-1939 гг.

Моисей, Библия II, 1952-1956 гг.

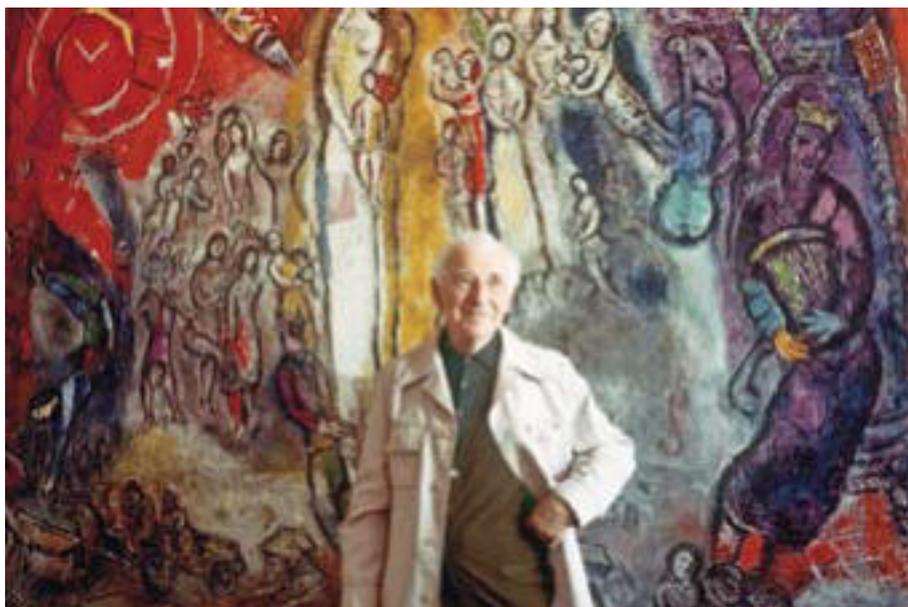
Соломон, Библия II, 1952-1956 гг.

Песнь Песней, 1965 г.

Радуга Ноя, 1966 г.

Марк Шагал на фоне декораций к балету Игоря Стравинского «Жар-птица» перед открытием выставки к 90-летию художника. Нью-Йорк, 1977 г.

Театр
Музыка
Танец
Декорации государственного еврейского камерного театра, 1920 г.

Н. В. Гоголь.

Иллюстрации
к поэме
«Мёртвые души»
Н. В. Гоголя,
1924-1927 г.

Чичиков.

Губернский город NN.

Манилов.

Губернский город NN.

Коробочка.

Ноздрёв.

Собакевич.

Собакевич и Чичиков.

Плюшкин.

Чичиков. Чаепитие.

Deux nus или Адам и Ева.
Скульптурная колонна. 1953 г.

Deux têtes à la main (Две головы в руке).
1964 г.

Марк Шагал работает над бронзовой скульптурой
«Петух» в ателье Fonderie Susse. 1952 г.

Лестница Иакова. 1973 г.

ЯКОВ БЕРДИЧЕВСКИЙ

ЛЮБОВНЫЕ СОНЕТЫ ЛУИЗЫ ЛАБЕ В ТВОРЧЕСКОМ ЗЕРКАЛЕ ГРАВЮР ВАЛАНТЕНА ЛЕ КАМПИОНА

Навстречу 500-летию рождения Луизы Лабе

Только-только закончилась грандиозная битва титанов на Волге, решившая исход самой жестокой, самой кровопролитной войны в истории человечества – победой Справедливости и Истины над Коричневой чумой. Наступала весна 1943-го, и впереди ещё были два военных года, несшие смерть и опустошение от Волги до Эльбы, в границах Европы восточной. А в Европе западной, бесславно, трусливо, позорно сдавшейся на милость исчадиям ада, продолжалась «спокойная, мирная», сколь она могла быть таковой, жизнь.

В вечно юной и прекрасной Франции, в ослепительном Париже продолжали трудиться артисты, писатели, художники, как всегда регулярно действовали многочисленные театры, музеи, художественные галереи, выходили великолепно оформленные книги и собирались на свои колдовские радения библиофилы.

И именно этим годом, 1943-м, датирован выход в свет одного из шедевров искусства выдающегося мастера деревянной гравюры, сменившего Москву на Париж ученика П. Я. Павлинова, В. А. Фаворского, А. И. Кравченко – Валентина Николаевича Битта¹ (1903–1952), принявшего фамилию своей прабабушки-француженки и вошедшего в мир искусства под именем Валантена Ле Кампиона.

Это – «Любовные сонеты» Луизы Лабе, мимо которых пройти равнодушно наш маэстро не мог по самому спектру своих интересов, увлечений и пристрастий. Палитра этого цикла – лёгкая, ажурная эротика, искусно подёрнутая игривым, изящным «дамским» флёр. Художник смело и свободно использует все тона этой палитры и все её краски. Тонкое проникновение в сокровенные глубины самой ткани каждого отдельного сонета и всего сонетного корпуса, прочно скреплённое комплексом множества подлинных аксессуаров эпохи Возрождения, вплоть до самых малых, казалось бы, незначительных элементов и деталей, являет самую сущность яркого представителя этой эпохи.

Тут необходимо отметить широчайшую эрудицию Ле Кампиона и его виртуозное умение использовать свои познания в каждой им оформленной книге, в каждом из отдельно им продуманных и, если угодно, прочувство-

Обложка книги Луизы Лабе
«Любовные сонеты» (Париж, 1943).
Ксилография

Фронтиспис книги Луизы Лабе
«Любовные сонеты»
с портретом автора. *Ксилография*

ванных компонентов всей иллюстративной сюиты – от обложки, титульного листа, фронтисписа, полосных иллюстраций до заставок, виньеток, буквиц. «Любовные сонеты» Луизы Лабе, им столь артистично оформленные, – одно из блистательных тому доказательств.

Гравюра обложки сразу вводит читателя в мир самого издания: два взлетевших ввысь вихря пламени пылающего сердца, между которыми уютно расположилась нагая женщина; внизу, по обе стороны пламени, заняты своим будничным делом шаловливые амурсы с полной амуницией – лук, колчан, стрелы; в центре – текст названия «Louise Labe / Sonnets amoureux». Затем фронтиспис – овалный портрет Луизы Лабе (1522–1566) в trois-quart, с раскрытой на коленях книгой и четырьмя ремарками по условным углам. Две из них с лёгким эротическим намёком. Две другие указывают на интересы и увлечения портретированной: фехтование (дама, держащая шпагу с круглой гардой на эфесе) и музыка (дама, играющая на лютне).

Далее следуют 24 сонета, где каждый открывается буквицей с сюжетом, как правило, первого стихотворного катрена. Десять сонетов украшены в тексте аккомпанирующими им гравюрами и лишь четыре – развёрнутыми полосными иллюстрациями.

Такова незамысловатая «бухгалтерия» всей архитектуры издания.

Все буквицы выполнены двойной линией, с белым полем между ними и наложены на соответствующую сюжету сонета гравюру. Обратим внимание лишь на три из них.

В сонете VI это лежащая на спине нагая женщина с воздетыми к яркому солнцу руками:

О, трижды будь благословен восход
Светила, но избранница, к которой
Оно с любовью обращает взоры,
Стократ благословенней...²

В сонете XVII — женщина, стремительно бегущая по городской улице, ремаркой нанесённой в верхнем правом углу гравюры:

Бегу селений, храмов, площадей,
Где, упиваясь громкими мольбами,
Коварными, искусными ходами
Меня ты власти подчинишь своей³.

Ранним утром при только-только явившемся солнце и запоздавшей с уходом луне изображена сидящая женщина – сюжет буквицы сонета XXII:

О, Феб, лучами счастья озарённый,
Ты зришь всегда своей Любимой лик,
И ты, сестра его, блаженства миг
Вновь пьёшь, припав к устам Эндимиона⁴.

Чёткость и выразительность каждой из приведённых гравюр говорят сами за себя, как и искусство самого мастера. При таком владении штихелем любая из линий, полностью подчиняясь поставленной задаче, приобретает оптимальный формат, объём и устремлённость, создавая необходимый фон, обыгрывая тончайшие нюансы композиции сюжета и выявляя его основную направленность. По сути, каждый из элементов являет

«О, трижды будь
благословен восход...»
Буквица к сонету VI

«Бегу селений, храмов,
площадей...»
Буквица к сонету XVII

«О, Феб, лучами счастья
озаренный...»
Буквица к сонету XXII

собой вполне законченный рассказ, почти всегда героико-эпическую новеллу, вполне следуя школе и заветам одного из главных учителей Ле Кампиона – московского чародея-романтика деревянной гравюры Алексея Ильича Кравченко.

Одна из таких «новелл» – первая же полосная иллюстрация к сонету VIII – вызывает некое недоумение, ибо отнести её к рядовому аккомпанементу текста непросто: она самостоятельна и самодостаточна, что, в свою очередь, вызывает вполне осознанное чувство её первичности, а текст тем самым становится вторичным, её объяснением, её аккомпанементом.

Но вот и сама иллюстрация с расположенной в её центре обнажённой под вихревым ветром гнущимися ветвями деревьев и вздыбленными вихрями морских волн и – всенепременными языками пламени. А среди мятежных облаков в верхнем правом углу – другая обнажённая, как бы alter ego первой, в изгибе сладострастного порыва. Внизу, уравнивающая её по диагонали всей композиции, – третья, прочно обвитая безжалостными путами любви. Грандиозность и внятность рассказа вполне дополняется текстом самого сонета:

Я пламенем объята в холод лютый,
В сиянье дня в кромешной тьме бреду,
Предчувствую и радость и беду,
Ловлю неуловимые минуты,

Живу в цепях и разрываю путы,
Смеюсь и плачу в тягостном бреду,
И снова ум и сердце не в ладу,
И день мой ясный полон чёрной смуты.

Там я во власть Амуру отдана:
Когда беда нависнет надо мною,
Нежданно от неё я спасена.

Когда ж душа надеждою полна
И радостью я сердце успокою,
Терзаюсь вновь я прежнему бедою⁵.

Иллюстрация к сонету XVIII видится достаточно простой и, на первый взгляд, незамысловатой, но именно в её незамысловатости и раскрыт полёт неуёмной страсти. Влюбленная пара на ложе любви, у которого небрежно брошены одежды и на маленьком столике столь же небрежно оставлены гроздь винограда и открытая бутылка. Полог над ложем увенчан двумя сердцами, слившимися в нежном единении волнующего полёта.

«...И радостью я сердце успокою,
Терзаюсь вновь я прежнею бедою».
Иллюстрация к сонету VIII

«Целуй меня, целуй опять и снова!
Мне поцелуй сладчайший подари...»
Иллюстрация к сонету XVIII

Целуй меня, целуй опять и снова!
Мне поцелуй сладчайший подари
И поцелуй крепчайший повтори.
Тебе – жар поцелуя четверного⁶.

Ты жалуешься? Боль смягчить готова:
Вот самых нежных десять – все бери.
Так счастливы, целуясь до зари,
Мы будем радовать один другого

И насладимся жизнью мы двойной:
Мы будем и в любимом и собой,
Внемли, Амур, безумному признанию:

Мне скромницею жить не вмоготу,
И чувствую я страсти полноту,
Лишь если волю я даю желанью⁷.

«О, Дамы, не судите слишком строго
За то, что дан любви мне светлый дар...»
Иллюстрация к сонету XXIV

Последний сонет XXIV замыкает весь цикл многофигурной композицией-новеллой о дамских суетностях. В центре, между двумя языками пламени, расположена ростовая фигура обнажённой, которой амур передаёт свой меткий лук. Но женщина в растерянности: её руки безвольно разведены в стороны, и она не решается принять лук.

В левом верхнем углу расположилась воркующая влюблённая парочка, а правый занят несколькими дамами. Все они чрезвычайно взволнованы и заняты своими «дамскими» делами: одна из них что-то шепчет другой на ухо, третья в недоумении разводит руками, а чуть ниже четвёртая, присев, пытается подобрать нечто рассыпанное на земле — не сердца ли?

О, Дамы, не судите слишком строго
За то, что дан любви мне светлый дар,
Что сотни солнц зажгли в груди пожар,
За то, что слёз я пролила так много.

Жизнь без любви пустынна и убога,
Хоть мукой платим мы за сладость чар,
И вы страстей узнаете угар,
Попавшись в сети мстительного Бога:

Дитя Амур без пламени Вулкана,
Без красоты, лишь Адонису данной,
Коварство в злобном сердце затая

И пользуясь своей могучей властью,
Вас одарит такой нелепой страстью,
Что бойтесь быть несчастнее, чем я⁸.

Иллюстративная сюита Ле Кампиона, безусловно, конгениальна сонетам Луизы Лабе. Не побоимся поставить имена обоих авторов в один ряд, несмотря на почти пятисотлетнюю дистанцию – позволим утверждать их несомненный творческий тандем. Объединяет поэта и художника не только общность восприятия бытия, его света и тени, радости и горести, но и творческое их отражение, в результате чего возвышенное поэтическое вдохновение явилось увенчанное нимбом изобразительных средств деревянной гравюры, рождённой талантом большого мастера.

Как известно, деревянная гравюра есть искусство чёрного и белого, но максимальной выразительности она достигает лишь тогда, когда приобретает некую схожую с цвето-тоновой гамму. Гамма достигается игрой и переливами более или менее плотных и мягких, тупых и острых линий и пятен. И тогда ремесло гравёра становится искусством.

В качестве краткого послесловия приведём несколько наиболее ярких штрихов биографии Луизы Лабе.

Родилась она на заре Французского Возрождения в Лионе в семье владельца канатной фабрики, отдавшего юную Луизу в жёны своему коллеге, и отсюда её устоявшееся в литературе и искусстве прозвище «прекрасной канатчицы». Лишь за три года до её рождения в Луарском замке Амбуаз умер великий Леонардо (1519). Её современниками были Мишель Монтень, Франсуа Рабле и – не преминём вспомнить – Маргарита Наваррская с её «Гептамероном». Мир и Жизнь прославляли поэты знаменитой «Плеяды», созданной Пьером Ронсаром, придворный поэт короля Франции Франциска I Меллин де Сен-Желе и, наконец, заложивший основы французского сонета Клеман Маро и другие.

Сонеты Луизы Лабе, без всякого сомнения, должны быть отнесены к самым истокам этого главенствующего жанра лирики эпохи Возрождения. Красавица, получившая прекрасное воспитание и образование, владевшая несколькими иностранными языками, вдохновительница литературного салона, открытого в её доме, она была центром всей артистически-художественной жизни Лиона – второго после Парижа города Франции. Изданные ею «Любовные сонеты» сразу завоевали сердца и души современников, о чём свидетельствуют три издания этой книги, вышедшие в Лионе менее чем за год: от осени 1555-го до лета 1556 года, и в том же 1556-м она была переиздана в Руане. Затем последовали – следуют и поныне – многие и многие издания на всех европейских языках. В России понадобилось почти четыре с половиной столетия для того, чтобы познакомить читателя с музой Луизы Лабе. В 1988 году издательство «Наука» в серии «Литературные памятники» предприняло издание её «Сочинений» в прекрасных, аутентичных переводах Э. Шапиро и М. Гордона, прокомментированных руководителем и комментатором всего издания И. Ю. Подгаецкой.

И в виде последних аккордов нашей симфонией – несколько слов о «Любовных сонетах», изданных в переводе на немецкий Пауля Цеха.

Прошло два с половиной года после окончания Второй мировой – Великой Отечественной войны. Поверженный Берлин только-только научился переводить дыхание, но и в нём отыскался подвижник, предпринявший издание знаменитых «Сонетов» Луизы Лабе. Это брат переводчика Рудольф Цех. Полное имя книги – «Любовные сонеты прекрасной лионской канатчицы Луизы Лабе» (*Die Liebesgeschichte einer schönen Lyoneser Seilerin namens*). Из информации на тыльном форзаце узнаём, что книга вышла с разрешения Советской военной администрации в Германии. Значит, мир вернулся на немецкую землю, и наступило время книг. Прямо-таки, как в детском стихотворении:

Jede Woche bringt uns wieder Arbeit, Freizeit, Bücher, Lieder. (Каждая неделя приносит нам работу, отдых, книги, песни.)

1 Помимо этого, слово «бит» по-французски звучит, мягко говоря, весьма непристойно.

2 Лабе Луиза. Сочинения. М., 1988. С. 104. Пер. Э. Шапиро.

3 Там же. С. 110. Пер. Э. Шапиро.

4 Там же. С. 113. Пер. Э. Шапиро.

5 Лабе Луиза. Сочинения. М., 1988. С. 105. Пер. Э. Шапиро.

6 Там же. С. III. Буквально: «Тебе я возвращу четыре (поцелуя)...»

7 Там же. Пер. М. Гордона.

8 Лабе Луиза. Сочинения. М., 1988. С. 114. Пер. Э. Шапиро.

ЛЕОНИД БЕРЕЗИН

ПЯТНЫШКО

Записки пациента

Несколько лет назад во время визита к дерматологу, врач увидела на моей правой щеке, почти под глазом, небольшое, овальной формы, пятнышко: «Что это такое? Видимо веснушка или возрастное потемнение. Ничего страшного. Вот вам два тюбика мази. Смазывайте регулярно, утром из одного тюбика, а вечером – из другого. И пигментное изменение пройдет». Так я и поступал. Вскоре в одном тюбике мазь закончилась. Продолжал пользоваться мазью из оставшегося. Но пятно не бледнело, размер его не уменьшался. Правда, не болело. Прошёл год, я перестал обращать на него внимание. Но друзья и знакомые при встрече задавали вопросы, порой – озабоченные, иногда с юмором: «С женой не поладил? Как это тебя угораздило, на что-то налетел или кто-то ударил под глазом?» Но никто не порекомендовал мне обратиться к специалистам. Я же сам не спешил пойти на приём к врачу.

Время летит стремительно. Так прошёл ещё год. Однажды, знакомый посоветовал сходить к дерматологу – специалисту по лазерной технологии: «Опираясь на собственный опыт, скажу тебе, что операция по удалению пятна с помощью лазера пройдет быстро и совершенно безболезненно. И, главное, врач гарантирует хороший результат. К тому же, врач – русскоговорящий, что облегчит взаимопонимание».

Врач был в отпуске. Появился только через две недели. Внимательно осмотрев меня, заключил: «Вот вам направление в больницу „Шарите“, адрес, номер телефона. Звоните. Берите термин».

Наивный... Пробую дозвониться. Не удалось. Ищу поликлинику, регистратуру – народу полно, но порядок успокаивает: автомат с номерами очереди, экран, на котором одновременно со звуковым сигналом высвечивается порядковый номер пациента.

Наконец-то, я – в кабинете врача. Две милые дамы задали вопросы, осмотрели: «Вам предстоит операция по удалению этого образования. Как можно быстрее».

Собираюсь с мыслями: «Не забыть необходимые документы, список лекарств, лекарства на первые дни. Взять минимум вещей... Время пребывания в больнице неизвестно. Может быть, всё решится за пару дней, возможно, всё сложится иначе».

Врач в отделении осмотрела меня и, с моего согласия, меня также осмотрела группа студентов-практикантов. Врач объяснила им характер заболевания. Сдав анализы, занял освободившееся место в четырёхместной палате. Пришла санитарка: «Пойдёмте в операционное отделение».

Большой зал ожидания... Больные – лежащие на кроватях, сидящие в креслах.

Одни – в ожидании операции, другие – уже прооперированы. Я был немного взволнован. Ждать пришлось довольно долго. Наконец, меня вызвали.

Медперсонал объясняет: «Главное не волнуйтесь». Почти вся одежда снимается. Больничный халат, синтетический головной убор и такие же тапочки. Заминка... Жду... Чтобы скоротать время повторяю, про себя, алфавит и счёт по-английски, по-немецки, на иврите. Наконец-то, следующий шаг: меня вводят в ярко освещённый операционный зал, с аппаратурой, какими-то трубами, вентиляторами, светильниками. Укладывают на операционный стол, основательно *упаковывают*, привязывают ноги и тело к столу, дезинфицируют оставшуюся открытой часть лица, становится трудно дышать. Включают яркий свет, я закрываю глаза. Такое ощущение, что уколы делают по всему лицу. Я слышу о чём по-немецки говорят врачи, но всё понятно: это местный или локальный наркоз. Он постепенно начинает действовать, но впечатление такое, будто режут ножницами по живому: «Щёлк, щёлк». Затем – гудение, жжение, прикосновение жала, несколько раз подряд – горячий, жалящий, как укус укол, сопровождаемый болью.

Готово. Наложена повязка. Меня отвязывают, разворачивают. Медсёстры помогают встать на ноги, успокаивают. Голова кружится, покачиваясь, переодеваюсь. Выхожу в приёмный покой. Больных немного. Жду, что за мной придут. Иду в палату сам. Держусь рукой за щёку, чувствую, как отходит наркоз, но рана почему-то кровоточит, по руке течёт кровь. Вызвал помощь. Пришла медсестра, взглянула, поменяла повязку, попыталась остановить кровотечение. Скомандовала: «Быстро переодевайтесь, ложитесь в кровать», и повезли меня опять в операционную. Переложили на операционный стол. Снова упаковали, заморозили, кололи, щёлкали, горячо и больно заново резали. Мне показалось, что размер раны увеличился и дошёл, возможно, до размера евровой монеты, может быть, и больше. Кажется, закончили. Наложили плотную, фундаментальную повязку, закрыв полностью правый глаз. Врач считает, что ничего страшного не произошло: «Просто подрезали ещё немного, теперь рана больше не кровоточит. По существу, это – вторая операция. Надеюсь, что на этот раз – завершена успешно. Взяли для патологоанатомического исследования фрагмент ткани». Переложили на кровать и отвезли в палату.

Незаметно наступил вечер, я постепенно пришёл в себя. Приехали навестить родные. Они переживают за моё состояние здоровья и уверяют, что всё будет хорошо, но требуется время и терпение.

В «Шарите», наряду с лечением больных, решается трудная и сложная задача обучения студентов медицинского факультета университета. Руководитель группы неврологов попросил меня принять участие в проводимом ими тестировании. Я согласился. Нужно было рисовать, писать, считать, читать. Прозанимались более двух часов. Все мои возрастные контролируемые показатели – в норме. Это меня успокоило, но до конца тестирования ещё далеко, продолжение – на следующий день.

Утренний врачебный обход – в 8:30. Осмотр, короткий разговор с каждым больным, перевязки, назначения. Мою повязку не трогают, сказали – надо обождать результата патологического анализа. Тогда будет видно, что делать дальше. Вскоре после обхода санитар принёс записку-указание: в пятницу утром, в 7:00, быть готовым для поездки на консультацию в глазную клинику (в «Вирхов»). Надо было понять, насколько далеко распространились щупальцы «schwarzes Krebs».

В четверг, около восьми утра, врачебный обход во главе со старшим врачом. Вот и мой черёд. Врач подошёл ко мне, сказал, что лечение проходит нормально. Но надо снять все подозрительные участки ткани, которые идут до самого верхнего края нижнего века, и заменить их на здоровые. Это довольно сложно, но всё будет в порядке.

Пятница. У меня визит на консультацию в глазном отделении. Сижу, жду, нервничаю. Тишина. Заглянул в кабинет к медсёстрам. Успокоили: «Ждите». Появились санитары, посадили в кресло... Один больной уже сидит в автобусе. Я занял место в транспорте – через двенадцать минут мы достигли цели.

Проверили зрение левого глаза. Правый пока раскрывать не стали. Снова жду. Никаких преимуществ недавно прооперированному, пожилому человеку.

Настроение постепенно портится. Наконец-то, я у врача в кабинете. Меня с улыбкой встречает сравнительно молодой человек. Постепенно улыбка сходит с его лица, из моих документов он не может понять, зачем я приехал. Я пытаюсь объяснить, кто я и откуда. Позвонил в мой стационар с просьбой выслать ему срочно факс-сообщение, зачем я здесь нахожусь и что от него требуется. «Посидите, ждите».

Больные входят и выходят от врачей, расстроенные или успокоенные, приходят новые, только про меня никто не вспоминает. Набрался смелости вошёл в кабинет без приглашения. Спрашиваю: «В чём дело, почему так долго идёт факс?» Врач ответил, что звонил дважды, что в стационаре ждут ответ от патологоанатома.

Ситуация осложняется. Настроение ухудшается. Продолжаю ждать. Устал от неорганизованности и долгого ожидания. Народу в коридоре стало меньше. Успокаиваю себя тем, что бывало и хуже. Вспоминаю различные эпизоды из своего далёкого прошлого: трудные, тяжёлые годы войны, послевоенные годы, учёбу, службу...

Наконец-то, меня позвал врач, изложил план действий: «Операция будет проходить в два этапа, возвращайтесь в „Шарите“: В глазное отделение клиники „Вирхов“ должны прибыть на операцию...», – и назвал дату. Затем послал меня в кабинет, где делают фотографию глаз. И снова – ожидание транспорта... Частично оно было компенсировано тем, что мне подали персональный легковой автомобиль. И я совершаю небольшую, индивидуальную, экскурсию по городу: проезжаем по набережной мимо станций метро и городской электрички «Вестхафен», далее хорошо знакомая «Биркенштрассе», грандиозное здание суда, тюрьма «Моабит». Люди моего поколения хорошо помнят книгу «Репортаж с петлёй на шее» Юлиуса Фучика. Проехали главный железнодорожный вокзал столицы, приближаемся к «Шарите». «Но, что это?» Опять – остановка. Впереди – демонстрация. Вся площадь «Роберта Коха» заполнена людьми с флагами, транспарантами. Не проехать к зданию дерматологического отделения «Шарите». Опять надо ждать. Водитель меня одного не отпускает. Он должен сдать пациента *с рук на руки*. Сидим, беседуем, ждём. Время идёт. Я ему объясняю, что идти недалеко. Справлюсь один. Видимо, ему стало меня жаль. Уж очень вид у меня был измученный. Он отдал мне мою медицинскую папку, и я не спеша направляюсь пешком к больничному корпусу. Наконец-то, вернулся в свою палату – меня ожидало продолжение операции уже в другом отделении. Одни врачи предлагают отправить меня домой до следующей операции. Но тогда возвращение в больницу потребует нового оформления. Другие специалисты возражают. Дескать, могут произойти непредвиденные осложнения. Не стоит рисковать. В итоге, я остался в «Шарите» ждать переезда в «Вирхов», в глазное отделение. Перевод намечен на начало следующей недели. В назначенный день сижу, жду. Волнуюсь от неизвестности. Наконец-то, пришли санитары, посадили в кресло и отвезли в миниавтобус. В «Вирхов»-клинике разместили в палате на двух больных.

Переодели в халат, на голову – полиэтиленовую шапочку, уложили в кровать и повезли в операционное отделение. Приехали и сразу же переложили на операционный стол. Закрепили ноги, руки, замотали голову, намазали йодом лицо. Уколы местного наркоза очень болезненны. Через некоторое время чётко слышу, как щёлкают ножницы. Такое ощущение, словно нож врача движется по кругу, отгрызая по небольшому кусочку подозрительного вида ткань. Оперирующие врачи переговариваются между собой. Переложили меня на мою кровать. Примерно через полчаса меня отвезли в палату. Постепенно стал приходить в себя, но надо ждать результат гистологического анализа.

Вскоре меня направили к анестезиологу, который задал мне много вопросов, заполняя анкету для наркоза. Наступил 9-й день моего пребывания в больнице. Казалось бы, из-за какого-то пустяка – пятнышка на лице, я надолго застрял в больнице.

Около полудня меня увезли в операционное отделение. И снова всё повторяется: продолжают уже в 4-й раз резать! Всё слышу, чувствую...

Наступил 10-й день моих испытаний. В шесть утра пришла дежурная медсестра, предложила принять разрешённые лекарства. Можно пить воду, есть нельзя, так как намечается полный наркоз.

Через некоторое время план операций изменился и мне принесли завтрак, так как операция будет проходить под местным наркозом.

Оперирующий врач пригласил меня в кабинет, проверил параметры зрения, объяснил план операции: взять по кусочку ткани верхнего века обоих глаз и пришить их к нижнему веку правого глаза и под ним. Я согласился...

Пятый раз, за такое короткое время, я – на операционном столе. Локальный наркоз. Мне казалось, всё слышу и многое чувствую. Временами достаточно больно. «Ножницы, пинцет, нож, – режут веко правого глаза. – Иглу, нитки, нет не эти, надо другие, более тонкие».

То же самое с веком левого глаза... Теперь я вижу, как перед моими глазами проносят один кусочек кожи века, затем другой, пришивают их на нужное место. Ранки зашиты, заклеены, наложена общая повязка. Операция длилась около трёх часов.

Спал ночь с облегчением. Утром медсестра почистила область вокруг глаза, я стал немного видеть. В последующие дни четыре раза в день закапывали капли в глаз и смазывали. Наконец-то, на 11-й день пребывания в больнице, еду домой. «Ура!» – думая, что уже всё позади.

Следующая явка к врачу через неделю. Вначале сняли швы с верхних век обоих глаз. Всё лицо – в синяках, как будто после хорошей драки. Потом занялись прооперированным правым нижним веком. Снятие этих швов оказалось не простым. Требуется ювелирное владение тонким хирургическим инструментом. Часть ниток осталась не удалённой, видна невооружённым глазом. Значительная часть нижнего века не прикрывает глаз, а смотрит в сторону, перпендикулярно к глазу. Может быть, постепенно всё займёт правильное положение.

Пролетела неделя, и я – на приёме в дерматологическом отделении. Осмотр прошёл благополучно, сделана соответствующая запись в паспорте больного раком. Намечен следующий контрольный термин через три месяца. В тот же день, через пару часов, я – на приёме у глазных врачей. Извлечены из века остатки ниток, снят шов, сделано фото. Нижняя часть глаза не закрывается.

Заключение: требуется следующая корректирующая операция века.

И опять я – в глазном отделении «Вирхов»-клиники. Снова всё заново: анализы, ЭКГ, визит к анестезиологу и т. д.

Погода прохладная, пасмурная, ветреная – навевала нерадостное настроение.

Накануне операции спал беспокойно, много раз вставал. Время летит, а я

всё ещё нахожусь в режиме ожидания. Состояние, ставшее в последнее время, привычным. Ради конечной цели надо потерпеть, всё вынести.

Наконец, я – в операционной. Устанавливают датчики на грудь и на средний палец левой руки, маску на лицо. Слышу голос врача: «Сделайте глубокий вдох, нормально дышите...» Разные мысли роятся в голове, воспоминания далёкого прошлого и события последних лет. Как долго продолжалась операция не знаю.

Операцию проводил старший врач отделения, и он не побоялся – рискнул дать полный наркоз. Думаю, что это правильное решение. Уснул, ничего не видишь, не слышишь, не чувствуешь, все боли и переживания – после операции. За правым ухом остался шов длиной в семь сантиметров – отсюда был вырезан кусок кожи и пришит снизу к правому веку.

Очнулся в огромном послеоперационном зале. Рядом никого не видно, но с разных сторон доносятся стоны. Я – не исключение и тоже непроизвольно стону. Болит левый бицепс, во рту пересохло, голова – не своя. Мне дали пару капель лекарства, стало чуть-чуть полегче. Легонько погладили левую руку, и боль немного отпустила. Прошу попить. Стало странно тихо. Стоны удалились. Настенные часы показывают десятый час вечера. Сколько же времени длилась операция? Некто отвечает мне издалека, что примерно около одного часа. Голова перевязана. Постепенно прихожу в себя. Смотрю только левым глазом.

Наступило утро следующего дня. Поменяли повязку. Контрольная проверка, снятие швов – через неделю. А пока, дома: капли, смазывание раны, смена повязки. Я не ожидал такой быстрой развязки, не мог представить, что после такой серьёзной операции меня так быстро отправят домой. Ведь в предыдущих операциях, проходивших под местным наркозом, даже на выходные дни не отпускали. Уточнил, не ослышался ли я? Всё верно: «Ждите. Документы готовятся».

Прилёт. Всякие мысли бродят в голове, планирую, что надо сделать в первую очередь, вернувшись домой. Полдень миновал. Принесли обед, а документов всё нет. Наконец, медсестра принесла долгожданное письмо, а медбрат вручил перевязочный материал, мазь, объяснил, как дома себя вести до контрольной встречи через неделю.

Итак, я – дома, почти здоров, процесс выздоровления продолжается.

Идёт не так быстро, как хотелось бы. Сняты все швы. Пятнышко убрали, а следы остались. Оказалось, что пятнышко непростое, а очень вредное. Так что, дорогие друзья: *с пятнышками не шутите и к врачам поспешите.*

ЕВРЕЙСКИЕ ЗВЕЗДЫ В ПОРТРЕТАХ

На страницах этого номера Альманаха мы представляем портреты крупнейших деятелей еврейской общественно-политической, философской, исторической и культурной жизни нескольких поколений народа Книги. Эта подборка ни в коей мере не претендует на полный корпус портретов. Мы использовали только те материалы, которые нам предоставили коллекционеры Тель-Авива, Берлина, Москвы, Петербурга и Черновцов. Большое им всем Спасибо. Эти портреты репродуцированы на почтовых открытках, изданных в XIX – XX веках издательствами Вены, Берлина, Киева, Москвы, Петербурга и нескольких городов государства Израиль. Ниже поданы краткие аннотации к каждому портрету. Хочется надеяться, что к этой работе проявится читательский интерес.

Мендельсон, Моисей (Мозес). 1729 – 1786 гг. – мыслитель, религиозный деятель-реформатор. Основатель еврейской школы в Берлине, где изучали Библию, Талмуд и общие дисциплины. Ему открыт памятник в Дессау.

1. Могилевер, Шмуэль. 1824 – 1898 гг. – раввин, основатель движения «Ховевей Цион» в палестинофильстве.

2. Менделе Мойхер-Сфорим (Абрамович, Шолом). 1836 – 1927 гг. – прозаик, публицист, основал языковые нормы библейских пересказов, сопровождая их грустной иронией и юмором. Назван «дедушкой» еврейской литературы.

3. Фруг, Семён (Шимон Шмуэль). 1860 – 1916 гг. – поэт, писал на русском и идише, перевёл на русский язык «Агаду».

4. Черновиц, Хаим. 1871 – 1949 гг. – талмудист, публицист, разработал методику преподавания Талмуда на иврите и идише.

5. Бреннер, Йосеф-Хаим. 1881 – 1921 гг. – писатель, писал на иврите о тяжёлой жизни местечек и жизни в диаспоре, предтеча экзистенциализма в литературе.

6. Перец, Ицхок-Лейбуш. 1852 – 1915 гг. – писатель, один из основоположников современной еврейской литературы на идише.

7. Елин, Давид. 1864 – 1941 гг. – руководитель нового Ишува в Эрец-Исраэль по изучению иврита и организатор еврейской национальной библиотеки, публицист.

8. Яффе, Лейб. 1876 – 1948 гг. – поэт, переводчик, деятель сионистского движения, издатель. Издал антологию молодой еврейской поэзии.

9. Шолом-Алейхем (Рабинович, Шолом). 1859 – 1916 гг. – прозаик, драматург, классик новой еврейской литературы.

10. Мапу, Авраам. 1808 – 1867 гг. – первый писатель эпохи Хаскалы. Исторический романист. Описывал сцены библейской жизни.

11. Гордон, Иегуда Лейб. 1830 – 1892 гг. – прозаик, публицист, просветитель. Руководитель еврейской общины Петербурга.

12. Гаркави, Авраам. 1835 – 1919 гг. – историк, востоковед. Один из основателей семитологии в России. Специалист по средневековой еврейской литературе.

13. Пинскер, Леон. 1821 – 1891 гг. – основоположник палестинофильства в России. Автор книги «Автоэмансипация» о всесторонней помощи и содействия еврейству.

14. Гинсберг, Ушер. 1856 – 1927 гг. – публицист, философ. Основатель «духовного» сионизма. Сыграл огромную роль в становлении новой еврейской литературы.

15. Мане, Мордехай Цви. 1859 – 1886 гг. – поэт, публицист, художник. Переводил на иврит русскую и немецкую поэзию.

16. Монтефиоре, Моше. 1784 – 1885 гг. – финансист, филантроп, лидер англиканского еврейства. Сыграл огромную роль в улучшении экономического развития поселенцев в Эрец-Исраэль.

17. Михоэлс, Соломон (Вовси). 1890 – 1948 гг. – режиссёр и артист Государственного Еврейского театра в Москве (ГОСЕТ). Исполнитель главных ролей в спектаклях «Уриэль д'Акоста», «Тевье-молочник», «Король Лир», «Фрейлахс» и других.

18. Бялик, Хаим-Нахман. 1873 – 1934 гг. – поэт, прозаик, публицист. Вместе с Х. Равницким составил антологию легенд и притч «Агады». Основатель детской литературы на иврите.

19. Розенфельд, Морис. 1862 – 1923 гг. – поэт, писал на идише. Его книга стихов «Песни гетто» переведена на многие языки мира.

20. Шапиро, Герман. 1840 – 1898 гг. – один из основоположников и теоретиков палестинофильства. Математик и преподаватель в Еврейском университете в Иерусалиме.

21. Дубнов, Шимон. 1860 – 1941 гг. – историк, публицист, общественный деятель, автор «Писем о старом и новом еврействе», «Истории евреев» и многих других известных трудов.

22. Бен-Иехуда, Элиэзер. 1858 – 1922 гг. – возродил иврит, как разговорный язык. Автор идеи создания в Палестине духовного центра еврейства. Составитель 18-томного «Полного словаря древнего и со-временного иврита».

23. Черниховский, Шауль. 1875 – 1943 гг. – создатель эпического жанра в поэзии, сонетов и поэм на иврите, переводчик русской поэзии и греческой поэзии.

24. Шагал, Марк. 1887 – 1985 гг. – живописец, график, иллюстратор, сценограф, монументалист. Его работы находятся во всех крупнейших музеях мира.

25. Лебенсон, Миха-Йосеф. 1828 – 1852 гг. – поэт периода Хаскалы. Автор любовной лирики, поэм и книги «Песни дочери Сиона».

26. Клаузнер, Йосеф-Гдалия. 1874 – 1958 гг. – критик, публицист, лингвист, деятель сионизма. Автор «Новой истории литературы на иврите».

27. Левин, Шмарьяху. 1867 – 1935 гг. – писатель, основатель политехнического института (Техниона) в Хайфе. Публицист и мемуарист.

28. Антокольский, Мордахай (Марк). 1843 – 1902 гг. – скульптор, рисовальщик, теоретик. Его работы находятся во многих крупных музеях мира.

29. Бен-Цион, Симха. 1870 – 1932 гг. – писатель, педагог, организовал издательство «Мория». Автор исторических романов, поэзии и прозы для детей.

30. Нордау, Макс. 1849– 1923 гг. – философ, писатель, публицист, автор программы Базельского сионистского конгресса. Странник движения практического сионизма «Ахадха-Ама», выдвинутого Х. Вейцманом.

31. Шнеур, Залман. 1887 – 1959 гг. прозаик, поэт, декадент. Тема национального пафоса. Лауреат многих национальных премий.

32. Гнессин, Ури Нисон. 1881 – 1913 гг. – писатель, автор психологических повестей на иврите. Классик еврейской литературы.

33. Меир, Голда. 1898 – 1978 гг. – политический деятель, премьер-министр государства Израиль с 1969 г. по 1974 г. Основательница партии «МАПАИ».

34. Барон, Двора. 1887 – 1956 гг. – писательница. Автор рассказов о жизни евреев Восточной Европы. Лауреат национальных премий.

35. Шейнберг, Иехуда. 1863 – 1908 гг. – писатель, основоположник литературы для детей на иврите, поэт и переводчик.

36. Соколов, Нахум. 1859 – 1936 гг. – лидер политического сионизма, журналист, прозаик, поэт, автор книг об антисемитизме.

37. Жаботинский, Владимир (Зеев). 1880 – 1940 гг. – прозаик, поэт, переводчик, лидер сионистского движения, его идеолог.

38. Герцль, Теодор. 1860 – 1904 гг. – провозвестник еврейского государства, вождь движения сионизма, публицист, организатор конгресса.

39. Эйнштейн, Альберт. 1879 – 1955 гг. – физик, математик. Создатель теории относительности. Лауреат Нобелевской премии.

40. Бен-Гурион, Давид. 1886 – 1973 гг. – организатор, первый премьер-министр и министр обороны государства Израиль.

41. Шац, Борис (Залман Борух). 1866 – 1932 гг. – скульптор, живописец, организатор школы искусств и ремёсел «Бецалель». Впоследствии – Академии.

42. Лилиен, Эфраим Мозес. 1874 – 1925 гг. – живописец, график, иллюстратор, монументалист. Один из основателей «Jugendstil» и школы «Бецалель» (см. выше).

43. Здание синагоги и школы Нордау в Микве Исраэль. Здесь проводились занятия по сельскохозяйственному обучению.

Публикация

*Леонида
Бердичевского*

и

*Игоря
Ильина.*

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

25

26

27

28

29

30

31

32

33

34

35

36

37

38

39

40

Prof. B. Schatz.

No. 254

1912

41

C. M. CICERO.

42

Building and fountain
in Milwaukee

43

ГРЕТА ИОНКИС

ГЕНРИХ ФОГЕЛЕР: «ЗИГЗАГИ СУДЬБЫ» *Продолжение. Начало см. в Альманахе «До и После» 24.*

*«А мог бы жизнь просвистать скворцом,
Заест ореховым пирогом,
Да, видно, нельзя никак...»
Осип Манделштам*

Революционная Россия своим первым декретом о мире завоевала симпатии не только немецкого пролетариата, но и левой интеллигенции. Совет Народных комиссаров предложил всем воюющим народам начать немедленные переговоры о справедливом демократическом мире без аннексий и контрибуций. С этого момента советская Россия становится светочем, маяком в глазах сознательного трудового люда. Для многих прогрессистов Запада она – символ нового мира, «родина разума и труда» (Брехт). Такой видится она и Фогелеру. Свет сияющей звезды, высоко вознесённой над московским Кремлём, башни которого ещё не увенчаны рубиновыми звёздами, заливает его картину «Красная метрополия» (1923). Свет этот как бы осеняет колонны вооружённых людей, движущихся по Белокаменному мосту нескончаемым потоком. Реют красные стяги. Бесконечный монолитный поток революционного народа выглядит почти так, как на картине Кустодиева «Большевик» (1920). Обе картины отличает прямолинейность символа: у Фогелера это – звезда, у Кустодиева – алое знамя в руках большевика, шагающего над городом. Впрочем, в картине Кустодиева можно усмотреть подтекст: уж больно устрашающе выглядит бородастый, фанатичного вида, мужик, у ног которого участники событий кажутся копошащимися муравьями, пигмеями. Того гляди, раздавит...

«Россия, кровью умытая» – так назовёт свою книгу (1924) Артём Весёлый. Название передаёт суть того, что сделали большевики с народом во имя его

«светлого будущего». Пример Петра, который «Россию вздёрнул на дыбы», видимо, их воодушевлял. Но он – на дыбы, а они – на дыбу! С высоты времени легче судить, а тогда, «в развороченном бурей быте», не только поэт (Сергей Есенин), – миллионы мучительно пытались понять, куда влечёт их «рок событий». Мировая война, эта гигантская бойня, притупила восприятие, приучила к виду и запаху крови. На Западе о гражданской войне в России, об этом огромном кровопускании, вообще не имели представления.

Знакомство и сближение с Софьей (Соней) Мархлевской, дочерью польского коммуниста, друга Розы Люксембург и сподвижника Ленина, создателя МОПРа, ректора Коммунистического университета национальных меньшинств Востока, привело художника в советскую Россию. Впервые он едет в Москву с Соней в июне 1923 г., осенью там родился их сын Ян Юрген. Год в России промчался быстро. Фогелер жил в Москве, в Кремле, с родителями Сони. В течение полугода он руководил художественным факультетом в Университете нацменьшинств. Одновременно по его решению в «Баркенхофе» был открыт детский дом для больных детей, родители которых подверглись политическим репрессиям. Это был второй в Германии пролетарский детский дом. Группы из 25 детей в возрасте от пяти до четырнадцати лет получили возможность находиться и лечиться здесь в течение 8-10 недель. Эта акция предшествовала созданию организации «*Rote Hilfe*», или «*RHD*» (не путать с движением, которое к этому времени распалось!). Это был аналог МОПРа.

В России Фогелер многого не увидел. К тому же поначалу он смотрел на новый мир глазами Юлиана Мархлевского и Сони. Он был преисполнен оптимизма. Кетэ Кольвиц, посетившая ателье художника в Берлине в сентябре 1924 г., записывает в дневнике: «Фогелер сказал, что в Германии он испытывал лишь усталость и безнадежность, а в России жизнь его снова захватила». Не только Кольвиц, но и художник Отто Нагель ссылается на восторженные отзывы Фогелера об открытости и естественности людей в России и делится своим желанием отправиться туда. Забегая вперед, скажу, что Нагель и Кольвиц побывали в СССР в 1927 г. По случаю празднования 10-летия Октября они организовали первую всеобщую немецкую художественную выставку, в которой участвовало более 130 авторов, в том числе и Фогелер.

Вернувшись в Германию, Фогелер написал и издал книгу с собственными иллюстрациями «Поездка в Россию. Рождение нового человека» (1925). Речь шла о личном: о рождении сына, но в первую очередь о формировании человека нового типа в Стране Советов. Утопические планы сотворения нового человека вскружили голову Фогелеру. Он поверил в возможность их осуществления в советской России. Мечта о новом человеке была завещана немцам Фридрихом Ницше. Фогелер не был ницшеанцем, но идея *носила*сь в воздухе. В дальнейшем представления автора «По ту сторону добра и зла»

о сверхчеловеке, который сумеет разрушить, уничтожить, перековать в себе *тварь* для самосозидания *творца* (а в человеке, по Ницше, *тварь* и *творец* соединены воедино), были извращены и фальсифицированы. «Сверхчеловек» Ницше мошенническим образом был подменён «белокурой бестией», образом, в который рядились, как герои Санина и Пшибышевского, так и маньяки государственной власти, «хотя бестиальности в них не хватало и на одну морскую свинку» (Рикарда Хух). Мечты Фогелера о новом человеке были связаны с идеей свободного созидательного труда. Россия, намеревавшаяся создавать новую цивилизацию, новую пролетарскую культуру (Пролеткульт!), подавала большие надежды. Тогда ещё мало кто понимал, в какой ад ведут эти широко и громко декларируемые благие намерения. Фогелера, создавшего в «Баркенхофе» «Трудовую школу», особенно интересовали вопросы образования и трудового воспитания в новой России.

Интерес к новой педагогике и левые взгляды послужили почвой для сближения Фогелера с молодым педагогом-новатором Хельмутом Шинкелем, который в августе 1924 г. прибыл в «Баркенхоф» и работал там вплоть до закрытия детского дома. Оба стали апологетами и одновременно пленниками коммунистического мифа о сотворении нового мира.

В то время как два мечтателя обдумывали в «Баркенхофе» способы воспитания нового человека, Германия лихорадочно и торопливо старалась обрести потерянное в войне и догнать заокеанскую державу. На обломках имперского величия утверждался новый стиль жизни, новая психология. Господствующий тонус – биологический. На экранах шёл фильм Николаса Кауфмана «Путь к силе и красоте». Многочисленные зрители с энтузиазмом приветствовали идею возрождения человеческого рода, которая преподносилась как торжество германской расы, прежде всего. «Новый человек германского разлива» – спортивный, энергичный, безликий, лишённый традиций, с унифицированным стилем одежды и мыслей – не воодушевлял Фогелера. К тому же растущий национализм, нападки на «чуждые элементы» вызывали омерзение и протест. Фогелер охотно ездил в Россию, и каждый раз живёт там подолгу. Всё лето 1925 г. он провёл в Карелии. Зимой 1926 г. он выполняет заказ: делает большие панно для здания МОПРа в Москве (впоследствии, уже при перестройке, настенная живопись Фогелера была уничтожена). Осенью того же года по собственной инициативе он предпринимает вместе с Соней и двумя московскими друзьями увлекательнейшую поездку по среднеазиатским республикам: Таджикистан, Узбекистан, Туркмения, откуда кораблём через Каспий они добираются до Баку. Путь от Ташкента до Самарканда они проделали то на попутных машинах, то пешком в сопровождении любознательного спаниеля и гружёных поклажей ишаков. Остановившись на ночлег в одной из деревушек, они обнаружили на стене комнатухи агитплакат, который Генрих недавно нарисовал для МОПРа. Такая вот нечаянная радость!

Он и во время путешествия не выпускал карандаш из рук. На рисунках, акварелях – пустыня, горы, реки, хлопковые поля, виноградники, караваны верблюдов, всадники, восточные типы в пёстрых нарядах, старые мечети, минареты, восточные базары, чайханы... Для него это был сказочный мир Шехерезады. Фогелер любил мир сказки. Он ощущал себя в нём куда уютнее, чем в реальном мире, который становился чем далее, тем более яростным.

Отношения с Соней складывались не лучшим образом. Фогелер закрыл глаза на её увлечения (она ведь так молода!) Он надеялся, что поездка снимет натяжку. Получив развод от Марты, с которой он сохранил дружбу, Фогелер женился на Соне в 1926 г., уже зная, что семейного счастья ему не видать. Он хотел дать сыну свою фамилию: он любил мальчика. Не суждено было ему найти утешение в семейной жизни. Его уделом было творчество.

Настоящее потрясение испытал Фогелер на премьере фильма Эйзенштейна и Тиссэ «Броненосец Потёмкин». Конечно же, это был новый голос новой страны. Ему, как художнику, была интересна новаторская техника фильма – игра монтажом, где кадр не элемент, а ячейка монтажа. Его поразил в монтаже принцип не столько сцепления, сколько столкновения кадров. Переживая вместе со зрителями сцену восстания, Фогелер, тем не менее, подмечал, как она сделана: всё лишнее отделено, очищено от случайного, каждый частный фрагмент картины работает на общий замысел. И ставшая знаменитой после этого фильма одесская лестница, которую ныне никто не называет иначе, как Потёмкинской! Лестница, люди на лестнице, шеренга солдат, ошестинившихся штыками, их ноги... Залп! Люди падают и катятся по ступеням. Раненая мать толкает коляску. Она несётся по лестнице вниз мимо раненых и убитых. Младенец катится к гибели. Знай Фогелер реакцию Шкловского, он бы повторил вслед за ним: «Это замечательная лестница, это новый кинематограф!» В 1920-е гг. именно в России создавалось новое искусство: Эйзенштейн, Мейерхольд, Маяковский были самыми яркими фигурами. В Берлине, в Париже, в Нью-Йорке они выступали как полпреды нового искусства и новой России и завоёвывали умы и сердца левой интеллигенции.

Сам Фогелер в эту пору разрабатывает новую манеру письма, она характерна не только для фресок, но и для его графики, живописи, плакатов. Он называет этот вид творчества «*Komplexbild*». Не найдя подходящего русского термина, попробую объяснить, что это такое. Поверхность картины рассекается на асимметричные сегменты самой разной величины и конфигурации, как в старых витражах. Каждый сегмент – фрагмент целого и в то же время – самостоятельная картина, но они все связаны сюжетно, главный мотив повторяется. В некоторых сегментах предстают укрупнённые детали сюжета другой части. Некоторые сегменты-ячейки передают различные состояния одного и того же предмета. Соседство этих напряжённых барельефов создаёт

иллюзию движения, но не плавного, а как бы неровного, толчками. Единство целого создают и световые потоки, которые, исходя чаще из центра или сверху, пронизывают всю картину, связывая фрагменты. Объединяя в одной композиции разновременные и разнопространственные мотивы, Фогелер превращает свои картины в своего рода идеограммы. В технике «*Komplexbild*» Фогелера есть нечто общее с монтажом Эйзенштейна. Тематика картин отражена в их названиях: «Летний трудовой семестр студентов», «Международная красная помощь» (1924), «Баку» (1927), «Гамбургский докер» (1928). На них представлены работающие люди, ландшафты, сельские или урбанистические, видны приметы бурной индустриализации страны: буровые вышки, трактора, локомотивы, башенные краны, станки, плотины. В реалистические сцены включена символика: серп и молот, портреты вождей, рубиновые звёзды. От них исходит пафос героики труда. Картины, плакаты, фрески – всё это яркие произведения монументальной пропаганды. Но это не просто агитпроп, это – искусство. Сегодня работы Фогелера – живая историческая память. Некоторые из них демонстрировались на прошедшей в Германии и России выставке «Москва – Берлин. *Berlin – Moskau*».

Фогелер создавал пролетарское агитационное искусство не в одиночку. Как уже говорилось, к середине 20-х гг. в Германии сложился пролетарский агиттеатр. Организатор рабочего театра, бунтарь Эрвин Пискатор, обращался к сугубо политическим сюжетам, широко используя язык плаката (на «ура» прошли спектакли «Гоп-ля, живём!», «Распутин, Романовы и народ, на них поднявшийся»). Необузданный «тигр городских джунглей», молодой Бертольт Брехт, сочетал формы пролетарского театра и кабаре. Его «Трёхгрошовая опера» (музыка Курта Вайля) имела самый ошеломительный успех в истории театра 20-х годов. Талантливый актёр, будущий соперник Грюндгенса, Ханс Отто с мобильной группой «Клепальщики» и Карл-Хайнц Мартин с группой «Трибунал» колесили по Германии. «Мы радикально изгоняли из нашей программы слово „искусство“, – пишет Пискатор. – Мы выступали для того, чтобы делать „политику“». Пискатор, Брехт, Толлер – все они из нового круга Фогелера.

На исходе 1920-х гг. «политика» вошла в каждый европейский дом. Экономический кризис потряс весь западный мир. Миллионы безработных оказались на улицах. Даже в богатейшей Америке зрели, по свидетельству Стейнбека, «гроздь гнева». А что говорить о Германии, которая едва выжила под бременем репараций за первую мировую войну. Тысячи немецких специалистов, чтобы заработать на жизнь, уезжали на новостройки неведомой Советской России, среди них был и мой отец, инженер Вилли Риве. А промышленно-финансовые олигархи откровенно звали на помощь фашистского диктатора. Власти почти открыто братались с Гитлером, с его коричневой партией.

Фогелер, находившийся в конце 20-х гг. в Берлине, тоже «делает политику». Он – активный член Правления *RHD* и одновременно член Попечительского Совета детских домов *RHD*, в который входили такие выдающиеся личности, как Альберт Эйнштейн и Томас Манн, Макс Рейнхардт и Генрих Цилле. По заданию «*Rote Hilfe*» он устраивает в районе Рура, в Тюрингии, в Бремене выставки своих работ, которые он передал в собственность *RHD*, выступает перед рабочими с рассказами о Советском Союзе. В 1927 г. в Берлине он демонстрирует десятки своих новых «*Komplexbilder*». Материально ему с его новой семьёй в эту пору живётся трудно. Соня и Ян то и дело болеют, и это неудивительно: живут они в неотапливаемом садовом домике. Фогелер озабочен поисками заработка. С 1927-го по 1930 г. он работает чертёжником и художником в архитектурном бюро, которое поставляет модели, диорамы и павильоны для промышленных выставок. Работа дизайнера-стилиста вписывается в общий поиск Фогелером социальной целесообразности его труда. Он понимает, что подобная деятельность воздействует на общественную эстетическую среду куда более глубоко и всепроникающе, чем произведения «чистого искусства». Но в 1929 г. заказы прекращаются.

В Берлине Фогелер познакомился и сблизился с Эрихом Мюзамом, Кетэ Кольвиц, Эрихом Вайнертом. Весной 1928 г. он принял горячее участие в создании Ассоциации революционных художников Германии. Фогелеры – завсегдатаи клуба «Общества политики, науки и искусства», где часто бываюут Георг Гросс, Эвин Пискатор и Иоханнес Бехер.

Гастроли московского театра Мейерхольда в Берлине весной 1930 г. были событием в жизни левой творческой интеллигенции. Спектакль по пьесе *лефовца*, неукротимого радикала Третьякова «Рычи, Китай!» задел Фогелера, как публицистичностью текста, так и подчёркнуто плакатной режиссурой. Художнику, то и дело переходящему на язык плаката, эти новации импонировали. Среди его работ этой поры почтовая первомайская открытка смотрится как безделица: красные знамёна, реющие на фоне голубого неба, трудящиеся, несущие транспаранты, на которых на разных языках запечатлён призыв из «Коммунистического Манифеста»: «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!» Типичный продукт «навязшего в зубах» агитпропа. Однако открытка приобретает особый смысл, если знать, что она была выпущена в 1929 г.

1 мая 1929 г. берлинская полиция расстреляла рабочих, собравшихся, несмотря на запрет, на первомайскую демонстрацию. Можно представить, какое потрясение испытал Фогелер в этот день, тем более, что запрет исходил от полицей-президента Берлина, социал-демократа. Коммунист Фогелер, в отличие от соратников по партии, не рассматривал социалистов, как врагов. Социал-демократы обвиняли коммунистов в том, что они «хотят развязать гражданскую войну», «втягивают рабочих в изнурительную безнадёж-

ную борьбу за недостижимые фантастические цели». Фогелер был также противником левого экстремизма. Открытка содержит «говорящую» деталь: в углу стяга, на котором призыв Маркса написан на немецком, значится аббревиатура: «KPD (O)». Буква в скобках означает фракцию в Компартии Германии, правую оппозицию, которую поддерживал Фогелер. В конце 20-х гг. левые силы в КПГ взяли верх. Леваки, следуя догме, а главное – указаниям из Москвы, пошли на разрыв с социал-демократами. Фогелер выступил с протестом против курса на раскол рабочего движения, считая его безумием в период растущего влияния нацистов. Вильгельм Пик назвал Фогелера предателем и врагом. Как «правый уклонист» он был выведен из состава Правления и исключён из рядов КПГ. До конца своих дней он оставался беспартийным и – что удивляет – не заплатил за это головой.

В августе 1930 г. RHD организовала в «Баркенхофе» выставку работ Фогелера «Новая Россия». Это был его последний приезд в Ворпсведе. Он не знал, что прощается с ним навсегда. В 1931 г. Фогелер принял решение переехать в Советский Союз. Друг покойного Мархлевского помог ему найти работу. Характер работы требовал частых командировок в южные районы страны. В свободные часы он делает много зарисовок, набросков. В результате его поездок в Узбекистан возникла «Komplexbild» – «Хлопок» (1932).

В феврале 1932 г. состоялась персональная выставка Генриха Фогелера в Музее Нового западного искусства в Москве. Отклики были благоприятны. Музей приобрёл большое полотно «Гамбургский докер», которое через несколько лет стало собственностью Эрмитажа.

Приход Гитлера к власти не был неожиданностью для Фогелера, но провокационный поджог Рейхстага и последовавший за ним арест более десяти тысяч антифашистов, среди которых были его знакомые, одновременная отмена всех статей конституции, гарантировавших свободу личности, слова, печати, собраний и союзов, ошеломили всех. «Солнце зашло над Германией. Произвол и надругательство над человеком стали законом, преступления – доблестью, расстрелы и убийства – подвигом. Всё прекрасное – опоганено, всё правдивое – оклеветано. Грязная ложь притязает на власть в этой стране. Она орёт, вопит в залах собраний, извергается из микрофонов, со столбцов газет, с киноэкрана... Гаснет свет разума, становится темно», – свидетельствует Клаус Манн.

В эту пору активизируется антифашистская публицистическая деятельность Фогелера. Вместе с Бехером он издаёт книгу «Третий рейх» (1934), где помещены его карикатуры на нацистов. В 1935 г. он становится художественным руководителем большой выставки МОПРа в Парке культуры им. Горького «Мировой фашизм и солидарность рабочего класса».

Вместе с группой немецких антифашистов побывал Фогелер в 1934 г. в Республике немцев Поволжья. Эрвин Пискатор носился с идеей создания

здесь «маленького Веймара, или немецких Афин на Волге» – с новаторским театром (он агитировал Брехта принять руководство им), с киностудией «Волга-фильм» и прочими очагами культуры. Поначалу его идеи находили отклик в кремлёвских верхах, ибо они отвечали задачам советской пропаганды, демонстрируя расцвет национальных культур, но затем были похоронены, а самому Пискатору только чудом удалось унести ноги.

Начиная с 1933 г. Фогелер сотрудничал в качестве художественного критика в еженедельнике «Московское обозрение» (в выпусках на немецком языке), в журнале «Интернациональная литература», а также в еженедельнике «*Das Wort*» («Слово»), в редакторах которого числились Фейхтвангер и Брехт, но реальным руководителем был Вилли Бредель. Считалось, что он объединяет всю немецкую антифашистскую эмиграцию, но на самом деле это было просоветское издание, работавшее под дирижёрскую палочку московских «товарищей». В 1936-1938 гг. на страницах «*Das Wort*» завязалась дискуссия о жизненной правде в искусстве, о реализме. Фогелер с интересом следил за нею и даже принял в ней участие. Накануне дискуссии монументальные «*Komplexbilder*» Фогелера попали под обстрел критики «неистовых ревнителей» соцреализма. Фогелер полагал, что его новаторская техника призвана передать «динамику нашей героической эпохи», но «товарищи» обвинили его в формализме. Это расхожее обвинение настигло и погубило революционеров театра: Мейерхольда, Третьякова, Таирова. Оно преследовало молодого Шостаковича. Брехта призывали сделать выбор «между реакционной формой и революционным содержанием». Фогелер не был исключением. Борьба с формализмом в форме дискуссий-проработок совпала с набиравшей обороты кампанией репрессий.

Фогелер отступил не из-за страха (он поначалу не понимал ситуации, да и русским языком почти не владел), а следуя принципу «не навреди». Логика его поведения была такова: советское государство, его искусство ещё, дескать, молодо, при этом развивается во враждебном окружении. Недостатки – неизбежные болезни роста. Публичной критикой воспользуются враги. Не пойдёт же он путём «предателя» Андре Жида! Уж лучше «наступить на горло собственной песне». Эта линия поведения соответствовала губительной идее растворения личности в массе ради общего дела, которая возобладала в советской (и в нацистской!) идеологиях. Помните, у Маяковского: «Единица – вздор! Единица ноль!» Победить можно только, если «каплей льёшься с массами». Иоганнес Бехер теперь воспевал массу, в которой индивидуальность неразличима.

Отказавшись от новаторской техники, Фогелер не отрёкся от идей молодости. Именно интерес к личности способствовал успеху его портретной живописи, однако тонкий психологизм его портретов вызывает недовольство adeптов соцреализма, требующих изображать типические характеры в

типических обстоятельствах. Фогелер-художник всё больше ощущает свою чуждость и неуместность в советском изобразительном искусстве. Зато личное знакомство с бельгийским экспрессионистом Францем Мазерелем, побывавшем в Союзе в 1935 г., стало для него большим утешением. Он написал о нём книгу, она была издана в Москве на русском языке в 1937 г.

Никогда не отходивший от предметного изображения реального мира, Фогелер много размышляет о классическом искусстве и новаторстве, о натурализме и формализме и, конечно же, о близком ему движении в искусстве – экспрессионизме. Он по-новому оценивает творчество рано ушедшей Паулы Модерзон-Беккер. Он пишет статью о ней, утверждая, что её искусство, преодолевая конкретность времени, *обнажает первичную суть вещей*, оно таит в себе животворящий зародыш, из которого только и может развиваться искусство будущего. До появления в России такого искусства он не дожил. Прозрения Фогелера относительно искусства Паулы подтвердило время: в 2008 г. в Кёльне проходила выставка, на которой портреты Модерзон-Бейкер были представлены в соседстве (попарно) с «фаюмскими портретами» (так у нас называют посмертные портреты на дереве, связанные с египетским культом мёртвых, выполненные на рубеже дохристианской и новой эры). Они были обнаружены при раскопках в Фаюмском оазисе, южнее Каира. Почти 2000 лет отделяют их от работ Паулы Модерзон-Бейкер, но сходство поразительно. Фогелеру это сходство открылось много раньше, чем нынешним искусствоведам.

Советско-германский пакт Молотова – Риббентропа, или, как его называют в западной печати, Сталина – Гитлера, выбил почву из-под ног немецких антифашистов. Антинацистская пропаганда в СССР была свёрнута и запрещена, а между тем гитлеровские войска уже вторглись в Польшу. Фогелер оказался между двух огней. В Германии его имя, как врага рейха, было внесено в проскрипционные списки СС. В России второй родины он не обрёл. Оказавшись не у дел, Фогелер начинает писать автобиографическую книгу, которая впоследствии будет опубликована под названием «Верден. Воспоминания». Показательно, что и Бехер, положение которого в московских кругах было куда более прочным, в эту трудную пору обратился к жанру автобиографического романа. Фогелеру, однако, не сидится на месте. Он отправляется в Одессу, где делает декорации для немецкого самодеятельного кукольного театра. Здесь, в мире сказок и баллад, он ощущает себя в своей стихии. Между тем почва стала уходить из-под ног с началом партийных «чисток» и «московских процессов», которые переросли в Большой террор, достигший апогея в 1937-м. «Мы живём, под собою не чуя страны...» – Осип Мандельштам в этих стихах выразил общее настроение людей в те страшные годы.

Всё это время вплоть до эвакуации Фогелер жил неподалёку от Кремля в «Доме на Набережной», о котором позже написал Юрий Трифонов. Сейчас фасад этого огромного серого здания (эдакая конструктивистская бетонная махина на берегу Москва-реки) сплошь покрыт мемориальными досками в память о тех жильцах, кого в течение трёх, а то и более лет увозили ночами в пыточные камеры Лубянки. Вряд ли Фогелер знал этих партийных и государственных деятелей, но он знал Мейерхольда, Райх, Третьякова, Стенича. Они исчезли. Нажим на политэмигрантов, нашедших убежище в Советском Союзе, был очень силён. Были распущены некоторые организации Коминтерна, закрыты немецкие клуб им. Тельмана и школа им. Либкнехта. Немецкая колония поредела. Кое-кто был выслан в 24 часа. Были арестованы знакомцы Фогелера: жена Эриха Мюзама, замученного нацистами, актриса театра Брехта, блистательная Карола Неер, Мария Остен, неофициальная жена Михаила Кольцова, а затем и близкий друг Фогелера ещё со времён «Баркенхофа» – коммунист Хельмут Шинкель. До ареста он был директором школы им. Либкнехта, где учился сын художника. Его дальнейшая судьба оказалась тайной за семью печатями даже для родных, не то, что для Фогелера.

В московском пединституте со мной училась Тамара Шинкель, приехавшая в начале 50-х гг. с группой студентов из ГДР. Нас удивлял её потрясающий русский: ни малейшего акцента, сыплет шутками-прибаутками, поговорками, скороговорками. Правду о её происхождении я узнала только-только, да и то случайно. Моя немецкая подруга, бывшая сокурсница, дочь казнённого в Бранденбургской тюрьме антифашиста Ганса Шельхаймера, узнав, что я пишу о Фогелере, спросила, помню ли я Тамару. Тут и выяснилось, что Тамара – дочь его друга, Хельмута Шинкеля, умершего от пеллагры в одном из сталинских лагерей в 1948 г. Детство и отрочество она провела в России и, как все мы, прониклась страхом, научилась молчать. Только теперь решила она заговорить об отце и признаться в том, что среди её предков – прославленный придворный архитектор Карл Фридрих Шинкель. Каждый может сегодня полюбоваться на творения его рук: кирху в самом центре Берлина и классическое здание «Новой Караульни» («*Neue Wache*»), ныне Мемориал, построенные в первой половине XIX века. Вот какие неожиданные повороты преподносит жизнь! Так я ещё раз, пусть косвенно, но соприкоснулась с историей «Баркенхофа», его обитателями. А какая удивительная перекличка трагических судеб Генриха Фогелера, Хельмута Шинкеля, отца моей подруги Эвелины и моего отца, «взятого» НКВД в 1937-м, через два месяца после моего рождения!? Все они, и мы, их дети, были распяты на кресте двух тоталитарных режимов XX века.

Пятидесятилетний юбилей творческой деятельности Фогелера был отмечен в конце мая 1941 г. В выставочном зале московского Союза советских художников прошла его персональная выставка (экспонировалось 80 работ последних двух десятилетий, при этом ни одной «*Komplexbild*», т.е. самого значительного и лучшего, из созданного за это время, не показали). Открывал выставку недавний противник Фогелера – Вильгельм Пик. Каталог был написан другом Эрихом Вайнертом. На выставке Генрих Фогелер был представлен как художник-пейзажист – и только. Замечу попутно, что справедливость, пусть с большим опозданием, но была восстановлена: в 2005 г. в Москве с огромным успехом прошла выставка Генриха Фогелера, где он предстал как мастер широкого диапазона, большой художник-новатор.

Начало войны застало его в Тарусе. Вернувшись в Москву, Фогелер вместе с Бехером, Фридрихом Вольфом, Вайнертом и Густавом фон Вангенхаймом включился в пропагандистскую работу политотдела Красной Армии: они готовили листовки-обращения к немецким солдатам, призывая их выступить против гитлеровского режима, бросать оружие и перебежать в Красную Армию. И в этой деятельности проявилось незнание истинного положения вещей и стремление выдать желаемое за действительное: немецкие антифашисты не без воздействия советской пропаганды исходили из того, что Гитлер не имеет поддержки в массах, что немецкие солдаты действуют только под дулом автоматов эсесовцев. Увы, в действительности всё обстояло иначе...

Эвакуированный из Москвы 13 сентября 1941 г., Фогелер разделил участь советских немцев, поднятых с родных мест и высланных в Сибирь, Казахстан, на Север. О чём думал он, умирая? Кто являлся ему в последний час в комнатке-клетушке больничного барака? Видел ли он сына в строю новобранцев в солдатской гимнастёрке и пилотке на остриженной голове? Его Ян Юрген пошёл добровольцем на фронт в свои неполных восемнадцать, и он сам проводил его на сборный пункт. Или являлась ему Паула, танцующая босиком на лужайке перед домом в «Баркенхофе» с венком из полевых цветов на распущенных волосах? В лучах заходящего солнца её белые развевающиеся одежды казались розовыми, а русые волосы – золотыми. Или виделась ему синь небес – глаза Райнера-Мария Рильке, друга молодости, когда им так хорошо дышалось чистым воздухом Ворпсведе? Поэт давно пришёл к той правде, которая открылась Фогелеру лишь под конец: «Кто о победе будет говорить? Нам надо выстоять – и это всё».

Эти слова оказались путеводными и для нашего поколения.

РЕГИНА КОН

«Я ПРОСТО ИГРАЮ, ЧТО НАПИСАНО...»

К 125-летию со дня рождения пианистки Клары Хаскил.

Весна 1942 года. Франция оккупирована немецкими войсками. Облавы, аресты, депортации. В подвале, принадлежавшего графине Лили де Пастре роскошного шато де Монтредон, к югу от Марселя, тайно (пациентка – еврейка), проводится операция по удалению опухоли гипофиза. Хирург, светило медицины, каким-то чудом был переправлен из Парижа. От общего наркоза пациентка отказалась, ведь она пианистка и должна быть уверена, что последствия операции не отразятся на профессиональных способностях.

Кто же была эта отважная женщина? Ее звали Клара Хаскил.

Чарли Чаплин говорил: «За свою жизнь мне довелось встретить трёх гениев – это профессор Эйнштейн, Уинстон Черчилль и...». Третьей названа она.

Клара Хаскил родилась в 1895 году в Бухаресте, и была второй из трёх дочерей в сефардской семье. Её отец, Исаак Хаскил, преуспевающий еврейский коммерсант перебрался в Бухарест из соседней Бессарабии. Старшая сестра Клары, Лили, стала пианисткой, младшая, Жанна, – скрипачкой.

Увы, в жизни Клары Хаскил счастливыми были только первые три года. В 1898 году благополучие семьи сильно пошатнулось из-за опустошительного пожара, а год спустя отец Клары умер от воспаления лёгких. Девочку воспитывал дядя со стороны матери, Авраам, который отказался от успешной карьеры врача и полностью посвятил себя заботам о чудо-ребёнке, став для племянницы и надёжной опорой, а, порой, невыносимым деспотом.

Музыкальные способности Клары, в самом деле, проявились очень рано. Когда ей было семь лет, румынская царица назначила ей стипендию для обучения в Вене у знаменитого педагога Рихарда Роберта. Отношения Роберта с учениками характеризовались исключительной теплотой, один из них вспоминал: «У него не было „метода“, он не готовил исполнителей на фортепиано (как он ненавидел эти слова!), но для всех своих студентов он был самым любящим проводником в глубинную суть музыки, чьи секреты он знал, как никто».

Учёба давалась Кларе поразительно легко, но от природы девочка оказалась очень слабой и болезненной. Это замечают и публика, и критика. После триумфального выступления девятилетней Клары на концерте в Вене многие выражали сожаление, что такой редкий талант достался столь хрупкому созданию, заведомо не способному вести изнурительную жизнь профессионального пианиста.

После трёх лет занятий в Вене Роберт отправляет Хаскил в Париж с рекомендательным письмом к Габриэлю Форте. Парижские годы оказались самыми тяжёлыми в жизни Клары. Она поступила в класс к Альфреду Корто, швейцарскому пианисту и дирижёру, создавшему с Жаком Тибо и Пабло Казальсом легендарное трио, образец для музыкантов всех времён.

Клара стала... нелюбимой ученицей великого пианиста. Трудно было представить себе две более несходные артистические натуры, чем Корто и Хаскил. Он – волевой, общественно-активный, неутомимый музыкант, у которого каждая нота – яркое произведение искусства. А она – тихая, замкнутая, застенчивая и слабая, скрючившись в три погибели за роялем, как бы, просто что-то там себе наигрывающая.

Но юная Клара упорно продолжала совершенствовать своё мастерство – брала частные уроки на стороне и начала потихоньку участвовать в концертной деятельности. Закончив консерваторию в 1910 г. с высшей наградой, она получила приглашения выступить с концертами в Швейцарии, Италии и в родной Румынии. После триумфального выступления в Цюрихе Ферруччо Бузони, крупнейший пианист-виртуоз и композитор, предложил ей поехать с ним в Берлин и стать его ассистенткой. Но этому сотрудничеству не суждено было состояться – Клара была несовершеннолетней, а её мать была категорически против.

23 декабря 1913 г. Клара исполняла в Лозанне «До-минорный Концерт» Сен-Санса, не подозревая, что в следующий раз ей доведётся подняться на сцену только шесть лет спустя!

Причиной был чудовищный сколиоз, развившийся до такой степени, что грозил Хаскил инвалидностью. Ни о концертах, ни о многочасовых занятиях за фортепиано не могло быть и речи. Врачи направили её в Беркюр-мер, небольшой городок на самом севере Франции, где находилась специализированная клиника для подобных больных. Поколебавшись, ведь лечение сколиоза в те времена было совершенно варварским, Клара в сентябре 1914 г. всё же приняла решение поступить в клинику.

Выйдет она оттуда лишь в ноябре 1918 г., – почти день в день с окончанием Первой мировой войны.

Сперва Клару закатали в гипс. После нескольких недель мучения его сняли, а больную перевели к другому врачу, который применял более гуманные методы и постепенно сдружился со своей юной больной. Изредка

он разрешал ей вставать и даже приглашал поиграть на фортепиано у него дома. К счастью, у жены врача были ноты фортепианных концертов Моцарта. Клара выучила их все, лёжа в кровати и выстукивая пальцами. Вероятно, именно тогда у неё сложились особенные личные отношения с музыкой великого композитора.

Из клиники она вышла, если не полностью выздоровевшей, то по крайней мере, в состоянии вернуться за инструмент и возобновить карьеру.

Париж встретил Клару неприветливо. Тогдашняя парижская культурная жизнь напоминала искрящийся праздник. Болезненной, застенчивой и молчаливой девушке было непросто вписаться в эту «тусовку». Редкие выступления едва давали возможность свести концы с концами.

Но, к счастью, у Хаскил постепенно появились почитатели, и среди них влиятельные люди, организовавшие ей два концертных турне по США – в 1924 и 1925 гг. В Филадельфии она играла «Концерт» Шумана в сопровождении оркестра под управлением выдающегося дирижёра Леопольда Стоковского, после чего тот дал восторженный отзыв. И это была оценка музыканта, регулярно сотрудничавшего с самим Сергеем Рахманиновым!

А когда Хаскил возвращалась из первого заокеанского турне, то должна была играть для путешествующей на трансатлантическом лайнере публики «Второй Концерт» Рахманинова. Неожиданно разыгралась сильная буря. Тем не менее, концерт состоялся: матросам было поручено держать рояль и табурет, чтобы они стояли неподвижно, а пианистка играла. Сила воли и упорное противостояние не только морским, но и самым различным жизненным стихиям, всегда отличали её.

Самая первая запись пианистки была сделана в 1934 г. Она исполняла «Сонату Ре мажор» испанского композитора XVIII в. Антонио Солера.

Вторая мировая война застала Хаскил, как и всех парижан, врасплох. Покинуть Париж до прихода немцев она не успела, а для неё, еврейки, это было вопросом жизни и смерти. Нелегально, с поддельными документами, ей удалось присоединиться к музыкантам Национального оркестра Франции и вместе с ними перебраться в Марсель.

Клара укрылась в роскошном замке в необарочном стиле, окружённом засаженным платанами огромным парком с прудами и каналами, принадлежавшем подруге Эдит Пиаф, графине Лили Пастре. В 1940 г. графиня возглавила Ассоциацию «Торжество духа», которая помогала деятелям искусства найти убежище.

В её замке скрывались композитор Норберт Гланцберг, написавший для Эдит Пиаф знаменитейшую песню «Падам, падам...», хореограф и секретарь Дягилева Борис Кохно, известный сценограф Кристиан Берар, дирижёр Мануэль Розенталь, ученик Равеля.

Бесчисленные маленькие гроты, укрытые кустами, в случае облавы могли стать убежищами, и затворники даже засекали время, которое требовалось, чтобы добежать до них при малейшей угрозе.

Жители замка регулярно устраивали вечерние концерты. Для поощрения творчества графиня назначила премию 5000 франков за лучшее исполнение фортепианных сочинений Брамса. Вершиной её продюсерской деятельности стала постановка «Сна в летнюю ночь» при лунном свете в ночь на 26 июля 1942 г. с 52 актерами на сцене и на музыку Жака Ибера, чьи произведения были официально запрещены к исполнению, ведь композитор был евреем. Постановку сопровождал Национальный оркестр под управлением Мануэля Розенталя. Костюмы для всех участников сшил из портьер шато Монтредон молодой Кристиан Диор.

После тайной операции графиня де Пастре помогла Кларе бежать в Швейцарию, где та в итоге и обосновалась, получив в 1949 г. гражданство.

С 1951 г. Хаским жила в Веве, городе на берегу Женевского озера, между Лозанной и Монтрё, в центре традиционного винодельческого региона Лаво.

Только в послевоенные годы, уже на шестом десятке лет, Кларе Хаскил довелось узнать и заслуженную славу, и относительное благополучие. Она выступает вместе с лучшими музыкантами, оркестрами и дирижёрами, а звукозаписывающая компания «Philips» предлагает ей эксклюзивный контракт.

В эти же годы Хаскил знакомится с молодым бельгийским скрипачом Артюром Грюмьо и они организуют уникальный дуэт. Грюмьо считал, что музыкальное партнерство с Кларой Хаскил было одной из самых больших творческих удач в его жизни...

Она сама прекрасно играла на скрипке, и иногда во время концертов они с Грюмьо менялись инструментами – ради собственного развлечения и к удовольствию публики. Несмотря на большую разницу в возрасте (она была вдвое старше), им удалось стать близкими друзьями, и смерть Хаскил оказалась для Грюмьо большой личной утратой.

Говоря о творчестве Клары Хаскил, невозможно обойти вниманием её интерпретации Моцарта, хотя она утверждала: «Я не интерпретирую Моцарта, я просто играю, что написано».

Вот как вспоминала о выступлении Хаскил крупнейшая российская пианистка Татьяна Николаева.

Николаеву впервые выпустили за рубеж в 1956 г. – она должна была выступать в Зальцбурге. В Москве ей все говорили: «Обязательно постарайся послушать Караяна – это новый Тосканини».

Следуя этому совету, Николаева пошла на концерт Лондонского филармонического оркестра, исполнявшего произведения Моцарта под управлением Герберта фон Караяна.

«Программа была странной: вначале симфония „Юпитер“, а потом „Концерт Ре минор“ с пианисткой, имя которой было мне незнакомо. Трактовка симфонии была превосходной, оркестр – великолепным, но Караян не был тем новым Тосканини, которого мне расхваливали в России.

С утра у меня была репетиция, и в антракте я хотела уйти, но всё же осталась. Вдруг на сцену вышла старушка с седыми волосами, уложенными в бесформенный пучок. Она шла, сгорбившись и едва волоча ноги, а за ней следовал Караян, не сводивший с неё глаз. Я подумала: „Боже мой, она же не сможет играть! Мне стало так за неё страшно, что захотелось убежать“. Во время оркестрового вступления она сидела неподвижно, низко склонившись над клавиатурой. Караян дирижировал изумительно, но никакого Тосканини, как и прежде, за пюпитром не было. Подошла очередь фортепиано. Хаскил сыграла первую фразу, и я в ту же секунду залилась слезами. Ей ответил преобразившийся оркестр, и Караян внезапно стал Тосканини!»

Ве́е, где жила Клара, посещали в свое время многие творческие личности: Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский, Н. В. Гоголь, П. А. Вяземский.

Генрик Сенкевич, Чарли Чаплин и Грэм Грин провели здесь последние годы жизни.

Чаплин был очень дружен с Хаскил. Они жили по соседству, и единственная известная киносъёмка пианистки была сделана весной 1958 г. в доме великого Чарли. По случаю присуждения Кларе Хаскил ордена Почётного легиона Чарли Чаплин пригласил друзей, чтобы чествовать её в хорошей компании.

Но за славу и успех приходится платить. Ритм жизни стал слишком напряжённым для хрупкого здоровья артистки. В декабре 1960 г. она вместе с сестрой Лили приехала в Брюссель, где должно было начаться её концертное турне с Артюром Грюмьо. На вокзале Клара почувствовала слабость, поскользнулась и упала с лестницы. В бессознательном состоянии её доставили в больницу, где она скончалась от полученных травм. Похоронена в Париже, на кладбище Монпарнас.

В Ве́е ей установлен памятник, в её честь названа улица, на доме, где она жила установлена мемориальная доска, а с 1963 г. там ежегодно проходит Международный конкурс пианистов имени «Клары Хаскил».

ГЕНРИЕТТА ЛЯХОВИЦКАЯ

Из автобиографических записей «Мой взгляд в искусствознание»

«НЕ В СИЛАХ ЗАМУТИТЬ ОРИГИНАЛА»

Поэт Дмитрий Бобышев – «Живая легенда. Классик русской поэзии»

2 июня 2020 года в авторской видеопрограмме Максима Кравчинского «Я расскажу вам» под названием «Дмитрий Бобышев. Легенды и факты» прозвучало: «Вас ждёт встреча с живой легендой, классиком русской поэзии».

Я тоже «расскажу вам» о поэте Дмитрие Бобышеве, о его поэзии, о нашем общении, поэтому позволила себе воспользоваться в подзаголовке словами Максима Кравчинского.

Станным образом, непростительно долго не знала я поэта Дмитрия Бобышева. Не понимаю, как могла случиться «невстреча» с ним и его поэзией, пока я жила в Ленинграде. Ведь читала же я напечатанные на машинке стихи молодых Бродского, Кушнера, девочки Елены Шварц и других, когда бывала в Писательском доме на Петроградской стороне, навещая мамину сестру с её мужем – литературоведом профессором Д. Максимовым, который пестовал литературную молодёжь. Имена Рейна и Наймана были на слуху. На работе рассказывал мне сослуживец Н.Л. Готхарт о своём частом общении с Ахматовой в Комарово, куда он ездил, чтобы помочь ей в быту (его записи о беседах с нею были позже опубликованы в Америке). Но о Бобышеве речь не заходила...

В 2003 году, уже семь лет живя в Берлине, я с удивлением обнаружила однажды в своём почтовом ящике не упакованную и никому не адресованную книжку: «ГОРОД ТЕКСТ. Петербург в стихах петербургских поэтов. Антология, 300-летию города на Неве посвящается».

Открывают Антологию стихи Дмитрия Бобышева. Второе из них – о четырёх грифонах, которые не просто украшают знаменитый Банковский мост через канал Грибоедова, но и удерживают вес моста, поразило меня:

Крылатый лев сидит с крылатым львом
и смотрит на крылатых львов, сидящих
в такой же точно позе на другом
конце моста и на него глядящих
такими же глазами.
Львиный пост.

Любой из них другого, а не мост
удерживает третью существа,
а на две трети сам уже собрался,
и, может быть, сейчас у края рва
он это отживающее братство
покинет...

И далее – строфы такой психологической напряжённости, что стихотворение превращается в драму. И в каждой строке – упругость, образность, динамика и смысловой подтекст: «железо напряжённого прута...», «... не разорвав чугунный организм противоборцев», «...подворотенная муть, не в силах замутить оригинала, подёргивает зеркало канала нечистым отраженьем».

Завершающая строфа не только не снимает напряжение, но усиливает его, парадоксально связывая противоположности: «неподвижный разворот», «ненависть любя»:

Над рвом
крылатый лев сидит с крылатым львом
и смотрит на крылатых львов напротив
в их неподвижно-гневном развороте,
возможно, даже ненависть любя,
он видит повторённого себя.

Это стихотворение само по себе (без посвящения) – подлинный поэтический шедевр об одном из самых выдающихся творений в Санкт-Петербурге. Но посвящение свидетельствует, что речь идёт об «отживающем братстве» четырёх поэтов. Поэтому, чтобы сравнить, разыскала я стихи об этом братстве Евгения Рейна, Анатолия Наймана и Иосифа Бродского. На мой взгляд, ни один из них не сумел даже приблизиться к уровню поэтического мастерства Дмитрия Бобышева.

*

Чтобы завершить тему *братства четырёх поэтов*, нарушу хронологию повествования и приведу стихотворение Бобышева, найденное на его сайте в конце сентября текущего 2020 года.

ВСЕ ЧЕТВЕРО

Закрыв глаза, я выпил первым яд,
и, на кладбищенском кресте гвоздима,
душа прозрела; в череду утрат
заходят Ося, Толя, Женя, Дима
ахматовскими сиротами в ряд.
Лишь прямо, друг на друга не глядят
четыре стихотворца-побратима.
Их дружба, как и жизнь, необратима.
1971

Стихотворение создано четыре года спустя после смерти Анны Ахматовой. На её могиле «кладбищенский крест»... Душа, «гвоздима» на кресте-распятии – сильный образ... «Ахматовские сироты» – знаменитое определение осиротевших стихотворцев-побратимов... Необратимость их дружбы, как и жизни – ёмкое философское завершение...

Всё было мне понятно в этом мастерски написанном восьмистишии, *кроме первой строки*. И я решила при встрече в скайпе попросить пояснение у самого Дмитрия Васильевича. Опечаленно помолчав, он рассказал, что первым решился взять на себя вину за распад братства, хотя в этом была не только его вина.

Да, жизнь необратима, но каким плодотворным для каждого оказалось время содружества молодых стихотворцев-побратимов в магическом поле влияния Анны Ахматовой!

*

Возвращаюсь в прошлое. Зная, что в *апреле 2006 года* Д. Бобышеву исполняется 70 лет, решила попробовать с ним связаться, чтобы попросить известного юбиляра о стихах для юбилейного десятого номера нашего Альманаха «До и после». Предварительно я посоветовалась с главным редактором Леонидом Бердичевским. Он сказал: «Поэт – очень значителен и не даст тебе свои стихи». Я возразила: «Это, смотря как попросить». В интернете отыскался электронный адрес, и *5 апреля* я послала, почти без надежды на ответ, такое письмо: «*Удивительному поэту Дмитрию Бобышеву от восхищённой читательницы (и члена редколлегии ежегодного берлинского альманаха «До и после»)*. В Антологии «ГОРОД ТЕКСТ», составленной

Ольгой Бешенковской, я прочла Ваше потрясающее стихотворение с посвящением Евгению Рейну. Лица моих собственных стихов, тоже помещённых в Антологии, среди которых есть и о «златокрылом Грифоне», побледили при встрече с полыхающими ликами Ваших творений.

Осмеливаюсь просить, сразу ответить в случае, если это письмо дойдёт до Вас, чтобы сообщить желательность или, напротив, нежелательность контакта. Сейчас формируется 10-й номер нашего эмигрантского альманаха, и для нас было бы честью, если бы для юбилейного номера мы получили в подарок от Вас, видного юбиляра этого года, что-либо из Вашего творчества.

Понимаю наглость просьбы о безвозмездном подарке, но в нескольких библиотеках Берлина наш альманах читают, в том числе и в известной Государственной библиотеке Берлина.

Заранее благодарю за любой ответ. *Генриетта Ляховицкая* (ленинградка и петербурженка, десяток лет живущая в Берлине).

Оказалось, что поэт об Антологии ничего не знал и очень рассердился на Ольгу за то, что ему не выслан авторский экземпляр, но я написала ему: «Пожалуйста, не обижайтесь на Ольгу. Она сделала благое и нелёгкое дело. Антология познакомила читателей со стихами, многие из которых не на слуху, и сохранила их на бумаге, гораздо более надёжной, чем виртуальность интернета. Ольга отдала много сил изданию в Германии русскоязычного толстого журнала «Родная речь». За такие труды, за неравнодушие к русской литературе в эмиграции мы должны быть ей благодарны. Уже несколько лет Ольга неизлечимо больна, а сейчас дни её сочтены. Помолимся за неё». Он немедленно снял все претензии и сообщил, что будет за неё молиться.

6 апреля пришёл ответ на моё обращение от 5 апреля:

«Здравствуйте, *Генриетта!* Ваше любезное письмо дошло до меня, и пламенеющие, словно поздняя готика, комплименты оказались как раз ко времени. Большое спасибо <...>

Спасибо за приглашение поучаствовать в Вашем альманахе. <...> Хотелось бы узнать, вывешен ли этот альманах в интернете, а также – что именно Вы хотите там печатать: стихи, прозу, критику? Всего наилучшего.

Дм. Бобышев.

Моё письмо в тот же день: «Спасибо за мгновенный ответ! Ещё до деловых строк замечу: меня обрадовало упоминание Вами «пламенеющей готики». В одном давнем рассказе, действие которого происходит в Руане, я воспользовалась этим определением поздней готики». Затем, пространно охарактеризовав альманах, попросила: «Если после такого описания Вы захотите прислать в альманах свои стихи, то они дали бы нам возможность особо отметить Ваш юбилей.

Не скрою, мне было бы чрезвычайно интересно установить с Вами *личный* контакт. Я ведь именно благодаря «Городу Тексту» влюбилась в Ваши стихи. А оказалось, что наши пути могли не однажды пересечься в Питере, но нет... Между прочим, я там родилась в 1938 г., в апреле.

В ответ были присланы стихи «Молодая звезда» и «Воспоминание об империи» для нашего 10-го Альманаха с такими сопроводительными строками: «Посылаю Вам стихотворения в память о нашей давней «невстрече». Они и написаны как раз «До и после», что и имеет в виду Ваш альманах.

Рад общению с Вами. Всего доброго. *Дм. Бобышев*».

*

Стихи и судьба поэта продолжали занимать-заполнять мои мысли. Именно *11 апреля*, в день его рождения, экспромтом возникло у меня такое стихотворение:

К ЮБИЛЕЮ ДМИТРИЯ БОБЫШЕВА

Дмитрий – мариупольский росток*
с берегов песчаного Азова –
допьяна насытил мой восторг
первозданной силой мысли-слова.

Питер-холод, Питер-голод, строг,
«ждановы» – пятой городского:
«Растоптать поэзию! В острог
и блудницу, и того – другого...»**

Мариуполь довоенный смог
породить весной тридцать шестого
будущего Мастера.

Сквозь смог
времени жестоко-непростого,
сквозь репрессий кровавый сток,
пробиваясь истоиво всё снова,
развернулся и расцвёл росток
вечно-поэтического слова!

Пояснения к экспромту:

*«Бобышев, Дмитрий Васильевич, поэт (11. 04. 1936 Мариуполь). Б. Вырос в Ленинграде, где во время блокады умер его отец... Самым значительным событием, непосредственно утвердившим Б. как русского поэта, была встреча с Анной Ахматовой в 1960». *В. Казак «Лексикон русской литературы XX века».*

«Мариуполь, назв. г. Жданова до 1948. Г. Жданов – порт на Азовском море назван в честь А.А. Жданова». *Советский энциклопедический словарь, 1981 г.*

***«...Блудница и монахиня, у которой блуд смешан с молитвой. Такова Ахматова с её маленькой, узкой личной жизнью, ничтожными переживаниями и религиозно-мистической эротикой». Из доклада Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград». Огиз Госполитиздат, 1946.*

Из рассказа Д. Бобышева о своей судьбе: «В разговорах с Ахматовой... сложнее всего для меня были её «мхатовские» паузы... Казалось, эти разговоры будут длиться вечно. Но вот – 40 лет назад её вдруг не стало».

Из интервью с поэтом, опубликованного в «Еврейской газете» (Берлин), апрель 2006.

Всё это было послано электронной почтой как поздравление с днём рождения поэта.

То, что я получила в ответ *12 апреля*, стало подтверждением известной мысли: «Дарящий делает подарок и себе самому»:

«Милая Генриетта! Я изумлён, растроган и восхищён. Спасибо преогромное. Вы ещё и Мастерница: стихотворение построено всего на двух рифмах, и каких крепких! Чудесный подарок.

Ваш Дмитрий Бобышев».

Внимательно перечитывая свои пояснения к экспромту, заметила, что ещё больше совпадений и круглых дат сошлись в этом году, чем я думала, когда писала стихотворение. Гнусные доклады Жданова на собрании партийного актива и в Ленинградском отделении Союза писателей, палаческие постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», о репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению, о кинофильме «Большая жизнь» – всё это было именно 60 лет назад, в 1946 году, когда ныне 70-летнему поэту было 10 лет. Не чудо ли, что в такой атмосфере взошёл и расцвёл его талант, отмеченный редкостной печатью настоящей творческой свободы?! Возможно, что именно атмосфера с «повышенным давлением» вызывает увеличение силы сопротивления...

*

Общение с Д. Бобышевым продолжилось и после того, как мне удалось переслать ему 10-й Альманах.

Вся наша переписка заняла бы слишком много места, но одно своё стихотворение, посланное поэту, приведу как отклик на его строки.

ДИПТИХ О РАЗНОСТИ СТИХОВ

«...А чудо ангелического слога...

и самобытие мазка, боюсь,

даются только за чертой итога»

Д. Бобышев «Перо и кисть»

1.
Ваше слово завладело мною –
увлекает каждая строка.
Года два меж нами – не века,
в днях рожденья связаны весною,
но в стихах так разность велика.

2.
Рождением обязаны апрелю,
мы оба... Разность слога велика:
пишу стихи неброской акварелью
в сравненьи с «самобытием мазка»
любого в Вашем ярком слоге.

По счастью, дан он Вам
не «за чертой итога»,
и хорошо, что разность велика.

*

«Чудо слога» и «самобытие мазка» даны поэту явно не «за чертой итога». Об этом свидетельствуют его стихи, по мере знакомства с которыми я всё более убеждаюсь в *самобытности* его таланта.

Поэзия Бобышева заслуживает обширных статей профессиональных литературоведов, я же приведу лишь некоторые из многих привлекательных для меня свойств его стихов:

Присутствие мысли – поэт наделён особым даром «первозданной силы мысли-слова» – эта цитата из одного его стихотворения содержит всего четыре слова, но каждое из них столь значимо и они так искусно спаяны воедино, что обретают мета-смысл. Первозданная – предсуществующая сила мысли-слова проявляется во всём тексте стихотворения. Так я воспринимаю этот мета-смысл и отношу его ко всему творчеству поэта. Каждое его стихотворение доносит до читателя определённую значимую мысль, нередко глубоко философскую.

Энергичность стиля – никакой вялости, многословия, длиннот, повторов – создаётся впечатление, что стихотворение излучает энергию молодости.

Многообразие тематики – поэт независим и безбоязнен в её выборе, а так же в средствах её выражения. К примеру, он не боится использовать немодный ныне пафос там, где считает его уместным.

Богатый, образный русский язык – долгая жизнь в эмиграции ни на йоту не уменьшила мастерства владения им...

Но довольно – было бы слишком самонадеянным ограничиться лишь моим собственным «взглядом» на поэзию Дмитрия Бобышева. Поэтому не

могу не привести несколько строк из статьи, опубликованной в далёком уже 2006 году Валерием Дударевым: «Китеж и Кремль. Дмитрий Бобышев – самый загадочный русский поэт второй половины XX века». «Есть своя прелесть в плотном молчании вокруг Бобышева. Недавно исполнилось семьдесят лет самому, на мой взгляд, загадочному русскому поэту второй половины XX века. И сегодня ореол таинства и запретности не рассеялся над образом того, кому великая Ахматова протянула руку <...> О его стихах лаконично, почти буднично Анна Андреевна отзывалась: «В стихах Дмитрия Васильевича есть нечто большее: это – поэзия». <...> Как же сегодня важна нам удивительная ахматовская прозорливость».

Поясню, что процитированный отзыв о поэзии в стихах Бобышева Анна Ахматова дала, отвечая Бродскому, который утверждал, что в его стихах главное – метафизика, а в стихах Бобышева – совесть. Добавлю, что однажды смотрительница ахматовского музея в Фонтанном доме Ирина Муравьёва задала вопрос Ахматовой: кого она ценит из молодых поэтов? Ахматова назвала два имени: Бродский и Бобышев. Как-то я спросила Бобышева, было ли поэтическое соперничество между ними, и он ответил утвердительно.

Для большинства читателей Иосиф Бродский – лучший поэт нашего времени. Это естественно, так как имя его освещено и освящено прожектором Нобелевской премии. Но настоящие знатоки давно ценят и поэзию Бобышева, считая его достойным соперником Бродского.

*

Гораздо раньше, чем со стихами, познакомилась я с высоко ценимой не только мною обширной прозой Дмитрия Бобышева, начиная с дерзкого и правдивого автобиографического повествования «Я здесь». Именно в то давнее время началась наша первая переписка.

Поэт так вспоминает о ней в письме от 5 апр. 2019 г.:

«Милая Генриетта! Спасибо за Вашу душевную щедрость, с которой Вы вернулись к нашим прервавшимся общениям. Часть былой переписки сохранилась у меня в почте, так что я смог перечитать некоторые из писем, чтобы восстановить былой настрой. И вновь вернулось дружество и сочувствие к Вашей вполне героической стойкости и идеализму в прошлом и настоящем. Я перечитал Вашу автобиографию и описание того, как Вы сражались за мою литературную репутацию. Это было, конечно, донкихотство, но в самом симпатичном и благородном выражении.

Не так давно (в конце прошлого года) ко мне подобным образом вернулся с дружбой и горячим желанием справедливости мой однокурсник по Техноложке Юрий Михельсон. Он тоже круто поменял судьбу, превратился в Юрия Димитрина, известного оперного (и рок-оперного) либреттиста и достиг вершин на этом поприще. Он всё моё перечитал, провёл исследова-

ние читательских мнений и написал огромную статью, которую попытался напечатать у Гордина. Тот, конечно, дал ему от ворот поворот, и он напечатал её в журнале „7 искусств“, там же, где печатался мой „Человекотекст“. И что же, мир переменялся? Ничуть. А Юра взял, да и помер.

С радостью обретения дружбы Ваш Dmitry V. Bobyshev»

По моей просьбе мне был прислан адрес публикации: *Юрий Димитрин: Я здесь навсегда. О творчестве поэта Дмитрия Бобышева | СЕМЬ ИСКУССТВ* (<http://7i.7iskusstv.com/y2019/nomer12/dimitrin/>).

В статье помещены анонимно и отзывы на прозу поэта, в их числе, объективности ради, даже оскорбительно-пошлые (та самая «*подворотенная мать*»), которая «*не в силах замутить оригинала*»). Но вот концовка статьи: «В завершение этих заметок еще один отзыв, последний. И на это раз с фамилией автора – Соломон Волков. <...> – он автор опубликованных (1998) в Нью-Йорке и в Москве «Диалогов с Бродским»: «*Прекрасный текст Дмитрия Бобышева! Яркий, густой – настоящая полноценная проза поэта! При этом те персонажи, которых я знал – абсолютно узнаваемы... Замечательная серия блестящих портретных зарисовок!*»

Не отрываясь прочла я статью и все отклики, в одном из которых она названа «припоздавшей», а в другом говорится, что «надо бы издать собрание сочинений поэта». И я, решив тоже непременно откликнуться, на одном дыхании написала так:

«Статья потрясающая. Она не «припоздавшая», а остро своевременная и останется таковой в истории русской словесности. Автор (с горечью пишу «Мир праху его») высветил и запечатлел для будущего магический объём трагического времени, в котором пульсируют судьбы творцов высокой литературы. Всего несколько процитированных стихотворений Дмитрия Бобышева достаточны, чтобы убедиться, какой «удивительной плотностью» обладает самородное золото его поэзии. Дмитрий Бобышев несомненно огромный поэт! И ни в коем случае не следует медлить с изданием полного собрания его произведений, включая также весомую прозу. Время не ждёт! ОСОБЕННО СЕГОДНЯШНЕЕ ВРЕМЯ С ЕГО ГУБИТЕЛЬНОЙ «КОРОНОЙ» НЕ ЖДЁТ!!!»

Генриетта Ляховицкая, 7 апреля 2020 г.

Бобышев отреагировал письмом: «*Дорогая Генриетта!* Ну вот и хорошо теперь. Статью эту читают (1200 с чем-то посетителей), и Ваш отзыв будут читать тоже. Как-то это понемногу „капает на мозги“ непросвещённой публике. Ах, да: „век уж мой измерен“, это верно. Но уже сейчас мне тепло на душе от этих попыток восстановить справедливость. Возможно (и скорей всего), это не удастся в полной мере, но я радуюсь, глядя на Вашу благородную несправедливость, которая, как я догадываюсь, присуща и нужна Вам самой.

Спасибо. *Ваш Dmitry V. Bobyshev.*»

*

Среди стихотворений Бобышева, представленных в статье, особое внимание привлекли два:

1.
Скоро встанет солнце, как сегодня.
День как день, а мир – иной!
Вот они – в тысячелетье сходни:
сальдо в минусе, и ноль.

1997 г.

2.
Воздух уже Двадцать первого
(вот какой выкатил век!)
пишет не нашими перьями,
а звуковыми, и сверх...

Пышет, в изломах калечится,
выси свои серебря.
Что ж мы теряем: отечество,
отчество, или себя?

1999 г.

Эти стихи подобны математическим формулам, выраженным поэтическими символами. В них виртуозно совмещены сжатость изложения с предельной насыщенностью и значимостью содержания. А какие образы, сравнения, свежие рифмы. Какие находки: «в тысячелетье сходни»; «Воздух уже Двадцать первого... пишет не нашими перьями, а звуковыми и сверх..., выси свои серебря» – это же перистые следы сверхзвуковых самолётов, серебрящие выси современности; «Что ж мы теряем: отечество, отчество или себя?» – это о нас, потерявших в эмиграции отечество и отчество, но теряем ли себя – это вопрос, на который каждый должен сам найти ответ.

Поэт предвещает наступление «мира – иного». Он – «будетлянин», каким был Велимир Хлебников, стихотворение о котором вместе с двумя другими стихами поэта входит в состав подборки, по праву участвует в разделе «Поэзия, проза, драматургия» нашего юбилейного 25-го альманаха, подобно тому, как его же стихи открывают этот раздел в 10-м юбилейном Альманахе, изданном 15 лет назад.

Сентябрь – октябрь 2020 г., Берлин.

МИХАИЛ ПОГРЕБИНСКИЙ

НЕИСТОВАЯ САЛОМЕЯ. ЖИЗНЬ НАПОКАЗ.

Эссе

Это было время, когда произведения художников напоминали театральное действие, а сцена выглядела, как живописное полотно с оживающими персонажами.

В изысканных позах изображали самаритянок, цариц Египта, греческих богинь, вавилонянок и ассирийских черноволосых красавиц. Изящный модерн витал повсюду. Он заглядывал в мастерские художников и просачивался на сцену театров. Атеизм и вседозволенность – стали главным посылом эпохи.

Художники стремились к игре фантазии и театрализации.

В вычурных иллюстрациях Обри Бердслея к пьесе Оскара Уайльда «Саломея», наполненных откровенной эротикой и любованием нагим телом, проступал типаж будущей исполнительницы главной роли.

У домовой церкви на левом берегу Сены на улице Инвалидной остановилась карета. Из неё вышла высокая субтильная женщина в модном лёгком платье, отделанном мехом горноста, и в широкополой шляпе со страусиным пером. На затылке – узел смолисто-чёрных волос, переплетённый жемчужной нитью. Резко подведённые тушью глаза и подкрашенные голубоватой тенью веки, придавали ей сходство с египетской царицей. Женщину стали сопровождать многочисленные зеваки, а из окон монастыря высовывались любопытные обитатели. Все узнавали в ней танцовщицу из России в нашумевшем балетном спектакле «Клеопатра» в прошлом сезоне и Зобеиду из балета «Шахерезада» – на сцене Гранд-Опера этим летом 1910 года.

В помещении бывшей монашеской церкви, облюбованной русскими художниками под мастерские, её ожидал Валентин Серов. Он писал портрет, предназначенный для афиши к нынешнему Русскому сезону в Париже. Ему очень хотелось, чтобы сеансы позирования проходили инкогнито. О работе над портретом знали лишь немногие, которых он просил до конца работы об этом не распространяться. Но, как могла его натурщица пробраться незамеченной, когда весь Париж изобиловал её изображениями? Они были на афишах, многочисленных открытках, страницах журналов и даже на коробках конфет. Ей очень льстило, что писать её будет один из лучших пор-

третистов России. Художник, безусловно, был ею вдохновлён. Весь Париж восхищён ею. Этого успеха она ждала давно и не сомневалась в нём.

Сколько их, благородных барышень-гимназисток мечтали о славе Сары Бернар? Грезила ею и Ида, отданная в престижную гимназию Таганцевой в Петербурге. В девять лет она потеряла своих родителей и была взята под опеку старшей кузиной Софьей Горовиц. Сиротка была далеко не бедной.

«РОМАН РУБИНШТЕЙН И СЫНОВЬЯ» – гласила вывеска банкирского дома её деда в Харькове. Семья владела сахарными заводами, пивоварней, складами и магазинами. Четыре банка унаследовали её отец Лев и старший брат Адольф. Купцы первой гильдии, почётные граждане города, организовали детский приют, основали музыкальное училище и больницу. Отец Иды старшиновал в местной еврейской молельне. Хорошо образованные по меркам того времени братья, дружили с купеческой семьёй Алексеевых и Константином Станиславским.

«*Воля, натиск и победа*» – было девизом семьи, и это стало лозунгом Иды Рубинштейн, которому она следовала всегда.

Старшая кузина увезла Иду в Петербург. Будучи намного старше, она стала для неё второй матерью. Семья Горовиц, принявшая лютеранство, проживала в престижном особняке на улице Моховой, где селились богатейшие семьи столицы. Гимназия располагалась неподалёку.

Кроме основных дисциплин, лучшие педагоги и репетиторы императорских театров обучали юных воспитанниц музыкальной грамоте и основам танца.

Ида ездит во Францию, Грецию. Италию и Египет. Быстро освоила четыре языка. Изучает историю греческой драматургии. Берёт уроки театрального искусства и погружается в богемную среду.

– Я стану профессиональной актрисой, – заявила Ида своей опекунше, – и посвящу жизнь театру!

«Не бывать этому! – решила опешившая от этого заявления кузина. – Где это видано, чтобы девушка из ортодоксальной еврейской семьи подалась в артистки? Театр можно изучать сколько угодно, но идти на сцену, всё равно, что стать куртизанкой».

И послала её в Париж на консультацию к своему знакомому, известному профессору Левинсону. Тот, осмотрев юную пациентку, нашёл её ненормальной, и отправил на лечение... в психиатрическую лечебницу.

Узнав об этом, Софья Горовиц примчалась в Париж вызволять свою воспитанницу. Этот доктор явно *перегнул палку* с диагнозом. Ведь ему было велено девушку слегка напугать. Её вызволили из месячного плена.

И, наконец, Ида сдалась, согласившись вступить в брак со своим двоюродным братом Владимиром. Брак, на удивление, распадается по обо-

юдному согласию, едва закончился медовый месяц. Ида Рубинштейн – свободна. Она – совершеннолетняя и может распоряжаться своей жизнью, как хочет. Получив, положенное ей многомиллионное состояние, принимает православие и возвращается в Россию.

Она обходит театры обеих столиц. Константин Станиславский приглашает в свой «Художественный», но Ида Рубинштейн отказывается, находя его искусство устаревшим.

«Эта долговязая богачка может купить всё», – говорили о ней. Она, действительно, могла купить многое: роскошные виллы, несколько театров, создать свою труппу, и даже мечтала построить свой театр – из розового мрамора. Деньги давали большие возможности и она, не скупясь, тратила их на искусство. В этой юной особе прорастал талант, как в стебельке с загадочным бутонем, который должен превратиться в неизвестный цветок. Какими только эпитетами не награждали её: *богатая выскочка, взбалмошная бездарность, эгоистка*. Высокую и худощавую, с плоской фигурой, покатым лбом, с подтянутыми к вискам глазами и большим ртом, – её трудно было назвать красивой. В моде были пухленькие, большеглазые красавицы эпохи модерна.

Ида искренне считала себя красивой и заставила всех в это поверить. Познакомившись с ней на светском рауте, известный мастер сценографии, Лев Бакст, был восхищён внешностью молодой эпатажной особы, увидев в ней черноволосую шумерскую или иудейскую красавицу древнего Востока, героиню его новых красочных постановок.

«Я – врождённая трагедийная актриса» – решила Ида Рубинштейн, бредившая Софоклом и Еврипидом. На собственные средства нанимает труппу, снимает помещение частного театра и репетирует главную роль в пьесе Софокла «Антигона». Лев Бакст, не задумываясь, даёт согласие нарисовать костюмы и декорации к спектаклю. По совету Акима Вольнского Ида изучает древнегреческий.

Пять часов длилось скучное представление. Металась по сцене молодая хрупкая дочь царя Эдипа, восставшая за божью правду, готовая за неё идти на смерть. Голос исполнительницы был глухим и слабым. Она декламировала роль истерично и с излишним пафосом.

Премьера... не провалилась. Её просто не заметили. Лишь некоторые критики отметили исполнение главной роли непрофессиональным. Это не останавливает Иду Рубинштейн.

Оскар Уайльд в Ирландии пишет на французском языке пьесу «Саломея» специально для Сары Бернар. Но звезда мировой сцены не соглашается на

роль роковой библейской красавицы, не знавшей никаких отказов в своих прихотах.

В этой пьесе Саломея, дочь царицы Иродиады, исполняет перед отчимом, тетрархом Иудеи, Иродом Антипой, неистовый эротический танец, сбрасывая с себя семь покрывал. Оставшись обнажённой, она поднимает отрубленную голову пророка Иоанна и целует в мёртвые губы своего возлюбленного, не ответившего ей взаимностью.

Возмущённый извращённой сексуальностью этой одноактной трагедии, лорд Чемберлен запретил её театрализацию в Великобритании. Её долго не ставили в Европе.

Эта роль как будто ждала Иду Рубинштейн. Театр Веры Комиссаржевской решается на постановку «Саломеи». Приглашают режиссёра Всеволода Меерхольда, костюмы и оформление сцены поручают Льву Баксту. Музыка пишет Александр Глазунов.

Кто больше всех подходит для роли иудейской красавицы? Конечно, Ида Рубинштейн. Танец будет ставить Михаил Фокин. На репетиции она приезжает в роскошной карете. Ни с кем не здороваясь, усаживается в глубине зала и терпеливо дожидается своей роли. Не хватает балетной школы. Что же, это можно наверстать. Ида находит балетмейстера, отдыхавшего с женой на Корфу.

– Так вы решились брать у меня уроки балета, Ида Львовна? Не поздно ли в ваши годы? Этому ведь учатся с малых лет. У вас нет элементарной школы, отсутствует *перетекаемость* движений. Да и ваш рост совершенно не балетный – сказал знаменитый танцовщик и хореограф, Михаил Фокин, двадцатичетырёхлетней ученице.

«Она, как и я, тоже из купеческой семьи. Очень настойчива», – заметил он, и согласился обучать её основам профессионального танца. Гонорар был немалым, но всё же другое было важнее. Русский балет уже давно нуждался в обновлении. Эта дуальность, заученные классические движения начинали надоедать. «В современном балете должна звучать новая музыка. Традиционные декорации с их академической перспективой: прочь со сцены. Танец – это душа балета». Ему нужен новый рисунок. Танцевальные движения древних он увидел в античных расписных вазах и архаичных рельефах.

– Молодой человек! Что Вы здесь ищете? – спросил у юного выпускника Императорского балетного училища директор публичной библиотеки Владимир Стасов.

– Я ставлю танец для школьного класса, где преподаю. Ищу книги с изображением древних, – робко ответил Михаил Фокин.

– Это очень похвально. Не часто ваши товарищи к нам заглядывают, – заметил седобородый музыкальный и художественный критик.

Предложенные книги открыли молодому балетмейстеру совершенно новый мир танца, а точнее – старый, не изученный, который он давно стремился перенести на сцену.

В этой, с виду *нескладёхе*, он стал замечать то новое, что искал давно.

«К чему эти балетные пачки, искусственно удлиняющие ножки балерин? Пуанты, сковывающие ногу, словно железный башмак? Эти батманы, прыжки и фуэте – нарочиты. Древние обходились сандалиями или чаще всего танцевали босиком. Это удобно и естественно», – считала Ида, и балетмейстер во многом был с ней согласен. «Босоножный» стиль Айседоры Дункан, танцующей в лёгкой тунике, находил много поклонников.

Способная ученица делала большие успехи. Фокин заметил в ней точные, фиксированные позы, гибкость тела и умение передавать настроение танца. Экзотический танец, полный эротизма и чувственности был готов.

Театру не повезло. Уже готовый спектакль был запрещён к показу Священным Синодом, который нашёл его слишком откровенным. Ида Рубинштейн добивается отдельной постановки танца «семи покрывал». Синод согласился, но без выноса на серебряном блюде головы святого Иоанна Крестителя.

В 1908 году на сцене Петербургской консерватории состоялась долгожданная премьера.

Скандалные слухи собрали полный зрительный зал. Выхваченная пучком света из глубины сцены, появилась Саломея, похожая на серебряный цветок. Её лицо было бледным, как луна в саду царя Ирода. Изящными движениями она сбрасывала с себя покрывала из тончайшей вуали, пока не осталась на сцене обнажённой. Её тело было слегка прикрыто рядами ожерелий из перламутровых бус. Это не был стриптиз древних. Она продемонстрировала танец любовного томления, роковой страсти, за которым неизбежно должно последовать кровопролитие. Точными жестами рук и пластикой тела лепила Ида свою Саломею, унося зрителей в мир греха и расплаты за него. Зал на мгновение умолк и разразился градом оваций. Успех спектакля был предreshён. В этот вечер взошла звезда Иды Рубинштейн.

В Мариинском театре ставят балет «Клеопатра». Его переделывают из прежнего: «Египетские ночи». На музыку А. Аренского Михаил Фокин ставит совершенно новые танцевальные движения. На роль роковой соблазнительницы Клеопатры решают взять Иду Рубинштейн. Впервые, вместе с известными артистами – Анной Павловой, Тамарой Карсавиной, Иваном Фокиным и Вацлавом Нижинским, в совершенстве владевших балетной техникой, выступит непрофессиональная танцовщица. Русский антрепренёр

Сергей Дягилев не любил академический балет, но обладая абсолютным чутьём, заметил новые веяния и решил балетные постановки впервые везти в Париж и покорить его. Это ему удалось.

Валентин Серов знал о ней ранее, но на сей раз, будучи в Париже, он увидел новую звезду в роли Зобеиды в балетном спектакле «Шехерезада». Успех был ошеломляющим. Все говорили о необычных декорациях Льва Бакста и о ярком выступлении Иды Рубинштейн. Серов встретил сценографа в фойе Гранд Опера и попросил познакомить его с танцовщицей: «Не согласится ли она позировать для новой афиши... обнажённой?»

– Это очень интересно! – оживился Бакст. – Вот мы её сейчас прямо и спросим.

Ида Рубинштейн, не задумываясь, дала согласие. Чего же ей стесняться? Ведь видел её *дезабилье* весь зал Петербургской консерватории. «Я не возьму плату за эту работу», – решил Серов.

Живописец готовил мастерскую к предстоящим сеансам. Это помещение предоставил ему Илья Репин, опекавший Серова с детства. Русские художники много писали обнажённую женскую фигуру, но, как правило, в образе мифологических, библейских созданий или в виде парящих Мельпомен – символов театрального искусства. Писать обнажённой известную декадентскую диву – было вызовом обществу.

Валентину Серову – сорок пять лет. Он – в зените славы. Бесперебойные заказы начинают его утомлять. Сановные господа, знатные дамы и здравствующие особы дома Романовых были написаны им. Он считал лучшим из своих портретов «Девушку, освещённую солнцем». Ему удалось передать на лице своей кузины, Маши Симонович, терпеливо позирующей ему в саду под деревом, сложную сетку из падающих теней, бликов и рефлексов. Это было живо и естественно. То, чего добивались импрессионисты. «Пожалуй, лучшего я не смог сотворить», – думал он.

Серов уже выполнил для Русских сезонов 1908 года плакат – основой послужил рисунок Анны Павловой, парящей в балетном прыжке, выполненным углём и белилами.

Будущий портрет Иды Рубинштейн он называл картиной. Выбранный размер холста – 147 x 233 см., вряд ли подходил для простой театральной афиши. Он сделал несколько подготовительных эскизов, но решительно отмёл эти варианты – помнил Иду, танцующую в «Шехерезаде», и её Клеопатру.

Синяя ткань на подиуме и стена цвета золотистой охры должны стать основой для картины.

Фон – матовым, как каменные блоки Египетского храма. И тело должно быть написано в этой гамме: «Выдержит ли моя натурщица длительное пребывание в сложной, скрученной позе? Не холодно ей будет в мастерской?»

«Не смотри на неё, не смотри на Саломею! Может случиться несчастье, – предупреждали молодого сирийца, влюблённого в царевну», – вспомнил Серов фразы из пьесы О. Уайльда.

«А выдержит ли Ида мой взгляд?» – Он был у живописца пристальным. Даже его мать, Валентина Семёновна, во время ссор восклицала: «Не смотри на меня, не смотри на меня так!»

«Я должен оставаться для моей натурщицы незаметным и укротить свою плоть». Он приобрёл для работы в мастерской чёрную робу, в которой больше походил на францисканского монаха, чем на художника. Ида позировала ему по несколько часов в день, не жалуясь на усталость. Через две недели она решила сделать перерыв и отправилась на отдых в Африку. Когда танцовщица приступила к очередному сеансу позирования, камеристка, приходившая заранее, помогала своей госпоже раздеться и надевала на пальцы её стоп кольца с бриллиантами.

– Я участвовала в сафари, и мне удалось застрелить льва – похвасталась Ида.

«Да она сама похожа на раненную львицу», – заметил художник, и самым ярким пятном на холсте он сделал окрашенные алой помадой губы.

Лев Бакст считал, что на сцене должен исчезнуть звук. Привлекать внимание должны только декорации и костюмы, связанные единым замыслом и колоритом. Они должны ошеломлять зрителя своей новизной. И это он умел делать. Его эскизы не были похожи на наброски, выявляющие цвет и покррой. Они выглядели, как законченные произведения, способные существовать вне стен театра и становиться частью музейной экспозиции. Каждый эскиз – индивидуальный портрет артиста, исполняющего свою роль. В них узнавались и Фёдор Шаляпин и Михаил Фокин, Анна Павлова и Вячеслав Нижинский. Каждый эскиз для Клеопатры или Зобеиды был индивидуальным портретом Иды Рубинштейн.

Весной 1909 года на сцене Парижского театра «Шатле» царила суэта и нервозность. Перестраивалась сцена, расширялись кулисы, изменялись боковые ложи. Измученные многодневными репетициями, артисты повторяли по многу раз генеральный прогон на новой сцене, значительно уступавшей в размерах Мариинскому театру. На ходу менялось многое. Артисты натыкались на недостроенные выгородки, им мешали снующие рабочие сцены. Примеряли новый занавес, написанный по эскизу Валентина

Серова. Артисты балета изнывали от усталости, но перечить Дягилеву не могли. Его авторитет был непререкаемым. Антрепренёр вникал во все мелочи. Нужно многое успеть до премьеры. Его интересовало всё: готов ли оркестр, как выглядят костюмы, сшитые у Коко Шанель, правильно ли поставлено освещение, достаточно ли расклеено афиш в городе, приглашены ли на открытие сезона важные особы?

«И что же Вы, уважаемый, здесь делаете? – спросил однажды антрепренёра король Испании, Альфонсо. – Вы не дирижируете оркестром и не играете на музыкальном инструменте, не рисуете декораций и не танцуете. Так, что же Вы делаете?»

«Мы с Вами похожи, Ваше Величество! Я не работаю. Я ничего не делаю, но без меня не обойтись», – ответил Дягилев.

Для нового Русского сезона требовались большие деньги, а их предпримчивый антрепренёр умел находить.

Очень точными, лаконичными движениями, словно в двумерной плоскости, движется по сцене царица Египта. И снова – страсть. Она обольщает пылкого юношу Амина, готового идти на смерть ради мгновений сладострастия, подаренных ему Клеопатрой. Ида танцует эту партию со своим учителем Михаилом Фокиным. Они танцуют на равных. Прозрачное покрывало опускается на них в момент любовного экстаза. Царицу ждёт новая встреча. На колеснице к ней спешит полководец Марк Антоний.

Едва открылся занавес сцены «Гранд Опера», зал разразился аплодисментами. Изысканный и капризный Париж был опьянён декорациями и костюмами Л. Бакста и, особенно, Идой Рубинштейн.

Балет «Шехерезада был полностью изменён. Кроме музыки Римского-Корсакова, ввели отрывки музыкальных произведений других композиторов. Это был совершенно новый Восток, сотворённый Михаилом Фокиным и Львом Бакстом. Балет, в числе других постановок, привезли в Париж летом 1910 года.

Снова Ида Рубинштейн демонстрирует танец роковой страсти, за которой следует кровавая бойня. Распутная жена повелителя Персии Зобеида танцует с Золотым рабом. Вацлав Нижинский, исполнявший эту роль, значительно уступал в росте своей партнёрше и, чтобы не выглядеть смешным, превращал своего героя в пародию. Он напоминал дикаря или хищную кошку, прыгавшую вокруг своей возлюбленной. Это был контраст быстрого существа и грациозной, экономной в движениях, госпожи. На фоне резни в гареме, Зобеида неподвижна и величественна. Это был очередной успех гастрольного спектакля.

Серов рассматривал законченную работу. На холсте в напряжённой позе – балерина, готовая *спрыгнуть* с его поверхности, но её *держит* контур, Она словно припилена им к холсту. Тонкая шея, кажется, едва удерживает голову с копной волос, напоминающих нимб. «Она смотрит на Восток», – такой видел он свою диву.

Афишей его работа не стала. Её приобрёл Русский музей. Портрет демонстрировался на выставке «Мира искусства» и международной – в Риме.

«Безобразием» назвал этот портрет Суриков. «Гальваническим трупом» его увидел Репин. «Стальное тело, напоминающее кузнечика», – писали о портрете газеты.

В. Серов ухмылялся: «И я рад, ибо в душе я – скандалист, да и на деле, впрочем».

«ЭТО ВЕНЕРА 20 ВЕКА», – сказал он незадолго до смерти.

Ида Рубинштейн – на волне популярности. Она приобрела в Париже богатый особняк и обставила его с восточной роскошью. Помогал ей в этом Бакст, рисуя интерьеры её дома в ориентальном стиле.

К концу сезона Ида стала законодательницей парижской моды. Французские дамы перенимали шаровары, тюрбаны и бюстье. Всех заворожил восточный колорит балетных костюмов. Одевавшаяся с вызывающей роскошью, харьковская знаменитость, обладала тонким вкусом. Многие полагали, что её облик послужил образцом для манекенщиц 20-го столетия. До сих пор расхаживают по подиуму высокие, угловатые и плоскотелые девушки, демонстрируя моду известных кутюрье.

Ида Рубинштейн прожила долгую жизнь. Она сыграла много ролей, в которых её новаторство вызывало смятение общества и раздражение духовных особ. Она ушла из жизни в 1960 году в Вансе, на юге Франции. Выполняя её завещание, не было сообщено ни о дате, ни о месте похорон. На её могиле лежит скромный камень с двумя буквами – I. R.

Её жизнь и судьба были театральным спектаклем, в котором она была режиссёром и исполнителем главной роли.

Использованные материалы:

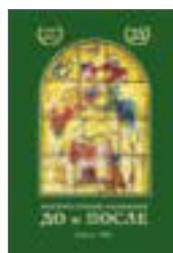
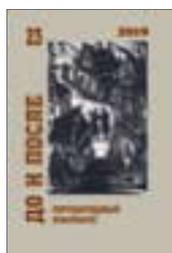
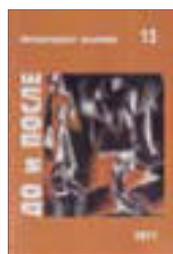
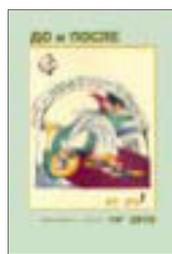
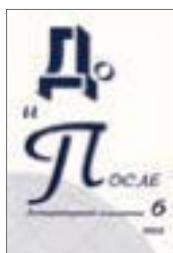
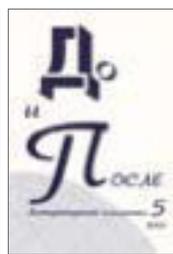
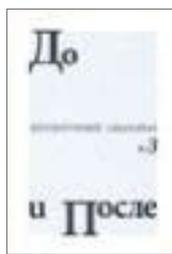
Книга «Против течения» (М. Фокин, изд-во «Искусство», 1962 г.);

Книга «Валентин Серов в воспоминания, дневниках и переписке современников», (Изд-во «Художник РСФСР», 1971 г.);

Сайт в Интернете: «Русские сезоны Сергея Дягилева»;

(<https://histrf.ru/lenta-vremeni/event/view/diaghiliev-russkiiie-siezony-v-parizhie>);

Сайт в Интернете: «Талант и эпатаж» (<https://www.pinterest.de/pin/384424518176108696>).

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ГАЛЕРЕЯ МАСТЕРОВ ЕВРЕЙСКОГО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

По страницам литературно-художественного Альманаха «До и После»

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ. ЮБИЛЕЙНЫЙ. Четверть века работы творческого коллектива Клуба Литературы и Искусства по созданию Альманаха «ДО и ПОСЛЕ» в условиях эмиграции.

О создании, взрослении, развитии и востребованности Альманаха мы говорили во всех его выпусках. В данном тексте возвращаться к этому не будем. Лишь вспомним имена художников, работами которых были оформлены Альманахи. На его обложках и страницах появлялись репродукции их рисунков, экслибрисов, акварелей, а также историко-искусствоведческие заметки о жизни и творчестве этих художников.

Традиция при оформлении Альманаха позволила создать небольшую галерею мастеров, творчество которых отражает жизнь еврейства. Альманах воскресил в памяти читателей имена малоизвестных или забытых еврейских художников:

Михаил Погребинский (№ 1, № 2 – обложки); Эфраим Мозес Лилиен (№ 8); Иссахар-Бер Рыбак (№ 9); Соломон Юдовин (№ 10); Леонид Пастернак (№ 11); Ирина Дмитренко (№ 12+1; №22 – обложка); Эль Лисицкий (№ 14); Сарра Шор (№15); Бруно Шульц (№ 16); Наум Габо (№ 17); Иосиф Чайков (№ 18); Анатолий Каплан (№ 19); Марк Эпштейн (№ 20); Адольф Ошеров (№ 21); Грегор Рабинович (№ 23); Натан Альтман (№ 24); Марк Шагал (№ 25); Выпуски №12 и №22 иллюстрированы экслибрисами из монографии Якова Бердичевского: «Ам Гасефер» – «Народ книги».

В рамках этого текста-обозрения, к сожалению, нет возможности подробно останавливаться на оформлении каждого выпуска Альманаха «До и После». Подробные статьи можно найти в соответствующих его номерах.

Михаил Погребинский

(1942; Первомайск, Украина).

Закончил Одесское Театрально-художественное училище и Московский Полиграфический институт. Художник-график.

Занимался станковой, книжной графикой и плакатом. Иллюстрировал произведения Л. Толстого, А. Чехова, И. Тургенева, И.

Бабеля, И. Ефремова, Р. Брэдбери и других авторов.

Им выполнены дружеские шаржи авторов к обложкам первых двух выпусков Альманаха и портреты авторов для 22 и 23 выпусков.

Эфраим Моше**Лиlien**

(1874 – 1925;

Дрогобыч, Галиция, – Брауншвейг).

Еврейский и немецкий график, гравер, дизайнер, иллюстратор. Ярчайший представитель немецкого «Jugendstil» – приемника модерна. Расцвет «Jugendstil».

Бедная семья не могла оплатить ему гимназическое образование. В юности он – подмастерье по написанию вывесок. После реальной школы учился в Кракове, в Школе искусства. Из-за финансовых трудностей оставил учёбу, и вернулся в Дрогобыч. Заработав немного денег, потратил их на курс рисунка в Венской академии искусств. В 1894 –1898 гг. учился в Мюнхенской академии искусств.

Успех пришёл к нему, когда он отправил в баварский литературно-художественный журнал «Jugendstil» свои графические работы: «Волшебная флейта», «Фавн», «Любимый». Лиlien становится «модным» художником.

В 1898 г., в Берлине, сотрудничает с журналами «Грация», «Ост унд Вест», «Симплициссимус», «Господин», «Вельтшпигель».

В 1900 г. проиллюстрировал книгу «Песни Гетто» идишского поэта Мориса Розенфельда и поэтические переводы для книги «Иудея». Иллюстрировал трёхтомную «Библию».

Он – активный участник сионистского движения, в 1906 – 1918 гг. несколько раз посетил Палестину. Помог создать в Иерусалиме Школу искусств и ремёсел, ныне Академия искусств и дизайна «Бецалель», (в 1906 г. преподавал в ней). В первые два десятилетия XX века его работы служили образцом для художников «Бецалеля».

Лиlien – автор известного фотопортрета «отца сионизма», Теодора Герцля.

В 1902 г. – один из создателей первого еврейского издательства «Jüdische Verlag», в котором был и художником, и редактором. В том же году приезжает в Россию для подготовки совместно с М. Горьким сборника еврейской литературы, не изданного из-за событий 1905 г.

В 1922 г. в издательстве «Benjamin Harz» вышла большая книга-альбом Лотара Брейгера «Е. М. Лиlien» с биографией художника и 226-ю репродукциями его работ. По рисункам Лиliена «12 колен Израиля» были изготовлены огромные входные двери Старой синагоги в Эссене. Он также выпустил большую серию почтовых открыток, рисовал для почтовых марок, а выполненные им экслибрисы являются высочайшими образцами графического искусства.

Иссахар-Бер Рыбак

(1897 – 1935;

Елисаветград, Украина, – Париж).

Еврейский и французский живописец, график, декоратор.

Учился в Киевском художественном училище (1911–1916).

Создатель и участник «Культур-Лиги». Автор графических работ «Еврейские типы Украины», «Погром», «Маленький городок».

В начале принял революцию 1917 г. – создавал плакаты, оформлял праздники. Работал в области декоративной и станковой живописи. Иллюстрировал детские книги Л. Квитко на идише: «Птицы», «В лесу», «Кольцо в кольце», «За это исключают», «Карл и Мизра» и его сборник стихов для взрослых.

В 1921 г., в Берлине, Рыбак вошёл в объединение левых художников: «Ноябрьская группа», участвовал в её выставках. В 1925 г. вернулся в Москву, работал в Еврейском театре.

В ранних живописных произведениях Рыбак стоит на позициях кубизма: «Портрет писателя», «Бородатый мужчина».

В кубистических произведениях он придаёт значение светотени, вводит крупные плоскости: «Старая синагога».

С середины 1920-х гг., уже во Франции, продолжил иллюстрирование детских книг, а также выполнил несколько моделей еврейских типов для Севрской мануфактуры. Рыбак отошёл от кубизма, проявилось тяготение к изображению натуры, к лирической образности, к светлой, спокойной цветовой гамме: «Портрет жены», натюрморты с цветами, «Лошади».

Участвовал в «Салонах» – относится к художникам «Парижской школы».

Главное место в творчестве – еврейская тема, чем он близок к М. Шагалу, но его искусство лишено шагаловского «визионерства» и выраженной религиозности, больше связано с повседневностью: «Сапожник», «Деревенские музыканты», – обе картины находятся в Музее Рыбака (*открыт в Бат-Яме в 1962 г.*). Рыбак опубликовал несколько альбомов графики, в которых отобразил жизнь в хасидских местечках Украины: «Штетл», «Еврейские типы Украины», «Тени прошлого».

Незадолго до смерти создал серию терракотовых раскрашенных статуэток: «Хасидский танец», «Симхат-Тора», «Народная пляска» для выставки «Международный танец». Эти, с чувством юмора, статуэтки на Севрской мануфактуре были переведены в фарфор и пользовались большим успехом.

Соломон Борисович Юдовин

(1892 – 1954; Бешенковичи,
Витебской губернии, – Ленинград).

График, исследователь еврейского народного искусства.

В 1906 г. поступил в Школу рисования и живописи И. Пэна в Витебске. В 1910 г., в Петербурге, учился в школе «Общества поощрения искусств». Как художник сформировался в период, так называемого, еврейского ренессанса, который был частью общего авангардного движения в искусстве России.

С 1918 г. по 1923 г. работал в Витебске, преподавал в Художественном училище и Еврейском педагогическом техникуме. В 1918 г. был организатором выставки еврейского народного искусства в Витебске, в 1919 г. – участником устроенной там же Первой государственной выставки местных и московских художников. В 1923 г. Юдовин переехал в Петроград.

В творчестве Юдовина – два направления: первое связано с деятельностью в экспедициях Ан-ского. В качестве художника и фотографа Юдовин зарисовывал и фотографировал предметы еврейского быта, ритуальные предметы, делал копии росписей синагог, орнаментов и произведений еврейского народного искусства.

Другое направление связано с Витебской художественной школой и влиянием работавших там и в Киеве художников русско-еврейского авангарда, в первую очередь М. Шагала, Э. Лисицкого, Н. Альмана и др. Они стремились объединить авангард и принципы еврейского народного искусства в новый еврейский стиль.

В 1930-е гг., как и другие еврейские художники, Юдовин занимался книжной иллюстрацией: «У Днепра» (Д. Бергельсона, 1933), «Еврей Зюсс» Л. Фейхтвангера (1938–1939). Тогда же продолжал работать над серией «Былое»: «Музыканты, возвращающиеся со свадьбы» и др., делал гравюры по мотивам еврейского народного искусства.

Во время войны до середины 1942 г., в блокадном Ленинграде, запечатлел вид осаждённого города и его защитников. Затем был эвакуирован в деревню Карабиха под Ярославлем.

После войны Юдовиным создана серия открыток: «Виды Ленинграда» и «Ленинград сегодня».

Персональные выставки Юдовина состоялись в Витебске (1926), Ярославле (1944), Ленинграде (1956), Иерусалиме (1991).

Леонид Осипович Пастернак (1862 – 1945; Одесса – Оксфорд).

В 1881 г. окончил Ришельевскую гимназию и Одесскую рисовальную школу «Общества изящных искусств». В 1882 г. подал заявление о приёме в Московское училище живописи, ваяния и зодчества (МУЖВиЗ), попытка оказалась безуспешной из-за отсутствия свободного учебного места. Продолжил образование в Мюнхенской Академии художеств. Первый творческий успех – П. М. Третьяков приобрёл ещё не законченную картину «Вести с родины» («Письмо из дома», 1889 г.).

В Москве Пастернак вошёл в «Поленовский кружок» во главе с В. и Е. Поленовыми, К. Коровиным, И. Левитаном, В. Серовым и др. В 1891 г. иллюстрировал книгу М. Ю. Лермонтова. В 1893 г. на выставке познакомился с Л. Н. Толстым. Рисунки к «Войне и миру» привели Толстого в восторг. В 1900 г. за иллюстрации к роману Л. Н. Толстого «Воскресение» был отмечен серебряной медалью на Всемирной выставке в Париже.

Принимал участие в выставках «Мира искусства». В 1905 г. Петербургской Академией художеств Л. Пастернак был удостоен звания академика.

Им выполнены портреты: М. Горькова, В. Брюсова, Вяч. Иванова, К. Бальмонта, Э. Верхарна, С. Ан-скова, М. Гершензона, А. Скрябина, С. Рахманинова, Ф. Шаляпина, И. Мечникова, А. Ремизова, Г. Гауптмана, Р. М. Рильке, С. Прокофьева, А. Эйнштейна и др.

Творчество Пастернака представлено во многих музейных собраниях России, Великобритании, Германии, Франции, Израила.

Ирина Алексеевна Дмитренко (Родилась в Москве).

Окончила Московский технологический институт по «декоративно-прикладному искусству». Член Творческого Союза Художников России, Международного художественного фонда, Союза литераторов России (секция авторской книги «Новая книга»), а также Творческого объединения «Авторская рукописная книга», Международной Федерации Художников ЮНЕСКО.

В 2001 г. вступила в Московский клуб любителей миниатюрных книг и начала издавать рукописные книги ручной работы со своими иллюстрациями, которые находятся в разных библиотеках и частных собраниях, как в России, так и за рубежом.

Эль Лисицкий

(1890 – 1941;

Починёк, Смоленской губернии, – Москва).

Художник и архитектор, один из выдающихся представителей русского и еврейского авангарда, Способствовал выходу супрематизма в архитектуру.

После переезда семьи в Витебск, посещал Школу рисования и живописи И. Пэна. Окончил реальное училище в Смоленске. Учился на архитектурном факультете Высшей политехнической школы в Дармштадте, с отличием защитил диплом. В связи с началом Первой мировой войны вернулся на родину. Поступил в Рижский политехнический институт, эвакуированный во время войны в Москву, окончил со званием инженер-архитектора.

Участвовал в работе Еврейского общества поощрения художеств, в коллективных выставках общества в 1917–1918 гг. в Москве и в Киеве. Тогда же занялся иллюстрацией книг на идиш, став одним из основателей авангардного стиля в еврейской книжной иллюстрации. С использованием традиционной еврейской народной символики создал марку для киевского издательства «Идишер фолкс-фарлаг» (*еврейское народное издательство*). Принял участие в этнографических поездках по ряду городов и местечек Белоруссии и Литвы с целью выявления и фиксации памятников еврейской старины.

В 1919 – 1921 гг. создаёт свои аксонометрические изображения, находящиеся в равновесии различных по форме геометрических тел, то покоящихся на твёрдом основании, то как бы парящих в космическом пространстве.

Архитектурная деятельность Лисицкого заключалась в решении проблем вертикального зонирования городской застройки (*проекты «горизонтальных небоскрёбов» для Москвы, 1923–1925 гг.*).

Его последней работой был плакат «Давайте побольше танков».

Сарра Марковна Шор

(1897 – 1981;

Дубно, Волынской губернии, – Москва).

Первые уроки рисунка и живописи брала во время учёбы в гимназии у преподавателя по черчению и рисованию – ссыльного студента Санкт-Петербургской Академии художеств.

Поступила в Киевское художественное училище, в класс живописи.

Во время учёбы сблизилась с группой молодых художников-евреев:

И. Б. Рыбаком, А. Тышлером и др.), увлекавшихся современными

течениями в искусстве. Зимой 1914 г. Шор приняла участие в выставке «Кольцо», организованной видными художниками русского авангарда.

После окончания училища Шор была принята в Санкт-Петербургскую Академию художеств.

Шор сотрудничала со многими издательствами, создавая иллюстрации для книг, выходивших на украинском языке: «В дурном обществе» В. Короленко, «Рики-Тикки-Тави» Кипплинга, «Букварь-радуга» и других книг на идиш.

В ноябре 1923 г. Шор переехала в Москву, где вступила в художественное общество «Четыре искусства», на выставках которого в течение 1920-х гг. экспонировались её работы.

Во второй половине 1920-х гг. работала в области промышленного дизайна и выполнила ряд эскизов вышивок и тканей. Наряду с живописью, сценографией, станковой графикой, Шор в течение 1920–1930 гг. работала в книжной графике; книги с её иллюстрациями издавались ведущими издательствами Москвы и Ленинграда и неоднократно были премированы в СССР и на международных выставках.

В разное время она написала живописные и графические портреты деятелей еврейской культуры и искусства: Д. Гофштейна, И. Чайкова, С. Михоэlsa, А. Эфроса и др., а также запечатлела жизнь местечка и его обитателей: «Дубно», «Бабушка у лампы», «Местечко», «Портрет отца», «Еврейская семья» и др.

Единственная персональная выставка Шор состоялась в 1945 г. в Москве. В годы разгрома Еврейского антифашистского комитета и борьбы с «космополитами» Шор подвергалась административным репрессиям. В последствии она так и не смогла в полной мере включиться в активную художественную жизнь, но продолжала работать в своей домашней мастерской.

Бруно Шульц

(1892 – 1942;

Дрогобыч, Галиция, – Дрогобыч).

В 1902 г. поступил в местную гимназию имени кайзера Франца-Иосифа, здесь же появляются и его первые рисунки. В 1910 г. он предпринял попытку поступить в Академию художеств. Не будучи туда зачисленным, был принят на архитектурный факультет Львовского технического университета, но из-за частых болезней так и не смог его закончить. Рисования он никогда не бросал, занимаясь самообразованием, поисками своего стиля, своего творческого почерка. Позже, в 1914–1915 гг. проходил курс занятий в Вене. Возвратясь в Дрогобыч,

преподавал рисование в гимназии, одновременно участвуя в выставках с сериями графических листов и портретов. Неоднократно пытался получить художественное образование в Краковской академии искусств.

Его выставка проходит в Кракове в 1931 г., он также выставляет ряд своих графических серий на коллективной выставке «Друзья искусства», обратив на себя внимание искусствоведов. Бруно Шульц получает известность и в кругах польской интеллигенции.

С 1933 г. полностью переключается на литературную деятельность. Первая публикация – рассказ «Птицы». Принимает активное участие в целом ряде объединений и отдельных групп. В зарубежной прессе его сравнивают с Ф. Кафкой и даже с Д. Джойсом.

К началу войны Шульц возвратился в Дрогобыч, продолжив работу в гимназии. К этому времени появляются его новые серии графических листов с узниками Дрогобычского гетто.

Был убит на одной из улиц города.

Наум Габо

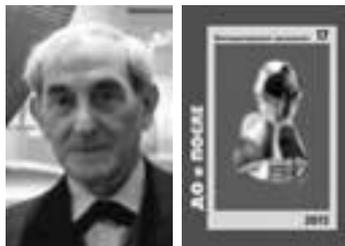
(1890 – 1977; Брянск – Коннектикут).

Скульптор, архитектор, дизайнер, конструктор, теоретик искусства – своими работами он подчеркнул необходимость поисков новых форм и нового мышления в искусстве.

Окончив в 1905 г. начальную школу, продолжил образование в Томске, в технологическом институте, где приобрёл знания в области точных наук. В 1907–1910 гг. жил в Курске, экспериментируя в области рисунка и живописи. В 1920 г. – уехал в Мюнхен, где изучал медицину и природоведение в университете. Однако вскоре перешёл в высшую техническую школу, где серьёзно занялся современной архитектурой, экспериментируя с материалами разного рода, начиная от камня и бронзы до пластмасс и стали. Он пришёл к выводу, что скульптура должна быть связана с достижениями науки и её открытиями. Для XX-го века подобная эстетика казалась фантастичной, ибо традиции, сложившиеся веками, совершенно противоречили этому. Именно с таких находок и решений и началась карьера Габо. Его эксперименты превратились в подлинное искусство. Они получили поддержку многих мастеров во всём мире, как в области изобразительного искусства, так и в области техники и науки.

В 1924 г. переезжает в Нью-Йорк, где становится одним из ведущих американских художников и участником многочисленных выставок.

В СССР имя мастера замалчивалось.

Иосиф Моисеевич Чайков

(1888–1979; Киев – Москва).

Обучался у гравёра, получив первые навыки репродукционной гравюры, техники владения резцами, композиции и рисунка.

Это был первый толчок к овладению мастерством скульптура. В 1910 г. едет в Париж, где поступает в высшую школу изящных искусств, посещает множество выставок разных направлений, экспоненты которых позднее стали называться «Парижская школа». В 1914 г., возвратившись в Киев, активно включается в работу Еврейской «Культур-Лиги». Лига ориентировалась на национальные традиции и интересы еврейства. В частности, проиллюстрировал книгу Мойхер-Сфорима «Телёнок», серию «Песнь песней» и др.

В 1920 г. он – один из организаторов и идеолог выставки еврейских художников. Страстно увлечён кубизмом. Результат – целый ряд композиций: «Скрипач», «Электрификатор», «Идущий еврей».

Переехав в 1921 г. в Москву, стал преподавать во ВХУТЕМАСе.

В 1922–1923 гг. работает в Берлине, участвуя в выставках советских художников. Возвратившись в Москву, стал членом Общества русских скульпторов «ОРС» и группы «Четыре искусства».

Анатолий Львович Каплан

(1903 – 1980;

Рогачёв, Белоруссия – Ленинград).

Учился в Ленинграде, в Высшем художественно-техническом институте, часто езжая в родные места в бывшей черте оседлости, где изучал оставшиеся следы традиционного еврейского быта и культуры.

В 1937–1940 гг. работал в руководимой Верейским экспериментальной литографской мастерской Ленинградского отделения Союза художников.

Творчество связано с еврейским фольклором и литературой, иллюстрировал произведения целого ряда еврейских писателей.

В своих композициях в духе «тихого искусства» – чёрно-белых и цветных литографиях – передал характерные мотивы предреволюционного «еврейского возрождения», стремившегося ввести древнюю символику иудаизма и темы местечковой «идиш-культуры» в русло современного искусства.

Обращаясь к творчеству Шолом-Алейхема, всякий раз находил новые грани для их интерпретации: «Касриловка», «Заколдованный портной», «Тевье-молочник», «Степеню») и цикл «Еврейские народные песни».

Исполнил также серию: «Ленинград в дни блокады». В поздние десятилетия всё чаще выступал и как живописец-станковист, в графике усиливал линейное начало: цикл офортов «Рогачёв».

Марк Исаевич Эпштейн

(1899 – 1949;

Бобруйск, Белоруссия, – Москва).

Скульптор, график, сценограф. Религиозные знания получил в хедере, в Киеве – отсюда его стремление к познанию быта и культуры еврейства. В 1911 г. поступил в Киевское художественное училище. Затем посещал художественную студию, где познакомился со многими, ставшими в будущем соучениками по «Культур-Лиге». Первые работы Эпштейна и его коллег откровенно пронизаны влиянием кубофутуризма. Весной 1918 г. он участвует в выставке художников-евреев в Москве. Тогда же он стал одним из инициаторов создания художественного отдела «Лиги». В нём, помимо художественных работ, разрабатывалась теория развития еврейского национального искусства в контексте новых достижений.

Им было выполнено множество иллюстраций к произведениям еврейских писателей. Оформлено несколько спектаклей, появились скульптурные портреты деятелей еврейской культуры: М. Гнесина, С. Михоэла, Л. Квитко, Д. Гофштейна и др. Рисует обложки к журналу «Фрейд», иллюстрирует книги Шолом-Алейхема, Р. Киплинга «Рики-Тики-Тави» и др. Он создаёт цельный книжный организм. Здесь и полосные иллюстрации, заставки и концовки, обложки и рисованные шрифты. Одним словом, оформление книги в одном ключе.

В еврейских книгах ярко выражен подлинный еврейский характер, – этнография, фольклор, костюмы, – видны индивидуальность художника, его стиль и метод.

Адольф Ошеров

(1930, Киев).

Закончил графический факультет Украинского полиграфического института имени И. Фёдорова. Занимался проектами интерьеров для музеев и выставок, пластикой малых форм, что особенно увлекло его: статуэтки, изображающие типы еврейского народа.

Выполнены они в красной глине (шамоте), с последующим закрепляющим обжигом. Каждая работа уникальна, ни одну из них он не повторяет. Работ – множество. Некоторые – однофигурные, некоторые представляют серии, цельные развёрнутые повествования. Все они – с откровенным приёмом гротеска, или лёгкой иронии. Так в серии «В черте оседлости» присутствуют и профессии, и исторические типы, и предметы еврейского быта, и горькие моменты трагедии народа, и моменты веселья.

Грегор Рабинович

(1884 – 1958; Ораниенбаум, Россия, – Цюрих).

После окончания гимназии поступил на архитектурное отделение Академии художеств. В 1904–1906 гг. в Мюнхене овладел техникой офорта и литографии. С началом Первой мировой войны отправился в нейтральную Швейцарию, прожил всю оставшуюся жизнь в Цюрихе, где завоевал симпатии читающей публики своими смелыми зарисовками на полосах популярных газет, особенно – сатирической – «Nebelspalter», где за 1923–1956 гг. им было опубликовано около полутора тысяч рисунков! Его острое перо сделало эту газету очагом сатирически точного и меткого антифашистского сопротивления.

Посол германского рейха требовал прекратить публикации карикатурно-издательских портретов гитлеровских бонз. Однако, тираж газеты стремительно рос: постоянные конфликты только увеличивали интерес читательской публики.

После краха гитлеризма Рабинович стал таким же радикальным антикоммунистом, каким был антифашистом. Его сюжеты столь же разнообразны и по-снайперски метки: Сталин, как «захватчик всех земель», русский гигант с марионетками в руках, мёртвый демонстрант в «рабочем раю», кроваво-красный поток, состоящий из чудовищно искажённых лиц, плывущих в мутной воде, тройной портрет «царь-Гитлер-Сталин» с подписью «История повторяется. Во всем виноваты евреи».

Политическая сатира Рабиновича не канула в Лету и уже после его смерти демонстрировалась на выставках. Но основной заработок приносила не политическая сатира и не графические серии, а изготовление книжных знаков. Своим изысканным мастерством офортиста он очень быстро покориł большое и чрезвычайно искушённое сообщество европейских и заморских любителей и ценителей графики, всех, кто был одержим любовью и преданностью вечному источнику мудрости – Книге.

Натан Исаевич Альтман

(1889 – 1970;

Винница, Подольской губернии, – Ленинград).

С 1902 по 1907 гг. учился в Одесском художественном училище. В 1910–1911 гг. брал частные уроки в парижской студии, а также посещал «Свободную русскую академию» Маревны (М. Воробьёвой-Стебельской).

Здесь он общался с художниками из России: М. Шагалом, О. Цадкиным, Х. Сутиным и др., которые разрабатывали приёмы авангардного искусства. Их влияние отразилось на творчестве Альтмана. Он увидел на выставках живопись в манере кубизма: П. Пикассо, Х. Гриси, Х. Миро, Ж. Брака и их последователей. С тех пор выполнял свои работы в стиле кубизма. С 2011 г. Альтман был участником значительных выставок, от «Мира искусства» до «Бубнового валета».

С 1912 г. жил в Петербурге. Писал пейзажи, натюрморты, портреты, занимался сценографией. В 1914 г. написал всемирно известный портрет А. А. Ахматовой. После 1917 г. включился в оформление революционных празднеств.

С 1922 г. – главный художник Еврейского театра, сменил Марка Шагала, который больше не возвратился в Россию. Оформил спектакли: «Уриэль Акоста» К. Гуцкова, «Галибук» С. Ан-ского (уже в театре-студии «Габима») в постановке Е. Вахтангова. Оба спектакля вызвали патриотический подъём еврейского национального самосознания.

Период 10-х – 30-х годов XX века можно назвать эпохой Ренессанса еврейской культуры: было опубликовано большое количество книг на идиш, спектакли с еврейской тематикой шли на многих сценах и не только на идиш, но и на других языках. Работая в ГОСЕТе с такими мастерами, как С. Михоэлс и другими, он ещё глубже проникал в культуру своего древнего народа. В содружестве с ним по сценарию И. Бабеля снят фильм по роману Шолом-Алейхема «Еврейское счастье».

В 1928 г. вместе с ГОСЕТом гастролировал по Европе. Остался в Париже, где работал до 1935 г., оформил спектакль театра «Международного действия» под руководством Анри Барбюса, постоянно выставлялся на выставках «Молодая Европа» (с 1932 г.) и «Ассоциации революционных художников и писателей» (1932–1935 гг.). В 1935 г. возвратился в СССР. Здесь отошёл от станковой живописи, посвятив своё творчество театру и книжному оформлению. Наиболее яркими, много раз переиздававшимися, были книги «Петербургские повести» Н. В. Гоголя, а также книги стихов современных поэтов.

Марк Шагал

(1887 – 1985;

Витебск – Сен-Поль-де-Ванс, Франция).

В этом, Юбилейном, Двадцать Пятом, выпуске Альманаха «До и После» мы нарушили многолетнюю традицию. Он проиллюстрирован работами одного из величайших еврейских художников XX столетия – Марка Шагала, творчество которого мы рассматриваем, как планету Шагала.

Со статьёй о великом художнике можно ознакомиться в разделе «Публицистика, мемуары, эссе».

«НАРОД КНИГИ»

Еврейские книжники.

Из истории людей и экслибрисов.

Многовековые связи российских евреев с книгой в каждом отдельном случае означены книжным знаком – экслибрисом.

Для народа Библии и Десяти заповедей с древнейшими культурно-историческими традициями единственным из путей, ему предначертанных, было абсолютное растворение в «братской семье народов СССР», т.е. полное исчезновение еврейского этноса.

В экслибрисе, одном из очень немногих достоверных и подлинных документов культуры народа, отразились вехи вялотекущего, с периодическими вспышками, геноцида. Исторический срез представляемых экслибрисов равен двум векам: девятнадцатому и двадцатому.

Из совершенно необъятного моря книжных собраний российских евреев отобрано около 500, наиболее значительных по своим основным параметрам: объём и состав библиотеки, её характеристика и судьба...

Одна из причин, побудивших Я. Бердичевского, автора монографии «Народ книги», приняться за сей труд – берлинская выставка «Jüdische Lebenswelt» (1992 г.), к которой был издан специальный каталог, прекрасно иллюстрированный, но абсолютно не отразивший «Lebenswelt» евреев России, как Российской империи, так и СССР. А ведь именно «...в России началось еврейское национальное движение... Новая еврейская светская литература также возродилась в прежней России и развивалась в эмиграции (Бялик, Черниховский, Ахад-Гаам, Абрамович, Перец, Шолом-Алейхем)».

«Да сподобит нас Господь умножить знание Закона и увеличит число книг среди евреев», – заключительные строки одной из еврейских инкунабул XV в.

Экслибрис – владельческий знак, закреплял право собственности самой дорогой и близкой душе и сердцу книги, преданного друга, верного советчика бесконечной эстафеты поколений.

На древнейших манускриптах встречаются владельческие надписи, а с возникновением книгопечатания появляются первые, специально изготовленные, ярлыки с указанием имени владельца – экслибрисы, что в переводе с латинского означает «из книг».

Обращение к еврейскому языку на экслибрисах XVI – XVII веков традиционно. Экслибрисы на книгах российско-еврейских библиотек появляются в XVIII – XIX веках.

Впервые экслибрис появился на родине книгопечатания, в Германии, в 1460 г., спустя 20 лет после выхода первой печатной книги (Страсбург, 1440 г.) и через пять лет после издания И. Гутенбергом знаменитой 42-строчной Библии (1452–1455 гг.).

Этот экслибрис награвирован на дереве великим художником немецкого Возрождения Альбрехтом Дюрером (1471–1528 гг.) для библиотеки близкого друга, учёного и библиофила, Виллибальда Пиркхаймера (1470–1530 гг.).

Собранная Пиркхаймером библиотека – одна из первых и самых крупных в Европе: насчитывала около четырёх тысяч томов.

В её составе, наряду с печатными книгами, было и большое собрание рукописей – еврейских, арабских, греческих, латинских, рисунки и гравюры Альбрехта Дюрера, Лукаса Кранаха Старшего, письма Томаса Мюнцера, Мартина Лютера, Эразма Роттердамского и др. Экслибрис библиотеки Пиркхаймера снабжён афоризмом «Начало премудрости – страх Божий» – на трёх языках, ставших классическими: еврейском, греческом, латинском.

Многие из старых частных библиотек евреев, да и современных, не обошлись без книжного знака. Нередко у владельцев имеются экслибрисы для каждого раздела его библиотеки. Часто экслибрисы были оплачены художникам, иные же преподносились в дар, в знак глубокого уважения к личности владельца и составу библиотеки. В основном, экслибрисы выполнены профессиональными мастерами и исполнены с большой любовью к книге, как к памятнику материальной и духовной культуры. Еврейский экслибрис – это один из знаковых разделов в истории культуры, этноса и истории еврейства.

Монография «Народ книги», выдержала три издания. В ней дан подробнейший разбор экслибрисов и их владельцев. Остаётся разделить утешение Цицерона: «Ego plus quam feci, facere non possum» («Больше, чем сделал, сделать не могу») из «Послания», XI, 14».

Публикация Анжеллы Подольской.

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

ЛЕОНИД БЕРДИЧЕВСКИЙ

С немецкого...

НЕЛЛИ ЗАКС
NELLY SACHS
(1891 – 1970)

МОРЕ

Коленопреклонение –
Это пророчество
В ушную раковину,
Подготовленное
Звёздной геометрией
Для медовых сот,
Чтоб солнце было сладким.

Цикличность любви случается
Прозрачнее хрустала
При выходе из границ сна.

Пепел –
Это повязка
От световой боли
Из земли.

ЭМИГРАНТСКОЕ ВРЕМЯ ПЛАНЕТЫ

Эмигрантское время планеты.
Эмигрантские крылья полёта.
Поиск смерти в паденье.

Звездопад под магической стражей.
Забота стада о хлебе, и о ночлеге.

Чёрных яблок тупое познание, –
это страх! Это зона погасшей любви,
а задымленность, – цвет для совы.
Возбуждение, просто, охота
за ничем при полёте.

Охотничья страсть, – саван в песке, –
гирлянда прощанья.

Удары о землю, – палочное дыханье
при покорении воздуха.

ТОРОПЛЮСЬ...

Тороплюсь
На большой приём.

Быстрый ветер
Срывает платок.
Ночь в шёпоте песка,
Но надо спешить.
Напряженье дыханья,
Как во время полёта.

Задыхается бабочка
Над морем, и
На крыльях её отпечатан
Каждый камешек моря,
И она его показывает мне.

Это – привет с родины,
Это – метаморфоза мира.

РОЗА АУСЛЕНДЕР
ROSE AUSLÄNDER
(1901 – 1988)

НИКТО

Я – король Никто,
ношу свою никакую страну
в кармане.

С чужим паспортом езжу я
от моря к морю.

Вода в них голубая,
глубокие глаза –
бесцветны.

Мой псевдоним –
Никто,
легитимен.

Никто, – подозрителен,
но я, – король,
ношу в кармане
свою бездомную страну.

ЛЕХАИМ

Милости просим,
странник,
заходи к нам свободно
из степи
с облаком пыли
от твоих
походов.

В холодную деревню
в шапке, засыпанной
снегом,
с тяжёлым дыханием,
со льдом в ушах.

Ты ведь жив?
Гость субботы, –
ты живой,
мы промоем твои раны.
Мы добры,
доброта
ко всем странникам-братьям.

Лехаим,
Агасфер.

СВЕТ НАС НЕ ЛЮБИТ

Они придут
в толпе знамён и пистолетов,
все звёзды расстреляют, и луну,
и не оставят никакого света, –
они нас не полюбят никогда.

В могиле нынче будем мы без солнца, –
ведь солнце поглотит сплошная тьма.

ДНИ В ИЗГНАНИИ

Дни в изгнании.
Дом без дверей и окон.

На белых плитах в углу,
истёртых временем.

В клетках,
с лицами, мёртвых масок:
Адам,
Абрагам,
Агасфер.
Кто знает имена всех?
Дни в изгнании, –
там сжаты часы.
Из подвала –
в прихожую.

Тени собраны
в вечной керосиновой лампе, –
та рассказывает свои истории
десяткам тёмных пальцев,
и длинной стене.

ПАУЛЬ ЦЕЛАН
PAUL CELAN
(1920 – 1970)

ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ

Правильно...
Оставленные становятся
подлинными строчками... твоего
дома в Париже, – к позднему
жертвоприношению твоих рук.

Трижды сквозь дыхание,
трижды сквозь сияние,
нарушив молчание,
нарушив глухоту глаз.
Я вижу вспышку яда
в разных словах и фигуре.

Уходи. Приходи.
Их имена гасят любовь.
Они сочиняют: «от меня к тебе».

БЛИЖНЯЯ МОГИЛА

Знаешь ли воду ты Южного Буга? –
Мама, волна там и раны к услугам.

Знаешь ли мельницу прямо на поле,
где моё сердце грустит поневоле?

Нет там осины, берёзы и ивы,
грусть там висит, в утешение – ливень.
Бог не спешит с эстафетной палкой,
всюду холмы молчаливы и жалки.

Ты истрадался по маме, по дому,
рифмам немецким, нам с детства знакомым.

ЛЁД ЭДЕМА

В этой утраченной стране
луна вырастает из камыша,
замерзая так же, как мы,
накаляясь видит,

всё видит, потому что имеет глаза, –
зоркие глаза земли.
Ночь. Ночь выдёргивает
всё глазами ребёнка.

Видит. Всё видит. Все видят.
Я вижу тебя, ты видишь,
как лёд хочет воскреснуть,
останавливая собой время.

ЭРИХ ФРИД
ERICH FRIED
(1921 – 1988)

КОНЕЦ ВЕСЁЛОЙ ЭПОХИ

Командир лагеря, –
видный мужчина,
всегда постоянен
и точен в своих
формулировках.
Он не забывает вставить
весёленькую фразу.

Или совсем не смеётся,
или в конце говорит:
«Грядут плохие времена
для юмора».

БЕЗОТВЕТНОСТЬ

«Почему ты постоянно
Сочиняешь стихи,
несмотря на прогресс,
только в своём стиле,
ничего нового
не достигая?» –

Спрашивают меня друзья,
При этом нетерпеливо:
«Только в своём стиле,
неизменно,
ничего нового не достигнув?»

Я не нахожу на это
никакого ответа.

ЕВРЕЙСКИЕ ВОПРОСЫ

Тихие смешки.
Вечные еврейские вопросы:
«В какой бетонной камере конец,
при каком правителе,
от какого клинка?»

Где мудрую шутку нести,
с какого плеча с грустью
(тщательно охраняя её
от филосемитов),
когда между ними конфликт:
«Что сделано хорошо, что плохо?»

Их вопли: «Нам! Нам!»
Их игрища:
перевернуть мир среди арабских стран
и еврейской страной. И о том,
что делают евреи, смеясь
над собой и над другими?

ПЕРЕЖИТЬ*(после Освенцима)*

Не желать себе счастья, –
в этом счастье
я живу.

Что значит жить
после многих смертей?
Почему ношу я
вину той невинности,
что тяжело висит,
виною за смерти, –
кровавой виной,
добиваясь
прощения?

Часто ли обязан
я умирать за то,
что там
не умер?

ЕЛЕНА ЗЕЛЬГЕР

С немецкого...

КРИСТИАН МОРГЕНШТЕРН
CHRISTIAN MORGENSTERN
(1871 – 1914)

ЛИСТОПАД

Что лес осенний шепчет мне...
Опавшим листьям счёту нет...
Ветвей пустеют сети.

Ты, у кого на сердце боль,
И чей сердечный груз тяжёл,
Молчи – слова в запрете.

Учись смеяться, если лист,
Сорвавшись, устремится вниз,
От ветра повеленья.

И знай, что Перемена – меч,
Которым, Времени вопресть,
Душа разит Сомненья.

ТЕОДОР ФОНТАНЕ
THEODOR FONTANE
(1819 – 1898)

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

Бордо, подмешанное к зелени листвы.
У Резеды и Астры – смятые листы.
И собран виноград, и колос перемолот.
Осенняя пора и Год уже не молод.
Но всё же (даже в Осень) солнце греет.
Прочь Меланхолия, пусть Ум не ослабеет.

Гони заботы и возрадуйся сполна.
Спокойствие и Снег – да здравствует Зима!

ВАЛЕРИЙ МАТЭТСКИЙ

С английского

КУТТИ РЕВАТИ
KUTTI REVATHI
(1974)

ЖЕНЩИНА-МОРЕ

Мы никогда не устаем, потому, что мы рождены женщинами.
Наши протесты поднимаются на высоту маяка.
Мы достигаем орбиты вращающегося света,
тогда как он измеряется шириной моря.
Так же, как традиции прошлого сталкиваются с будущим,
мы стали волнами, которые разбиваясь о берег,
сталкиваются и плачут.
Внутри нас, наши чрева, где растут эмбрионы,
говорящие из миллионно-летней глубины морей,
умоляющие, чтобы наши тела не пострадали...
из-за излучения радиоактивных осадков из ядерных реакторов.
От волн наши матки, несущие одиночество моря.
Мы поём свободу, мы рожаем наших детей,
мы наслаждаемся нашими мужчинами,
мы никогда не миримся с нуждой или даже с небольшим злом.
Море стало нашими телами.
Мы никогда не устаём, потому что мы рождены женщинами.
Мы поднимаем солнце и ветер,
идуший от нас самих;
мы вливаемся в ночь звездами,
которые цветут на Ваших знаменах.
Мы пьём наши слезы, как если бы они были океаном,
солёные гребни которого, стали нашими тугими грудями.
Мы никогда не устаём, потому что мы рождены женщинами.

ХЕРАРДО Д'АЛЕМА
GERARDO D'ALEMA
(1975)

МЫШЛЕНИЕ, ЭТО ПОЛЁТ

Эта пронзительность мысли,
проникающая через все
облака в небесах,
не задевая
эфирный световой путь,
в вино моей души,
наполненной чувством
чистоты, которую даёт мне
божественная мысль,
торжественно летящего
златокрылого коня,
через пространства
затопленные любовью,
в каждом сердце.

Когда я смотрю в твои глаза,
я, будто за рулем
звездной кометы,
отправляюсь в путешествие через
звезды, касающееся бесконечности,
а затем, в колыбели Луны,
возвращаюсь назад.
Иди ко мне.
Сядь на моего крылатого коня.
Я отвезу тебя, к Рубикону
между мечтой и реальностью,
где наши фантазии
не будут иметь конца.
Любовь моя ... каждый раз,
когда я тебя, так называю,
ветер приближает твое лицо
сквозь облака ... О! моя любовь,
ты, та, кто так легко
дарит мне радость ...
не говоря уже о счастье;
но если бы, оно имело номер,
он был бы,
хотя и не бесконечным,

но таким же большим, как моя жизнь ...
Люби меня... Я улыбаюсь...
Я улыбаюсь, потому, что рассвет
приближается, ведя на поводу
радужного коня...
и ждёт меня, как обычно,
в моем окне.

Это случается со мной
всякий раз, когда я думаю
«Ах, если бы, однажды,
я смог танцевать на настоящей сцене!»
Но ... мне все равно,
что ждет меня завтра,
потому что самое важное,
это жить настоящим,
когда в моем настоящем
есть мой любимый танец.

ПОЛЁТ БАБОЧКИ

Как ты возбуждаешь меня,
каждым своим милым словом,
вылетающим из твоих губ,
то легкомысленным, то жарким...
накрывающим дождём эмоций мою жизнь
и я хожу по веселому ковру
разноцветных листьев, выстилающих
тропинку влюбленного человека.
Отдай свой рот, прелестным поцелуям.
Позволь прижаться к твоему
нежному, пылающему лицу.
Утопи меня в своих благодушных,
и глубоких глазах, обними меня
своими ласковыми руками,
благоухай и отдыхай в моей любви.
Страсть кружит меня,
в пламени твоего знойного сердца.
Люби меня всей своей любовью,
такой любовью,
на которую и способна только ты,
всем тем, что есть в тебе...
прекрасное создание.
Танцуй со мной, моя любовь ... танцуй...

с мелодией звучащей вокруг нас,
и смущающей тебя,
в вибрации тех дней,
которые тянутся так медленно,
так нестерпимо медленно ... без тебя.
Танцуй, прижавшись ко мне...
к волнам моих вздохов,
отдай руки небу
и взлети выше воздушных змеев.
Ты, лунный свет, улащающий меня...
ты – стремительный ветер,
раздувающий мои волосы...
ты кувшинка, которая катается на коньках
по замерзшим берегам моих глаз,
пока я мечтаю.
Я люблю тебя ... правда...
я так уверен... что я люблю тебя...
мои чувства... моя нежность.
Я люблю вас всех...
теплая осень, закат... я люблю тебя...
пьянящий аромат любви...
Я люблю тебя... бунтарский дух.
Я люблю тебя... женщина...
Я люблю
твою силу и сладость...
Я люблю те карты,
из которых ты состоишь,
и которые выглядят пёстрой мозаикой
из стекла и песка, цветов и воды...
света и цвета...
я люблю тебя слабой и надёжной...
и настоящей...
Я люблю тебя... превыше всего... тебя.
И я плачу и смеюсь, и я, наконец,
счастлив; спасибо тебе, моя любовь.
Я хотел бы, чтобы это письмо к тебе,
было лёгким, как облако.
Я хотел бы, чтобы моя любовь растопила
прохладность и пролилась
дождем влаги, которая
утолит мою жажду к тебе.
Этим письмом я хотел бы
вызвать твою улыбку,
хотел бы сказать тебе спасибо,
за все, что ты сделала для меня.

Ты, которая дала мне
чувства, такие сильные,
что мне даже, немного страшно
открывать тебе, своё сердце.
Но все же я делаю это, не колеблясь,
может быть, потому, что понимаю,
как приятно позволить себе,
успокоится твоими сладкими словами.
Позволь моим чувствам свободно летать
в воздухе, чтобы добраться до тебя.
Ведь это, свершилось:
я превратился в крылья бабочки,
чтобы предложить тебе этот скромный цветок.
Отныне мне ясно,
что это чувство
никогда не оставит меня.
Никогда больше.

СРИДАЛА СВАМИ
SRIDALA SWAMI
(1971)

СОПРЯЖЕНИЕ ЛЮБВИ

Когда он уходит, она сжимается от шока до тех пор,
пока, как семечко, не станет модулем самой себя.

*

Ей всегда было сложно снова влюбиться.

И этот процесс доставлял ей нешуточное удовольствие.

*

Он был неотразим настолько, насколько это возможно
только в самом юном возрасте. Он изображал энтузиазм
любителя экстремального спорта.

*

Нет, он не играл. Он представлялся.

Эти две вещи отличаются только конечным результатом.

*

Где-то за пределами рая (который, в конце концов, не что иное,
как огороженный сад) находятся места, выходы из которых

не огорожены стенами. И она задается вопросом, как называются вещи, которые находятся в раю.

*

Она считала, что позволяя себе небольшие ежедневные дозы потери, она делает себе прививки против будущего шока. Вопреки своей логике, она обнаружила, что стала копилкой.

*

Он тоже был копилкой, но секретной.

Что он копил и где хранил, было тайной покрытой мраком.

*

Всегда было трудно определить, кто они.

Таких слов просто не существовало ни в одном из их языков.

*

Но не это стало причиной, того что она ушла. / Того что он ушел.

Это был акт превосходного, великолепного освобождения.

*

Она сжималась. Он расплылся. Бессвязность и безмолвие не одно и то же. Закрытость и владение тоже, не одно и то же.

КАРТИКА НАИР

KARTHIKA NAIR

(1972)

УЛУПИ: КАПИЛЛЯРЫ КОСМИЧЕСКИХ ТЕЛ

Арджуна, я посылаю Вам сына, которого Вы никогда не видели: это Ваш первенец, наш сын, Араван. Я знаю, его ласковое имя ничего не значит для Вас. Как возможно и моё имя, – Улупи, дочь Куравьи, Королева Нага.

С именами редко считаются. Чтобы освежить Вашу память, вспомните, Девпраяг, речной храм – Колыбель Ганга – где Вы побывали в свой первый золотой год ссылки. Вспомните наяду, которая переплелась

своим пульсом и дыханием с Вашими собственными, погрузив девять ледяных союзов вниз – вниз, с Вами на её руках, Вашим сердцем, растаявшим от удивления, и конечностями, внезапно онемевшими от восторга – к потусторонним, мерцающим, водным сиянием

королевским змеям и рубежам божественной мощи.
Вспомните, как вы удивлялись в перламутровом свете,
их скоростью, и привлекательностью, а затем, умоляли одарить Вас
таким же мистическим умением – вести войну под водой,

и воспламенять океаны всего одним заклинанием.
Воспоминание исправит Вас, и забывчивость расцветёт стыдом.
Хотя мужчины Куру наслаждаются способностями
забывать своих жён и любовниц, отказываются от таких

наставников, как я, подарившей Вам победу над
более чем семью подземными мирами – сулят несчастья
и моральный крах своему уму. Но это вряд ли имеет значение:
я с трудом догадалась, что Вы вычеркнули из своей памяти

зеркальное сияние моих бедер и губ, и запах эфирного масла
моей розы! Эта ночь означала для Вас, ни больше, чем быстрюгу,
восхитительную скороговорку обеих чресел, – ночь,
приобретённую мною взамен рун, которые Вам нужно было разбить

на конкурирующие армии: Ваше семя, плата моего учителя, и огонь,
создавший моего ребенка. Ибо не было более жгучего желания,
толкнувшего меня тогда, на обмен совокуплениями, из-за того что,
мой клан нуждается в новых запасах воинов, чтобы родить

следующего монарха. Всё же, наши старейшины, сначала порицали
меня за выбор землёнина, каким Вы были, сына демона и
полу-божественной Индры, хуже того, Аравана пришлось
столкнуть вниз, хоть и молодого и не знающего

в человеческой расе таких позорных слов, как полукровка и дурак,
но остающимся второсортным среди змей. Но, к нашему удивлению,
он принял родство с отцом, с такой ожесточенной гордостью,
поднявшись в ответ, так высоко и преданно, что пусть позор покроет
того,

кто преследует его выбор с детства – да пасть, им всем, на обочине
и никогда не догнать его снова. Конечно, он пытался
быть достойным Вас. Но больше эха своего предка –
намного больше, это тот сын, который перешагнул

семь сфер, как высшую силу, выпуклостью своего лука,
образующую земной свод, в то время как, его улыбка возвещает приход
завтра. Он тот, в ком сущность короля: Араван, выше несправедливости
или короны; будущее, которое не наше – вон.

Я знаю, что это убивает, я знаю, что будет больно тем, кто пошлёт его туда, к этой сумасшедшей, неблагозвучной лебединой песне войны – ради сына хочется сократить жизненный путь отца, чтобы угодить родственникам, которые всегда его презирали,

в то время как с матерями, любовницами и жизнью, расстаются в одно мгновение, ради битвы, ради быстрой, блестящей смерти или бездумного триумфа, который, как они верят – ждёт впереди. Никто, как бы, нам этого ни хотелось, увы, – не вечен.

Я бы, погрузила Аравана на самое дно океана, поместила бы, моего сына в гулкие удары моего сердца, и запрятала бы, его, среди самых дальних звезд, чтобы удержать его от зла, если бы, я могла – но, мотыльки ищут пылающую, плетеную

нить смерти, даже тогда, когда она не горит. В чем прелесть этого огня, Арджуна, что заставляет их жаждать, утонуть в его языках? Я долго об этом думала. Я знаю, что это предвещает, но Богини не вправе, ни оплакивать, ни поднимать тревогу.

Я не прошу вас любить его, или притворяться влюблённым. Кто может любить по требованию, даже для того, чтобы оправдать, свою кровь? Араван заслуживает большего, как воин, и как человек: и я прошу Вас, добавьте перед

моим сыном учтивости, вниманием, которое Вы оказываете союзникам, с откровенностью, равной которой, Вам не было раньше. Храните его сыновнее доверие не обманутым, даже в тот день, когда Вы отвергнете источник его жизненной силы, его сущность,

уничтожающую врага, в битве, которая начавшись на земле, достигает неба, когда её окончание вызывает мурашки по телу, а её дыхание обжигает Ваш позвоночник. Даруйте ему его родословную, наполненную блеском: и посмотрите, как он будет шествовать к смерти, с пульсом, исполняющим серенаду.

С французского

ЛУЧИНА ИГНЕЧИ

LUCINA IGNECI

(1963)

ЛЮБИТЬ

Взгляд,
встреча ...
Лето,
улыбка...
Номер,
и-мейл,
ожидание,
воспоминание...
Звонок
голос,
начало,
свидание...
Маршрут,
место,
встреча,
надежда...
Терраса,
кофе,
диалог,
мгновение...
Солнце,
свет,
сердце,
пульс...
Секунда,
минута,
час,
наслаждение...

Расставание,
предположение,
обещание,
желание...
Поледствие,
продолжительность,
терпение,
молчание...
Сомнение,
недоумение,
сожаление,
дистанция...
Возвращение,
сюрприз,
поток,
прилив...
связь,
вожделение,
мечта...
вечер...
Полная луна,
поворот,
мгновение,
спонтанность...
Прикосновение,
поцелуй,
волшебство...
Дрожь...
Единение,
грядущее,
узы,
судьба...
Одна звезда,
поэма в одном глаголе:
ЛЮБИТЬ.

С итальянского

ЛУЧИНА ИГНЕЧИ

LUCINA IGNECI

(1963)

БЫТЬ МОЖЕТ

Быть может, Вы забудете меня.
Быть может, Вам поможет течение времени:
другие взгляды,
другие улыбки
запрыгнут в Ваше сердце.
Еще одно солнце согреет Вас.
Другие дожди,
другие слезы намочат Ваше лицо.
Другие бризы запутаются в Вас
своими вздохами,
и я стану для Вас, не именем,
а тенью.
Или, быть может, однажды,
в поисках себя,
когда у Вас опустятся руки,
и когда Вы, наконец, убедитесь,
какой Вы внутри себя,
а не снаружи.
Не в красивом теле,
не в разнообразии шикарных ароматов парфюмерии,
но в самой-самой глубине себя.
Быть может, тогда, Вы вспомните меня
и поймете, что то, что отражалось в моих глазах
таинственными образами,
в которых мы мелькнули на мгновение вместе,
это и были Вы сами.
И тогда, из Вас вырвется,
быть может,
самый сладкий, вздох.

МАРИНА ОВЧАРОВА

ЭДГАР КЕРЕТ*
Перевод с иврита

КАКОЕ ТЫ ЖИВОТНОЕ?

Текст, который я сейчас пишу, предназначен для немецких зрителей. Молодая женщина – телерепортёр из Германии, которая пришла сегодня к нам домой, попросила напечатать что-нибудь на компьютере перед камерой, потому что писатель – это всегда интересно и здорово.

Она знает, что это банально, но штампы – не что иное, как скучное накопление правды, и её репортёрская работа состоит в том, чтобы сделать эту правду сексуальной, сломать клише, добавив в репортаж несколько лёгких необычных фотографий.

Освещение в доме великолепное, можно не зажигать ламп, так что оставалось только сесть за компьютер и начать работать. Сперва я делал вид, что печатаю, но репортёр заметила моё притворство. «Пиши по-настоящему, – потребовала она. – Рассказ, а не набор слов. Работай раскрепощённо, как ты обычно делаешь».

Я сказал, что для меня неестественно писать во время съёмок для немецкого общественного телевидения, но она настаивала: «Вот и воспользуйся этим. Просто напиши историю о том, как неестественно писать во время съёмок, и как эта неестественность внезапно выливается во что-то настоящее, страстное. Что пробивает тебя с головы до пят. Или наоборот. Я не знаю, как это у тебя происходит. Я имею в виду, где именно начинается пульсация в твоём теле, когда ты сочиняешь. Это очень индивидуально».

Она рассказала мне, что однажды брала интервью у бельгийского писателя, который во время работы постоянно находился в состоянии эрекции, сказала что-то о «постукивании по конечности». Должно быть, это был прямой перевод с немецкого, но на английском это прозвучало очень странно.

«Пиши, – вновь скомандовала немка. – Мне нравится твоя плохая осанка и сморщенная шея, когда ты пишешь. Это просто здорово, так натурально. Продолжай, отлично. Не обращай на меня внимания, забудь, что я здесь».

Я продолжал писать, забывая, что она здесь, всё более раскрепощаясь, насколько это было возможно.

У меня есть некоторые соображения насчёт аудитории немецкого общественного телевидения, но сейчас не время говорить об этом. Я должен

написать хороший текст, на высоком уровне, потому что, когда я пишу разные глупости, то становлюсь нефотогеничным. Так объяснила мне немка-телерепортёр.

Наш сын возвращается из детского сада. Он бежит ко мне в объятия. Сначала члены съёмочной группы должны были просить его об этом: «Беги, не смотри в камеру, обними папу, скажи: „Папа, я люблю тебя“». Но теперь он уже привык к съёмке и ведёт себя совершенно раскованно. Ему нет ещё и четырёх лет, но он уже всё понимает, мой милый сын.

Моя жена, по словам репортёра, хуже справляется с задачей. Она постоянно поправляет волосы и смотрит в камеру. Но это не проблема, эпизод всегда можно переснять. В этом преимущество телевидения. В жизни не так. В жизни невозможно снять, стереть, переделать. Только Б-г может, или серьёзная болезнь.

Наш сосед сверху – вдовец. Неизлечимая болезнь забрала его жену. Что-то с кишечником, по крайней мере, так он мне сказал. С тех пор, как она умерла, к нам в дом приходят разные женщины на высоких каблуках, оставляя на лестнице запах дешёвых духов. Они приходят в самое неожиданное время, иногда даже в полдень. Сосед – пенсионер, и у него всегда уйма времени.

Моя жена называет этих женщин проститутками. Слово «проститутка» она бросает с той же лёгкостью, как если бы произносила, например, «сельдерей».

Мой сын любит проституток, которые приходят к нашему соседу сверху. «Что ты за зверь?», – спрашивает он, сталкиваясь с ними на лестничной клетке. «Я – сегодня мышь. Ловкая и неуловимая мышь», – отвечает одна.

Эти женщины понимают его и сразу называют животное: слон, медведь, бабочка. У каждой шлюхи есть свой зверь. Это странно, потому что другие люди на вопрос о животных не понимают, чего от них хотят.

Иногда я задумываюсь о том, что, может быть, в следующий раз, когда придет съёмочная группа, я приведу проститутку вместо жены, и это получится более непосредственно. Они выглядят великолепно, дешево, но замечательно, и мальчик прекрасно с ними ладит.

Когда он спрашивает мать: «Какое ты животное», – она всегда повторяет: «Я не животное, милый, я – человек. Я твоя мама». И ребёнок всякий раз начинает плакать.

Почему она такая негибкая? Почему легко может назвать женщин с запахом дешёвых духов «проститутками», а сказать маленькому мальчику «я – жираф» находится для неё за гранью возможного?

Это злит меня, и мне хочется ударить. Не жену, конечно, которую я люблю, а кого-нибудь. Выразить свои разочарования тому, кто это заслуживает.

Правые могут излить гнев на арабов. Расисты – на чёрных. Но мы с женой, – либеральные левые, оказались в ловушке. Нам не на ком сорваться и мы обнимаемся.

«Отлично, – говорит немецкий корреспондент. – Мне это нравится».

«Не называй их шлюхами, – шепчу я жене, – ты не знаешь, что они – шлюхи, ты не видела, чтобы кто-нибудь платил им или что-то в этом роде, так что не называй их так, хорошо? Как бы ты себя чувствовала, если бы тебя назвали шлюхой?»

«Так, – продолжает немка. – Морщина на лбу. Быстрый набор текста. Великолепно! Теперь небрежно открывай несколько папок с переводами, пусть наши зрители видят, что ты добился успеха. Прекрасно! Крупный план, пожалуйста. И снова – объятие сына. Первый раз он бежал слишком быстро, и фотограф Йорг не успел изменить фокус камеры».

Жена спрашивает немку, надо ли нам снова обняться, и я всем сердцем молюсь, чтобы та сказала «да». Я так хочу, чтобы жена снова обняла меня, её гладкие руки обвилились вокруг моей шеи, как будто в мире нет ничего, кроме нас двоих.

«Не нужно, – говорит немка холодным тоном. – У нас это уже есть». «Какое ты животное?», – спрашивает её мой сын, и я спешу перевести его слова на английский.

«Я не животное, – смеётся она и вставляет себе в причёску длинную шпильку. – Я чудовище. Монстр, пришедший с другой стороны океана, чтобы съесть таких прекрасных маленьких детей, как ты».

«Она говорит, что она – певчая птица, – поясняя я сыну как можно более непринуждённо. – Рыжеволосая певчая птица, прилетевшая из далекой земли».

**Этгар Керет родился в г. Рамат-Гане в 1967г. Его первые рассказы и сценарии для театральных и телевизионных постановок увидели свет в 90-х годах. Несколько вышедших в Израиле сборников его рассказов стали бестселлерами.*

АНЖЕЛЛА ПОДОЛЬСКАЯ

С немецкого...

ЙОЗЕФ ФОН ЭЙХЕНДОРФ
JOSEPH VON EICHENDORFF
(1788 – 1857)

Разнообразие сердец
И с радостью, и с болью –
Начало и конец,
С рожденья данной ролью.

Не смогут все сердца пылать,
А только лишь поэтов.
Судьба даёт талант и стать,
И сердца жар, при этом.

НА РЕЙНЕ

Прозрачен Рейн.
Вода молчит. Спокойны волны.
Нетерпеливое вино
Взволновано. Бокалы полны.

И тосты рвутся с языка,
Но вежливость не позволяет.
Повременить бы всем пока,
Но жажда выпить разжигает.

И языки плетут слова,
Те, что уже звучали прежде.
Обычные, без волшебства,
На Рейна тихом побережье.

СУМЕРЕЧНЫЙ ПЕЙЗАЖ

Выстрела слышна осечка...
Рог пастушеский трубит.
Ручеёк – насмешка речки,
Спотыкаясь, вниз бежит.

Сумрак прячется в тумане –
На гору прилёт закат...
И меня всё это манит, –
Крыльев нет, но зорок взгляд.

ВОСПОМИНАНИЕ

Взявшись за руки, неспешно,
Мы глотали нить дороги.
Как бывает в жизни грешной, –
Заплетаться стали ноги.

Размечтались о покое
В тишине ночной однажды.
«Почему пришло такое?» –
Нам ответил бы не каждый.

Мысль помчалась в неизвестность, –
Не вернуть её оттуда.
И в глазах тех лет окрестность
Задержалась, словно чудо.

Мы туда с тех пор не ходим.
Грусть вползла в воспоминанье.
Жить нам не мешает, вроде... –
Это в виде оправданья.

С УТРА

В тумане прячется Восток, –
В покров глубокой ночи.
Испуган он, иль занемог,
Или сомненья точат?

Но вот уж утро, и простор
За дело взялся смело.
Равнинам и вершинам гор
В тумане надоело.

ТЕОДОР ШТОРМ
THEODOR STORM
(1817 – 1888)

АПРЕЛЬ

Уж весна... Долбят кору
Дятлы, – целый день и вечер.
Видно, им заняться нечем, –
Умолкают поутру́.

Уж весна... И сердца стук
Ловит каждое мгновенье.
И несёт благословенье
Каждый шорох, каждый звук.

ИЮЛЬ

Ветра колыбельный звук
Переполнил всё вокруг.
Солнце опустилось низко,
После золотом повисло.
И поплыло по полям, –
Рады зёрна и земля.

ПЕСНЯ АРФИСТКИ

Сегодня. Только сегодня,
Взгляни – я красива очень.
А завтра, как будет угодно,
Но всё случится короче.

Пусть хоть на час, мимолётно,
Ты станешь моим. И знаю
Твои объятья охотно
Я, как всегда, принимаю.

ТЕОДОР ФОНТАНЕ
THEODOR FONTANE
(1819 – 1889)

ПРИХОД ВЕСНЫ

Весна явилась, наконец, –
Деревья в почках липких.
Об этом сообщил скворец,
И маков цвет с улыбкой.

И яблоня уже в цвету, –
Плоды вот-вот созреют.
И молодость свою мечту,
С надеждою лелеет.

На небе утренний восход,
И март ползёт к финалу.
Весна отправилась в поход, –
Её пора настала.

Её явление – радость всем, –
Как много дел весною.
Она приносит массу тем,
И не даёт покоя.

Оставив позади полмира,
Надежду потерял на встречу
С тобой, мой друг, и даже лире
Распорядиться будет нечем.

Ничто мне в жизни не подвластно,
Ни окрики, ни фортепьяно.
Зачем тревожить их напрасно, –
Не стоит вскакивать с дивана,

Скрипеть пером, терзать бумагу,
И с рифмами затеять склоку.
Такая может передряга
Уход назначить раньше срока.

Однообразье каждодневья
Улыбок не подарит даже.
Лишь шёпот листьев на деревьях
О встрече с ветром мне расскажет.

**БЕЛЛА
ЯКУБОВА**

С немецкого...

НОВАЛИС
NOVALIS
(1772 – 1801)

ТЕБЯ УЗНАЮ Я

Тебя узнаю я на тысячах картин
Мария – образ твой неповторимый,
всегда желанный и всегда любимый, –
он выше самых крупных величин.

Я помню: в мире всё тщета и суета,
ничто сравниться не смогло б с тобою,
об этом знают все и я не скрою, –
ты не из плоти, – ты сама мечта.

ТЕОДОР ШТОРМ
THEODOR STORM
(1817 – 1888)

МОРСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ

Лишь только небо освещает
рассвета солнечный восход,
в порт прилетает стая чаек,
и просыпается народ.

От моря к нам летит прохлада...
И острова, что снятся мне,
Шлют вдохновение в награду,
И мысли возбуждают в сне.

Мне грезится: в таёжной чаше
Проходит призрак в тишине,
И звуки сеет, как причастье,
Напоминая о весне.

Так встрепелось побережье,
Навязывая суету,
И в сердце вспыхнула надежда,
И вера в светлую мечту.

ЗЕЛЁНЫЙ ЛИСТ

Листок, оставшийся от лета,
Прогулку совершил в лесу.
Там окунулся он в росу,
Лучами солнца обогретый.
И в памяти храню я это.

ТЕОДОР ФОНТАНЕ

THEODOR FONTANE

(1719 – 1889)

МОЙ СОН

Он приходит ко мне постоянно,
И приносит надежду с собой,
Ту, что мне непомерно желанна,
И предсказана лично судьбой.

Сон ко мне пробирается с крыши,
И его я отчётливо слышу.

ЛУНА

Госпожа ночного неба
Путешествует одна.
«Остановку сделать где бы?» –
Мудро думает луна.

Надоедливые звёзды
Слева, справа, впереди,

Закружились виртуозно,
Слепят в очи по пути.

Вот и утро подоспело.
Отдых для луны – весь день,
И она легко и смело,
Отошла в ночную тень.

ТЕОДОР ДОЙБЛЕР
THEODOR DÄUBLER
(1876 – 1934)

ХРАМ

Я как-то в храме ночью был.
Рога наставить всем могу я.
Ведь греческим певцом я слыл,
И по дорогам шёл и плыл я.

УЛЛА ХАН
ULLA HANN
(род. в 1946)

ЗИМНЯЯ ПЕСНЯ

Спешу по лихой молве,
и первый уж выпал снег,
ты мчишься в моей голове
седой, ускоряя бег.

Без холода и без льдин,
и без малейшей удачи,
без ничтожных слезин,
и потому – не заплачу.

Сегодня несёшься прочь –
Туда, где нету меня.
Тебя проглотила ночь,
как искорку без огня.

БИОГРАФИИ АВТОРОВ ЮБИЛЕЙНОГО АЛЬМАНАХА «ДО И ПОСЛЕ» № 25

Борис Э. АЛЬШУЛЕР

Прозаик, публицист. Издатель и редактор культурно-политического журнала «Aschkenasim, Берлин».

Родился в 1943 г. в Риге. Врач-ортопед, кандидат медицинских наук. В 1975 г. эмигрировал в Израиль. В Германии живёт с 1979 г.

Занимается живописью, принимал участие в выставках.

Публикации: в Альманахе «До и После» (16 – 18, 22 – 25, 2012 – 2014, 2018 – 2021 гг., Берлин).

Автор многих статей, трёх монографий на русском и немецком языках, романа по проблемам этногенеза, культурологии и языков европейских евреев. Одна из последних монографий, переведенная и на немецкий язык: «Последняя тайна Европы»/«Europas Letztes Geheimnis» (2013 г.).

Леонид БЕРДИЧЕВСКИЙ

Поэт, прозаик, переводчик, эссеист, художник. Член Союза художников и Союза театральных деятелей УССР. Член немецкого отделения международного ПЕН-клуба «Zentrum Schriftsteller im Exile Deutschsprachiger Länder». Создатель и руководитель Клуба Литературы и Искусства.

Главный редактор ежегодного литературного Альманаха «До и После» и других сборников, изданных Клубом.

Указан в справочнике «Писатели русской эмиграции, 1920 – 2020 гг.».

Родился в 1938 г. в Киеве. В Берлине живёт с 1993 г.

Закончил Академию художеств (Санкт Петербург).

Участник многих художественных выставок.

Публикации: в Альманахах «Берега» (1– 2, 1996, 1997 гг., Берлин);

«До и После» (1 – 25, 1997 – 2021 гг., Берлин);

«Третий этаж» 2018 – 2019 гг., Берлин); «Берлин. Берега», «Параллели», «Иерусалимский библиофил», «Библиофильские известия» и др.

Составитель и участник коллективных сборников: «Скрипач из гетто» (стихи поэтов, узников концлагерей. 2002, 2005 гг., Берлин);

«Еврейские мотивы» (произведения современных берлинских авторов, 2011, 2015 гг., Берлин); «На еврейской стороне улицы» (2018 г., Берлин),

изданном при поддержке Союза Писателей Межнационального Соглашения ФРГ;

в журналах «Зеркало загадок», «Радуга», «Крещатик», «Литературный европеец», «Родная речь», «Балтика» (2019, Калининград) и др;

в антологиях: «Ступени», «Четвёртое измерение», «Прощание с Вавилоном» (Поэты русского зарубежья, СПб., изд-во «Алетейя»);

в международной антологии «День поэзии 2020» (Франкфурт на Майне, 2020 г.).

Книги стихов: «Сонеты» (1999 г., Берлин); «В пути меж небом и землёй» (1999 г., Берлин); «Бессонница» (2004 г., Берлин); «Свидание» (переводы с фран., 2005 г., Берлин); «Странник» (переводы с нем., 2007 г., Берлин); «Нить Ариадны» (2008 г., Берлин); двухтомник «Избранные переводы и стихотворения» (изд. «Дух и літера», 2008, 2010 гг., Киев); «Берлинские этюды» (стихи, 2011 г., Берлин); Р. Цихлински «Мои еврейские глаза» (переводы с идиш, 2013 г., Берлин); Р. Ауслендер «Звёздная трава» и «Розарий писем» (переводы с нем., 2013–2014 гг., Берлин); двухтомник «Графика звуков» (стихи, 2015 г., Берлин); Эльза Ласкер-Шюлер «Голубой рояль» (переводы с нем., 2018 г., Берлин); Георг Тракль, Георг Гейн, Готфрид Бенн «Музыка в саду Мирабель» (переводы с нем., 2018 г., Берлин); «Осенняя полусказка», (стихи, 2018 г., Берлин); Рихард Демель, Герман Гессе «Анно Домини», (переводы с нем., 2018 г., Берлин); «Сумбурных звуков суета» (переводы. Немецкие поэты XX века. 2020 г., Берлин).

Яков БЕРДИЧЕВСКИЙ

Выдающийся коллекционер и библиофил, исследователь творчества А. С. Пушкина, культуролог. Публицист, эссеист. Составитель и издатель целого ряда каталогов и альманахов, организатор графических и книжных выставок.

Родился в 1932 г. в Киеве. В Берлине живёт с 1994 г.,

продолжая свои культурологические и библиофильские разыскания.

Закончил Ленинградский Государственный Университет.

Активный член крупнейших библиофильских объединений с момента их учреждения: «Всероссийской ассоциации библиофилов»,

«Национального союза библиофилов» (Москва), «Бироновы конюшни»

(Санкт-Петербург) и др. Член редколлегии и общественных советов ряда периодических изданий: «Библиофилы России»,

«Альманах библиофила», «Российский экслибрисный журнал»,

«Библиофильские известия», «Иерусалимский библиофил».

Его собрание, посвящённое А. С. Пушкину и декабристам, легло в основу Музея А. С. Пушкина в Киеве.

Опубликовано: более 400 статей, обзоров, заметок, около двух десятков отдельных изданий, среди которых 15 выпусков продолжающейся серии «Книжные знаки мастеров графики»; «Народ книги» – монография, посвящённая истории еврейского библиофильства в России (три издания). «За 20 лет. Записки книжного старателя» (Киев, 2020 г.)

Публикации: в Альманахе «До и После» (12, 22 – 25, 2008, 2018 – 2021 гг., Берлин).

Леонид БЕРЕЗИН

Эссеист. Организатор и первый председатель Клуба «Ленинград» (2006 г., Берлин). Председатель Ассоциации «Живая память» – «Lebendige Erinnerung», при общественной организации: Клуб «Диалог», при РДНК (Русский Дом Науки и Культуры, Берлин).

Родился в 1929 г. в Щегловске Томской области.

В Берлине живёт с 1992 г.

С 1932 г. до марта 1942-го жил в Ленинграде вплоть до эвакуации из блокадного города по «Дороге жизни». В годы ВОВ – учёба и тяжёлый труд в одном из колхозов Сибири. Закончил Ленинградский институт связи. Кандидат экономических наук, доцент.

Под его руководством к 75-й годовщине начала блокады Ленинграда был издан проиллюстрированный сборник воспоминаний блокадников: «Чтобы память жила» – «Erinnerung an die Leningrader Blockade» (2016 гг., Берлин).

27 января 2019 г. Берлинская Ассоциация «Живая память» торжественно отметила 75-летие освобождения Ленинграда от блокады немецко-фашистских захватчиков.

Публикации: в Альманахе «До и После» (22 – 25, 2018 – 2021 гг., Берлин).

Дмитрий БОБЫШЕВ

Поэт, эссеист, переводчик, литературовед.

Родился в 1936 г. в Мариуполе (Украина).

Закончил Ленинградский технологический институт.

В США живёт с 1983 г. Профессор Иллинойского университета, преподаёт русский язык и литературу.

Активный участник ленинградского андеграундного литературного процесса 60-х и 70-х гг. В начале 1960-х гг. вместе с И. Бродским, А. Найманом, Е. Рейном входил в ближайший круг Анны Ахматовой.

Публикации: в самиздате (в том числе в журнале А. Гинзбурга «Синтаксис»).

в Альманахе «До и После», (10, 25; 2006, 2021 гг., Берлин).

Автор десяти книг стихов, поэтических переводов, а также томов

мемуарной прозы: «Я здесь» (2003 г.); «Автопортрет в лицах»

(кн. 2, 2008 г.); «Я в нетях» (2014 г.). Автор-составитель раздела

«Третья волна» в «Словаре поэтов русского зарубежья»

(СПб, 1999 г.). Входит в редколлегии журналов «Слово/Word» (Нью-Йорк)

и «Эмигрантская лира» (Бельгия).

Давид БРАЦЛАВЕР

Поэт, баснописец.

Родился в 1938 г. в Одессе. Долгое время жил в Израиле.

В Германии живёт с 1989 г.

Закончил Одесский политехнический институт.

Публикации: в Альманахе «До и После» (19 – 25, 2015 – 2021 гг., Берлин); в сборнике «Еврейские мотивы» (произведения современных берлинских авторов, Берлин, 2015 г.); в сборнике «На еврейской стороне улицы» (2018 г., Берлин), изданном при поддержке Союза Писателей Межнационального Соглашения ФРГ;

в пяти сборниках «Запятая»; в Петербургском альманахе «Голое небо».

Книги стихов: «Листопад» (2010 г.) и «Рифмуя мира панораму» (2012, 2014 гг.).

Борис БРОНШТЕЙН

Поэт.

Родился в Бельцы. В Германии живёт с 1991 г.

Закончив медицинский институт. Участник поэтического чемпионата Германии в городе Ганновер (Почётная грамота, 2013 г.).

Участник поэтического конкурса в Праге (Приз зрительских симпатий, 2016 г.).

Публикации: в Альманахе «До и После» (22 – 25, 2018 – 2021 гг., Берлин); в сборнике «На еврейской стороне улицы» (2018 г., Берлин), изданном при поддержке Союза Писателей Межнационального Соглашения ФРГ.

Книга стихов: «Последний экзамен» (2016 г.).

Михаил ВАЙМАН

Поэт, прозаик.

Родился в 1931 г. В Берлине живёт с 1995 г.

Врач-стоматолог.

Публикации: в Альманахе «До и После» (1, 2, 7, 21 – 25; 1997, 1998, 2003, 2017 – 2021 гг., Берлин).

Сборники стихов: «Чаша»; «Годы»; «Земля обетованная» и др.

Всего 14 книг стихов, и одна прозы.

Нора ГАЙДУКОВА

Поэт, прозаик, переводчик.

Родилась в Ленинграде.

Редактор двуязычного сборника «Шлосс Моабит» (2010, 2011, 2013, 2018, 2020 гг.).

Публикации: в Альманахе «До и После» (9 – 25, 2005 – 2021 гг., Берлин); в сборнике «На еврейской стороне улицы» (2018 г., Берлин), изданном при поддержке Союза Писателей Межнационального Соглашения ФРГ; в альманахах «Третий этаж»; «Остров Андерсвал».

Книги стихов: «Берлиноград» (2008 г.); «Мост через Шпрее» (2020 г.).

Елена ЗЕЛЬГЕР

Поэт, прозаик, переводчик, художник.

Родилась в Ленинграде. В Берлине живёт с 1991 г.

Закончила Петербургское Реставрационное училище.

Публикации: в Альманахе «До и После» (11 – 25, 2007 – 2021 гг., Берлин);

в антологиях: «Голое небо»; «Прощание с Вавилоном»; «Певчий Ангел»

(Поэты русского зарубежья, СПб. Изд-во «Алетейя»);

в журнале «Литературный европеец» (Франкфурт на Майне);

в международной антологии «День поэзии 2020» (Франкфурт на Майне, 2020 г.).

Книга стихов: «Птичьи боги» (стихи и графика Елены Зельгер,

СПб – Берлин, 2020 г.).

Игорь ИЛЬИН

Художник, член графической секции Союза Художников России, участник многих художественных выставок в России, Германии и за рубежом и ряда персональных выставок.

Дизайнер книг, веб-дизайнер, создатель сайта: «Клуб Литературы и Искусства. Ежегодный литературный Альманах „До и После“».

Родился в 1957 г.

В Германии живёт с 1999 г.

Закончил ЛВХПУ им. Мухиной.

Дизайн и вёрстка книг:

Марина Овчарова «Записные книжки», Берлин, 2016 г.

Анна Мелихова «Мистерия жизни», Берлин, 2018 г.

Анна Мелихова «Шагни за эту дверь», Берлин, 2018 г.

Анна Мелихова «Во власти притяжения», Берлин, 2018 г.

Анна Мелихова «По обе стороны моста», Берлин, 2018 г.

Viktor G. Mairanowski «20 Jahre einzigartiger Aktivität

eingewanderte jüdische Wissenschaftler in Berlin», Berlin, 2018 г.

Сборник «На еврейской стороне улицы», Берлин, 2018 г.

Альманах «До и После № 24», Берлин, 2020 г.

Леонид Бердичевский «Сумбурных звуков суета», Берлин, 2020 г.

Анжелла Подольская «Monbijouplatz или хроники не о любви»,

Берлин, 2020 г.

Масуд Панахи «Резиновый петух», Берлин-Баку, 2020 г.

Альманах «До и После № 25», Берлин, 2021 г.

Грета ИОНКИС

Публицист, эссеист. Член Международного ПЕН-клуба

«Zentrum Schriftsteller in Exile Deutschsprachiger Länder»

и Пушкинского общества Германии.

Родилась в Павлово-на-Оке. В Германии живёт с 1994 г. Закончила с отличием МГПИ им. Ленина, затем там же аспирантуру по кафедре «Зарубежная литература». Доктор филологии, профессор. Двадцать пять лет заведовала кафедрой русской и зарубежной литературы в Кишинёвском пединституте. С 1991 г. биография включена в справочник Кембриджского биографического центра «Кто есть кто в мире женщин».

Публикации: в Альманахе «До и После» (20 – 25, 2016 – 2021 гг., Берлин); в сборнике «На еврейской стороне улицы» (2018 г., Берлин), изданном при поддержке Союза Писателей Межнационального Соглашения ФРГ; в периодике Германии, США, Израиля, России, Молдовы (эссе, очерки, статьи).

Изданы 10 книг. Среди них: Семейная сага «Маалот» (СПб.); «Евреи и немцы в контексте истории и культуры» (СПб.); «Золото Рейна. Сокровища немецкой культуры» (СПб.). Победитель конкурса сетевой литературы «Art-Lito 2000» в номинации «Non fiction».

Саади ИСАКОВ

Прозаик, журналист, ответственный секретарь Союза Писателей Межнационального Соглашения ФРГ. Член Русского ПЕН-центра. Родился в 1955 г. в Москве. В Германии живёт с 1991 г. Закончил Московский Государственный Педагогический институт им. Ленина. Преподаватель русского языка и литературы. 1988 – 1990 гг. – семинар для молодых писателей под руководством Д. М. Урнова. Преподавал славистику в Университете г. Билефельд. С 1994 по 2013 – редактор русской страницы в немецкой еженедельной газете «Osnabrücker Sonntagzeitung». С 2013 по 2015 гг. – главный редактор «Еврейской газеты» (Jüdische Zeitung) и газеты «Европа-Экспресс». Один из создателей и организатор проекта «Русская Ярмарка» в Бад Зальцфлен.

Публикации: первая в 1990 г. в журнале «Столица»; всего более двухсот публикаций в периодике России и Германии, а также в ежегодном сборнике «Писатели Оснабрюка» (2012 – 2014 гг.); в Альманахе «До и После» (19–25, 2015 – 2021 гг., Берлин); в сборнике «На еврейской стороне улицы» (2018 г., Берлин), изданном при поддержке Союза Писателей Межнационального Соглашения ФРГ. С 2018 г. – главный редактор альманаха «Третий этаж».

Книги: «Рассказы о коммунистах» (Оснабрюк, соц-арт.

изд-во «Хюнтельманн», 1992 г.); «Ф. Нуссбаум» (Оснабрюк, нем. яз. изд-во «Раш», 1994 г.); «Война и Мир Че Гевары» (Берлин – Москва – Нетания, изд-во «ЛитИнвест», 2016 г.); «Сионская проповедь» (Берлин, изд-во «Verlag am park», 2017); «Похождения Павла Ивановича Чижикова» (Берлин. Нетания, изд-во «ЛитИнвест», 2018); «Одесса. 2 мая. 4 года спустя» (Берлин, изд-во «edition ost», 2018); «Еврейская тема» (Берлин, изд-во «СПМС», 2019).

Награды, премии, дипломы:

Победитель конкурса им. Феликса Нуссбаума 1994 г.;
«Война и Мир Че Гевары» – диплом Германского международного литературного конкурса «Лучшая книга года» 2017 г.;
«Похождения Павла Ивановича Чижикова» – диплом «Лондонская премия» 2015 – 2019 гг.;
Диплом «Не медь звенящая» – за вклад в сохранение традиционных языковых и нравственных ценностей Российского государства, 2020 г.;
Медаль «Анна Ахматова 130 лет» – за вклад в развитие русской литературы, 2020 г.

Константин КЕРБЕЛЬ

Прозаик, поэт.

Родился в 1948 г. в Копейске (Челябинская область).

В Германии живёт 2004 г. Педагог.

Публикации: в Альманахе «До и После» (11 – 25, 2007 – 2021 гг., Берлин).

Регина КОН

Эссеист, переводчик, музыковед.

Родилась в Москве. В Германии живёт с 1999 г.

Закончила музыкальное училище при Московской консерватории им. П. И. Чайковского по специальности «Теория музыки».

Публикации: в Альманахе «До и После» (22 – 25, 2018 – 2021 гг., Берлин); в сборнике «На еврейской стороне улицы» (2018 г., Берлин), изданном при поддержке Союза Писателей Межнационального Соглашения ФРГ; в интернет-издании «Букник», посвященном еврейской литературе и культуре: (Статьи и очерки).

Людмила КУЗНЕЦОВА

Прозаик.

Родилась в Самаре. В Берлине живёт с 2014 года.

Закончила политехнический институт им. В. В. Куйбышева.

Инженер-механик.

В 2003 – 2007 гг. работала журналистом в отделе рекламы в журнале

«Самара и губерния» и редактором женского журнала «Леди клуб», (г. Самара).

Публикации: в Альманахе «До и После» (23 – 25, 2019 – 2021 гг., Берлин).

Альберт ЛЕИН

Поэт.

Родился в 1939 г. в Смоленске. В Берлине живёт с 1983 г.

Публикации: в Альманахе «До и После» (10 – 25, 2006 – 2021 гг., Берлин);

в альманахах: «Литва литературная»; «Всегда в строю»; «Третий этаж»;

в сборнике: «На еврейской стороне улицы» (2018 г., Берлин), изданном при поддержке Союза Писателей Межнационального Соглашения ФРГ.

в антологиях: «Поэты русского зарубежья» (СПб., изд-во «Алетейя»);

в периодике Литвы, Латвии, Якутии, США, России;

Книги стихов: «Листопад»; «Письма из-за границы»;

«Серебряный рассвет»; «Сонеты»; «Избранное».

Генриетта ЛЯХОВИЦКАЯ

Поэт, прозаик, мемуарист, эссеист, переводчик.

В 1994 г. принята в Российский Союз Профессиональных литераторов Ленинграда (ныне Санкт-Петербурга). Одна из зачинателей и постоянный член редколлегии Альманаха «До и После», издаваемого «Берлинским Клубом литературы и искусства», а также других сборников, изданных Клубом.

Родилась в Ленинграде. В Берлине - с 1996 г. Инженер-механик, специалист по научно-технической информации и патентам, философ.

Публикации: в Альманахе «До и После» (1–25, 1997 – 2021 гг., Берлин);

в сборниках: «Скрипач из гетто» (стихи поэтов, узников концлагерей.

2002, 2005 гг., Берлин);

«Еврейские мотивы» (произведения современных берлинских авторов, 2011, 2015 гг., Берлин);

«На еврейской стороне улицы» (Сборник издан при поддержке Союза Писателей Межнационального Соглашения ФРГ. 2018 г., Берлин);

в известных журналах России – «Колобок», «Весёлые картинки», «Нева»,

«Невский альманах» и Германии – «Родная речь», «Слово-WORD»,

«Антенна»; в нескольких книгах издательства «Детгиз»;

в различных альманахах и многочисленных антологиях России и Германии в их числе – Антология «Город-текст» изд. Библ. Толстовского Фонда в Мюнхене (2002 г.);

шесть Антологий (с 2005 по 2019 г. из Серии «Русское зарубежье»

Изд. «Алетейя», СПб);

Антология российских писателей Европы (МГО СП России ИПО

«У Никитских ворот», М. 2009 г.); в Антологии современной петербургской поэзии «Поэтический форум», СПб. 2011) и др.

15 книг: «Сказка про Скрипку» Текст. Музыка Ю. Симакина (Ленинград, изд-во «Музыка», 1988 г.);

«Увидеть рассвет» (СПб., 1993 г.); «Загадка карт влечёт» (СПб., 1994 г.);

«Отблески» (Берлин, 1998 г.); «Reflexionen Отблески» (в соавторстве, Берлин, 2000 г.);

«Чудесята» (СПб Берлин, 2000 г.); «Связующая нить

Der verbindende Faden» с переводом на немецкий (Берлин, 2002 г.)

«Наш мост меж двумя городами Unsere Brücke zwischen zwei Städten» (в соавторстве, Берлин, 2003 г.);

«Мой взгляд в мерцанье настроений и любви» (Берлин, 2006 г.);

«Лики любви» (СПб., изд-во «Алетейя», 2007 г.);

«Генер. Модель мироздания»-научно-популярная философская монография (СПб., изд-во Алетейя», 2008 г.);

«Мой взгляд в поэзию жизни» (Берлин, 2009 г.);

«Талисман запоздалый» (СПб., изд-во «Алетейя», 2010 г.);

«Мой взгляд через кристалл фантазии» (Берлин, 2010 г.)

«Вне времени. Стихи, избранные читателями»,

СПб., изд-во «Алетейя», 2020 г.).

Валерий МАТЭТСКИЙ

Поэт, прозаик, переводчик, художник.

Родился в 1949 году в Красноярске. В Германии живёт с 1991 года.

Закончил ЛВХПУ им. Мухиной.

Публикации: в Альманахе «До и После» (9 – 25, 2005 – 2021 гг., Берлин);

в сборнике «На еврейской стороне улицы» (2018 г., Берлин), изданном

при поддержке Союза Писателей Межнационального Соглашения ФРГ;

в журнале «Литературный европеец» (Франкфурт на Майне);

в антологиях русских поэтов Германии (СПб., изд-во «Алетейя»);

в международной антологии «День поэзии 2020» (Франкфурт на Майне, 2020 г.).

Книга стихов: «Поцелуй в язык».

Борис МИЛЬШТЕЙН

Прозаик.

Москвич. В Потсдаме живёт с 1996 г. Инженер.

Публикации: в альманахах: «До и после» (13, 25; 2009, 2021 гг., Берлин);

«Третий этаж», «Шлосс Моабит», «Творчество»;

в журналах: «Берлин. Берега», «Алеф», «Лехаим», Партнёр,

Neue Zeiten» (Германия);

в литературно-художественном издании «Век XXI» (Германия);

в сборнике: «Мы с тобой, Израиль» (Бостон, США);
 Лауреат Международного литературного конкурса «Лохматый друг» (2018 г.). Лауреат фестиваля искусств «Земля обетованная» в номинации «Проза» (2019 г.).
Автор книг: «Граффити» (2004 г., Потсдам); «Некошерные мысли», «Коктейль» (2009 г., Винница); «Камень преткновения» (2013 г., Винница).

Марина ОВЧАРОВА

Поэт, прозаик, переводчик, художник.
 Участница выставок в России и Германии.
 Родилась в Ленинграде. В Германии живёт с 1999 г.
 Закончила ЛВХПУ им. Мухиной.
Публикации: в Альманахе «До и После» (20 – 25, 2016 – 2021 гг., Берлин); в сборнике «На еврейской стороне улицы» (2018 г., Берлин), изданном при поддержке Союза Писателей Межнационального Соглашения ФРГ.
Книга стихов: «Записные книжки», (2016 г.).

Масуд ПАНАХИ

Прозаик, художник, режиссёр-постановщик мультипликационных фильмов.
 Родился в 1943 г. в Баку В Берлине живёт с 1979 г.
 Закончил художественное училище. Затем – ВГИК.
 Снял более десяти фильмов. В 1974 г. получил I приз на Всесоюзном Кинофестивале за фильм «Почему плачет облако».
 В 1979 г. получил II приз на Всесоюзном Кинофестивале в Ташкенте за фильм «Девичья башня».
 Работал художником и режиссёром на Центральной Телестудии ГДР.
 С 1992 г. работал на разных студиях Германии: Ostfilm, Hahn-Film, Cini Fox, Moser + Rosie Film GmbH, Cartoon Film & Asdm Computer program management, Motion works, Balance Film GmbH, Werner Bross и др.
 За этот период снято более 63-х фильмов, из них многосерийных – 26.
 Выставки: в Берлине, Будапеште, Праге, Софии. Участник фестивалей в Варне, Праге и Халле. Награждён разными дипломами.
Публикации: в Альманахе «До и После» (22 – 25, 2018 – 2021 гг., Берлин).
Книга: «Резиновый петух» (рассказы; Берлин – Баку, 2020 г.).

Михаил ПИКЕР

Поэт, прозаик. Родился в 1958 г. в Тюмени.
 Первые стихи написал в девятом классе..
Публикации: в Альманахах «До и После» (22 – 25, 2018 – 2021 гг., Берлин); «Третий этаж» (2018, 2020 гг., Берлин).

Михаил ПОГРЕБИНСКИЙ

Прозаик, эссеист, художник-график. Член Союза художников СССР. Родился в 1942 г. в Первомайске (Украина). В Берлине живёт с 1993 г. Закончил Одесское Театрально-художественное училище и Московский Полиграфический институт.

Занимался станковой, книжной графикой и плакатом.

Иллюстрировал произведения Л. Толстого, А. Чехова, И. Тургенева, И. Бабеля, И. Ефремова, Р. Брэдбери и др.

Участник художественных выставок в России, Украине, Англии, Германии, Болгарии, Польше, Франции и на Кубе.

Публикации: в Альманахах: «Берега» (второй выпуск, 1998 г., Берлин);

«До и После» (2, 22 – 25, 1998 г., 2018 – 2021 гг., Берлин);

в сборнике «На еврейской стороне улицы» (2018 г., Берлин), изданном при поддержке Союза Писателей Межнационального Соглашения ФРГ.

Им выполнены *дружеские шаржи авторов* к суперобложкам Альманаха «До и После» (1 – 2, 1997 – 1998 гг., Берлин); портреты авторов для Альманаха «До и После» (№ 22 – 23, 2018 – 2019 гг., Берлин).

Анжелла ПОДОЛЬСКАЯ

Прозаик, поэт, эссеист, переводчик.

Создатель Клуба Литературы и Искусства.

Член редколлегии Альманаха «До и После» и других сборников, изданных Клубом.

Родилась в Киеве. В Берлине живёт с 1994 г.

Выпускница Киевского Государственного Университета им. Т. Шевченко. Математик-программист.

Публикации: в Альманахах: «Берега» (1– 2, 1996, 1997 гг., Берлин);

«Параллели» (двуязычный, 2001 г., Потсдам);

«До и После» (1 – 25, 1997 – 2021 гг., Берлин);

«Третий этаж» (2012 – 2013, 2018, 2019 гг., Берлин);

в сборниках «Еврейские мотивы» (2011, 2015 гг., Берлин);

«На еврейской стороне улицы» (2018 г. Берлин), изданном

при поддержке Союза Писателей Межнационального Соглашения ФРГ;

в журналах «Балтика» (2019, Калининград); «Литературный европеец» (Франкфурт на Майне);

в антологиях русских поэтов Германии: «Ступени» (2005 г., изд-во

«Алетейя», СПб.); «Четвёртое измерение» (2008 г., изд-во «Алетейя», СПб.);

в международной антологии «День поэзии 2020» (Франкфурт на Майне, 2020 г.);

в международной антологии «Сто лет русской зарубежной прозы.

XXI век» (Франкфурт на Майне, 2020 г.);

Книги: «Я не от плоти» (поэзия, 2000 г., Берлин).

Двухтомник избранных произведений прозы и поэзии:

«Черновик чувств» и «Рисунки на песке» (Повести, рассказы, стихи, лирические миниатюры, 2016 г., Берлин).

«Monbijouplatz или Хроники не о Любви» (эссе, 2019 – 2020 гг., Берлин).

Мина ПОЛЯНСКАЯ

Прозаик, эссеист. Член Международного ПЕН-клуба «Zentrum Schriftsteller in Exile Deutschsprachiger Länder» и Пушкинского общества Германии; член Союза российских писателей. В Берлине живёт с 1991 года.

Выпускница филологического факультета ЛГПУ им. Герцена в Санкт-Петербурге.

Вместе с сыном, Игорем Полянским – доктором философии, основала в Берлине культурно-политический журнал «Зеркало Загадок» (1995 – 2003гг.).

Участвовала в сборнике Сената Федеральной Земли Берлин «Das russische Berlin» («Русский Берлин», 2002 г.).

Номинант Бунинской премии 2009 г. за книгу «Foxtrot белого рыцаря. Андрей Белый в Берлине». Победитель 8-го и 9-го международного Волошинского конкурса в номинации «ВОПЛИ», «Лица русской литературы» и «Новейшая антология».

Победитель литературного Конкурса им. Короленко, учреждённого Союзом петербургских литераторов.

Публикации: в Альманахе «До и После», (Берлин);

в сборнике «На еврейской стороне улицы» (2018 г., Берлин), изданном при поддержке Союза Писателей Межнационального Соглашения ФРГ.

Автор 12 книг, многие из которых посвящены Берлину 20-х годов.

Среди них:

«Музы города» (Берлин, 2000 г.);

«Брак мой тайный...» Марина Цветаева в Берлине. (2001 г., М.);

«Флорентийские ночи в Берлине. Цветаева, лето 1922. » (2009 г., М.);

«Берлинские записки о Фридрихе Горенштейне». (2011 г., СПб.) и др.

Валентина РАЙМЕР

Поэт, прозаик. Член Международного Сообщества Писательских Союзов (правопреемник Союза писателей СССР).

Член совета Берлинского литературного общества (Berliner Literaturbund-BLB).

Родилась в Серове. В Берлине живёт с 2001 г.

Тридцать лет работала врачом-окулистом в Москве.

Является одним из организаторов в 2008 г. выставки книг писателей –

российских немцев в Библиотеке-фонде «Русское зарубежье» в Москве.

Была делегатом нескольких съездов писателей русского зарубежья.

Награждена медалью «70 лет Союза писателей СССР – (МСПС)»

и медалью «имени А. П. Чехова».

Публикации: в Германии, Чехии, России, Франции;

в Альманахе «До и После», (25, 2021 г., Берлин).

Автор 10 книг: пяти – стихов; пяти – прозы.

Владимир РЕРИХ

Режиссёр, сценарист неигрового кино, тележурналист, лауреат Государственной премии Республики Казахстан за сценарий и режиссуру документального фильма о Семипалатинском атомном полигоне (совместно с О. Рымжановым).

Родился в 1958 г. в Казахстане. Родители были депортированы в страну во время войны. Отец – выходец из Северного Кавказа, мать – поволжская немка. С 2006 г. – гражданин ФРГ, живёт в Берлине.

Изучал русскую филологию, заслужив диплом с отличием.

Позже изучал право в юридической академии.

Работал учителем в школе, режиссёром учебного телевидения, ассистентом режиссёра документального кино, редактором, телеведущим.

Работал в казахстанском агентстве «Хабар»,

вёл ряд авторских программ на нескольких телеканалах.

Был генеральным продюсером Евразийского Медиафорума (Алма-Ата).

В течение ряда лет был вице-президентом Евразийской Академии

Телевидения (Москва). В качестве стипендиата «Фонда Эберта»

(Германия) работал в Варшаве, где снял документальный сериал «Как в Польше». Прослушал обучающий курс на русской службе BBC (Лондон).

В Берлине руководил проектом в холдинге «Werner Media».

Регулярно публикуется как эссеист, колумнист и публицист в изданиях «Караван» и «Zona Kz». Его проза малой формы представлена в берлинских альманахах «До и после», «Третий этаж».

Игорь ЧЕРКАССКИЙ

Родился в 1983 г. в Киеве.

Подростком эмигрировал в Германию.

Получил высшее экономическое образование.

Публикации: в Альманахе «До и После», (24 – 25, 2020 – 2021 гг., Берлин).

Книга: «Случайные и не совсем случайные сказки» – дебют автора, созданный совместно с московской художницей Светланой Корниловой, (в рамках серии «Союза охраны психического здоровья», изд-во «Городец» 2020 г.).

Илья ЧЛАКИ

Драматург. Член

Союза Писателей Германии (Verband deutscher Schriftsteller).

Родился в 1959 г. в Москве.

В Германии живёт с 1991 г.

Учился в Литературном Институте имени М. Горького.

Написано более пятидесяти пьес (двухактных, одноактных).

Также – монологи, киносценарии к детским фильмам киножурнала «Ералаш». Пьесы переведены на английский, болгарский, испанский,

итальянский, литовский, румынский, французский языки, в том числе, на немецкий – четырнадцать. Издательства «Drei Masken Verlag» в Мюнхене и «Chronos Verlag» в Гамбурге приобрели авторские права на распространение в немецкоязычных странах различных пьес, среди которых: «Ураган»; «Душная ночь»; «Как тебя зовут»; «У кабинета врача»; «Две подружки»; «Волчок».

По пьесам поставлены спектакли: в России, Белоруссии, Украине, Казахстане, Болгарии, Германии, США.

Борис ШАПИРО

Прозаик, немецкий и русский поэт, переводчик, теолог. Член немецкого отделения международного ПЕН-клуба «Zentrum Schriftsteller in Exile Deutschsprachiger Länder». Родился в 1944 г. в Москве. В Германии живёт с 1975 г. Закончил физфак МГУ. Физик, доктор естественных наук. Член Европейского Физического общества; Немецкого Физического общества (Deutsche Physikalische Gesellschaft e. V., DPG); Немецкого общества языковедения (Deutsche Gesellschaft für Sprachwissenschaften e. V., DGfS).

Обладатель пяти немецких премий за вклад в немецкую поэзию.

Публикации: в Альманахе «До и После» (22 – 25, 2018 – 2021 гг., Берлин).

Автор 23-х поэтических и беллетристских книг на обоих языках, в том числе, на русском языке:

«Соло на флейте» (München, 1984 г., – Ленинград, 1991 г.);

«Две луны» (М.: «Ной», 1995 г.);

«Предрассудок» (СПб: «Алетейя», 2008 г.);

«Тринадцать» (Поэмы и эссе о поэзии, СПб: «Алетейя», 2008 г.);

«Когда было тогда» (проза, роман).

На немецком языке:

«Metamorphosenkorn» (Tübingen, 1981);

«Der Ausflug» (пьеса, журнал «exempla», № 2. 1990);

«Nikeische Löwin» («Oberbaum» Verlag, Berlin 1998);

«Die Stimmen» (Erzählung, «Merkur», Heft 2, 2000);

«Nur der Mensch» (Gedichte und Wie ein Fink, Poeme, Verlag «Ralf Liebe», 2007).

Белла ЯКУБОВА

Переводчик.

В Берлине с 1995 г.

Публикации: в Альманахе «До и после» (17 – 25, 2013 – 2021 гг., Берлин).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ПОЭЗИЯ, ПРОЗА, ДРАМАТУРГИЯ	13
ЛЕОНИД БЕРДИЧЕВСКИЙ	15
ДМИТРИЙ БОБЫШЕВ	30
ДАВИД БРАТСЛАВЕР	33
БОРИС БРОНШТЕЙН	39
МИХАИЛ ВАЙМАН	45
НОРА ГАЙДУКОВА	47
ЕЛЕНА ЗЕЛЬГЕР	58
СААДИ ИСАКОВ	75
КОНСТАНТИН КЕРБЕЛЬ	95
РЕГИНА КОН	103
ЛЮДМИЛА КУЗНЕЦОВА	104
АЛЬБЕРТ ЛЕИН	108
ГЕНРИЕТТА ЛЯХОВИЦКАЯ	111
ВАЛЕРИЙ МАТЭТСКИЙ	115
БОРИС МИЛЬШТЕЙН	130
МАРИНА ОВЧАРОВА	131
МАСУД ПАНАХИ	151
МИХАИЛ ПИКЕР	164
МИХАИЛ ПОГРЕБИНСКИЙ	173
АНЖЕЛЛА ПОДОЛЬСКАЯ	181
МИНА ПОЛЯНСКАЯ	199
ВАЛЕНТИНА РАЙМЕР	208

ВЛАДИМИР РЕРИХ	219
ИГОРЬ ЧЕРКАССКИЙ	233
ИЛЬЯ ЧЛАКИ	237
БОРИС ШАПИРО	248

ПУБЛИЦИСТИКА, МЕМУАРЫ, ЭССЕ **251**

БОРИС Э. АЛЬТШУЛЕР	253
ЛЕОНИД БЕРДИЧЕВСКИЙ	263
ЯКОВ БЕРДИЧЕВСКИЙ	281
ЛЕОНИД БЕРЕЗИН	289
ЕВРЕЙСКИЕ ЗВЕЗДЫ В ПОРТРЕТАХ	295
ГРЕТА ИОНКИС	311
РЕГИНА КОН	322
ГЕНРИЕТТА ЛЯХОВИЦКАЯ	327
МИХАИЛ ПОГРЕБИНСКИЙ	337
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ГАЛЕРЕЯ	346

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ **361**

ЛЕОНИД БЕРДИЧЕВСКИЙ	363
ЕЛЕНА ЗЕЛЬГЕР	371
ВАЛЕРИЙ МАТЭТСКИЙ	372
МАРИНА ОВЧАРОВА	383
АНЖЕЛЛА ПОДОЛЬСКАЯ	386
БЕЛЛА ЯКУБОВА	390

БИОГРАФИИ АВТОРОВ **393**

